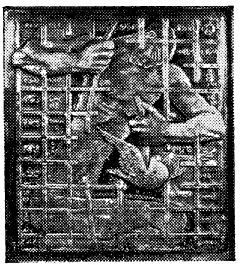
ИНОСТРАННАЯ *литература*

9
1958

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР



Барельеф египетского скульптора Гамаля ас-Сагини «Свобода».

Содержание

ПОЭЗИЯ НАРОДОВ АЗИИ И АФРИКИ

ВАЛЛАТХОЛ — Тем, кто хочет войны . . . 7
МУХАММАД ИКБАЛ — Вопрос. Ночь и поэт 8
НАЗРУЛ ИСЛАМ — Единство рабочих Востока и Запада. Китай и Индия . . . 9
МОХАММЕД ШАХРИЯР — Зима-хозяйка . . 10
ДАРЬЯ — Не говори! 11
С. СЕТЬЯРИНИ — Ириану 12
АШМОР ПИРИС — Манговое дерево. В пути. Джунгли ночью 13
ЛИЛИНЬЮ МИКАЙЯ — Тоска по родине. Боль 14

ИЗ РАССКАЗОВ КИТАЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

ХЭ ГУ-ЯНЬ — Клен 17
МА ФЫН — Человек, которого нельзя забыть 26
СЮЙ ХУАЙ-ЧЖУН — Продавщица вина . . 36

ИНДИЙСКИЕ РАССКАЗЫ

КРИШАН ЧАНДАР — Звезды меркнут, звезды загораются 45
ЯШПАЛ — Одна сигарета 51
НАРАЙЯН ГОНГОПАДХАЙЯ — Кукла . . . 61
ГУРВЕЛ СИНГХ — Зинат 67

СТИХИ ПОЭТОВ КОРЕИ

ТЮ СОН ВОН — Джамила 75
КИМ СУН СЕК — Моя мечта 78

СОВРЕМЕННАЯ АРАБСКАЯ НОВЕЛЛА

ЮСЕФ ас-СИБАЙИ — Самородок из квартала аль-Мида 81
ТАХА ХУСЕЙН — Хадиджа 88
АБД ар-РАХМАН аль-ХАМИСИ — Служаночка 93
ХАСИБ аль-КАЯЛИ — Продавец погремушек 97
МУХАММЕД ИБРАГИМ ДАКРУБ — Зритель 100
ЗУ-ан-НУН АЙЮБ — Бурлак 104

НГУЕН НГОК — Весна белых цветов (Рассказ) 109
ДОЖОО ДОРЖ — Миниатюры (Стихи) . . . 113
ОРХАН ХАНЧЕРЛИОГЛУ — Город без людей (Рассказ) 114
С. П. АМАРАСИНГАМ — Две рупии (Рассказ) 116
СЕДЗИ СИМОДА — Остров Окинава (Роман) 121

9

1958

СЕНТЯБРЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ИЗВЕСТИЯ"
МОСКВА

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

ГУАНЬ ХАНЬ-ЦИН — Обида Доу Э (Из пьесы) 177

НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Сказки народов Эфиопии 191
Сказки народа Бауле 195
Из тибетского фольклора 197
Из вьетнамского фольклора 197
Арабская народная мудрость 198

КРИТИКА

Б. ГАФУРОВ — Навстречу Конференции писателей стран Азии и Африки 199

В борьбе за подлинную культуру

КАЗИМ ас-САМАВИ — О современной арабской литературе 201
НЕНЕ КХАЛИ — Заметки о литературе Черной Африки 203
ДХУСВАН СЕЙМИ — Литература Непала . . 206
АБУЛЬКАСИМ САДДАЛЛАХ — О национальной культуре Алжира 208

В. ИВАШЕВА — Крах колониализма и английская литература 211

ПУБЛИЦИСТИКА

Глазами друзей

ЭНЦО РАВА — Эра колониальных революций. ◇ **РЕЖИ БЕРЖЕРОН** — В Тунисе. ◇ **АДОЛЬФ ГОФМЕЙСТЕР** — В стране пирамид. ◇ **ВЕРОНИКА ПОРУМБАКУ** — Заметки о Корее. ◇ **СИГНЕ ХЭЙЕР** — Бомбы продолжают убивать 221

ПОЛЬ ХОГАРТ — Люди, такие как мы . . . 232

СРЕДИ КНИГ И ЖУРНАЛОВ

З. Османова — «Избранное» Садека Хедаята. ◇ **С. Востокова** — О приметах времени и о многом другом. ◇ **Г. Кириллов** — Сказки и легенды острова Целебес. ◇ **Т. Григорьева** — Народный поэт Японии. ◇ **И. Волевич** — «Город черной масти». ◇ **Готфред Аппель** — Новый Китай в датской литературе. ◇ **Н. Шебеко** — О чем пела иволга... ◇ **В. Черныше в** — Роман об индийской деревне. ◇ **Н. Милович** — «Великое нетерпение» африканцев. ◇ **А. Хамадан** — Журнал, который несет правду. ◇ **Л. Шевелева** — Книга о театре африканских негров . . . 250

НАШИ ИНТЕРВЬЮ 266

ИЗ МЕСЯЦА В МЕСЯЦ

(Хроника) 269

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ 286

В этом номере помещены две вкладки с многокрасочными репродукциями работ художников стран Азии и Африки

“外国文学”第九期内容簡介

这期杂志刊登的完全是亚非各国的文学艺术作品。

在开头几頁，刊登了印度詩人瓦尔拉特霍尔、穆哈馬德·伊克巴利、那茲魯尔·伊斯拉姆，伊朗詩人沙希里雅尔 、达尔雅 ，印度尼西亚詩人謝特雅里尼，錫兰詩人阿什莫尔·皮里斯，莫三鼻給詩人利林尤·米卡依雅的作品。

这一期杂志上还刊登了中国現代作家和谷岩、馬烽、徐怀中的短篇小說和著名的中国古典作家关汉卿的悲劇“竇娥冤”。

在“印度短篇小說”的总标題下，刊登了克里希·昌达尔、雅什帕尔、那来雅那·岡部帕德哈依雅和古尔維尔·辛格赫的作品。

在阿拉伯国家現代散文中，介紹了埃及作家尤謝夫·阿斯·西巴依、塔哈 · 侯賽因 、阿布德·阿尔·拉赫曼·阿尔·哈密西，叙利亚作家哈西布·阿尔·卡雅利，黎巴嫩作家德克魯布，伊拉克作家祖·农·阿依尤布的作品。

本期杂志刊登了越南現代作家关国克，土耳其作家阿尔罕·罕契尔利奧格卢，錫兰作家阿馬拉辛干的短篇小說，蒙古詩人多若·多尔查，朝鮮詩人朱松園、金順石的作品。

从这一期起，开始刊登日本作家霜多正次写的长篇小說“冲繩島”。这部小說描写了当地居民反对美国占領者的斗爭。

本期杂志簡单地介紹了阿拉伯国家、阿尔及利亚、尼泊尔和黑非洲的文学生活，还发表了伊万奇娃教授写的一篇介紹英国作家的反殖民主义的长篇小說的文章。

讀者在这一期杂志上可以看到各国作家的著作的片断。作家在这些書中叙述了自己在亚非旅行的观感。英国著名的画家波尔·霍加尔特介紹了自己在南非的旅行，这篇文章还附了許多写生画。

本期杂志广泛地报道了亚非各国文学、艺术和文化生活的情况。

محتويات العدد التاسع من المجلة

هذا العدد كرس بأكمله للأدب والفن في البلدان الآسيوية والافريقية. ويفتتح هذا العدد بباقات من الشعر للشعراء الهنود: بالاتخول ومحمد اقبال ونصر الله اسلام والشاعرين الايرانيين: محمد شاهيار وداريا، وللشاعر الاندونيسي: س. سيتياريني، وللشاعر السيلاني آشمور بيريس، للشاعر الموزامبيكي: ليليتيو ميكايا.

وفي هذا العدد قصص لكتاب الصين المعاصرين: خه-غو-يان وما فين وسيوى هواى-تشجون والمأساة المشهورة «ألم دوو ايه» لكلاسيكي الأدب الصيني غوان خان-سين.

ونشرت المجلة تحت عنوان «قصص هندية» مجموعة قصص لكريشان تشاندار وياشبال وناريان غوندو بادهاي وغوروديل سينغ.

ومن النثر العربي المعاصر نشرت قصص ليوسف السباعي وطه حسين وعبد الرحمن الخميسي وحسيب الكيالي (الجمهورية العربية المتحدة)، ومحمد دكروب (لبنان)، وذي النون ايوب (العراق).

ونشرت المجلة قصة الكاتب الفيتنامي المعاصر نغوين نغوك وقصصا لاوركان خانشيري اوغلو (تركيا) وس. پ. اماراسينغام (سيلان) وشعرا للوجو دورج (منغوليا) وتيو سون فون وكيم سون سيك (كوريا).

وبدأت المجلة في هذا العدد نشر رواية الكاتب الياباني سيوذى سيمادا «جزيرة اوكيناوا» وهي رواية تصف نضال سكان الجزيرة ضد الأحتلال الأمريكي.

ونشرت المجلة استعراضات الحياة الأدبية في البلدان العربية والنيبال وافريقيا السوداء، كما نشرت مقالا لبرونيسوتا ت. يفتشنكو تناول فيها الرواية الأنكليزية المناهضة للأستعمار.

ويجد القارىء مقتطفات من كتب وضعها كتاب يحتون مختلف البلدان ويتحدثون فيها عن انطباعاتهم من زيارة البلدان الآسيوية والافريقية فالرسام الأنكليزي المعروف بول هوغارت يتحدث عن جولة في افريقيا الجنوبية ، يشغل حديثه عدد كبير من الرسوم.

ويجد القارىء في هذا العدد معلومات واسعة عن الأدب والفن والحياة الثقافية في بلدان آسيا وافريقيا.

На страницах 5 и 6 — краткое содержание номера на китайском, арабском, английском и французском языках.

SUMMARY OF THIS ISSUE

This issue is devoted to the literature and art of the peoples of Asia and Africa.

On its first pages you will find works by poets of India: Vallathol, Mohammed Iqbal, Nuzrul Islam; of Iran—Mohammed Shahriar and Daria; of Indonesia—S. Setiarini; of Ceylon—Ashmor Piris, and of Mosambique—Liliniou Mikaya.

The magazine also carries stories by contemporary Chinese writers such as Ho Kuyan, Ma Feng, Hsui Huai-chung and *Snow in Midsummer* the famous tragedy by that classic of Chinese literature Kuan Han-ching.

Under the heading "Indian Stories" we feature works by Krishan Chandar, Yashpal, Narayan Gongopadhaya, and Gurbel Singh.

Youseï as-Sibai, Taha Hussain, Abd ar-Rahman al-Hamisi, Hassib al-Kayali (UAR), Mohammed Dacroub (Lebanon) and Zou an-Noun Ayoub (Iraq) represent the contemporary prose of the Arab countries.

In this issue too you will find a story by the contemporary Vietnamese writer Nguyen Ngoc as well as stories by Orhan Hancerlioglu of Turkey and S. P. Amarasingam of Ceylon, verse by Dojoo Dorj of Mongolia and Tiu Son Von and Kim Sun Sek of Korea.

Okinawa, a novel by Shozi Shimoda, a Japanese author, about the fight of the local population against American occupation will be published in serial form beginning with this issue.

There are also reviews of the literary scene in Arab countries, Black Africa, Nepal and Algeria. Prof. V. Ivashova analyses the British anticolonialist novel.

We offer the reader selections from travelogues by writers of various countries, who visited Asia and Arfica. The well-known English artist Paul Hogarth illustrates the story of his trips to South Africa with numerous sketches.

Information on the literature, art and cultural life in the countries of Asia and Africa also finds reflection on the pages of this issue.

RESUME DU NUMERO

Consacré à la littérature et à l'art des peuples d'Asie et d'Afrique, le numéro 9 s'ouvre par des poésies de Vallathol, Mohammed Ikbal, Nazrul Islam (Inde), Mohammed Chahriar et Daria (Iran), S. Setiarini (Indonésie), Ashmore Piris (Ceylan), Liliniou Mikaya (Mozambique).

La revue publie des récits d'écrivains chinois contemporains (Ho Kou-yan, Ma Feng, Hsu Huai-choung) et un drame classique de Kouan Han-tsing : « L'outrage fait à Tou Ngo » ou « La neige en plein été ».

La rubrique « Récits indiens » groupe des contes de Krishan Chandar, Jashpal, Narayan Gongopadhaya et Gurval Singh.

La prose arabe contemporaine est représentée par des nouvelles de Youseï Elsebai, Taha Hussain, Abdarrahman al-Hamisi, Hassib al-Kayali (RAU), M. Dacroub (Liban) et Zou an-Noun Ayoub (Irak).

La revue publie une nouvelle de Nguyen Ngoc (Viet-Nam), des récits d'Orhan Hancherlioglu (Turquie) et S.P. Amarasingam (Ceylan), des poésies de Dajoo Dorj (Mongolie), de Tiu Son Von et Kim Sun Sek (Corée).

Dans le numéro 9 commence la publication de « Okinawa », roman de Siodzi Simoda (Japon), qui décrit la lutte de la population locale contre l'occupation américaine.

On y trouvera également des articles sur la vie littéraire dans les pays arabes, en Afrique Noire, au Nepal et en Algérie, ainsi qu'une étude du professeur Ivacheva sur le roman anticolonial en Angleterre.

La revue publie des extraits de livres de voyages en Asie et en Afrique dus à divers auteurs étrangers. Les souvenirs d'Afrique du Sud du peintre anglais Paul Hogarth sont abondamment illustrés par l'auteur.

On y trouvera une copieuse rubrique d'information sur la littérature, l'art et la culture en Asie et en Afrique.

ПОЭЗИЯ НАРОДОВ АЗИИ И АФРИКИ

ИНДИЯ

Валлатхол

ТЕМ, КТО ХОЧЕТ ВОЙНЫ

Ядовитые кобры джунглей,
Вы лишь с виду подобны людям,
Вы в своей зловонной отраве
Целый мир потопить хотите.
Об одном ваши злые думы:
Победить любою ценою,
Чтобы пышную свадьбу справить
С жадной дьяволицей-войною.

Не шафрановою водою
Окропят изголовье ваше,
А пролитой в бесславной бойне
Молодою, горячей кровью.
И не девушек хор веселый
Жениха и невесту встретит —
Матерей и вдов причитанья
Будут свадебным славословьем.

Белоснежней цветов весенних
Засверкают на взрытом поле
Черепа безыменных братьев,
Чьи глаза коршунье клевало.
А пылающие громады
Разоренных книгохранилищ
Ярче факелов озарят вам
Ваше праздничное разгулье.

Только коршуны да шакалы,
Человечины всласть отведав,
Новобрачных на ложе славить
Будут хриплыми голосами.
И над атомным изверженьем
Расползающаяся туча
Ваш неслыханный пир покроет,
Будто свадебным балдахином...

Не об этом ли смрадном пире
Вы мечтаете дни и ночи?
И не к этой ли адской свадьбе
Вы готовитесь в лихорадке?
Но напрасны надежды ваши —
Не бывать этой черной свадьбе!

Свежий ветер, могучий ветер
Над землей разгоняет тучи.

Перевод Сергея Северцева

Мухаммад Инбал

ВОПРОС

Спросим мы мудрецов и ученых страны,
Кем Эллада и Индия побеждены,
В чем, Запад, твои достиженья видны,
Что тобою народам обещаны?
В том, что жить без работы мужчины должны
И не знать материнства женщины?

Перевод Григория Кона

НОЧЬ И ПОЭТ

Ночь:

Что ты не спишь в сиянии луны,
Когда цветы дрожат, усыплены?
Быть может, ты — погасшая звезда
Иль метеор, отныне навсегда
Лишенный места на моем челе
И страждущий на суетной земле?
Рубаб и Тар по всей земле молчат,
И в зеркале моем лишь сны дрожат,
Замолк речных водоворотов гул,
Обнявшись с берегом, прибой уснул,
На города покой послала мгла,
Все тихо в них, как будто смерть пришла.

Умолкло все — не спит один поэт.
Ужель мне власти над тобою нет?

Поэт:

В твоих полях я маленький росток,
Мне страшен свет дневной — он так жесток,
Но лишь опустится ночной покров,
Я слезы лью — сплетенье нежных строф.
Услышит кто мой исступленный крик?
Кто вожделения мои постиг?
Увидит лишь чадящая свеча,
Как я страдаю, скорбь мою влача,
Как злое пламя мне сжигает грудь...
О ночь! Не скоро кончится мой путь!
Мир безучастен к горестям моим,
Я мучаюсь, раздумьями томим.

Слова любви терзают мысль мою,
Я их твоим светилам отдаю.

Перевод В. Рогова

Назрул Ислам

ЕДИНСТВО РАБОЧИХ ВОСТОКА И ЗАПАДА

Наступает день счастливый, долгожданный день весны!
Долг растет неумолимо — расквитаться вы должны!

Вы, чей лом вонзался в горы, чей нелегок молоток,
Вы, чьи кости зарывали по обочинам дорог,

Все рабочие и кули, что несут своих господ,
Пыль дорожную вдыхая и с лица стирая пот,—

Только в вас богов я вижу, вам я песню посвятил,
Преисполненным дерзанья, молодых мятежных сил!

Перевод С. Ботвинника

КИТАЙ И ИНДИЯ

Нас миллиард — индийцев и китайцев,
Мы дружно встали под знамена мира,
Да здравствует
Единство двух народов,
Их равенство и доброе согласье!

Мы, половина жителей планеты,
В несчастиях веками пребывали.
Но день пришел —
У нас глаза раскрылись,
Мы больше не допустим угнетенья!

Мы слышим перекличку Гималаев
С Великою Китайскою Стеною:
«Не мы ль
Культуры зерна дали миру?» —
«Не нам ли суждено,
Пройдя сквозь горе,
Взрастить всепобеждающую силу?»

Ты победишь, могучий пролетарий:
Объединятся люди в общей правде,
И прозвучат над обновленным миром
Прекрасные гирлянды новых Вед!
Да здравствует
Единство двух народов,
Их равенство и доброе согласье!

Перевод С. Ботвинника

ИРАН

Мохаммед Шахрияр

ЗИМА-ХОЗЯЙКА

Опять надели шубы богачи,
опять зима стучится у ворот,
А кто в одной рубашке, тем беда —
она когтями шкуру с них сдерет.
Не знаю я, кто показал зиме
печальный путь к лачугам бедняков,
Зато к дворцам беспечных богачей
она никак дорогу не найдет.
Со снеговою шубой на плечах
идет хозяйка — лютая зима,
Чтоб от жестокой стужи затряслись
нагие плечи нищих и сирот.
Ударит дождь по кровле богача —
он только голову склонит слегка,
А хлынет на жилище бедняков —
над ними крышу ветхую снесет.
Нет, не желает бессердечный врач
склониться к изголовью бедняка,
Чтоб исцеленье принести тому,
кого уже лекарство не спасет.
Уж лучше слезы чистые пролить
и благородней в скорби умереть,
Чем у ворот бесчестных богачей
стучаться в ожидании щедрот.
Кого просить ни пробовали мы,
никто в беде нам не хотел помочь.
Но кто же руки связывает тем,
кто мог бы нас избавить от невзгод?
Они прикрылись масками друзей,
чтоб вместе с нами чужаков прогнать,
Но вот окончилась игра,— и что ж? —
друзья не лучше чужаков-господ!
Едва приказ послышится «Огонь!» —
в пыли, в крови изнемогает мир.
О наш аллах, разрушь чертоги тех,
кто подлые приказы отдает.
Я вижу в пасти жадных торгашей
последний хлеб, отобранный у нас,
И говорю: «Еще настанет день,
когда драконам рассекут живот.
Не даст добром — так силой отберут!»
И даже мудрый не желает знать,
Какой конец его деянья ждет,
когда замкнется дней круговорот.
Сказал с издевкой мне один глупец:
— К чему напрасно плакать, Шахрияр?
Ведь завтра стража, как из года в год,
опять за город нищих отвезет!

Перевод Сергея Северцева

Дарья

НЕ ГОВОРИ!

Не говори, что стих прибой,
что волны дней окутал сон,
Не говори, что луч зари
давно обуглился дотла,
Не говори, что бег времен
во мрак молчанья погружен,
Не говори, что на земле
нет ни движенья, ни тепла.

Не говори, что солнца лик
покровом туч заволокло,
Не говори, что свет померк,
что свет задушен тьмой ночной,
Не говори, что нет добра,
что всюду торжествует зло,
Не говори, что тишина
могильной стала тишиной.

Не говори, что гнев остыл
отважных, пламенных сердец,
Не говори, что смят врагом
твоей отчизны лучший цвет,
Не говори, что всюду страх,
что всем мечтам пришел конец,
Не говори, что больше в нас
ни искры ненависти нет.

Не говори, что палачей
смягчит покорность и любовь,
Не говори, что хищный враг
давно друзей поработил,
Не говори, что вечен мрак,
что солнце не проглянет вновь,
Не говори, что эта ночь
сильней, чем пламя всех светил.

Не говори, что спят друзья
и что не дремлют силы зла,
Не говори, что нет людей,
чей дух отвагой окрылен,
Не говори, что жив разбой,
а справедливость умерла,
Не говори, что навсегда
застыло колесо времен.

Не говори!.. Огнем в душе
любовь и ненависть растет,
И наша вера горяча,
и луч надежды не угас.

Навстречу будущей заре
все зорче смотрит наш народ,
На неустанную борьбу
все громче призывает нас.

Не говори!.. Иначе враг
обрадуется тем словам.
Не говори!.. Иначе друг
забудет прежние мечты.
Не говори!.. Иначе сам
в ловушку попадешь к врагам.
Не говори!.. Иначе гнев
в пустых словах растратишь ты!

Перевод Сергея Северцева

ИНДОНЕЗИЯ

С. Сетьярини

ИРИАНУ

Ты зеленеешь там, вдали, в просторах океанских,
О брат свободных островов, прекрасный Ириан!
Ты задыхаешься в тисках властителей голландских,
И соки сердца твоего текут за океан.

Там ненавистные враги еще творят бесчинства,
Они нам слиться не дают в дыхании одном,
Но не разрушить никому народного единства,
Мы жизнь твою, и труд, и честь от недругов спасем!

Свободу родины своей ты защищал упорно,
Но до сих пор томишься ты, страдая и скорбя,
Вот почему встает народ, бесстрашный, непокорный,
На справедливую борьбу — освободить тебя!

О наш любимый Ириан, народ трудолюбивый!
Ты должен жить в родном кругу своей большой семьи!
Мы слышим горький голос твой — далекие призывы,
Мы разделяем всей душой страдания твои.

Едины мы, как никогда, и гнев наш не остынет,
Должны вернуться к нам твои цветущие края!
Придет, придет желанный час: тебя, как брата, примет
Всей Индонезии родной огромная семья!

Перевод Сергея Северцева

ЦЕЙЛОН

Ашмор Пирис

МАНГОВОЕ ДЕРЕВО

Стоит оно рядом с холмистой грядой,
Давая птицам приют,
И ветви, храня величавый покой,
Под самым небом цветут.

Качаются плавно его плоды
Под музыку ветерка,
И утренний луч, соскользнув с гряды,
Их золотит слегка.

Прекрасно оно во мгле вечеров,
Прекрасно в сиянии дня,
Но сладость душистых его плодов —
Не для меня!

Перевод М. Кудинова

В ПУТИ

Окончился день. Мне пора отдохнуть.
Не ради славы, не ради забавы
Пустился я в долгий, томительный путь.
Хочу я покоя. Мне надо взглянуть
На майские листья, на свежие травы.

Пустынная местность. Зеленый покров.
Чуть слышны вечернего ветра напевы.
В траве замелькали огни светляков,
И, ветром колеблемы, стебли цветов
Склоняются плавно то вправо, то влево.

Вблизи от деревни на поле своем
Крестьянин устало бредет за сохою.
Голодные буйволы тащат с трудом
Соху первобытную, чтобы потом
Хозяин их мог прокормиться с семьею.

Лачуга его и скромна и бедна,
Из глины построил себе он жилище.
Там дети растут и стареет жена.
В окно вся нехитрая утварь видна
И видно, как варится скудная пища.

Перевод М. Кудинова

ДЖУНГЛИ НОЧЬЮ

Солнце зашло, сверкнув на мгновенье.
Быстро сгустились вечерние тени.
Все, что сияло днем красотою,
Скрыто от глаз густой темнотою.
Солнце на отдыхе. Травы спят.
Джунгли закутаны в сумрак до пят.

Слышишь? Проснулись мрачные совы,
И леопарды к охоте готовы.
Блещет мангусты зрачок недобрый,
Вызов бросая могуществу кобры.
Слышится стрекот и пенье цикад.
Вышли пантеры из темных засад.

Ствол в три обхвата с кроной ветвистой
Тело скрывает лани пятнистой.
Слабым нельзя погружаться в дремоту:
Вышел голодный медведь на охоту.
Слышишь? Олень, встречая врага,
В схватке жестокой ломает рога.

Перевод М. Кудинова

МОЗАМБИК

Лилиньо Минайя

ТОСКА ПО РОДИНЕ

Я тоскую по родной земле...
Это там рассказывает море
О жестоких горестях земли,
Раненной людьми,
что появились
с берегов других морей...
Я тоскую по родной земле...
Это там под вечер напевают
Пальмы грустные напевы наших предков,
Их своими сделали рабами
Люди,
что когда-то появились
с берегов других морей...
Люди с берегов других морей
Принесли с собой огонь и злобу,
И сердца без правды, без любви...
А в обмен на ненависть и смерть
Увозили золото с собою,
Кость слоновую
и наших братьев — негров.
Люди с берегов других морей
Огнедышащие пушки принесли,
Смерть под оболочкой христианства...
Люди с берегов других морей —
Вот кто заковал впервые в цепи
наших предков...
Но они забыли,
что *СВОБОДА*
сквозь тысячелетья

Свой бессмертный поднимает голос
И что дети черной матери
всегда
Сохраняют волю и стремленье
Жить свободно на своей земле!
О земля, тоскующая мать!
Ты теряешь сыновей
и плачешь
в неизбывной горести своей!
О земля!
Сейчас ты видишь солнце,
Отраженное лишь в пятнах пота,
Отраженное в широких лужах крови...
Кровь и пот... И кровь, и пот струятся
По нагим бокам голодных негров,
Под кнутами,
что свистят, как змеи...
Мать-земля!
Зато луну ты видишь
В час, когда, лаская листья,
Разбросав трепещущие тени,
Озарит она людей, поющих
Гимн нечеловеческим страданьям,
Озарит биение там-тамов
И людей, танцующих бесстрашно
Танец, именуемый восстаньем!
Я тоскую по родной земле!
Солнце там —
сжигающее пламя,
Пламя раскаленного протеста,
Что давно кричит в груди народа!
Море там рассказывает людям
О жестоких горестях земли...
Лунный свет,
с глаз ночи сняв повязку,
Сонму звезд показывает землю
В пятнах пота,
в черных пятнах крови...
Пальмы там,
укрыв людей ветвями,
Грустно шепчут
песню наших предков...

Перевод Лидии Некрасовой

БОЛЬ

В детях твоих
мое печальное детство встает...
Облик иной,
но жизнь такая, как прежде...
Земля все так же одета
в лохмотья убийств и невзгод,
Но будущее —
в надежде!
Мы вместе,
и мы это знаем!
Товарищи! Идите вперед!

Перевод Лидии Некрасовой

«КЛЕН» *Рис. И. Гринштейна*

ИЗ РАССКАЗОВ КИТАЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Хэ Гу-янь

Перевод с китайского Агея Гатова

Осенние сумерки, окрашенные на западе багрянцем вечерней зари, сгущались. Выйдя из вырытой в овраге столовой на поляну, водитель второй автороты Ху Вэнь-фа торопливо сунул в рот оставшийся после ужина кусок маньтоу* и, стряхнув с комбинезона крошки еды, размашистым шагом направился к укрытию, где была его машина.

Укрытие находилось в лесу, справа от оврага. Под него были приспособлены несколько пещер у подножия горы, в которых одновременно могло разместиться машин десять-пятнадцать. Большая часть укрытий была не занята, и свой новенький «газик» Ху Вэнь-фа увидел сразу: на миг он показался ему диковинным зверем — огромным, мрачно-зеленым, притаившимся в укрытии на задних лапах и втянувшим в себя голову, готовым к прыжку. На открытой площадке возле машины, перед укрытием, беспечно развалясь на подбитой собачьим мехом короткой шинели, спал Ма Чжи-сю — помощник Ху Вэнь-фа. Подкладка шинели была грязная, свалявшаяся, землисто-желтого цвета, но это нисколько не беспокоило Ма Чжи-сю.

Подойдя ближе, Ху Вэнь-фа пренебрежительно усмехнулся: надо же уметь так задавать храпака! — и легонько толкнул спящего ногой.

— Вставай, Сяо** Ма, хватит тебе спать!.. Заводи мотор.

Тот поспешно вскочил, оторопелым взглядом уставился на Ху Вэнь-фа, потом, ни слова не говоря, схватил ведро и побежал к реке, на ходу протирая заспанные глаза. Пока он носил воду, Ху Вэнь-фа успел как следует проверить мотор, дополнительно заправил баки горючим. И лишь когда оба уселись на свои места, Ма Чжи-сю спросил вдруг, словно только что проснулся:

— А куда едем?

— В дивизионные тылы, за боеприпасами, — неторопливо ответил Ху Вэнь-фа. — Оттуда на высоту четыреста двадцать, к перевязочному...

---

* Пресная пампушка, изготовленная на пару.

** Уменьшительная приставка к имени или фамилии при обращении.

— Разве не туда ушли три машины?

— Хм!.. Уйти — ушли, да по дороге самолет две расстрелял... Просто не понимаю, куда они глядели! Парни, вроде бы, подходящие, не из трусливых, и дали этому дрянному самолетишке подбить себя!.. А там их с боеприпасами ждут!.. Вот что, Сяо Ма, у нас с тобой сегодня задача посерьезнее. Придется проскочить не только то место, где этот чертов самолет гоняется за тобой как ошалелый. Простреливается и дорога на перевал: они там теперь заградительный огонь установили, бьют прямой наводкой, понятно тебе это? Мы с тобой без малого тридцать пять тысяч наездили без аварий. Так вот, дадимся ему сегодня, тогда конец нашему счету, полетим кувырком — и поминай как звали!

— Да ничего не случится, тоже скажешь!

— Будем надеяться, что не случится. Но только давай заранее договоримся: сегодня не спать!

Сяо Ма вздохнул, словно все, что говорил ему Ху Вэнь-фа, не стоило и выеденного яйца.

— Ладно, включай зажигание!

Мотор заработал.

Вырулив на дорогу, Ху Вэнь-фа снова подозрительно покосился на Ма Чжи-сю. Он вообще решил не спускать с помощника глаз, серьезно опасаясь, как бы тот в самом деле не заснул.

Странный человек был этот Ма Чжи-сю. Ему недавно исполнилось только двадцать лет, но его коричневый от загара лоб уже прорезали две глубокие морщины. Он был молчалив, предпочитал ни о чем не думать, не волноваться, и на его юношеском круглом лице всегда блуждала легкая, казалось безразличная ко всему улыбка, нередко выводившая Ху Вэнь-фа из себя. Правда, у него было прекрасное зрение, и работал он старательно, с душой, но все это не могло изменить критического отношения водителя к своему помощнику: Ма Чжи-сю любил поспать. Ему было совершенно безразлично, где спать, но если такая возможность представлялась, он тут же доставал из кабины меховушку, раскладывал ее на земле, и не проходило двух минут, как он уже крепко спал. Ветер, дождь — все ему было нипочем, даже если и промочит его, бывало, насквозь.

Только два обстоятельства могли заставить Ма Чжи-сю изменить своей привычке. Одно из них было связано с состоянием машины. Случись с ней какая-нибудь неполадка, и Сяо Ма менялся прямо на глазах, пропуская мимо ушей даже приказ ротного политрука идти спать. В такие минуты мягкая, теплая меховушка влекла его к себе так же, как, скажем, тюфяк, утыканный иголками. И вообще в таких случаях он никого не слушал — склонится над моторной частью или заберется под кузов и копается там, пока не выяснит, что случилось с машиной. Если ремонт пустяковый, он успевал выспаться. Но если поломка оказывалась серьезной и на ремонт нужно было потратить весь день, он не отходил от машины ни на шаг до тех пор, пока не наступала ночь и нужно было снова трогаться в путь. Во время ремонта машины он забывал даже о еде. Хорошо, если рядом оказывался кто-нибудь, кого можно было послать в столовую за парой маньтоу, но и без этого он не горевал: погрызет галету, запьет сырой водой — и ладно. При мелком ремонте он никогда не позволял Ху Вэнь-фа «вмешиваться не в свое дело», считая, что водитель больше помощника нуждается в отдыхе. За помощью и советом к Ху Вэнь-фа он обращался только в тех случаях, когда неполадки в машине были действительно серьезные и сам он уже не мог ничего поделать.

Срочное задание, как например сегодняшнее, тоже могло заставить его пожертвовать сном, то есть поступиться своей привычкой. Поэтому беспокойство Ху Вэнь-фа, в сущности, было совершенно излишним. Сколько раз приходилось ему ночью, в кромешной тьме, вести машину

с выключенными фарами, чтобы их не обнаружил самолет противника! Едешь-едешь, рядом, вздрагивая при каждом толчке машины, качается Ма Чжи-сю, клюет носом, тихонько похрапывает, и кажется, что он спит. Но вдруг совершенно неожиданно вскакивает, отрывисто бросает: «Стой! Воронка!..» — и бежит выяснять, что произошло на дороге. Если воронка оказывается глубокой и объезд невозможен, Ма Чжи-сю, ни слова не говоря, достает из кузова саперную лопату и в каких-нибудь десять-пятнадцать минут выравнивает путь. Делает он это спокойно, неторопливо, словно всю жизнь занимался тем, что ремонтировал дороги.

Совсем иной характер у Ху Вэнь-фа. Это подвижной, жизнерадостный, полный неистощимой энергии человек. Когда он сидит за рулем, все его мысли прикованы только к скорости. Если уж ведешь машину, говорит он, так давай не меньше шестидесяти, иначе нечего было учиться на шофера. Из-за этого, кстати, между ним и Ма Чжи-сю частенько происходят стычки, во время которых помощник упорно держится своего мнения. Как-то раз им предстояло проскочить зону заградительного артогня. Ху Вэнь-фа был настроен вполне определенно: взять район обстрела «на скорости». Однако Ма Чжи-сю воспротивился, да так решительно, что Ху Вэнь-фа потребовал объяснения. Помощник не счел нужным приводить какие-либо доводы и лишь упрямо повторял свое:

— Как бы ни гнал машину, все равно снаряд не перегонишь!

— Что же ты предлагаешь? — вскипел Ху Вэнь-фа.

— Я? — спокойно переспросил Ма Чжи-сю. — По мне, на какой хочешь скорости гони, но только по хорошей дороге. Вон ту воронку впереди видишь? И холмик, не больше муравейника, на полном газу раньше снаряда до него домчишься. Но там тебя так тряхнет, что машину придется в расход списывать.

Ху Вэнь-фа послушался совета Ма Чжи-сю и проскочил изрытый воронками участок пути довольно благополучно. Лишь осколками разорвавшегося вблизи снаряда от кузова машины по правому борту было оторвано несколько досок.

В другой раз — дело было зимой, при переправе через какую-то реку — они застряли на берегу и дальше не могли двигаться. Река несла с собой мелкий густой лед, затопив деревянный настил. Самого моста, длиной примерно в один ли*, не было видно, лишь кое-где над водой торчали одинокие сваи. По мнению Ху Вэнь-фа, машину следовало вести, держась ближе к сваям, и попытаться взять мост с ходу. Зимой, уверял он, паводков не бывает, а мост лишь сверху немного забило льдом. Ма Чжи-сю не соглашался. Назревал конфликт, однако Ма Чжи-сю не стал ввязываться в спор. Соскочил с подножки автомобиля и крикнул с обидой:

— Машина стóит несколько миллионов, это тебе не игрушка! Сунемся сдуру, нас так затрет, что потом и не выберемся. Выполнишь тогда задание, как же!.. Мой план понадежнее, думаю...

С этими словами он разулся, скинул ватные штаны, носки и голышом полез в воду. Льдины с грохотом неслись на него, сбивая с ног. Стиснув зубы, он молча передвигался от одной сваи к другой, нащупывая дорогу, и только когда убедился, что мост проходим, вернулся назад. Когда он садился на свое место в кабине, зубы его отбивали дробь. Ху Вэнь-фа испугался, стал торопить его поскорее накинуть меховушку, но тот безразлично, словно ничего и не случилось, махнул рукой:

— Пустяки, мне все-таки легче, чем нашим товарищам на передовой!

Работая, Ма Чжи-сю всегда проявлял излишнюю, на взгляд водителя, осторожность, поэтому случалось, что задание, порученное ему, выпол-

* Около 500 метров.

нялось не так быстро, как этого хотел Ху Вэнь-фа. И он нередко посмеивался над помощником:

— Что ты, в самом деле, все тянешь, тянешь!

Ма Чжи-сю пропускал мимо ушей насмешки.

— Ну и что с того! — невозмутимо отвечал он. — Будем все делать со старанием, тогда наверняка в порошок сотрем американских чертей. Мы же добровольцы!..

Да, различные были характеры у водителя и его помощника. Один был похож на прямую, стройную елочку, другой на цепкий, стелющийся по земле горный тэн. В первый день знакомства Ху Вэнь-фа решил, что им никогда не сработаться и они вечно будут ссориться. Но вот прошло полгода, и теперь он понимал, что другого такого замечательного помощника он никогда иметь не будет.

Служба у Ма Чжи-сю была несложная. Казалось, чем еще может быть занят день у помощника водителя, кроме рейсовых перевозок, содержания машины в боевой готовности, посещения учебных занятий, еды и сна! Петь он не любил, плясать не плясал, к игре «пу-кэ», в которую иногда от нечего делать резались шоферы, проявлял полнейшее равнодушие. И тем не менее Ху Вэнь-фа знал, что Ма Чжи-сю тоже имеет свои привязанности, глубокие, искренние, которых он вовсе и не стыдился. Он трогательно заботился о сохранности цветной открытки с портретом Председателя Мао, висевшей в углу кабины. Она была куплена им месяца три назад в магазине культтоваров, когда они ездили как-то в Аньдун, на родину. Ху Вэнь-фа открытка тоже понравилась, и он разрешил прикрепить ее на боковом стекле... И еще любил Сяо Ма подернутые осенним холодком листья корейского клена. Всякий раз перед выездом он обязательно приносил веточку с ярко-красными, совсем пунцовыми листьями клена и втыкал ее в кабине рядом с портретом Председателя Мао, а когда листья высыхали, заменял их свежими.

У Ху Вэнь-фа было свое пристрастие. Как и все старые шоферы, он больше всего любил порядок. Видя кабину чисто подметенной, вымытой, словно комната в доме новоселов, он испытывал подлинное блаженство, поэтому не терпел в ней никакого мусора, ничего лишнего, не имеющего прямого отношения к машине. Ветка с высохшими листьями раздражала его, и однажды, воспользовавшись отсутствием Ма Чжи-сю, он выбросил ее за окно. Каково же было его удивление, когда на следующий день, отправляясь в очередной рейс, он увидел на обычном месте в углу кабины целый букет кленовых листьев!

— Ты чего таскаешь в машину всякий сор! — недовольно сказал он.— Работать только мешает!

Ма Чжи-сю не растерялся.

— И вовсе не мешает, — спокойно ответил он. — Я же не на твоем месте воткнул!

— Полюбились же человеку какие-то цветики-листики! Скоро, наверно, совсем барышней станешь!

— Как?! — расхохотался Ма Чжи-сю. — А тебе они не нравятся?

— Нет.

— Что ж, придет время, и ты их полюбишь.

— Я? Да никогда в жизни!

Ма Чжи-сю поднес веточку к лицу и стал вдыхать аромат увядших листьев.

— Не приходилось тебе бывать на моей родине, в Жэхэ?

— Нет.

— Так вот послушай. В наших местах одни горы, а под каждой горой — кленовая роща. Как придет осень, такая красота кругом, что глаз не оторвать. Огнем полыхает гора — внизу желтым, как золото, а выше—

алым, малиновым, багровым, и так до самой вершины. Веришь мне, ничего нет красивее на свете... Когда я уходил в армию, бригадир наш, из геодезического отряда, повел меня на одну высотку и показал на долину, где съемку местности уже закончили. «Смотри, Сяо Ма, — говорит, — вернешься из Кореи с победой, а здесь уже завод будет построен. Не узнаешь дорогу к своему дому!» И верно, прибыл я в нашу часть, а скоро в газетах напечатали сообщение, что строительство нашего завода началось. Хорошее дело — заводы строить! Но только я слова бригадира не забыл: как бы они там в самом деле не срубили кленовую рощу под горой!..

— Да, брат, на родине сейчас полным ходом идет индустриализация, — глубокомысленно заметил Ху Вэнь-фа. — Если твои клены надо будет срубить, так срубят, можешь не сомневаться.

— А все-таки поменьше бы рубили. Пересадить ведь можно, если мешают... Будет расти рядом с заводом кленовая роща — что может быть лучше!..

Когда в темно-синем небе зажглись первые звезды, грузовик, доверху нагруженный боеприпасами, уже мчался по шоссе прямо на юг. Было совсем темно, номер машины не был виден, и лишь когда навстречу попадались автомобили, то на какое-то время, в свете фар, в углу на окне кабины можно было увидеть охапку ярко-красных листьев клена, вздрагивавших, как пламя.

Сяо Ма дремал.

— Пока ни одного самолета не встретили, — словно очнувшись, заговорил он и устало вздохнул. — Если всю дорогу будет так же спокойно, как эти десять ли, тогда все в порядке.

— Ишь, размечтался! Американские черти не такие угодники, как тебе хотелось бы, Сяо Ма... Где мы едем?

— Скоро Кухвари.

— Хм! Вот тут и будет первая для нас застава. Теперь смотри в оба!

— Погоди, я в кузов залезу. Сверху дальше видно.

Не успел Ху Вэнь-фа остановить машину, как впереди в небо взмыла осветительная ракета. Одна... Вторая... И вот темноту ночи раскололи двенадцать фонарей, повисших в небе в виде огромной буквы «S». Теперь грузовик на шоссе был виден совершенно отчетливо.

— Сволочь! — выругался Ху Вэнь-фа. — Чудотворец какой-то: только помянули, а он и объявился!

— Ну как, едем?

— Едем!

Ху Вэнь-фа со злостью захлопнул дверцу кабины.

— Сяо Ма! Сиди и не двигайся!

...Машина мчалась, словно ветер. Ху Вэнь-фа догадывался, что самолет уже кружит над ними, и поэтому нельзя зажигать фары. Но он боялся угодить в воронку от снаряда. Гоня машину на полной скорости, он на какое-то мгновение включал свет, чтобы увидеть дорогу впереди, и выключал еще до того, как их мог обнаружить вражеский самолет. Все свое умение опытного шофера Ху Вэнь-фа вложил в баранку. Сколько раз, играя вот так с вражеским самолетом в «жмурки», он оказывался победителем!

Сяо Ма на ходу перебрался в кузов, его глаза, словно лучи прожектора, обшаривали небо. Машина проскочила еще два-три ли; уже можно было определить на глаз, что скоро полоса света, установленного осветительными ракетами, останется позади, как вдруг Сяо Ма уловил какой-то душераздирающий скрежет. Он стремительно обернулся в направлении звука и увидел чуть пониже световой полосы черную тень самолета, который пикировал на них. Что было силы Сяо Ма заколотил по кабине кулаками.

— Стой!

Машина резко затормозила — и вовремя, так как впереди, всего в нескольких метрах, на дороге с треском разорвался синий пылающий шар и во все стороны брызнули струи напалмового огня.

К счастью, самолет не может разворачиваться на месте, и, как только он отстрелялся, Ху Вэнь-фа дал полный газ. Сяо Ма до боли в пальцах вцепился в борт кузова, чтобы не вылететь, и сосредоточил все свое внимание на дороге. Спустя несколько минут самолет снова перешел в пике. Теперь он шел в атаку куда ниже, чем в первый раз. Сяо Ма снова заколотил кулаками по крыше кабины, чтобы Ху Вэнь-фа остановился. Но Ху Вэнь-фа словно не слышал его и гнал машину на полной скорости при ярком свете фар. Метров через тридцать он вдруг выключил свет, круто свернул направо и, оставив шоссе, вихрем помчался в сторону леса. Сяо Ма слышал, как позади, на шоссе, один за другим прогрохотали три взрыва... Он обернулся: все небо над ними затянуло плотным дымом, звезды погасли, на шоссе во многих местах лопались голубые огненные шары.

Остановив машину под большим деревом, Ху Вэнь-фа выскочил из кабины и со злобой посмотрел на небо.

— Сволочь! Ишь, жаба, куда забралась! Цапнуть меня хотела? Как бы не так!

— Ну, как? Никаких повреждений? — спросил Ма Чжи-сю.

— Никаких.

— Здорово же ты свернул! Я решил, что у тебя тормоза отказали.

— Хм! Обыкновенная ловкость рук. Два поворота — и оставил его в дураках. Если еще попробует, опять сделаю такой же разворот. Я не я, если не проучу этого сукина сына!

Сяо Ма еще раз посмотрел на то место, откуда только что в небо взметнулись три огненных столба, и сердце его преисполнилось восхищением смелостью друга.

— Здорово! Два поворота — и обвел его вокруг пальца! Эх, поучиться бы у тебя!..

Вражеский самолет, упустив цель, снова выбросил серию осветительных ракет, но густая тень дерева надежно укрыла машину с боеприпасами. Сяо Ма взглянул на светлеющее небо и сказал:

— Вот дрянь этакая! Нет того, чтобы убраться восвояси.

Ху Вэнь-фа спрятал голову под меховушку, закурил сигарету и жадно затянулся.

— Ничего, ему еще влетит за пережог горючего.

Спустя минут десять мерный рокот мотора растаял в звездном небе. Последний осветительный снаряд медленно угасал, потом он превратился в красную звездочку и, сгорая, стремительно полетел вниз. Ху Вэнь-фа и Сяо Ма сели на свои места, машина снова выбралась на шоссе. Спокойно они ехали примерно десять ли. Но вот впереди показалась довольно высокая гора, за которой время от времени мелькали, словно зарницы, вспышки пламени. Ху Вэнь-фа выключил мотор, высунулся из кабины и прислушался. Снаряды рвались один за другим.

— Следи за горой, — повернув голову, приказал он Сяо Ма. — Это наверно и есть «Нос дьявола». Гора высоченная, дорога идет по ущелью и вся простреливается. Удачное место выбрали для заградительного огня, ничего не скажешь! Ни свет не дашь, ни скорость не включишь. Снаряд угодит — это еще полбеды, вот если в ущелье скатимся, тогда, считай, наших нет!

— Газуй!.. Вдвоем веселей катиться. Уж и дадим мы им сейчас!

Сяо Ма поднял ветровое стекло в кабине машины, высунулся наполовину и стал смотреть на дорогу. Машина шла по узкой каменистой дороге, круто поднимавшейся вверх. В грохоте разрывов и надсадном реве

мотора Ху Вэнь-фа отчетливо слышал отрывистые, энергичные слова Сяо Ма:

— Левее!.. Еще левее!.. Так!.. Теперь прямо!.. Чуть помедленнее, воронка!.. Возьми вправо!..

Останавливаться приходилось довольно часто. Сяо Ма без конца выскакивал из машины, брал лопату и шел проверять дорогу. Десятки раз они останавливались, сворачивали в сторону в поисках объезда. Наконец с грехом пополам добрались до перевала.

Дорога вниз ничем не отличалась от только что пройденного участка — те же скалы, те же бездонные пропасти. Но едва они отправились дальше, как на южном склоне горы разорвалось сразу несколько снарядов, очевидно большого калибра, так как разрывы были ослепительными, словно вспышки молнии. На машину посыпались камни, сучья деревьев. Смрадный дым, от которого можно было задохнуться, проник в кабину. Ху Вэнь-фа в сердцах выругался, мотор заглох. Перепуганный Сяо Ма, ни слова не говоря, выскочил из машины и со всех ног бросился с горы вниз, к месту разрыва. Прошли долгие две минуты, пока Ху Вэнь-фа увидел в клубах дыма маленькую фигурку Сяо Ма, бегущего назад.

— Ну как? — нетерпеливо спросил Ху Вэнь-фа.

— Дорога разрушена. Если с ходу — пройдем, но гнать тебе придется вовсю. Только не вздумай на полпути застопорить. Поехали!

Сяо Ма снова наполовину высунулся из окна кабины и стал подавать команду:

— Левее!.. Еще левее!.. Так!.. Осторожно!..-Правее возьми... Теперь прямо!..

Вот и зона заградительного огня. Дорога вдоль и поперек изрыта воронками снарядов. Машину так кидает из стороны в сторону, что она кажется утлой лодочкой, швыряемой волнами разбушевавшегося моря. Часто ее с неудержимой силой кренит набок, удержаться, сохранить в этот момент устойчивое положение чертовски трудно. Потными руками Ху Вэнь-фа сжимает баранку, зубы его крепко стиснуты. Машина все время идет по краю пропасти, оттесненная к ней крутыми уступами скал. В любой момент на дорогу могут обрушиться сотни, тысячи снарядов. Но не о них думает сейчас Ху Вэнь-фа. Все его мысли сосредоточены на одном: вперед, только вперед, ни за что не останавливаться, во всем довериться Сяо Ма!

А Сяо Ма кричит совершенно осипшим голосом:

— Левее!.. Левее!.. Осторожно, воронка!.. Чуть медленней!.. Так!.. Правее!..

И вдруг справа и слева, сзади и спереди машины взметнулось пламя. Раздался такой страшный удар, что взрывной волной машину чуть было не оторвало от земли, этой же волной Сяо Ма был отброшен назад в кабину.

— Сяо Ма, Сяо Ма, что с тобой?! — закричал Ху Вэнь-фа, хватая своего друга правой рукой за плечо.

— Не останавливайся! Со мной ничего не случилось! Вперед!

Сяо Ма снова высунулся из кабины. Теперь он крепко ухватился обеими руками за капот мотора.

— Вперед! А ну, нажми!.. Возьми левее!.. Левее!.. Так!.. Прямо!.. Теперь правее!.. Воронка!..

Скалистая дорога резко пошла вниз. Кругом то и дело рвались снаряды, тысячи осколков, камни, словно град, стучали по кузову и крыше кабины. Но Ху Вэнь-фа слышал только хриплую команду Сяо Ма: «Левее!.. Правее!.. Прямо!..» Так продолжалось все время, пока машина не въехала в глубокое ущелье и смертельно опасный перегон остался позади.

— Ну, можно сказать, прибыли! — облегченно вздохнул Ху Вэнь-фа и окликнул Сяо Ма. — Давай на место! Ну и ну! Не будь у тебя кошачьих глаз, лежали бы мы с тобой сейчас на самом дне пропасти. Дела-а!

Ущельем ехали два-три ли. Ехали уверенно, зная, что теперь они в безопасности. Вынырнувший из-за кучи камней какой-то боец остановил машину.

— Привезли снаряды?

Ху Вэнь-фа, радостный, соскочил с подножки.

— Привезли!.. Вы не цзинганцы? Из второго отряда?

Боец не успел ответить, как со стороны перевала подбежали еще бойцы и в одну минуту окружили машину.

— Снаряды привезли! — заговорили со всех сторон.— Сюда, скорей!

— Разгружать вас прислали? — спросил Ху Вэнь-фа одного.

— Нет, мы сами за боеприпасами.

— Молодцы! — заговорил другой боец. — А нам бы скоро крышка, не проскочи вы этот участок. У меня миномет с голоду пухнет. Да!.. Гранаты доставили?

— А как же!

— Здорово! Нам как раз этих игрушек и не хватает. Ты слышишь меня? Мы ведь здесь с самого захода солнца голыми руками деремся, помирать уже собрались... Ну, разгружай скорей!

Недалеко в горах послышались взрывы, частые, словно пулеметная очередь.

— Сяо Ма! — весело закричал Ху Вэнь-фа в кабину. — Скорей залезай наверх, разгружаться будем!

Сяо Ма без слов полез в кузов и стал передавать вниз ящики с боеприпасами.

Работа шла ходко. Очень скоро драгоценный груз был разобран. Только теперь Ху Вэнь-фа, весь взмокший во время разгрузки, почувствовал, что ему до смерти хочется пить. Вместе с бойцами, переносившими боеприпасы, он направился к находившемуся под горой перевязочному пункту, где и утолил жажду. Перед тем как попрощаться, Ху Вэнь-фа наполнил родниковой водой чайник, решив угостить своего друга. Он не сомневался, что Сяо Ма, сорвавший по дороге голос, тоже мечтает о глотке воды. Вернувшись к машине, он дважды окликнул его, но тот даже не шевельнулся. Подойдя к кабине, он заглянул внутрь. Ошибки быть не могло: Сяо Ма спал, уронив голову на плечо, одна его рука свесилась из окна наружу.

— Эй, Сяо Ма! — дернул его за руку Ху Вэнь-фа. — Хватит тебе спать! На вот попей и иди заводить мотор, нам назад подаваться надо.

Сяо Ма не двигался.

Ху Вэнь-фа бесцеремонно повернул голову товарища, и вдруг его охватил страх. Он поспешно обежал машину, залез в кабину, нащупал под сиденьем фонарик и посветил. Лицо Сяо Ма было землисто-желтым, полузакрытые глаза лишены естественного блеска, левая рука бессильно сжимала тужурку на груди, по которой сочилась алая кровь, каплями стекая на сиденье.

Ху Вэнь-фа позвал его несколько раз, сперва тихо, потом громче, наконец услышал знакомый, родной голос. Сяо Ма задыхался.

— Лао* Ху... Ну вот и доставили!.. А назад я уже не смогу вернуться с тобой... придется тебе одному... Когда будешь проезжать полосу заградогня, смотри будь осторожен, глаз не спускай с дороги... И не задерживайся там, старайся быстрее проскочить...

Тело Сяо Ма оседало все ниже. Ху Вэнь-фа поднял воспаленные

* Приставка к имени или фамилии, применяемая в знак уважения.

глаза на далекие горы, темневшие за окном кабины. То в одном, то в другом месте мелькали вспышки багрового зарева, небо то и дело рассекали огненные стрелы. Сердце Ху Вэнь-фа кричало, он повторял:

— Сяо Ма, Сяо Ма, открой глаза, ну посмотри же! Ты видишь? Наши бьют! Сейчас они дадут им жару!.. Сяо Ма!

Губы его коснулись застывшей руки товарища. Сердце сжалось. Что-то горячее подкатило к самому горлу, он уронил голову на грудь Сяо Ма и беззвучно заплакал...

Ху Вэнь-фа словно подменили после гибели Ма Чжи-сю. Он стал молчаливым, перестал подшучивать над другими, ходить посвистывая, словно ему все нипочем. Часто его видели в одиночестве, оцепенело сидящим у своей машины. Политрук, товарищи по роте сочувствовали его горю, старались хоть чем-нибудь проявить свое участие; смерть Сяо Ма тяжело переживали все.

— Да, толкового помощника потерял Лао Ху, — сказал как-то один из шоферов, когда Ху Вэнь-фа поблизости не было. — Тридцать пять тысяч наездили вместе без аварий! Не так-то это просто...

Осень была на исходе. Стояли горячие, напряженные дни. Ху Вэнь-фа по-прежнему водил свою машину по раскисшим от осенней грязи дорогам, выполняя все задания точно и в срок. К празднику 7 ноября на его счету было уже сорок две тысячи километров. На ротном митинге Ху Вэнь-фа был отмечен приказом командования, товарищи поздравляли его, все были уверены, что общее праздничное настроение передастся и ему. Но он оставался молчаливым, каким-то безучастным ко всему. О чем он думал? Вряд ли он сам мог бы ответить на этот вопрос. Колеся на своей машине по искореженным снарядами горам Кореи, он часто видел привольно раскинувшиеся кленовые рощи. Они напоминали ему погибшего товарища, и он снова и снова мысленно возвращался к нему. Ему начинало казаться, что Сяо Ма и в самом деле похож на клен, выросший в горах родной Жэхэ. Маленький, неприметный был этот клен в сравнении с бескрайними рощами, взбиравшимися по склонам гор к самому небу. Но ведь густые, непроходимые леса тоже состоят из отдельных деревьев! Они не имеют пьянящего аромата садовых цветов, но они красивее самых ярких цветов на свете. И особенно осенью, когда их тронут первые заморозки и серебристый иней по утрам возвестит о наступлении сезона ветров.

Новый помощник Ху Вэнь-фа, недавно назначенный в роту, вскоре заметил за своим водителем непонятную странность. Забираясь в кабину, он каждый раз находил в углу, под портретом Председателя Мао, свежие кленовые листья. Как только машина трогалась, листья оживали — желтые, пунцовые, багряные, они трепыхались на ветру и в свете фар идущих навстречу машин пламенели ярким, живым огнем...

Пекин.
Февраль, 1955.

Ма Фын

Человек, которого нельзя забыть

Перевод с китайского Агея Гатова

Осенью прошлого года мне понадобилось поехать на станцию Чжэньцзячжуана. Я отправился сразу после обеда, на попутной подводе. Возница важно восседал на порожних соломенных мешках. Кроме меня, он вез еще майора, который, очевидно, тоже спешил к поезду. На вид офицеру было лет тридцать — тридцать пять. Высокий ростом, плечистый, большерукий, он производил впечатление человека сильного и здорового. Но это было только первое впечатление. Присмотревшись внимательно, нетрудно было заметить, что лицо у него было неестественно бледное, какого-то землистого оттенка. Длинный шрам шел через всю левую щеку — от брови до челюсти — вероятно, след сабельного удара. Офицерская форма сидела на нем безукоризненно, грудь украшали два ряда орденских планок, видно, что это человек бывалый, не раз отличившийся в боях и походах.

Я сидел напротив него. Он был чем-то расстроен, это чувствовалось по выражению его лица, и, чтобы не беспокоить майора, я пересел к возчице и стал задавать ему вопросы, обычные при первом знакомстве между новыми людьми: в какое время прибывает на станцию поезд, будут ли перешивать на широкую колею полотно железной дороги и другие подобные этим. Майор курил, жадно затягиваясь, не вынимая сигареты изо рта, и безразличным взглядом следил за тем, как медленно тают в нагретом воздухе кольца сизого дыма.

Пока мы беседовали, он не проронил ни слова. Но вот разговор зашел о делах давно минувших, стали вспоминать, как сражались здесь во время войны с японскими захватчиками, и майор словно ожил. Казалось, он только и ждал этого момента, чтобы высказать все, что накопилось у него на душе, высказать сразу, освободиться от того ощущения скованности, которое тяготило его. Всю дальнейшую дорогу говорил один он, мы же слушали затаив дыхание, боясь неосторожной репликой прервать, а может, и огорчить его.

Он рассказывал о самом себе, о том, что произошло с ним после одного ранения.

— Первый раз,— начал свой рассказ майор,— я был ранен зимой 1942 года. Однажды ночью нашей роте было приказано произвести налет на село Чайчжуан — небольшое село здесь, на Шаньсийской равнине,— с задачей освободить из тюрьмы схваченных карателями нескольких местных кадровых работников. Операцию мы провели отлично, выручили наших товарищей и, не задерживаясь, направились назад, на свою базу. Но не прошли мы и пяти ли, как противник бросил за нами в по-

гоню гарнизон соседнего опорного пункта. Командир роты велел нашему третьему взводу остаться, чтобы задержать неприятеля и прикрыть отступление. Мы залегли в высохшей канаве и открыли огонь.

Враг наседал. Никогда до этого я не видел такого сильного огня. Три раза японцы предпринимали атаки на нашу позицию, но мы каждый раз отбрасывали их гранатами. Держались мы часа два, не меньше. Прикинув в уме, что наши уже успели за это время уйти в горы, взводный отдал приказ отходить, не прекращая огня. Я побежал. Шагов через десять я вдруг почувствовал сильный удар в ногу, одновременно впереди меня разорвался снаряд. Я успел сообразить, что противник подтянул артиллерию, но тут в голове у меня загудело, и я потерял сознание.

Когда я очнулся, кругом была могильная тишина. На востоке чуть брезжил рассвет. Я был весь в грязи, левая нога невыносимо болела, а в голове стоял такой гул, что казалось — сейчас она расколется. С большим трудом мне удалось кое-как сесть и осмотреться. Все поле было изрыто воронками от снарядов, в одном месте я заметил кучку стреляных гильз, а недалеко от себя — уже высохшую лужу крови на зеленых всходах озими. На насыпи возле канавы валялись как попало убитые. По одежде я узнал среди них двух своих товарищей.

Покинутый всеми, сидел я на этой насыпи, а в сознании беспокойно билась одна мысль: как же мне вернуться в свою часть? Я понимал, что это почти невозможно, так как находился на территории, занятой противником, и в любую минуту мог нарваться на японцев, если бы вздумал выползти на дорогу. Но ждать здесь? А вдруг японцы начнут прочесывать поле боя? Тогда что — конец?.. Думал я, думал — и пришел к выводу, что раньше нужно найти место, где бы можно было спрятаться, а уж потом, ночью, решать, что делать дальше.

Но вокруг меня простиралось ровное поле, и спрятаться на нем было решительно негде. Справа, недалеко от того места, где я сидел, пролегало шоссе, по которому время от времени проносились мотоциклисты. Слева, в двух ли впереди, высилась бетонная башня неприятельского блокгауза с развевавшимся на ней флажком, на котором в предрассветной мгле можно было различить темное пятно. Что же делать?.. И вдруг я заметил за блокгаузом небольшое заброшенное кладбище. Думать было нечего. Перекинув винтовку за спину, я пополз туда. Как я ни остерегался, но всякий раз, когда раненая нога задевала за камень, острая боль пронизывала меня всего, вызывая головокружение. Стиснув зубы, я продолжал ползти, понимая, что в этом мое единственное спасение. Я напрягал все свои силы и когда, наконец, добрался до кладбища, то тут же потерял сознание.

Не знаю, сколько времени пролежал я в беспамятстве. Но вдруг я почувствовал прикосновение к моей груди чьей-то холодной, как лед, руки. Я громко вскрикнул и сел, да так быстро, что человек, шарившийся у меня на груди, в испуге отпрянул в сторону. Я схватился за винтовку и тотчас направил ее на неизвестного. И тогда разглядел, что это был какой-то маленький старичок, щупленький, с худым, морщинистым лицом и длинными, свисавшими на подбородок усами. Он был в поношенном черном хлопчатобумажном халате, подбитом ватой, и выглядел бы, как простой крестьянин, если бы не старомодный головной убор с шишечкой на макушке, который в те годы почему-то считался внешним признаком изменников, служивших японцам. Когда старик понял, что шутить с ним я не собираюсь, он упал на землю и замер. Его лицо выражало испуг, хотя я мог поклясться, что в душе он смеялся над моей нервозностью.

— Ай-яй-яй, ай-яй-яй!.. Опусти скорей ружье, поосторожней с этой штукой. Еще выстрелишь нечаянно!

Я пропустил его слова мимо ушей: кто знает, с какой целью он обшаривал меня. А он уже оправился после первого испуга и продолжал говорить как ни в чем не бывало:

— А ну-ка, покажи мне свою рану, опасная она или не опасная?

С этими словами он присел на корточки, ловко размотал на моей ноге обмотку и стал осматривать рану. Осторожно дотронувшись до нее в двух-трех местах, он спросил, больно ли мне, потом потребовал, чтобы я согнул ногу в колене. Закончив осмотр, он поднялся, отряхнул ладони и собрался уходить.

— Честно тебе скажу, кость не задета, но рану твою лечить надо. И как можно скорее, иначе будет худо.

Держа винтовку наготове, я не спускал с него глаз — бдительность нужна в любом деле. Но видя, что никаких дурных намерений у старика как будто нет, я немного успокоился.

— Ты кто такой? — спросил я его.

— Кто такой? — усмехнулся он. — Честно тебе скажу, доктор я, хирург, знаешь такое слово? Считай, тебе повезло, что я тебя нашел. Ты не бойся, я вернусь и заодно принесу из дому лекарств. Честно тебе скажу, лучше моих лекарств ни у кого нет, особенно для ран. И мази, и примочки...

Он ушел, даже не попрощавшись. Откровенно говоря, мне стало не по себе, когда я увидел, что он свернул на шоссе и направился в сторону блокгауза. Правда ли, что он врач? За лекарствами он пошел или ведет какую-то нечестную игру? Хм!.. Скорее всего, он просто испугался меня и сам не отважился сделать то, ради чего сюда пришел, поэтому побежал звать других... Надо немедленно уходить отсюда! Но тут мне пришла в голову другая мысль: если он действительно отправился за японцами, то они очень быстро найдут меня, куда бы я ни подался. «Ну что ж, — решил я, — если так, буду драться насмерть. Как бы там ни было, а рассчитаюсь — и с ним и с японцами. Свое верну!» Вынув из подсумка гранату, я быстро снял с нее предохранитель, вставил капсюль, еще раз проверил винтовку. Теперь я был спокоен. Снова вспомнились товарищи, друзья по роте. «Наверно, — подумал я, — они решили, что я убит: раненого они давно бы подобрали. Переживают теперь, конечно. Эх, знать бы, пошлют ли они кого-нибудь на поле искать мой труп!..» Вокруг было тихо, и я осторожно переполз к другому могильному холмику, из-за которого было удобнее вести наблюдение и, в случае необходимости, стрелять.

Небо было сумрачное, тучи низко нависли над землей, по всей видимости собирался снег. На дороге не было ни души. Я все еще не решил, бояться мне того старика или действительно ждать от него помощи.

Ждал я долго, но он все не появлялся, и я уже почти уверился, что он порядочный человек: будь он изменником, то давно бы привел японцев. Но даже если он и врач и действительно хочет помочь мне — ведь надо обладать большой решимостью, чтобы под носом у врага спасти бойца Восьмой армии! Жизни ему своей не жалко, что ли?! Только бы он не сказал кому-нибудь, что я здесь. Не придет — тоже хорошо. Стемнеет, и я опять поползу, как-нибудь доберусь до своих.

Как раз когда я так размышлял, сзади послышались осторожные шаги. На спине у меня выступил холодный пот. Но я испугался напрасно — к кладбищу, семеня ногами, пробирался мой старик. От быстрого бега он весь взмок. Поверх халата на нем был теперь овчинный тулуп, под которым он прятал что-то довольно объемистое — уж слишком заметно выпирал у него живот.

— Честно тебе скажу, — обрадованно заговорил он, подходя ко мне, — если бы не боялся, что японцы увидят, я бы давно пришел. Верных пять ли кружил из-за тебя! — Он опустился на корточки и стал

извлекать из-под халата, словно фокусник, всякую снедь: несколько пресных пампушек, куриные яйца, потом солдатскую флягу, кружку, наконец объемистый пакет, завернутый в желтую материю. Раскладывая все эти вещи возле себя, он не переставал говорить: — Только правду скажи, о чем ты здесь думал, пока меня не было? Что я пошел японцев звать, да?

Сами понимаете, мне было неловко перед ним — ведь я действительно сомневался, правду ли он сказал мне, — но я ответил уклончиво:

— Ни о чем не думал.

Старик рассмеялся.

— А капсюль зачем в гранату вставил? Кого обманываешь? Нет, нет, я ничего не говорю, ты правильно поступил, так и надо солдату Восьмой армии. — Он помолчал некоторое время и не спеша принялся развязывать свой сверток. — Голоден, да? Еще бы, воевать всю ночь — и не быть голодным!.. Но я честно тебе скажу, сначала твою ногу починить надо, а потом делай что хочешь. Если набросишься на еду до лечения, никакого от него проку не будет, запомни это.

К моему удивлению, в свертке действительно оказались бинты, вата, какие-то инструменты.

— Ты правда врач? — нерешительно спросил я.

— А ты думал, соврал?.. Меня здесь знают кругом на десять ли. Да ты не бойся, рана у тебя пустяковая, ничего в ней особенного нет. Ну-ка, давай руку!

Он помог мне передвинуться на ровное место и велел лечь животом вниз, а сам сел на меня верхом и так ловко повернул раненую ногу, что она вмиг оказалась зажатой у него между коленями. Что он там с ней делал, я видеть не мог, но догадывался, что он обкладывает рану бинтами и осторожно протирает ее марлей. Осторожно! Это только так говорится, что осторожно. На самом деле я почувствовал такую адскую боль, что не выдержал и вскрикнул.

— Чего орешь? — сердито прикрикнул он на меня. — Или не боишься, что услышат?.. Заткни-ка ты свой рот и помалкивай. На, лови!

И он кинул мне платок. Я послушно сунул его в рот и до боли стиснул челюсти. Меня всего трясло. Уж лучше, думал я, умереть, чем выносить такие муки. Я лежал с закрытыми глазами и ждал только одного — когда все это кончится. Сбросить его с себя никаких сил у меня не было.

— Слышишь ты? — заговорил он вдруг ровным голосом. — Честно тебе скажу, не ты первый, не ты последний. Вспомнил я одного такого, Гуань Юй-чжаном звали. Человеку кость пришлось пилить, а он хоть бы пикнул. Вот это Восьмая армия! А до твоей кости еще добираться и добираться... Знаешь ты, что такое солдат Восьмой армии? Я говорю о настоящих, о старых... Схватят такого в плен, скрутят в три погибели, воду пополам с перцем в ноздри вливают, пытают раскаленными прутьями, а он до самой смерти молчит. Крепкой кости человек, значит. Не мешало бы и тебе посмотреть на таких!.. В прошлом году, когда у нас здесь еще не было этих блокгаузов, стояла в нашей деревне какая-то часть Восьмой армии, говорили, с того берега Хуанхэ прибыла. Был там у меня один знакомый командир взвода по фамилии Лю. Что мне сказать тебе о нем? Однажды в рукопашном бою под Сунчжуаном ему пришлось схватиться с японским офицером. Катались они по земле, катались, наконец взводному удалось отцепиться от него — отбежал на несколько шагов, выхватил гранату и кинул прямо ему под ноги. От офицера того, конечно, одно крошево. Но и взводному досталось. И как! Осколком гранаты выбило ему левый глаз — повис он у него на одной жилке, болтается, только мешает. Оторвал его взводный со злостью, бросил на землю и побежал на выручку к своим, потому что противник к тому времени был уже на сере-

дине деревни, и дело могло кончиться плохо. Когда японцев вышибли и взводный смог присесть, лицо у него было все в крови. Мне, ты понимаешь, мне стало за него страшно. А ведь он тогда и звука не издал! Вот какие наши люди, из железа кованы...

Он все говорил и говорил, а я лежал ни жив ни мертв, кусая осточертевший платок, и судорожно цеплялся всеми пальцами за высохшую траву, чтобы не взвыть от боли; крупные капли пота градом катились по моему лицу. Невозможно передать словами, что я тогда испытывал. Но, слушая его рассказы, — а надо сказать, что слова у него шли от самого сердца, — мне действительно было совестно показывать свою слабость, и я терпел. Сколько времени сидел он на мне верхом, я не знаю, наверно, долго. Но когда он поднялся, мне показалось, что с меня словно гору сняли. Я вздохнул с облегчением и тут чуть было снова не упал в обморок. Он помог мне пересесть к дереву, чтобы я мог опереться о ствол спиной. Только теперь я решился наконец открыть глаза и посмотреть, что осталось от моей ноги. Нога была цела! Аккуратно забинтованная, она покоилась рядом со здоровой, а вокруг валялись окровавленные клочья ваты, бинты, какие-то тряпки. Старик стоял здесь же, вытирая травой руки, и добродушно посмеивался:

— Молодец! Тоже крепкой кости, как и тот. Честно тебе скажу, не думал я, что ты выдержишь.

Я слабо улыбнулся ему. У меня не было никаких сил говорить. Я чувствовал, что сейчас умру от голода. Перехватив мой страдальческий взгляд, обращенный в сторону еды, старик всполошился и быстро перенес ее поближе ко мне.

— Давай, давай, заправляйся! Знаю, что ты голоден. Я бы и раньше накормил тебя, но, понимаешь, побаивался. Сам подумай, будь ты сыт — справился бы я с тобой, таким здоровяком? Да никогда!.. Э-э, нет, так нельзя! — засмеялся он, заметив, что я запихиваю в рот пампушку. — Не торопись, в горле может застрять. Сперва теплой воды выпей, а потом есть будешь. — И он поспешно налил мне из фляги полную кружку кипяченой воды.

Я жадно набросился на еду.

— А здорово вы дрались! — собирая инструменты, заговорил он.— У нас в деревне вся бумажная оклейка на окнах полопалась... Вы откуда пришли? Со стороны Западных гор?

Молча кивнув головой, я продолжал есть.

— Хорошо дрались, очень хорошо! Сперва мы думали, что Восьмая армия начала наступление на блокгаузы. Потом слышим — возле тюрьмы идет бой, в Чайчжуане. Тогда все стало ясно... С первыми петухами выглянул я на дорогу — щелочка есть у меня для этого специальная в двери,— вижу, несут японцы на носилках своих раненых. Ну, думаю, наших тоже полегло немало. Не остался ли кто-нибудь на поле раненый? Видишь, так оно и вышло.

— Как же вы узнали, что я здесь? — поспешно спросил я.

— Нашел! А искал долго. Крови ты много потерял, пока полз, она и привела меня сюда. Иначе ни за что бы не догадался, где ты прячешься, честно тебе скажу... Да ты не бойся, следы твои я все до единого засыпал землей.

Сказать, что я был взволнован, мало. Ведь я находился на земле, захваченной врагами, враги были кругом, здесь была их «поднебесная». Но даже и в самом их логове оставались наши люди! Подумать только!

Неторопливо завернув свои инструменты, старик собрал испачканные кровью тряпки и вату в одну кучу, зарыл их, потом нарвал сухой травы и постелил мне между двумя могилами. Пока он возился со всем этим, я успел поесть. Он перенес меня на подстилку, укрыл своим овчинным тулу-

пом, а сверху засыпал еще травой, чтобы ничего не было видно. Потрогав мой лоб, он вздохнул.

— Сам понимаешь, не перетащить мне тебя одному в деревню. Да и опасно сейчас это. Поспи здесь до вечера. Время теперь такое, что...

Мне было больно смотреть на этого старого человека, такой виноватой была его улыбка. От волнения у меня на глазах выступили слезы. Я крепко пожал ему руку.

— Отец, вы мой спаситель. Помру я, но и на том свете никогда вас не забуду.

— Не надо так говорить, не нужны никому эти слова,— улыбнулся он.— Главное, чтобы ты выздоровел. Не будет рана болеть, вот и хорошо... Да что тебе рассказывать, худо народу от японцев, сам знаешь, простым людям совсем житья нет,— снова вздохнул он. Наступила короткая пауза.— Хорошенько выспись. Только чтобы до ночи ничего не случилось, а приду я — мы с тобой что-нибудь сообразим.

Сказав это, он ушел.

Только теперь я вспомнил, что не спросил этого старого человека, ни как его зовут, ни как называется деревня, перед которой торчал этот чертов блокгауз. Где я буду искать своего спасителя, когда не знаю даже его имени? Чем больше я думал об этом, тем больше злился на самого себя. Оставалось одно — ждать ночи. Вернется он, тогда обязательно расспрошу его обо всем. Кто знает, может быть, доживу до победы, непременно приеду тогда повидать его, как родного отца почитать буду...

Думал я, думал и сам не заметил, как уснул...

Спал я как убитый, ничего не чувствовал. А когда проснулся, то не сразу понял, где нахожусь. Я лежал на теплом кане, в окно лились солнечные лучи, и вся пещера была такая светлая, уютная... Тут же находились и наш ротный, политрук, командир взвода, возле столика сидел санитар. Когда они увидели, что я открыл глаза, радости их не было предела. Пошли расспросы — как мое самочувствие, как спал... А я не переставал удивляться. Что случилось? Где я? Не снится ли мне все это? Товарищи рассказали, что ночью меня доставили на носилках крестьяне из долины.

— А старик один был с ними? — волнуясь, спросил я.— Ну, маленький такой, неказистый на вид, ушел он уже?

— Сюда к нам в горы они не поднимались,— сказал взводный, не понимая причины моего волнения.— На полдороге они встретили наших людей и передали тебя им.

На душе у меня было так нехорошо, что и сказать трудно. Зачем я послушался этого старика и уснул?! Такой случай упустить!

В тот же день после завтрака меня отправили в тыловой госпиталь. Я дал себе слово, что как только поправлюсь — непременно разыщу этого старика или, на худой конец, узнаю его имя. В госпитале я находился на излечении три месяца. Когда меня выходили и я получил документы для возвращения в свою часть, она уже была переброшена на другой участок фронта, в горы Дациншань, и мне ничего не оставалось, как добираться туда.

С тех пор наша часть ни разу не попадала в Центральную Шаньси, поэтому узнать хоть что-нибудь о моем спасителе никакой возможности у меня не было. Прошло пятнадцать лет. Участвовал я за это время и в боях за Яньань, и в освободительном походе на Северо-Запад, воевал в Корее. Шесть раз за эти годы я был ранен. Благодаря стараниям и заботам наших медицинских работников я довольно быстро восстанавливал свое здоровье и снова возвращался в строй. Часто для моего спасения они давали свою кровь. Я очень благодарен им за все это. Но я никак не мог забыть того старого человека. Я много думал о нем, и, хотя не знал ни его имени, ни фамилии, передо мной всегда стояла его добрая, застенчивая

улыбка. Каждый раз, когда я вспоминал его на поле боя, я забывал об опасностях, эта улыбка придавала мне мужества, делала бесстрашным, говорю это не преувеличивая. Но когда его образ возникал передо мной в мирной обстановке, мне становилось так горько на душе, что я готов был возненавидеть себя. Человек спас мне жизнь, когда его собственная висела на волоске. С тех пор годы прошли. Родина добилась освобождения. Из рядового бойца я стал замеетителем командира полка. Имею семью, двоих детей. Наконец живу, как человек. И все-таки ничего не сделал за это время, чтобы найти своего спасителя и отблагодарить его! Сознание того, что я еще не разыскал его, не давало мне покоя. Много раз я собирался написать ему. Но куда? Единственное, что я знал, это название села Чайчжуан в долине центральной части провинции Шаньси, и больше ничего. А как называется деревня, возле которой я был ранен? Кому писать? Я не мог простить себе, что не спросил тогда у старика его имени. Конечно, правильнее всего было самому отправиться в Чайчжуан и там начать поиски — возможно, что удалось бы напасть на след. Но работа отнимала все время, и пока меня не командировали на учебу в Пекин, такой случай не представлялся.

Сдав свои дела на несколько дней раньше, я выехал в Пекин кружным путем через Шаньси. Я был уверен, что не скоро разыщу старика. Как я ошибался! Только рассказал я секретарю уездного комитета партии, при каких обстоятельствах был ранен и как выглядел старик, который меня спас, как он воскликнул:

— Так это же Бай Вань-фу, из деревни Тайхэцунь. Маленький такой, с длинными усами до подбородка? Присловье еще у него любимое — «честно тебе скажу», да? Ну, конечно, это Бай Вань-фу, можешь не сомневаться!

Секретарь укома, как оказалось, еще во время войны с японцами работал в этом районе и хорошо знал старого Бай Вань-фу. Никакого медицинского образования у этого старика не было. В молодости он нанялся погонщиком мулов к хозяину одного крупного магазина в уездном городе и там сдружился с другим погонщиком, уже немолодым человеком, который когда-то был костоправом, умел делать уколы против холеры, порезы лечить, нарывы... Работая вместе с ним, Бай Вань-фу и научился у него этому искусству. Потом хозяин разорился, закрыл свой магазин, и Бай Вань-фу пришлось вернуться в деревню. Но душа у него уже не лежала к сельскому хозяйству. А тут в деревне узнали как-то, что он лечить может. Одному руку вправит, другому перелом на ноге вылечит,— знания у него были, конечно, не ахти какие, но помогал он людям с душой. Только услышит, что кто-то болен, и спешит к нему в любую погоду, днем и ночью. Бедных людей лечил бесплатно и денег за лекарства никогда не брал. Поэтому слава его росла с каждым днем, а от посетителей отбоя не было.

Когда началась война с японцами и у них в деревне расположился санитарный отряд Восьмой армии, старик сам вызвался помогать. Два месяца работал он там, все присматривался, как надо лечить раненых. Врачи говорили о нем, что это очень способный человек. А потом район заняли японцы, и Бай Вань-фу ушел вместе с партизанами — партизанским хирургом стал, а заодно тайно лечил по деревням больных ополченцев, прятавшихся от неприятеля. После освобождения его послали на трехмесячные курсы среднего медицинского персонала, открытые в уезде, и теперь он работает в своем сельскохозяйственном кооперативе врачом.

Расспросив секретаря, как мне добраться до деревни Тайхэцунь, я отправился туда сегодня утром. Почти всю дорогу я бежал — и был там еще до полудня. У околицы мне встретилась какая-то девочка, лет десяти. Она стояла возле огорода и с любопытством смотрела в мою сторону.

Я спросил у нее, где живет старый Бай Вань-фу. Она посмотрела на меня своими черными глазенками, прыснула в кулачок и сказала:

— А я вас провожу.

Выскочив вприпрыжку на дорогу, она пошла впереди меня. Тоненькие косички болтались у нее на спине, как барабанные палочки у разносчика товаров. Вдруг она остановилась.

— Дядя, а вы раньше у нас здесь японцев били?

— Бил,— улыбнулся я.

— Значит, это вас спас дедушка Бай? — глаза у нее сделались большие-большие.

Я молча кивнул. На душе у меня опять стало как-то нехорошо. Какая-то пигалица знает об этой истории, а я целых пятнадцать лет не мог выбраться, чтобы навестить такого человека! Разве этой черной неблагодарности ждал от меня старик?!

Девочка привела меня к домику кооперативного медицинского пункта. В приемной сидело несколько человек, но я с первого взгляда узнал среди них старого Бай Вань-фу. Он был таким же, каким и сохранился в моей памяти, разве только голова немного поседела. И в то же время он очень изменился. Это был живой, энергичный человек, здоровый румянец заливал его щеки, и мне показалось, что даже морщин у него стало куда меньше. Он осматривал мальчика, одного возраста с моей проводницей, и, чтобы не мешать ему, я остановился в дверях. На указательном пальце у мальчика был нарыв, который надо было вскрыть. Но как только мальчик увидел скальпель, он так раскричался, что мне стало жалко его.

— Не бойся, Сяо Гуй, не надо! — успокаивал его мой спаситель.— Честно тебе скажу, больно не будет. Вот надрежу чуть-чуть, и все пройдет.

Сяо Гуй продолжал плакать. Вдруг ему удалось вырваться от матери, и он побежал со всех ног.

— А ну, держи его! — крикнул старый Бай, завидя меня в дверях.

Я быстро загородил выход, и мальчишка сам не заметил, как угодил в мои объятия.

— Что, попался, Сяо Гуй? — улыбнулся старик, быстро смазывая ему палец йодом.—Не ты ли говорил мне, что станешь командиром, когда вырастешь? С таким трусливым характером не возьмут. Честно тебе скажу, в Освободительной армии нужны люди крепкой кости. Если не веришь, спроси у этого товарища. Когда его однажды ранило и мне пришлось делать операцию, он даже не пикнул ни разу. Не веришь, спроси!

К моему горлу подкатил горячий комок. Он узнал меня, мой добрый старик! Мне было радостно и в то же время стыдно за самого себя.

Слова старика, конечно, оказали воздействие на этого мальчика. Он повернул голову и посмотрел на меня широко раскрытыми глазами. Они были полны слез, но он уже не плакал. Тем временем старый Бай вскрыл нарыв, выдавил из него гной, аккуратно смазал ранку и, перевязав ее, предупредил мать, чтобы завтра она опять привела Сяо Гуя в медпункт. Мать горячо поблагодарила его и увела мальчика.

Как только они удалились, в дверях послышался тоненький голосок:

— Дедушка Бай, этот дядя к вам, он из Освободительной армии.

— Ко мне? — оторвался от своих инструментов Бай Вань-фу и посмотрел сперва на девочку, потом на меня.— Чем могу быть полезен? Что беспокоит?

Без сомнения, старик принял меня за больного. Все, что он говорил мальчику, оказывается, никакого отношения ко мне не имело. Он, по-видимому, не узнал меня.

— Отец,— сказал я, с трудом сдерживая волнение.— Я приехал специально ради вас, очень хотел навестить. Помните, еще во время войны с японцами я был ранен и вы спасли мне жизнь.

— А-а, вспоминаю!..— растягивая слова, проговорил он и вдруг, словно очнувшись, бросился ко мне навстречу.— Погоди, ведь ты прислал мне письмо весной, что тебя переводят в Тибет, к новому месту службы? Разве ты не поехал?

Он опять принял меня за кого-то другого.

— Что вы, отец! Я вам не писал. Вернее, собирался написать уже давно, но не знал вашего адреса...

— Так ты разве не Чжао Бэнь-гэнь?

Я сказал, что меня зовут Чжан Цин-хэ, и напомнил ему, когда и при каких обстоятельствах был ранен. Несколько минут он молчал, предавшись воспоминаниям, и вдруг радостно захлопал в ладоши.

— Кладбище?.. Верно, было такое дело! Если бы ты не сказал, я бы и не вспомнил!..

Пятнадцать лет, изо дня в день я ждал этой встречи, с горечью думая всякий раз, что старик не простит мне такой черной неблагодарности. А он, оказывается, давно уже все забыл!.. Но у меня и мысли не было упрекнуть его в чем-либо. Мог ли он, в самом деле, запомнить всех, кого спас в те тяжелые годы? Невольно я проникся к нему еще большим уважением. Я стоял в почтительном поклоне, смиренно приветствуя его, как родного отца. Высшей воинской почести заслуживал этот маленький старичок, крестьянин-самородок, столько сделавший для революции.

— Ну, как? — вывел меня из задумчивости его добродушный голос.— Заметный рубец от раны остался? Дай-ка посмотреть!

Я послушно закатал штанину и стал ждать других приказаний. Осматривал он ногу долго, все больше и больше хмурясь.

— Не понимаю! — тихо проговорил он наконец.— Такой у меня, кажется, не было! А ты, случайно, не ошибся, товарищ? Может быть, тебе другого доктора искать надо?

Мне не хотелось огорчать его даже безобидной шуткой, и я показал ему след той раны, которую он лечил, объясняя при этом, что все остальные — печальный результат разорвавшегося вблизи меня снаряда на Корейском фронте, а шрам на лице — память о боях за Яньань.

— Постой, сколько же раз ты был ранен?

— Семь, если считать и тот.

Он снова горячо пожал мне руку.

— Да, нелегкое дело — революция, честно тебе скажу. Не будь вас, разве у нас была бы такая жизнь?..

В это время с улицы кто-то позвал его идти обедать. Он настоял на том, чтобы мы пошли вместе. В воротах я заметил уже знакомую мне девочку. Она стояла, окруженная взрослыми, и что-то горячо рассказывала. Я уловил ее последние слова:

— Его тоже дедушка Бай спас, как и того, который приходил в прошлом году. Я сразу догадалась, как только его увидела!

Старый Бай жил на восточном конце деревни. Домик у него был старенький, покосившийся, но довольно опрятный. Внутри все поражало чистотой. На стене, на самом видном месте, висела застекленная рамка с фотографиями нескольких командиров Освободительной армии, среди них выделялась фотография бравого подполковника с одним глазом — вся грудь у него была в орденах и медалях, и я подумал, что это, наверно, тот самый взводный Лю, про которого старик мне тогда рассказывал.

Жил Бай Вань-фу со своей женой, тоже уже старенькой женщиной, она сердечно встретила меня и, когда узнала, кто я, заволновалась, захлопотала у очага, и скоро на столе стояла румяная яичница.

За едой я спросил Бай Вань-фу, что было с ним после того, как меня передали нашим. Старик засмеялся, потом сказал, что ничего особенного. Вернулись они в деревню засветло, но не успели разойтись по домам, как

их схватили японцы. Два дня держали взаперти, дьяволы! Отпустили только потому, что вся деревня взяла их на поруки. Счастье еще, что крестьяне оставили носилки в кустах за деревней, иначе дело могло кончиться плохо!..

Тем временем во дворе послышались взволнованные голоса, и старуха ввела в дом какого-то подростка. Он был весь потный, глаза испуганно смотрели на старого Бая. Переведя дыхание, он сказал, что в Канцзябао, соседней деревне, один парень сломал себе ногу. Не докончив есть, старый Бай соскочил с кана и собрался бежать в медпункт за медикаментами. И тут я совершил такой нехороший поступок, что до сих пор не могу прийти в себя.

Дело в том, что, твердо решив ехать на розыски моего старика, я накупил в нашем городе кое-что из вещей, собираясь сделать ему подарок. В поезде я обнаружил, что ординарец еще накануне отправил их по ошибке вместе с багажом в Пекин. Пришлось ехать с пустыми руками. И вот теперь, видя, что он уходит, я заволновался. Ведь и мне скоро пора собираться на станцию! Когда я теперь его увижу? Эх, какой я, право, бестолковый! Едва выбрался навестить такого человека, и ничем не могу выразить ему своей признательности! Я торопливо вынул из кармана двести юаней и, почтительно поклонившись, подал ему. Ведь я думал только о хорошем — пусть человек купит себе то, что ему понравится. Разве не принято среди людей дарить своим спасителям подарки? Мог ли я подумать, что так рассержу его этим! Он весь побледнел, словно я нанес ему оскорбление. На него было страшно смотреть.

— Честно тебе скажу,— растягивая слова, пренебрежительно бросил он,— не приди ты ко мне, я и не вспомнил бы того случая. Вот так! Ты что думаешь, я помогал тебе тогда ради денег?!

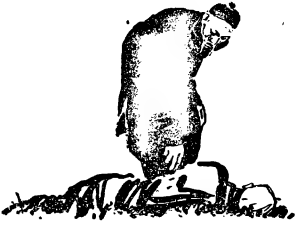
Сказав это, он резко повернулся и пошел за торопившим его подростком. Я стоял ни жив ни мертв. Но вот он вернулся, положил мне руку на плечо и сказал — тем же голосом, каким уговаривал мальчика:

— Не серди ты меня, пожалуйста. Приедешь на место, пришли мне свою фотокарточку...

Некоторое время майор молчал. Он сидел, опустив голову, и думал о чем-то своем. Но вот он снова заговорил, на этот раз медленно, почти неслышно, словно обращался к самому себе:

— Пятнадцать лет!.. Не было дня, чтобы я мог забыть этого старого человека. Я был благодарен ему, помнил его, чувствовал всем сердцем, что роднее нет у меня никого на свете. Но только теперь мне стало ясно, что я совсем не понимал его!..

Солнце зашло за горы, вечерняя заря окрасила половину неба. Ее пылающие отсветы падали на бледное лицо майора. Его большое тело мерно покачивалось из стороны в сторону, повторяя движения повозки.



Сюй Хуай-чжун

Продавщица

Перевод с китайского А. Файнгара

1

Вам никогда не приходилось бывать в Цзедуне? Цзедун — небольшой торговый поселок на самом краю провинции Юньнань. Этот захолустный уголок на редкость живописен: с одной стороны поселка возвышаются горы, с другой — его омывает река. Сразу за частоколом — зеленые заросли банановых рощ. По утрам над рекой, словно прозрачная ткань, стелется легкий туман, скрывающий берега. Туман то сгущается, то рассеивается, видения возникают и исчезают, и человеку кажется, что он попал в мир грез.

Каждые два дня женщины народности тай спешат на цзедунский рынок и выстраиваются там со своими бамбуковыми корзинками. Их прямые юбки, узкие и длинные, колышутся от ветра.

В самом начале торговой улицы Цзедуна растет большое зеленое дерево. Под ним обычно располагаются со своими лотками торговки вином. Вы, наверно, пробовали это вино; в Сычуани оно называется «лаоцзао». Если хотите узнать его настоящий вкус, разбейте в стакан с вином два куриных яйца.

В этих местах вином торгуют только женщины. Одну из них звали Дао Хань-фань. Вообще говоря, все молоденькие женщины народности тай хорошо сложены и миловидны. Но Дао Хань-фань выделялась и среди них. Она привлекала к себе наибольшее внимание. Обычно бывало так: у ее лотка уже толпились покупатели, но все, пришедшие на рынок позже, стремились купить вина именно у нее. Словно ее чашки и ковш были сделаны из магнита и притягивали к себе прохожих. Возможно, вино у Дао Хань-фань было особенно вкусным? Нет. Или, может быть, она очень любезна с покупателями? Тем более нет. Кто бы ни подошел, девушка оставалась совершенно равнодушной и никому не оказывала предпочтения. Глядя на нее, можно было подумать, что она руководствуется одной лишь мыслью: «Хочешь выпить вина — пей, не хочешь — уходи». Но покупатели были назойливы. Они не спешили — спокойно и невозмутимо смотрели они на продавщицу, вовсе не собираясь уходить. Запоздавшие становились в очередь, и часто вина им уже не доставалось. Но они не казались разочарованными. Наоборот, пребывали в самом отличном настроении.

А между тем, у остальных лотков было пусто — на них никто не обращал внимания. Другие торговки вином давно уже втихомолку поругивали Дао Хань-фань. Когда речь заходила о ней, они презрительно фыркали: «Замуж не выходит — все боится продешевить. Если фрукты вовремя не продать, они гниют в собственном доме».

В этих местах девушки обычно рано выходят замуж. Толстушка Дао Хань-фань — кофта и юбка из голубой материи с трудом сходились на ней — была уже не маленькая. Но замуж она почему-то не выходила. Каждый год несколько набравшихся храбрости молодых людей стучались у дверей ее дома, и каждый раз их бесцеремонно выставляли за порог. Некоторые пытались даже умыкнуть ее — насильственный брак допускается местными обычаями,— но тоже без успеха. Если женщина не

хочет выходить замуж, не помогают даже громы и молнии. И все уже свыклись с тем, что несколько молодых людей кружат над ней, подобно ястребам, смотрят с высоты, описывают круг за кругом, но так и не решаются приблизиться.

Родных, кроме матери, у Дао Хань-фань не было. Жили они вместе, одиноко и сиротливо, в небольшой бамбуковой лачуге за частоколом. Мать и дочь были друг для друга единственной опорой в жизни. Когда девочке исполнилось девять лет, мать разбил паралич. Она слегла и больше уже не поднялась с постели. С тех пор Дао Хань-фань и приняла из рук матери лоток со сладким вином.

Сколько времени прошло, сколько пронеслось дождей и бурь — трудно сказать. Жизнь девушки застыла, как вода в пруду, она никогда не проявляла ни малейшего волнения. Дао Хань-фань привыкла к уединению и грусти. Девушки народности тай любят танцы и песни. Но никто еще не видел, чтобы Дао Хань-фань пела, танцевала или играла на музыкальных инструментах. Она оставалась равнодушной ко всему на свете, как будто ее окружало полное безмолвие и безмятежный покой. Казалось, ею не владели никакие желания. Она ухаживала за матерью, готовила вино и несла его на рынок. И все это безмолвно, не выдавая своих чувств — будто девушка никогда и не вспоминала, что ей уже двадцать один год.

А теперь я познакомлю вас с другим человеком.

В Цзедуне был так называемый «отряд медицинской службы». Конечно, отрядом он только назывался, так как состоял всего из одного врача и двух сестер; в то время провинция Юньнань только что была освобождена, повсюду ощущалась острая нехватка кадров, и такое захолустное местечко, как Цзедун, еще не могли обеспечить полностью медицинской помощью.

Врач Чжао Ци-мин демобилизовался из армии. До армии он работал ветеринаром, хотя и не имел специального образования. Но в этих местах это был поистине незаменимый человек. Он не знал ни минуты покоя: то спешил с восточного края Цзедуна на западный, то по срочному вызову переправлялся с южного берега реки на северный. В одном доме у кормящей матери пропало молоко — зовут его; в другом доме у буйвола вдруг пропал аппетит — опять зовут его. Обычно он спешил по какому-нибудь вызову и жаловался:

— Как нарочно! Хоть через горы прыгай! Что ни случись — все валится на мою голову!

Однако к кому же было обращаться, как не к нему? Ведь, кроме него, от недугов мог избавлять лишь Будда из бирманского монастыря. Местные жители считали Чжао Ци-мина поистине всемогущим, уважали его, называли своим самым близким другом. Его никогда не забывали пригласить на свадьбу. Подерутся два мальчугана — он неизменно выступает в роли примирителя. Когда Чжао Ци-мин проходил по улице, из всех окон высовывались головы ребятишек, звавших его:

— Доктор Чжао! Зайдите в наш дом, посидите минутку!

А если время было обеденное, его почти насильно усаживали за стол.

Каждое воскресенье врач обычно направлялся к большому зеленому дереву, что растет в начале торговой улицы Цзедуна. Женщины — продавщицы вина, еще издали завидев его, начинали чистить ковши, мыть чашки и отгонять мух, облепивших чан с вином, — врач следил за чистотой на рынке. Продавщицы действительно боялись его. И вовсе не потому, что врач строго отчитывал их. Просто он останавливался среди покупателей и, когда видел грязь, укоризненно качал головой и говорил покупателям о вреде, который приносят мухи и грязь. Люди верили ему: действительно, выпьешь чашку вина — и сляжешь в постель!

Но все это как будто не касалось Дао Хань-фань. У ее лотка по-прежнему толпились покупатели. Она как бы не замечала упреков врача, только иногда молча усмехалась — пожалуй, только затем, чтобы показать, что слушает его.

Однажды Чжао Ци-мин увидел на ее лотке грязную чашку и сделал ей замечание. Дао Хань-фань не произнесла ни слова, наполнила чашку вином и поставила ее перед покупателями. К чашке сразу протянулось несколько рук. Раздался громкий смех, и врачу не оставалось ничего другого, как удалиться.

Как-то раз, придя снова к большому зеленому дереву, Чжао Ци-мин увидел, что место, где со своим лотком обычно располагалась Дао Хань-фань, пустует. Невольно он почувствовал облегчение. По правде говоря, Чжао Ци-мин, встречаясь с ней, каждый раз испытывал какую-то непонятную неловкость. Он уже собрался уходить, как в сердце его закралось беспокойство.

Что, собственно говоря, случилось? Он признался себе, что хочет узнать, почему Дао Хань-фань не пришла сегодня на рынок. Он расспросил соседок — торговок вином, но те ничего не могли ему объяснить. Ну, ладно. Все это пустяки. Врач повернулся, чтобы уйти, но, подняв голову, увидел вдалеке маленькое уединенное сооружение из бамбука — это был дом Дао Хань-фань. «А что если зайти туда? Верно, зайду и посмотрю».

Чжао Ци-мин открыл дверь и очутился в комнате. Воздух в ней был настолько спертым, что становилось трудно дышать. Он увидел Дао Хань-фань, лежавшую на полу посреди комнаты. Лицо ее горело, в уголках рта показалась пена. Сомнений быть не могло — девушка тяжело заболела. Рядом с ней лежала разбитая параличом мать с заплаканными глазами. Врач не может медлить при таких обстоятельствах. Чжао Ци-мин быстро вытащил из кожаной сумки стетоскоп — выходя из дому, он всегда брал с собой сумку с инструментами, — но тут произошло то, чего он не мог предвидеть. Мать и дочь смотрели на него в упор. В этом взгляде сквозили страх, настороженность и ненависть. Когда он попытался приблизиться, Дао Хань-фань с трудом приподнялась на руках и с явной неприязнью произнесла:

— Что тебе нужно?

Старуха добавила:

— Уходи, уходи немедленно! Нам не нужно ничьей жалости.

И мать и дочь смотрели на врача с нескрываемой враждебностью. В их глазах профессия врача, видимо, ничем не отличалась от профессии разбойника или вора. Чжао Ци-мин не знал, что еще в те годы, когда Дао Хань-фань была совсем маленькой, ее отец тяжело заболел. Мать обратилась к Будде, истратила массу денег. Но лучше отцу не стало. Как раз в то время в Цзедуне приехал какой-то врач-китаец. Он разбил палатку на улице, соорудил лоток с лекарствами и заявил, что может вылечить любую болезнь. К нему и отправилась мать Дао Хань-фань. Она пригласила доктора к больному. Врач прожил в Цзедуне целый месяц. Лекарства в его чемодане поубавилось, зато прибавилось денег. Это были не только многолетние сбережения обращавшихся к нему местных жителей, но и жалкие зерна риса, составлявшие их скудное пропитание. Однажды совершенно неожиданно для всех доктор исчез вместе со своим чемоданом...

Отца еще не успели похоронить, как по Цзедуну пронеслась молва: умер отец потому, что его жена попалась на удочку врача-китайца...

Чжао Ци-мин никак не мог понять, почему его так встретили, и ничего не ответил. Но он знал, что делать. Вернувшись с двумя сестрами, он насильно осмотрел больную и поставил диагноз — перемежающаяся лихорадка... Что было дальше, вы можете догадаться сами: врач сделал все

возможное для того, чтобы вылечить продавщицу вина. Во избежание каких-либо случайностей, он и ночью оставался в доме больной — в маленькой комнате, где обычно женщины читали сутры. Отделенный от больной лишь пологом из бамбука, Чжао Ци-мин отчетливо мог слышать ее дыхание. Часто он до рассвета сидел у ее изголовья. Глаза врача покраснели от бессонницы.

А тем временем было получено распоряжение о переводе Чжао Ци-мина в город для переподготовки. Врач, назначенный на его место, уже приехал. Но Чжао Ци-мин не торопился уезжать. Лишь убедившись, что всякая опасность для Дао Хань-фань миновала и девушка стала поправляться, он покинул Цзедун.

2

Через два года Чжао Ци-мин снова приехал в Цзедун. Провинциальное управление здравоохранения создало специальную комиссию для обследования результатов борьбы с перемежающейся лихорадкой — в районе Цзедуна эта опасная болезнь свирепствовала уже много лет, — и так как он отлично был знаком с обстановкой, его включили в эту комиссию, оторвав на время от занятий.

Раньше из центра провинции до ее окраин добирались на волах не меньше месяца. Теперь была сооружена шоссейная дорога, и поездка отнимала всего четыре дня. Но, ввиду трудности строительства дороги в горах, шоссе не дошло до Цзедуна примерно на двадцать километров. Достигнув конечного пункта шоссе, комиссия остановилась в горной деревушке народности цзинпо, намереваясь на другой день пешком двинуться в Цзедун. Гостеприимные местные жители радостно встретили приезжих. Они немедленно приготовили для врачей комнаты, чтобы те чувствовали себя, как дома.

В доме, где остановился Чжао Ци-мин, хозяйка всего несколько дней назад родила и еще не вставала с постели. Узнав, что комиссия направляется в Цзедун, она попросила Чжао Ци-мина захватить с собой маленький сверток. В нем были рисовые пирожки, семечки и другие лакомства, которые любят горцы. Она просила в виде любезности передать сверток товарищу Ли Шу-хуэй, имя которой все люди народности цзинпо произносили с благоговением.

Муж хозяйки рассказал Чжао Ци-мину следующую историю.

Это было совсем недавно. Жена слегла. Боли не отпускали ее, она находилась между жизнью и смертью целые сутки. В пограничной части, находящейся в соседней деревне, узнали об этом и вызвали по телефону деревню, расположенную на противоположном берегу. Из больницы Цзедуна была выслана медицинская группа. По телефону сообщили, что группу возглавляет Ли Шу-хуэй, согласившаяся немедленно отправиться на помощь. Но прошло уже довольно много времени, и никто не приходил. Захватив с собой зонт, муж отправился на разведку. Когда он подошел к реке, все стало ясно. Ночью прошел ливень, река вышла из берегов, и переправиться через нее не было никакой возможности. В обычное время эта речушка пересыхала, и ее можно было перейти вброд, но как только случался ливень и потоки воды неслись с гор, связь между берегами прерывалась.

Что было делать? Волнение охватило его, в полной растерянности ходил он по берегу. Вдруг он увидел барахтающуюся в волнах женщину. Лицо ее было смертельно бледным, волосы намокли и растрепались. Она держалась за створку бамбуковой двери, которая каким-то чудом еще не разломилась на части. Женщине повезло, она удачно попала в

волну прибоя, которая выбросила ее на берег. Если бы не эта счастливая случайность, женщина была бы обречена на гибель. Он быстро вытащил ее из воды. У пояса женщины была пристегнута сумка с медицинскими инструментами, несколько раз обернутая промасленной материей. На сумке был красный крест. Радость охватила всех жителей деревни — женщина оказалась руководительницей медицинской группы, о которой сообщали по телефону. Ее привели в дом.

Когда женщина окончательно пришла в себя, вокруг собралось много людей. Она долго не могла понять, где находится. Наконец спросила, что это за деревня. Услышав ответ, снова спросила:

— Чей это дом?

Губы ее дрожали, она с трудом, невнятно произносила слова. Но люди, стоявшие вокруг, поняли, о чем она говорит.

— Это и есть нужный вам дом.

Женщина хотела тотчас же подняться, но силы оставили ее, и она снова опустилась на постель. Потом она все же встала и принялась за работу. Через час два мальчика-близнеца появились на свет. Всех охватило радостное возбуждение, о родителях и говорить не приходится. А женщина-врач заботливо и нежно спеленала ребятишек. Еще недавно жизнь матери и детей была под угрозой. Ради спасения их она рисковала своей жизнью, переплывая разлившуюся реку. И вот она спасла не две, а три жизни.

Но силы снова оставили ее, голова закружилась, и женщина без чувств упала на пол. Только сейчас все заметили, что мертвенная бледность покрывает ее лицо. Началась рвота — женщина наглоталась илистой речной воды.

Рассказ человека народности цзинпо взволновал Чжао Ци-мина. Оказывается, в Цзедуне уже есть больница; об этом он так мечтал два года назад! Кроме того, он не мог не испытывать гордости за своего коллегу — ту женщину, руководительницу медицинской группы. Он охотно согласился выполнить просьбу — передать Ли Шу-хуэй их скромный подарок.

Комиссия, наконец, достигла Цзедуна. Весь персонал больницы выбежал навстречу прибывшим. Обменявшись рукопожатиями с женщиной-врачом, Чжао Ци-мин спросил:

— Кто здесь товарищ Ли Шу-хуэй?

Женщина ответила:

— Это я.

Чжао Ци-мин еще раз внимательно посмотрел на нее, еще раз крепко пожал ей руку, затем торжественно передал подарок. Врач недоуменно пожала плечами. Ему пришлось объяснить:

— Это подарок семьи, в которой родились близнецы. Они просили также передать, что через несколько дней собираются навестить вас.

Врач засмеялась и сказала:

— Нет, это не мне. Они ошибаются.

Оказывается, произошло следующее. В тот день Ли Шу-хуэй отправилась делать укол тяжело заболевшей девочке. Неожиданно раздался телефонный звонок. Сообщили, что в деревне народности цзинпо женщина не может разрешиться от бремени. Требовалась помощь врача, надо было немедленно отправляться в путь. Но кто мог ожидать, что после укола девочке станет значительно хуже? Ли Шу-хуэй не могла ее покинуть. И в этот трудный момент одна из медсестер попросила разрешить ей отправиться на вызов. Правда, она была новенькой, но больше никого под рукой не было — все остальные сестры уехали по срочным вызовам. Ли Шу-хуэй ничего не оставалось, как дать разрешение. Как раз в тот день начался разлив реки, дорога в деревню, где находилась роженица,

была отрезана. И медсестра пошла на огромный риск — она переплыла реку, держась за бамбуковую дверную створку. Ее едва не поглотил могучий горный поток. Она нашла в себе силы принять новорожденных, но тут же потеряла сознание и пролежала ночь, не приходя в себя. На другой день вода схлынула; в это время из пограничной части посылали в Цзедун обоз с провиантом, и девушку доставили в больницу. Она пришла в сознание лишь на третьи сутки.

Закончив свой рассказ, врач вернула Чжао Ци-мину подарок и сказала:

— Вы бы сами вручили его той девушке. — Затем она подозвала медсестру: — Проводите товарища к Дао Хань-фань.

Так это она! Чжао Ци-мин растерялся на мгновение — этого он никак не ожидал. Только что, проходя мимо большого зеленого дерева, он вспомнил о продавщицах сладкого вина и думал навестить свою пациентку. А теперь он заколебался. Не может быть! А впрочем, разве только на рынке можно встретиться с нею?

...Два года назад, как только Дао Хань-фань оправилась после болезни, она сразу пришла в больницу и попросила оставить ее там — подметать пол, готовить пищу, стирать белье. За время болезни на нее было израсходовано много лекарств, заплатить за них они с матерью не могли. И теперь Дао Хань-фань хотела отработать долг. Услышав это, директор больницы засмеялся: за лекарства и лечение не требуется никакой платы, объяснил он девушке.

Вскоре при больнице были открыты курсы медсестер, и директор вспомнил о Дао Хань-фань. Он сам пришел к ней домой и пригласил девушку учиться. Она тогда и понятия не имела, что такое учение, но согласилась: ведь если люди спасли ей жизнь и теперь обращаются к ней с просьбой — разве можно отказать? Так она стала акушеркой. Но главное для этой всю жизнь торговавшей вином девушки заключалось в другом. За короткий срок она узнала массу вещей, о которых раньше не имела ни малейшего представления. Ну, взять, например, того доктора — Чжао Ци-мина. Это китаец, оставивший свой дом, своих родных; отрешившись от всего, он приезжает в Цзедун. И вот он бегает по больным, где бы они ни находились, невзирая на непогоду, днем и ночью, не считаясь с трудностями и усталостью, пренебрегая опасностью заразиться. И все это не ради личной выгоды. Тогда во имя чего же? На что он рассчитывал? Раньше девушка не могла понять его. А теперь Дао Хань-фань поняла. Он делал все это не ради чего-то, не из расчета, а во имя счастья людей...

Трудно сказать, когда это началось, но часто увлажненные глаза Дао Хань-фань задумчиво устремлялись в одну точку. Всеми силами она отгоняла от себя мысли о Чжао Ци-мине. Она помнила его, правда, весьма смутно. Девушка забыла, как он одет, какое у него лицо. Ведь раньше она совсем не думала о нем. Когда Дао Хань-фань заболела, они часто бывали рядом, но девушка почти все время была в беспамятстве. Одно воспоминание было предельно четким: приходя, он каждый раз клал ей руку на лоб. Рука эта была большая, прохладная. Врач тихонько гладил волосы девушки. При этом воспоминании сердце ее начинало учащенно биться. И избавиться от подобных мыслей она не могла. Мысли эти, радужные и прекрасные, преследовали ее.

Говорят, что неразговорчивые люди лучше всех умеют мечтать, и это, конечно, правда. Однажды она пошла за водой и вдруг, еще не наполнив ведер, остановилась. Она вспомнила, что именно здесь, на берегу реки, она видела Чжао Ци-мина. Он спешил, очевидно, по вызову и очень быстро исчез из виду вместе со своей неизменной кожаной сумкой. Долго просидела она тогда на берегу реки, забыв обо всех домашних делах. И

только когда из бамбуковой лачужки до нее донесся голос матери, она нехотя очнулась от овладевших ею мыслей и побежала с ведрами домой.

Не забыла Дао Хань-фань и другое. Однажды врач потребовал, чтобы она вымыла грязную чашку на своем лотке. Она ничего не ответила и продолжала разливать вино, чем вызвала громкий смех покупателей. Теперь девушка сама удивлялась, какой легкомысленной и глупой она была тогда. Часто она говорила себе, что Чжао Ци-мин сейчас далеко. Разве можно представить, что он до сих пор помнит продавщицу вина? Конечно, нет. Но даже мысль об этом причиняла ей нестерпимую боль. Помнила она и о том, что, уезжая из Цзедуна, он не сказал ей ни слова на прощание.

С тех пор прошло уже два года, но о Чжао Ци-мине ничего не было известно. Она много думала о нем, а в глубине души понимала, что больше никогда его не увидит. Так метеорит в небе вспыхнет однажды, словно поманит рукой, и тут же исчезнет, чтобы больше никогда не появиться...

Чжао Ци-мину следовало немедля начинать работу — комиссия уже беседовала с врачом местной больницы. Но он все же отправился сначала передать подарок. Медсестра повела его к Дао Хань-фань.

Сестра подвела Чжао Ци-мина к большому зданию — это была только что построенная начальная школа. В классе шел урок. Он удивился: зачем они пришли сюда? Но вот сестра через стеклянную дверь показала ему на последнюю парту. За партой сидела девушка, одетая в плотно облегающую кофту, какую обычно носят женщины народности тай. Коротко подстриженная, она была в беленькой форменной шапочке медсестры. Это учительница? Нет. Девушка внимательно слушает урок. Ученица? Что-то непохоже. Слишком отличается она по виду и возрасту от детишек, сидящих за партами. Когда девушка неожиданно повернулась, Чжао Ци-мин узнал ее. Это была Дао Хань-фань.

Дао Хань-фань нисколько не стыдилась того, что она, уже совсем взрослая, сидит за одной партой с детьми. Может быть, кому-нибудь это и казалось зазорным, но как только выдавалась свободная минутка, девушка спешила в класс и бесшумно садилась за последнюю парту. Она не имела возможности посещать все уроки и по успеваемости отставала от ребятишек. Но это не охлаждало ее пыла к учению. Уже давно она решила для себя: жизнь дана человеку не напрасно, надо учиться, стать специалистом, ну, например, врачом — таким, как Чжао Ци-мин. Как далеко это от торговли вином! Прежде всего нужно старательно учиться. И если есть возможность, сидя на одной парте с малышами, каждый день узнавать новые иероглифы, учиться считать и даже понимать массу удивительных вещей, происходящих в небе, то разве можно упускать такую возможность? А что касается так называемых приличий — это ее не беспокоит.

Медсестра предложила постучаться и позвать Дао Хань-фань. Но Чжао Ци-мин ни за что не хотел прерывать урок. Он стал у двери и терпеливо дожидался конца урока. И вот прозвенел звонок, Дао Хань-фань вышла из класса, и Чжао Ци-мин пошел ей навстречу. Увидев его, девушка оторопела и невольно остановилась. Это было так неожиданно! Она растерялась, смешалась и не могла произнести ни слова. Наконец пришла в себя, пристально посмотрела на него увлажнившимися глазами и тихо произнесла:

— Ты вернулся?..

Они вместе вышли из школы. Чжао Ци-мин совсем забыл о своем поручении. Он нес подарок в руках, молча шагая по улице рядом с Дао Хань-фань. Когда они достигли безлюдного места, девушка спросила:

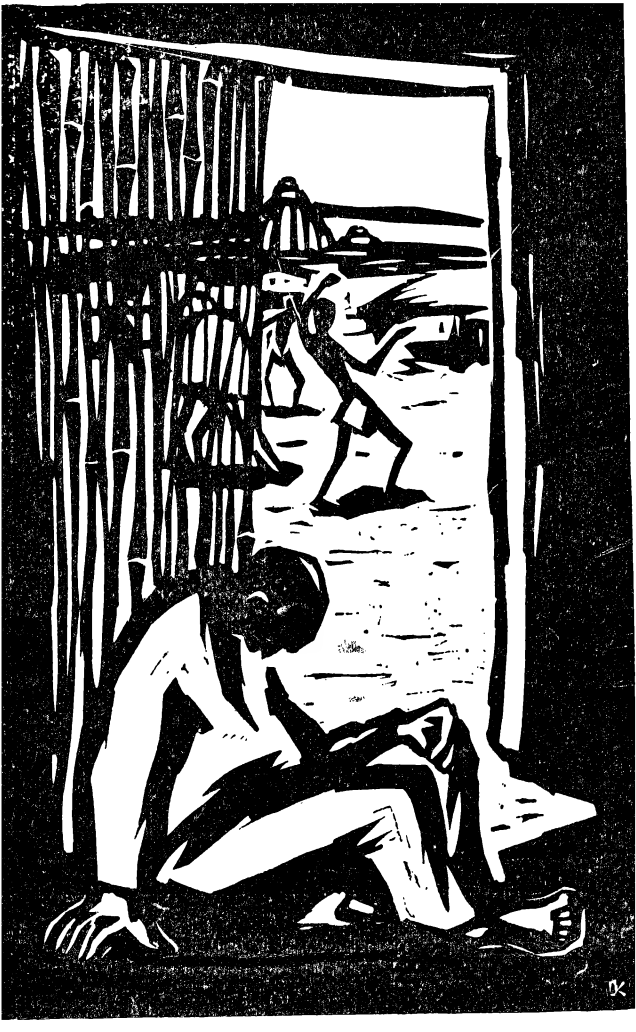
— Почему тогда, уезжая, ты не зашел ко мне?

Чжао Ци-мин едва смог ответить:

— Я зашел к тебе перед отъездом; ты спала, я хотел сначала разбудить тебя, но вдруг подумал: а что я могу сказать тебе? И решил уйти.

По узкой тропинке они углубились в густые заросли леса. Лишь цикады звенели среди банановых листьев. Только теперь молодые люди остановились — оба поймали себя на мысли, что не знают, куда забрели. Опустив голову, Дао Хань-фань смущенно сказала:

— Идем к нам домой. Мама угостит тебя сладким вином.



ЗВЕЗДЫ МЕРКНУТ, ЗВЕЗДЫ ЗАГОРАЮТСЯ» *Рис. О. Кудряшова*

ИНДИЙСКИЕ РАССКАЗЫ

Кришан Чандар

Звезды мерцают... Звезды загораются

Перевод с урду И. Кудрявцевой и И. Рабиновича

Ашок Дхаке был маклером бомбейской биржи. Вот уже два года как он приютился в местечке Навасари под Бомбеем. Темная, тесная лачуга с трудом вмещала всю ораву — его, жену и шестерых ребятишек, а заработка едва хватало, чтобы не протянуть ноги.

Ашок Дхаке не блистал высоким образованием, но это не смущало его: он отточил свое оружие в жестокой школе биржевых махинаций и плутнями своими, как бритвой, подрезал все уловки конкурентов. В жульнических проделках Ашок Дхаке не знал себе равных.

Однако бизнес — бизнесом, а в жизни Ашок Дхаке был человеком набожным и обряды своей веры соблюдал неукоснительно. Каждое утро, прежде чем приняться за дела, он заглядывал в небольшой храм, расположенный на пути от Навасари в Баргам, и почтительно склонялся перед изображением Ганеш-джи*. Исполнив обряд поклонения, Ашок Дхаке принимался за газету — вернее, за ту полосу, где печатался биржевой бюллетень, а затем направлялся к местному астрологу Харибаллабху, чтобы испросить у него совета.

Хотя ежедневные советы пандита** Харибаллабха и не способствовали до поры до времени избавлению Ашока Дхаке от нищеты, маклер был преисполнен глубокой веры в астрологию. Да и он ли один? Соратники его — мелкие пройдохи и крупные биржевые воротилы, вершившие дела с помощью десятков телефонов, — все свои надежды возлагали на астрологов. Стоило объявиться в городе новому пандиту, и дельцы, как свора псов, устремлялись по его следу. Недаром все новоявленные пандиты в Бомбее специально изучают астрологию биржи. Говорят даже, что в Бенаресе открывается университет астрологии, где будет изучаться влияние звезд на повышение и понижение биржевого курса. Что ж, это хорошо. В других странах тратят десятки миллионов на то, чтобы обследовать луну, мы же на земле постигаем тайны светил и строим на листке бумаги гороскоп. У нас дома есть все, друзья!

Когда Ашок Дхаке, совершив обряд поклонения в храме Ганеш-джи, направлялся к пандиту Харибаллабху, вокруг безлюдной дороги про-

* Бог мудрости; джи — частица, прибавляемая к имени в знак уважения.

** Почетный титул брахмана.

стиралась лишь заброшенная земля, поросшая густой жесткой травой да диким кустарником. Баргам раскинулся в трех милях от Навасари. Побережье было сплошь застроено: дачи крупных дельцов, отели, рестораны... Кокосовые рощи по субботам и воскресеньям давали приют горожанам, приезжающим отдохнуть и повеселиться.

Баргам представлял собой довольно оживленное местечко. Населяли его главным образом богатые торговцы рыбой — их было тысяч пять-шесть — да тысячи три беженцев из Пенджаба, для которых местные власти устроили лагерь. За последнее время местечко становилось все более шумным и оживленным.

Ашок Дхаке судил об изменениях, происшедших здесь, не по лицам взрослых и не по одежде детей, а по росту цен. В Баргаме вздорожала аренда, повысилась и заработная плата. Какой-то предприимчивый парс* открыл еще один ресторанчик, заработали три новые мельницы, были учреждены два дополнительных полицейских поста. Уж что-что, а цены на недвижимость Ашоку Дхаке были хорошо известны, и теперь, наблюдая за оживлением и ростом Баргама, он потерял покой, так как все время думал о пустующей земле вдоль всей дороги Навасари — Баргам. Того, кто догадается застроить эту землю, ожидают баснословные прибыли: не пройдет каких-нибудь двух-трех лет, и стоимость участка в этих местах возрастет в пять-десять раз! Ашока Дхаке удручало не то, что голова его полна столь блестящих идей: он очень опасался, как бы такая же мысль не пришла какому-нибудь более удачливому дельцу. Ведь, несмотря на подвижническую жизнь и биржевую изворотливость (тоже своего рода подвижничество), Ашок Дхаке был всего только бедным маклером, чьи ребятишки нагишом бегали по улицам местечка.

Но все имеет свой конец; окончились и горести Ашока Дхаке. Теперь вы не узнали бы его. Из убогой хижины он перебрался в роскошную виллу, жена его сладка, как мед, и нежна, как шелк, огненными маками цветут щеки ребятишек. Что же произошло? Может быть, бедняга вкусил от священного корня перевоплощения? Или отдал детей в приют и прижил новых на фешенебельном Малабар-хилле?

Нет, что вы! Почтенный маклер не совершил ничего, противного морали и закону. Он все тот же, та же у него жена, те же дети. Все дело в несравненной мудрости пандита Харибаллабха, благодаря которой Ашоку Дхаке удалось за каких-нибудь два часа заработать семьсот тысяч рупий!

Пять лет верно почитал он Харибаллабха, и настал, наконец, час, когда постоянство это принесло свои плоды. Лакшми, богиня счастья, одарила маклера от своих щедрот. И удачливый клиент не оставил своего почтенного наставника. Пандит Харибаллабх покинул жалкую лачугу и вместе с женой и тремя ребятишками водворился в помещении для слуг при роскошной вилле Ашока Дхаке. Сам пандит получил в награду от маклера пятьсот рупий, дети его защеголяли в обновках.

Счастливый маклер воздвиг новое изваяние божества в том самом храме Ганеш-джи, куда он когда-то по пути из Навасари в Баргам постоянно заглядывал, и не пожалел на это достойное дело десяти тысяч рупий. Получил подношения и факир Дулла, обитавший под деревьями у мусульманского кладбища, по другую сторону дороги. Ашок позаботился почтить священное убежище факира, вывесив над ним зеленое полотнище**.

---

* Члены религиозной общины штата Бомбей, исповедующие древнеперсидскую (зороастрийскую) религию. Парсы — потомки выходцев из Персии, говорят на языке гуджерати.

** Зеленое полотнище — знамя ислама.

Индусские святые, мусульманские факиры, астрологи и ученые — все они в глазах Ашока Дхаке были достойны поклонения. И он был прав: шутка ли, за два часа заработать семьсот тысяч!

Астрология — наука наук! Благодаря ей Ашок Дхаке стал богачом. Самый трудолюбивый человек, ни он спину день и ночь, и за десять лет не заработает семисот тысяч. Правильно говорит пандит Харибаллабх: в жизни мы получаем лишь то, что уготовано нам судьбой. Ашоку Дхаке семьсот тысяч были предназначены свыше — он их и получил. Если же наша судьба готовит нам семьсот тысяч голодовок — таков наш удел. Жаловаться бесполезно: ведь каждый человек родится вместе со своей судьбой. А астролог — что ж, он не берется изменять судьбу. Он только поясняет: в твоей судьбе записано то-то и не записано того-то.

* * *

В тот день, когда Ашок Дхаке, воздвигнув новое изваяние в храме Ганеш-джи, пустился в свой обычный путь по безлюдной дороге, он вдруг по-новому осознал все изменения, происшедшие в его жизни за последние дни. Ведь теперь он богат! Отныне он в состоянии осуществить свои блестящие замыслы.

Вечером счастливец держал совет со спутницей своей жизни. Но супруга его была женщина крайне неразумная.

— Вах! Для чего нам кидать на ветер двести тысяч и строить дома в этой дыре? — возмутилась она.— Лучше купи мне на эти деньги драгоценностей.

Затем почтенная женщина высказала пожелание, чтобы в деревне, откуда они оба родом, соорудили школу, молельню и установили изваяние Хануман-джи*. Кроме того, ей совершенно необходим муслин из Дакки**, бог весть как он там называется, но, говорят, очень дорогой. К тому же ведь совсем недавно был совершен обряд бритья Джаганнатха, их младшего сынишки, поэтому обязательно нужно пригласить в дом самых знаменитых пандитов из Дварки-джи***. Никто, разумеется, не собирается порочить пандита Харибаллабха, но куда уж ему до ученых из Дварки-джи!

— Да, чуть не забыла! Надо съездить в Гиргам, купить варенья из манго, а заодно и новые туфли, точь-в-точь такие, какие были у племянницы Камалы. Камале так шло сари с золотой каймой и...— Но писк малыша прервал этот бурный поток пожеланий. Супруга маклера вскочила и бросилась к постели. Ашок Дхаке с облегчением вздохнул и отправился в помещение для слуг — советоваться с пандитом Харибаллабхом.

Астролог понимал состояние своего друга, поэтому тотчас же принялся за составление гороскопа. Надо сказать, что, не в пример иным своим собратьям, пандит Харибаллабх, глубоко убежденный в силе науки, не старался смягчить или подправить свои предсказания. Сандаловая тика**** на его челе озарялась светом истинной веры. Харибаллабх повторял клиенту лишь то, что говорил гороскоп, не подслащая горечи истины. А когда лукавая жизнь опровергала гороскоп, астролог объяснял: «Бесспорно, я совершил какую-нибудь оплошность — неправильно определил звезды или неверно рассчитал время. Что-то было упущено». Ни разу в жизни он не усомнился в самой астрологии.

---

* В индийской мифологии царь обезьян, считающихся священными животными.

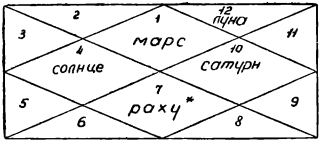
** Город в Восточном Пакистане, славящийся своими тканями.

*** Место паломничества на побережье Аравийского моря.

**** Кружочек, наносимый краской на лбу, кастовый знак брахмана.

Пандит Харибаллабх уселся, скрестив ноги, и принялся составлять гороскоп на те участки земли, где Ашок Дхаке собирался построить пять домов.

Вот что у него получилось:



Пандит ужаснулся. Поскольку Ашок Дхаке и сам уже понаторел в астрологии, Харибаллабх положил перед ним листок с чертежом и сказал:

— Вот гляди сам, что получается. В первой клетке Марс, вторая и третья клетки пусты. Но в четвертой — Солнце.

Коль в четвертой клетке Солнце,
То жена — глава над мужем,
Ссоры, распри и обиды
Чередою в дом войдут.

Если ты решишься построить здесь дома, то тебе не избыть неурядиц в собственном доме.— Внимательно вглядевшись в чертеж, пандит продолжал: — Тот, кто возведет постройки на этой дороге, потерпит убытки не только в жеребцах и кобылах — то есть в автомобилях, но также и в людях.

А Сатурн в десятой клетке
Смерть сулит всему живому:
Гибнут кони, гибнут люди,
Мор всесильный скалит пасть...

Теперь взгляни сюда: в десятой клетке находится Сатурн, но в седьмой — Раху.

В доме ссоры и раздоры,
Раз седьмая клетка — Раху,
Смерть жены и гибель дома,
Раз десятая — Сатурн!

— Боги! О боги! — Ашок Дхаке в отчаянии всплеснул руками.— Этот гороскоп сулит одни беды! Но земля, какая земля! Второй раз такой случай вряд ли представится.

Пандит Харибаллабх раскрыл другую книгу, еще более древнюю, покрытую плесенью и изъеденную червями, и принялся составлять новый гороскоп. Взглянув на свою работу, он стал подводить итоги:

Солнце жжет лучами землю.
Гнев Сатурна, ярость Марса,
Смерть, позор и разоренье —
Вот как звезды кажут путь!

Пандит-джи скорбно покачал головой.

— Будет мор. На этой дороге — заклятие. И не думай строить там дома!

---

* Название мифической планеты.

* * *

А на дороге и в самом деле, видно, лежало заклятие. Вечерами, после восьми часов, никто не смел показываться здесь в одиночку. Не знавшие этого путники зачастую возвращались обратно, насмерть перепуганные. Случалось, в кюветах у дороги находили перевернутые такси и тела одиноких прохожих. Жизнь человека здесь не стоила и гроша. Смельчака, который отваживался пуститься в этот страшный путь вечером, возле кладбища подстерегали духи и призраки, демоны и джины. Если ему и удавалось спастись от них и добежать до дома, то бедняга долго еще стучал зубами и трясся от страха, как в лихорадке.

Святой Дулла зарабатывал немалые деньги, продавая амулеты и ладанки, а жрец из храма Ганеш-джи конкурировал с ним, читая заклинания против демонов, призраков и прочей нечисти. Часто в темноте на этой трехмильной дороге слышались отчаянные вопли и мелькали блуждающие огни. Однако ни один почтенный житель из Навасари или Баргама не осмелился бы пойти туда и узнать, что же происходит здесь в эту мрачную и глухую пору ночи. Бомбейцы называли эту дорогу бесовской. Даже водители такси отказывались проезжать по ней после того, как начинало темнеть.

— Сахиб, мы поедем куда угодно, но только не бесовской дорогой,— говорили они.— Время-то ночное!

Конечно, пандит Харибаллабх прав: дорога — под несчастливыми звездами. Поэтому-то, видно, и муниципалитет о ней не заботится. Чем же еще можно объяснить, что в Навасари улицы освещены, в Баргаме тоже, а на этой длинной трехмильной дороге нет ни одного фонаря? Дорога не ремонтируется, тут и там на ней выбоины и ямы, сколько здесь было автомобильных катастроф, сколько загублено человеческих жизней!

Взвесив все это, Ашок Дхаке оставил мысль о постройке домов и все свои деньги, по совету пандита Харибаллабха, вложил в крупные биржевые спекуляции. Операции оказались крайне выгодными, они принесли большие барыши, но не Ашоку Дхаке, а маратху Васанте. Что же касается нашего маклера, то ему и пандиту Харибаллабху вновь пришлось вернуться в прежние грязные лачуги. После этого случая между Ашоком Дхаке и звездочетом словно черная кошка пробежала. Теперь маклер кричит на каждом перекрестке, что пандит Харибаллабх — вовсе не астролог и ничего предсказать не умеет.

Это событие крайне дурно отразилось на деятельности Харибаллабха. Два-три ростовщика—его постоянные клиенты—прекратили посещения, зато частым гостем в хижине пандита стал голод. Пожалуй, чередование таких посетителей — работы и голода — и можно назвать подлинной жизнью.

Харибаллабх не находил себе места от тревоги. Снова и снова раскрывал он старую книгу и принимался составлять гороскоп. Но, как ни странно, картина была уже совсем другая.

Тот, кто землю украшает,
Да подобен станет солнцу,
Чей победный свет не меркнет
В сонме ласковом светил.
Дом его да будет храмом,
А супруга — мудрой Лакшми.
Такова богов награда
Средоточью добрых сил.

— Ошибка! Ошибка! Крошечная ошибка! И какие последствия! — шептал пандит Харибаллабх дрожащими губами и в отчаянии рвал свои седые волосы.

Но случилось так, что строительная компания «Джуху» получила подряд на постройку аэродрома. Для засыпки низин и для других нужд потребовались камень и земля. Камень решено было ломать в горах Навасари, как раз по ту сторону дороги Навасари — Баргам. Вскоре каменоломня заработала полным ходом, и безмолвная дорога, где прежде лишь изредка мелькала сиротливая фигура одинокого путника, огласилась песнями сотен тружеников и глухим гулом динамитных взрывов. День и ночь по дороге сновали грузовики с землей и камнем; но, поскольку автомобильный транспорт не мог удовлетворить всех нужд строительства, компания провела узкоколейку, которая соединила каменоломни с Джуху, прошла возле кладбища и храма и перерезала старую бесовскую дорогу. И — удивительное дело! Джины и привидения, видимо, бежали с кладбища. С тех самых пор, как администрация узкоколейки расставила повсюду посты охраны, машины перестали переворачиваться, погасли в низинах блуждающие огни, а вместо диких воплей в полночь на дороге зазвенел радостный смех влюбленных. В каменоломне и на строительстве работа не прекращалась круглые сутки, и пустынная мрачная местность озарилась светом человеческого труда.

Святому Дулле грозило разорение — у людей отпала нужда в ладанках и амулетах, и он поспешил убраться с кладбища. Пандит Харибаллабх, доведенный до крайности постоянным голодом, устроился сигнальщиком на узкоколейку.

Как-то, после хорошего дождика, пандит Харибаллабх с флажком в руке стоял возле поворота узкоколейки. Взгляд пандита остановился на дороге, и вдруг ему показалось, что она сбросила злые звезды старого гороскопа, как змея сбрасывает кожу. Как прекрасна была дорога в электрическом свете! На груди ее длинной лентой вились рельсы узкоколейки, в ушах сверкали серьги электрических фонарей, вся она содрогалась под мерной поступью труда.

«Я поистине всю жизнь заблуждался, занимаясь астрологией,— подумал пандит Харибаллабх.— Человек меняет облик ущелий и дорог, мостов и земель, почему же он не волен изменить и свою собственную судьбу?»

Поезд узкоколейки подошел к повороту и засигналил легким птичьим свистом. Пандит Харибаллабх улыбнулся и взмахнул зеленым флажком:

«Доброго пути тебе, поезд труда!»

Яшпал

Одна сигарета

Перевод с хинди Т. Катениной и Н. Толстой

Дамти — из брахманской касты *, но рода низкого, бедного: все ее родные пашут землю. От тяжелого крестьянского труда, от земли кожа их потемнела. Они утратили обычаи брахманов, речь их потеряла былую чистоту. Не было им почета и уважения в деревне. Если бы жизнь не заставила этих брахманов заниматься тяжелым, черным трудом, в их роду сохранилась бы чистота обычаев и языка касты. Все бы их уважали и боялись. Тогда бы и ее звали не Дамти, а Дамаянти.

Дом свекра Дамти, где она живет, расположен в пяти-шести милях от дороги из Карнапраяга в Рудрапраяг, что на пути к священному Бадринатху. Да, что же я говорю «живет»? Надо сказать «жила»...

Дамти было 11—12 лет, когда справили ее свадьбу. Года полтора-два после свадьбы она еще продолжала жить в родном доме. Когда жених Дамти Бадждат (будь он богат, его звали бы Баджрадаттом), как и все юноши из бедных семей Гархвала **, завербовался в армию, он привез Дамти к своим родителям. Он хотел, чтобы она была им помощницей и утешением в старости. Может показаться странным, что родители молодого Бадждата уже старики, а других детей у них нет. Дело в том, что старшая сестра Баджлата умерла еще в детстве; другую сестру отдали замуж, когда Бадждат был ребенком. Вот и случилось так, что ко времени ухода сына в армию отец и мать состарились, и теперь их жизнь быстро шла на убыль. Тяжек труд земледельца! Мать-земля то и дело оборачивается суровой мачехой. Кто им может помочь теперь, когда сын далеко? Только молодая невестка.

И Дамти оправдала все их надежды. Стоило свекрови окликнуть ее, она неизменно отвечала: «Иду, мама!» Имея в доме такое сокровище, мать Бадждата все чаще стала жаловаться на усталость. Мало-помалу вся работа по хозяйству легла на плечи невестки. Свекровь только охала и стонала: «Плоха я стала, даже шевельнуться больно». Дамти то бежит за травой для скотины, то таскает в кухню хворост и воду, то разбрасывает навоз в поле. Кончит Дамти работу — глядишь, она уже сидит рядом со старухой, растирает ей ноги и поясницу.

Свекровь Дамти страдала болями в животе: червяка ли она проглотила или это была какая-нибудь другая болезнь — кто ее знает! Всегда у нее что-то было неладно. То болели зубы, то глаза, то пучило живот. Ей советовали лечиться табачным дымом. Свекровь беспокоилась: что скажут люди, если женщина, да еще брахманка, начнет курить? Но что поде-

* Высшая каста. Брахманы составляют главным образом духовенство, но встречаются подкасты брахманов, занимающиеся земледелием и другим трудом.

** Область на севере Индии, в предгорьях Гималаев.

лаешь: надо же как-то лечиться! Она стала просить Дамти разжигать для нее старую трубку мужа, прямо так, без воды *, и потихоньку курила ее, сидя в темном чулане. Дамти свято хранила тайну старухи.

В доме свекра Дамти как-то преобразилась. Тело ее утратило присущую детям угловатость и стало наливаться юной красотой. Цветущая молодость била в ней ключом. Так созревающий плод наливается соком, играет яркими красками. Лицо Дамти сияло, в глазах появился радостный блеск. Когда в прошлом году, после четырехнедельного отпуска Баджат собирался в свою часть, сердце его разрывалось при мысли о предстоящей разлуке. За это время он так крепко полюбил красавицу-жену, что потом в лагере он только и думал о возвращении в родную деревню. В армии Баджат научился курить. Он глубоко затягивался, и в клубах папиросного дыма перед ним вставал образ жены. Каждая затяжка была вздохом тоски по любимой.

Через девять месяцев после побывки путем различных ухищрений Баджат добился внеочередного отпуска. Когда он уезжал домой, в его небольшом жестяном сундучке, разрисованном пестрыми цветами, лежала пара старых солдатских сапог для отца, кусок грубой материи на кофту для матери, красивое шелковое сари, переливающееся разными цветами, серебряные сережки, коробочка с сурьмой и другие мелочи — для Дамти. Там же, в части, Баджат сфотографировался у одного пенджабца, который, установив огромный, как сундук, аппарат, занимался своим ремеслом у обочины дороги,— и получил небольшую карточку за несколько мелких монет. Ведь Баджат должен был вернуться в часть через двадцать восемь дней — срок невелик. Как же можно не оставить жене на память своей фотографии! Дамти будет посматривать на нее и вспоминать милого. Эта мысль доставляла Баджату радость. Думая о жене, он глубоко затягивался и курил одну сигарету за другой. Голова начинала кружиться, и ему казалось, что жена здесь, рядом с ним. Скорей бы попасть домой, обнять и приласкать ее, вдыхая, так же как сейчас, милый сердцу дым сигареты!

Родители были довольны, что сын так скоро опять приехал в отпуск. Но когда он дал им денег вдвое меньше, чем в прошлом году, они забыли о привезенных им подарках и, не учитывая его новых расходов — на сигареты и того, что он приехал досрочно, видели только дорогое сари и украшения невестки. Они не на шутку встревожились: «Что же это такое? Невестка-то, поди, колдунья! Ишь, как приворожила парня!»

Баджат в лагере совсем отвык от крестьянской жизни. Целыми днями он слонялся без дела. Разве после благородного оружия можно взяться за плуг или мотыгу! Ему ничего не стоило пройти целых пять миль только для того, чтобы купить для жены арахиса или сластей, которыми он угощал ее в тайне от родителей. Пренебрегая обычаями, он устроил себе постель прямо в кухне, поближе к жене. Когда ему казалось, что Дамти слишком долго возится со стряпней, он звал ее: «Эй, поди-ка сюда! Я хочу пить. Принеси воды!»—и больше не отпускал ее от себя. Старики видели это, но не смели ничего сказать. Однако кое о чем они и не подозревали. А происходило следующее. Баджат, растянувшись на постели, доставал сигарету и просил Дамти зажечь ее от кухонного очага. Глубоко затянувшись, он крепко прижимал к себе Дамти, совал сигарету ей прямо в рот и говорил: «Теперь ты покури. Ну, кури же!» Дамти сперва кашляла и смущалась, но мало-помалу привыкла и даже стала получать некоторое удовольствие. Голова у нее кружилась, она закрывала глаза и склонялась на грудь Баджата.

* В индийской трубке — хукке — дым пропускается через воду и потом уже проходит в мундштук.

Еще до отъезда сына в лагерь свекровь стала сердиться на Дамти. А когда Бадждат уехал, дело пошло еще хуже. Невестку это раздражало: «Что такое стряслось со старухой? Делаешь все как надо, а она, знай, ругается». Дамти махнула рукой на упреки свекрови и делала вид, что не слышит их. Та злилась еще больше. Дамти старалась реже попадаться ей на глаза. Отправляясь за хворостом, за водой или за травой, она пропадала часами. Когда свекровь была дома, Дамти уходила в поле разбрасывать навоз, а если свекровь работала в поле, Дамти сидела дома. Когда же не было предлога уйти из дому, она скрывалась на сеновале. Теперь душа ее не лежала к работе.

Раньше, бывало, свекровь говорила Дамти: «Смотри за хозяйством, дочка: ведь здесь все твое. Не возьмем же мы добро с собой в могилу!» Она привязалась к невестке, да и спокойней было передать все хозяйство в руки молодой женщины. Свекровь даже доверила Дамти ключи от обоих сундуков. А ведь среди других вещей там хранились и несколько серебряных украшений свекрови. Теперь она забрала ключи обратно и прицепила их к поясу. Дело дошло до того, что даже муку и рис стала выдавать сама, старательно отмеряя их горстями. Старики ели досыта, а невестка оставалась полуголодной. Кипя злобой, свекровь осыпала ее попреками и бранью: «Вот ведьма! Приворожила нашего сына, отняла у отца с матерью! И подумать только: отдал ей все, что заработал! Припрятала деньги, а теперь готова и нас сожрать!»

Серьги — подарок Бадждата — мешали Дамти мыть голову. Как-то раз Дамти сняла их и положила на полку в кладовке. Вернувшись за ними, она серег не нашла; обыскала весь дом — безрезультатно! Когда она спросила свекровь, та обрушилась на нее: «Посмотрите-ка на эту ведьму! Сама спрятала серьги, а меня обвиняет в воровстве!» Дамти оставалось лишь молча глотать слезы. В один прекрасный день исчезла и коробочка с сурьмой.

Фотографию мужа Дамти бережно хранила в коробке от сигарет вместе с единственной оставшейся в ней сигаретой. Дамти боялась, как бы старуха не украла и фотографию, поэтому она спрятала коробку на сеновале, засунув в щель и прикрыв соломой.

Свекровь все больше и больше бранила Дамти, а продуктов давала все меньше. Дамти готовила на всех, но сама никогда не ела досыта. Однажды, когда свекровь выдала совсем мало муки, Дамти после ее ухода добавила из деревянного ларя несколько горстей и принялась было замешивать тесто. Возвращающаяся свекровь еще издали видела, как Дамти сыпала муку в миску. Она стала кричать на всю деревню, что Дамти — воровка, и всячески поносить ее. «Подумайте только, какая обжора эта чертовка! Мерзавка, шлюха этакая!» Злоба свекрови достигла крайнего предела. Она извергала на невестку потоки ругательств. Дамти не стерпела, швырнула миску и выбежала из кухни. С громким плачем бросилась она на сеновал. Долго лежала, обливаясь слезами, но постепенно ее начал мучить голод. «Пока муж приедет,— думала Дамти,— свекровь меня голодом уморит».

Старуха испекла хлеб и позвала мужа обедать. Потом Дамти услышала, как она, злобно гремя посудой, отправилась чистить ее на задний двор. Дамти совсем ослабела от голода. Взгляд ее вдруг упал на коробочку от сигарет, которая виднелась из щели. «Дай-ка я хоть сигарету выкурю!» — подумала Дамти и, крадучись, пошла в кухню прикурить.

Несмотря на все предосторожности Дамти, свекровь услышала ее шаги. Она решила: «Сначала эта шлюха убежала, старалась нас напугать, что есть ничего не будет, а теперь хочет что-нибудь украсть». Бросив посуду, она тихонько пошла вслед за Дамти, бормоча себе под нос: «Уж теперь-то я покажу этой чертовке!»

Свекровь заглянула в кухню — и что же? Дамти сидит перед печкой и закуривает сигарету! Старуху словно громом поразило. Некоторое время она стояла, вытаращив глаза и разинув рот. Потом, придя в себя, завопила истошным голосом:

— Эй, люди добрые! Взгляните-ка на эту мерзавку! Сидит и курит! Да это и впрямь уличная девка! Недаром она сумела обвести вокруг пальца моего мальчика. Деньги крадет и сигареты покупает. Глядите, она испортит всех парней в нашей деревне! — Все это свекровь выкрикивала уже во дворе, чтобы слышали соседи.

Свекор, прислонившись к стене дома и покуривая трубку, отдыхал после еды. Услышав крики, он тоже вбежал в кухню и злобно набросился на сноху:

— Сию же минуту убирайся из дому, подлая тварь! Не место базарной девке в доме брахмана! Убирайся вон, не то голову оторву!

Был полдень. Крестьяне возвращались с поля на обед. Услышав крики, они сбежались к дому Бадждата. Ошеломленные женщины стояли молча, прикрыв лица краем одежды. Старики и старухи единодушно поддержали родителей Бадждата:

— Разве это женщина из брахманской семьи? Это какая-то потаскуха! Она всех опозорит. Нет, нет! Упаси бог напиться воды в этом доме!

Дамти бросила сигарету в огонь и, дрожа всем телом, забилась в угол кухни. Вбежавшая свекровь вытащила ее за волосы во двор. Испуганная Дамти, прикрывая лицо, покорно шла за свекровью, как овца, которую ведут на убой. Свекровь на глазах у всех грубо толкнула ее:

— Вон из моего дома, распутная тварь!—Свекор тоже осыпал Дамти бранью, кричал, чтобы она убиралась прочь, и грозил с ней расправиться.

На Дамти была грязная, в нескольких местах порванная юбка и такое же грязное покрывало. Избитая и опозоренная, спрятав лицо, она медленно пошла прочь и остановилась под деревом, где кончались поля их деревни. Куда она пойдет? Что будет делать? Назад она больше не вернется. Теперь у нее только одна дорога — в военный городок, к мужу. Она пожалуется на жестокость его родителей, выплачет все свои обиды. Дамти зашагала в сторону большой дороги.

Часа через два Дамти дошла до Рудрапраяга. В первой же лавке она спросила, как добраться до военного городка. Хозяин лавки Хироман заинтересовался молоденькой семнадцатилетней девушкой, такой расстроенной и испуганной. Услышав, что она спрашивает дорогу в военный городок, Хироман не стал терять времени даром. Он принялся утешать Дамти, гладить ее по голове и расспрашивать о том, что с ней случилось. Дамти, утирая подолом сари слезы, без утайки рассказала, как обошлись с ней родители мужа, как ее выгнали из дому за то, что она закурила сигарету, когда стало невмоготу терпеть голод.

— Муж мой в военном городке. Я иду к нему,— закончила она свой рассказ.

Хироман, обругав свекровь, одобрил решение Дамти:

— Правильно делаешь! К кому же идти, как не к мужу? Кто еще есть у женщины? Сейчас ты устала. Не привыкла, видно, так много ходить. Ведь ты не простая крестьянка, а дочь брахмана. Поешь да отдохни, а после я расскажу, как туда идти. Проходи в комнату, устраивайся поудобнее. Считай, что ты у себя дома.— Хироман угостил Дамти земляными орехами и леденцами. Протягивая ей чашку с водой, он сказал:— Ведь и я брахман. Ты можешь спокойно пить воду в моем доме.

Чтобы скрыть Дамти от любопытных взглядов, Хироман провел ее во внутреннее помещение. Дамти не терпелось встретиться с мужем. Не прошло и часа, как она поднялась.

— Ну, я пойду. Скажите теперь, как идти.

— Ай-ай-ай! Да что ты! Зачем так спешить? — ласково говорил Хироман.— Разве я могу отпустить тебя голодной? Наш долг помогать слабым женщинам в беде. Женщины нашей касты — наши сестры. Свари себе рису, поешь — тогда пойдешь. Может, ты думаешь, что дорога тут близкая? Так знай: пройдешь все сто косов*. Придется тебе запастись терпением, я постараюсь отправить тебя с попутчиками. Ты, бедняжка, совсем неопытная. Как же ты пойдешь одна?

Хироман дал Дамти рису, чечевицы, показал посуду. Пока она готовила еду, наступил вечер. Дамти по-прежнему больше всего хотела поскорее добраться до лагеря, но в этом доме она впервые за столько дней поела досыта и услышала доброе слово. От еды ее разморило. Глаза слипались. Бороться со сном не было сил. Кончилось тем, что Дамти свалилась и тут же на полу заснула.

Проснулась она от легкого толчка в плечо. В углу комнаты едва мерцала масляная коптилка. Над Дамти склонился Хироман. Он положил руку ей на плечо.

— Ну что, еще поспишь? — спросил он, улыбаясь. Дамти отодвинулась от него и стала протирать заспанные глаза. Тогда Хироман подсел к ней поближе, достал из кармана пачку сигарет и протянул одну Дамти. — Возьми! Выкури сигарету!

Дамти отрицательно покачала головой. Она все еще протирала сонные глаза.

— Ведь ты же куришь! Так возьми хоть одну! — настаивал Хироман.

— Нет, нет, что вы! Я не курю! Только один раз муж дал мне сигарету. Я закурила — и вот какая беда приключилась. Мне надо скорей идти к мужу.

— Ты говоришь, что очень торопишься, — подвигаясь к ней все ближе и ближе, сказал Хироман.— А что ты будешь делать там, в военном городке? Мало тебя дома избили? Там муж добавит за то, что убежала. Скажет, ославила его перед всем миром.— С этими словами Хироман снова ласково дотронулся до плеча Дамти. — Ты лучше останься здесь, со мной. Терять тебе все равно нечего, понимаешь?

— Вот еще! — закричала Дамти и вскочила.

— Не согласна? Ну что ж, тогда уходи, — улыбаясь, произнес Хироман. — Как только рассветет, сразу собирайся и уходи. Кто же бродит по ночам? Ночью всюду полицейские обходы. Увидят прохожего, назовут вором и упрячут в тюрьму. Потерпи, утром отправлю тебя с попутчиками. А пока посиди.

Несмотря на настойчивые просьбы Хиромана, Дамти не села подле него, а стала поодаль.

— Разве я могу сидеть рядом с чужим мужчиной?

Хироман, подумав с минуту, сказал:

— Ладно, раз ты боишься меня, я уйду, а ты приляг здесь и поспи. Утром в лагерь идут свои люди. Пойду попрошу их взять тебя с собой.

Хироман вышел. Дамти легла и стала думать о встрече с мужем. Она боялась новых, чужих мест, но ведь домой путь ей все равно закрыт. С этими мыслями она уснула.

В полночь Хироман опять разбудил Дамти:

— На улице дожидается один знакомый. Он человек хороший, порядочный. Слушай меня внимательно: женщин, которые ходят по ночам без провожатых, полицейские считают беглыми и забирают в участок. Если тебя кто-нибудь остановит, говори, что ты жена этого человека, понимаешь?

Дамти это не понравилось...

---

* Мера длины, равная приблизительно 4 км.

— Как же буду я называть мужем постороннего человека?

— Дурочка,— тихо и ласково уговаривал Хироман.— Ты всю жизнь жила в деревне, откуда тебе знать здешние порядки? Я говорю все это для твоей же пользы. Нет такого закона, чтобы женщина одна пускалась в дорогу. Если кто-нибудь начнет расспрашивать, как зовут, откуда, отвечай: «Меня зовут Нанда, со мной мой муж, спрашивайте у него». Ведь полиция забирает и тех женщин, которые ходят с чужими мужчинами. Ох, уж эти полицейские! Изобьют тебя, надругаются. А мой знакомый — человек порядочный, тоже брахман. Он тебе будет все равно что брат.

Хироман выпустил Дамти из лавки. На улице в темноте стоял провожатый.

— Вот, братец, моя соседка. Бедная девушка! Передай ее в лагере прямо в руки мужу. Сперва разузнай все точно. Смотри береги ее — неровен час, случится что в дороге! Она еще совсем несмышленая, да к тому же и дочь брахмана.

Они тронулись в путь. Кругом стояла кромешная тьма. Когда прошли немного, спутник Дамти заговорил:

— Трудно, должно быть, идти в такой темноте? А что за история приключилась с тобой?

Дамти рассказала ему все: как ее изводили родители мужа, как избили и выгнали из дому за одну-единственную сигарету, как она решила идти к мужу в военный лагерь.

Спутник Дамти, как и лавочник, тоже принялся бранить свекра и свекровь и утешать Дамти.

— Ай-ай-ай! Обижать такую хорошую девушку! Вот ведьма свекровь! Да такую, как ты, нужно поить молоком и кормить сластями, одевать, как куколку, дарить украшения. Пристало ли тебе, такой молоденькой, такой красавице, таскать навоз и полоть грядки? Рам, Рам! * Какая ты оборванная! На рынке в Шринагаре я куплю тебе сари.

— Зачем, с какой стати ты будешь тратиться! — сказала растроганная таким участием Дамти. — На что мне сейчас сари? Мне муж купит все, что нужно. Знаешь, какое красивое шелковое сари он мне привез в прошлом году! Да только свекровь и его отобрала.

К вечеру следующего дня они добрались до Шринагара. Спутник Дамти привел ее в большой дом в переулке неподалеку от базара. Такого дома Дамти еще никогда не видела. Даже двор был окружен высокой стеной...

Долгий путь утомил Дамти. Она села прямо на полу, прислонившись спиной к стенке. Мужчина ушел, обещая быстро вернуться, и действительно, вскоре он явился с каким-то мальчиком.

— Сейчас тебе дадут помыться,— сказал он,— а я пойду на базар, куплю что-нибудь поесть.

Дамти продолжала сидеть. Мальчик наполнил водой сначала один кувшин, потом другой. Затем стал носить дрова. К этому времени вернулся и попутчик Дамти. Он принес в узелке фасоль, рис и все необходимые приправы. В отдельном свертке было масло. Он отдал все Дамти, потом вынул из бумаги новенькое сари из дешевой набивной ткани и протянул его Дамти со словами:

— Помойся и переоденься. А затем приготовь обед.

Дамти вымылась, переоделась и стала толочь фасоль и рис. Она сварила похлебку, налила тарелку мужчине, потом поела сама. После еды она прилегла отдохнуть. Попутчик Дамти снова куда-то ушел. Через некоторое время он вернулся, закрыл дверь на цепочку и подсел к Дамти, лежавшей на циновке. Дамти хотела было встать, но он остановил ее.

* Имя индуистского божества. Восклицание «Рам! Рам!» соответствует «Боже мой». Употребляется и как приветствие.

— Ты что? Возьми-ка сигарету и не сердись!

— Отстань! — крикнула Дамти, отталкивая его, и поднялась.

Но он схватил ее за руку и сказал с издевкой:

— Не хочешь? Да ведь ты куришь!

Дамти вырвала руку и отскочила к стене.

— Когда это я курила? Одну-единственную сигарету выкурила, муж мне дал,— сердито сказала она.

Он встал, преграждая ей дорогу. И стал осыпать ругательствами.

— Ах ты тварь! Да ты что же, думаешь, я так, даром тебя кормлю столько времени? Снимай сейчас же мое сари!

Дамти не испугалась.

— Нужно мне твое сари! — сказала она.— Отдай мою одежду и получай свое сари. Я не просила, чтобы ты мне его покупал.

Но мужчина не думал отступать. Чтобы эта упрямая бабенка оставила его в дураках! Он набросился на нее и с бранью стал отнимать сари. Дамти ухватилась за сари обеими руками и приготовилась к защите, продолжая требовать свою одежду. Когда мужчина стал насильно срывать с нее сари, она принялась царапаться, кусаться, отбиваться локтями.

Когда большая часть сари была в руках мужчины, Дамти стала умолять его сжалиться над ней, но ее мольбы были тщетны. Он отнял сари и, выругав на прощание дрожащую от стыда и унижения Дамти, вышел, заперев дверь снаружи.

Дамти горько рыдала. В жаркую тьму каморки не проникал дневной свет. Дамти плакала, потом ее плач перешел в громкие всхлипывания и вздохи. Она раскаивалась в том, что отправилась к мужу. Зачем она пошла в чужие места? Уж лучше было умереть дома! Зачем закурила эту проклятую сигарету!

Ею овладела смертельная усталость. Она свалилась на пол и уснула.

Когда она проснулась, сквозь узкие дверные щели в каморку проникали полоски дневного света. Некоторое время она лежала, думая о том, что с ней произошло, и горько раскаивалась в своей ошибке. Потом она опять уснула, и когда проснулась снова, в щели уже смотрел яркий день. Дверь по-прежнему была заперта.

Дамти пристально всматривалась в полосы света, протянувшиеся по земляному полу. Глаза ее наполнились слезами, и она заплакала. Ее мучила жажда. Она встала, нащупала дверь, постучала, потом потянула ее изо всех сил к себе, но дверь не поддавалась. Видно, придется ей здесь умереть! Она снова залилась слезами. Но разве слезами горю поможешь? Дамти лежала без движения, как мертвая. Мелькнула мысль о самоубийстве, но где взять кусок веревки или хотя бы какую-нибудь полоску ткани? Зачем она не удавилась тогда под деревом, а решила идти в родной городок? Постепенно свет, проникавший сквозь щели, стал меркнуть. Наступила тьма. Дамти была в полном отчаянии. Она молча ждала смерти. Нестерпимая жажда мучила ее, голова кружилась, в мозгу одна за другой проносились картины: деревня, дорога, темный чулан, опять деревня и дорога...

Сквозь щели снова забрезжил свет, но на этот раз Дамти его не заметила. Она была почти без сознания. Когда до ее слуха донесся стук открываемой двери, Дамти едва нашла в себе силы, чтобы подняться и сесть, превратившись в комок. Это был ее спутник. Швырнув ей в лицо старую одежду, он крикнул: «Вставай! Выходи! Умывайся!» — и ушел со двора. Дверь оставил открытой, но запер за собой ворота.

Возвратился он часа через полтора. Дамти напилась, помылась, завернулась в свои старые лохмотья и сидела, прислонившись к стене, обняв руками голову. За это время она пришла в себя.

— На, возьми,— сказал мужчина,— вот тебе молоко, лепешки и овощи.— Он поставил перед Дамти горшок с молоком и сунул еду, завернутую в тряпицу.

— Ничего мне не нужно, пусти меня отсюда,— стала упрашивать Дамти, смиренно сложив ладони.

— Как же ты пойдешь голодная? Что я тебе плохого тогда сказал? Разозлилась бог весть из-за чего. Лавочник велел доставить тебя в лагерь, и я это сделаю. Да поешь ты хоть немного! Пойдешь одна — собьешься с дороги. Попадешь в руки полиции — знаешь, что там с тобой сделают? Ты и не представляешь себе! Я отведу тебя к мужу. Только сначала нужно поесть.

Дамти была так голодна! Перед ней стояла еда — и она начала есть. Мужчина ушел, снова оставив открытой дверь каморки и заперев ворота. Вернувшись, он сел поодаль и стал уговаривать Дамти:

— Послушай! Не будь такой дурой! Стоит женщине хоть раз уйти из дому —и он для нее потерян навсегда. Женщина у брахманов, что глиняная посуда: раз дотронулись чужие — больше не годна!* Почему ты воображаешь, что муж не оторвет тебе голову? А если и вернешься в деревню, что ты там увидишь? Будешь таскать навоз и дрова? Пойдем-ка со мной! У тебя будут самые лучшие наряды, драгоценности. Будешь пить молоко и сливки, есть тянучки.

Дамти умоляюще сложила ладони:

— Нет, не хочу! Пожалей меня! Отпусти! Я пойду своей дорогой — к мужу или вернусь в деревню.

— Хорошо,— сказал мужчина примирительно,— так не ходи со мной, не надо. Тут есть другой брахман, как раз твоей касты. Сегодня вечером он идет в военный городок, пойдешь с ним, ладно? Я сейчас приведу его.

Он быстро поднялся и вышел. Дамти услышала, как снова лязгнула цепочка — это он закрыл за собой дверь.

Дамти перепугалась. Кто знает, с кем ей теперь придется иметь дело! Она попробовала открыть дверь на улицу, но ничего не вышло. Посмотрела кругом: двор окружала высокая стена. В углу стояла уборная, крыша которой была немного пониже стены. В задней стенке — окошки на улицу. Дамти была готова на все, лишь бы выбраться отсюда, но протиснуться в такие узкие окошки было невозможно. Вдруг ее осенило: она приставила к стенке уборной большой кувшин, вскарабкалась на крышу, оттуда — на забор и спрыгнула на дорогу. Пробежала несколько шагов по переулку — и очутилась на базарной улице. Дамти сразу стала спрашивать встречных, как пройти в военный городок.

Увидев растрепанную, оборванную женщину, спрашивающую дорогу в военный лагерь, люди окружили ее. К толпе подошел полицейский и увел Дамти в участок. Там инспектор спросил, как ее зовут, где она живет и что делает в Шринагаре. Дамти в третий раз чистосердечно рассказала всю свою историю, в которой такую роковую роль сыграла сигарета.

Инспектор улыбнулся:

— Ты куришь? — и протянул ей сигарету.

— Что вы, что вы! Ведь ту сигарету дал мне муж!

Начались розыски человека, который привел Дамти в Шринагар и запер в чулане. Полицейские водили Дамти по базару и прилегавшим к нему улочкам. Но Дамти говорила, что эти места ей незнакомы.

— Я сама пришла сюда,— упрямо твердила она,— я пойду к мужу.

Бежавшей из дому женщине нельзя позволить идти куда ей вздумается. Держать ее в участке — тоже против правил. Единственный вы-

* По обычаю брахманов, посуда, служившая чужим, считается осквернённой. Металлическая посуда «очищается» (ее скоблят, прокаливают на огне), а глиняная выбрасывается.

ход — отправить ее под конвоем в тюрьму Паури. Но отвести ее было некому, а дело шло к ночи. Днем полицейские обошли с Дамти много домов, чтобы выяснить адрес проходимца, приведшего ее из Рудрапраяга. Они предлагали Дамти сигареты и конфеты, но Дамти сердито отворачивалась. Стоило им прикоснуться к ней, как она ощетинивалась и была готова пустить в ход ногти, зубы, кулаки.

На следующий день двое полицейских отвели ее в тюрьму Паури.

Дамти рассказала судье все, что с ней случилось, и заявила: домой она ни за что не вернется, а пойдет в лагерь к мужу. Ей ответили, что не годится убегать из дому и ее не пустят разыскивать мужа. Бадждата вызовут сюда, и он сам заберет ее. А пока придется посидеть в тюрьме.

Дамти не могла назвать ни номера роты, ни личного номера мужа, и на розыски рядового Бадждата из деревни Канар ушло несколько дней. За это время отец Бадждата отправил сыну две открытки, в которых подробно описал все, что случилось в их семье: невестка сбилась с пути, стала воровать деньги и покупать сигареты, продала несколько ценных вещей. Опозорила семью на всю округу. И в довершение всего убежала из деревни с каким-то прохожим. Старик давал сыну отеческий совет: «Ты не горюй. На что тебе такая жена? Приедешь в отпуск — сыграем свадьбу. Мы уже присмотрели невесту».

В это время Бадждату пришла повестка в суд при тюрьме Паури, чтобы он опознал жену и забрал ее домой; помня слова отца, он окончательно уверился в том, что старик писал правду.

* * *

Когда Дамти сидела в лавке Хиромана в Рудрапраяге и ждала возвращения хозяина, тот рассказал пандиту Манхару, что у него находится совсем неопытная молоденькая брахманка, которая убежала из дому, поссорившись с родителями мужа. Манхар купил ее у Хиромана за восемьдесят рупий. Он надеялся, что девчонка проживет с ним две-три недели; за это время он и сам получит удовольствие, и ее научит уму-разуму, а там, глядишь, продаст ее в другом городе за четыреста-пятьсот рупий. Он не был новичком в таких делах: много женщин прошло через его руки. Но теперь, когда Дамти оставила его в дураках, он понял, что дал маху. Надо же было так поторопиться и сразу оттолкнуть ее от себя! Теперь ему вряд ли удастся осуществить свой план. Взвесив все обстоятельства, Манхар решил, что не стоит больше возиться с ней. Лучше продать ее знакомому брахману Шивадатту за полторы-две сотни рупий.

Чтобы успокоить Дамти, Манхар вернул ей одежду и дал сладких лепешек, а сам отправился на поиски Шивадатта. Не застав его дома, он пошел к себе и вдруг по дороге услышал о том, что полицейские только что арестовали на базаре и отвели в участок женщину, которая убежала из дому и спрашивала дорогу в военный городок.

Манхара словно обухом по голове ударили. Он прибежал домой и обнаружил, что Дамти исчезла. Когда он увидел возле уборной опрокинутый кувшин, он понял, что Дамти перелезла через забор и теперь находится в руках полиции.

Манхар не собирался выбрасывать на ветер свои восемьдесят рупий. Полиции он не боялся. С этими людьми при случае можно договориться. Больше всего Манхар был зол на Хиромана. Он решил, что девка дьявольски хитра: она обманет полицию и вернется к Хироману, а тот снова ее продаст. То-то он уступил ее так дешево! Манхар, стиснув зубы, сказал себе: «Ну ладно, Хироман! Я покажу тебе, как своих надувать! Проучу тебя так, что век не забудешь. Впрочем, посмотрим, куда уйдет эта девка».

Манхар был человеком неглупым, он много повидал на своем веку. Припомнив неподатливость Дамти, он стал сомневаться в своем предположении. Если бы Дамти была из таких, то зачем ей понадобилось поднимать шум? Теперь оставалось только проследить, что она будет делать дальше: вернется к Хироману или действительно отправится к мужу?

Узнав, что Дамти в тюрьме, Манхар тоже пошел в Паури. В тот день, когда Баджда́т и Дамти предстали перед судом, Манхар терпеливо стал дожидаться окончания дела. Баджда́т заявил, что Дамти действительно его жена. Однако, когда суд вынес решение передать Дамти Баджда́ту, тот отказался ее взять. Он не желал иметь ничего общего с распутной женой, которая убежала из дому.

Дамти, услыхав слова Баджда́та, тихо охнула, схватилась за голову и долго смотрела на мужа. Потом она закрыла глаза и опустила голову. Когда она снова подняла ее, Баджда́та уже не было.

Теперь для Дамти закрылись даже двери тюрьмы. Полиция и суд, установив, что беглянка — жена Баджда́та, обязаны были вручить ему его собственность. Когда же Баджда́т отказался от всех прав на нее, то никому не стало до нее дела. Правда, судья пожалел Дамти и предложил ей потребовать от мужа денег на жизнь. Дамти в ответ только покачала головой. Тогда ее отпустили на все четыре стороны. В глазах у нее потемнело; она едва держалась на ногах.

Пандит Манхар не пропустил ничего из этой тяжелой сцены. Дамти, глядя перед собой невидящим взором, неверными шагами вышла из суда. Куда теперь идти? Вдруг она услышала:

— Куда направляешься?

Дамти обернулась: перед ней стоял Манхар. Она ничего не ответила. Манхар ласково сказал:

— Зря ты на меня обиделась. Я вовсе не хотел причинить тебе зла. Я так искал тебя и вот, наконец, нашел. Я и тогда говорил, что с прежней семьей у тебя все кончено. Чего же теперь горевать? Пойдем со мной, у тебя будет новый дом!

Дамти на мгновение задумалась — и пошла за Манхаром. Он привел ее в дом неподалеку от базара и радушно расстелил циновку. Дамти молча села, прислонившись к стене и опустив голову.

— Ты очень устала! Возьми-ка сигарету, закури — легче станет.

Манхар вынул из коробки сигарету и протянул ее Дамти. Не поднимая головы, Дамти взяла сигарету. Из глаз ее полились слезы.

СТИХИ ПОЭТОВ КОРЕИ

Тю Сон Вон

Джамила

(Послание юного моряка)

Перевод с корейского Ю. Левитанского

I

Прямо в душу мне смотришь
с газетной страницы.
Ах, какие волосы у тебя,
темные-темные!
А какие пушистые у тебя ресницы,
и какие глаза за ними,
теплые-теплые!
Так и кажется:
живешь себе без печали,
счастливая,
бродишь по гальке
у моря синего,
и могучий Атлас
крутыми своими плечами
прикрывает тебя надежно
от ветра зимнего.

*

А губы твои —
смотреть бы на них часами,
следить,
как на них улыбка
смущенно тает.
Губы твои — как магнолия,
что цветет у меня в Вонсане,
в пору,
когда азалия
отцветает.

*

— Милый! Люблю!..—
Это губы твои сказали?
Или ветер вечерний
тронул листву
азалий?

II

Но в утро безоблачное
с моря пришедший смерч
горе принес тебе, девушка,
горе и смерть.
О дерево жизни,
дерево жизни,
в смятенье
ты осыпаешь цветенье.
С дерева жизни,
сбитый внезапными грозами,
цвет осыпается розовый —
будто не розовый цвет
опадает на камни,
а крови тяжелые капли.

*

Кончена юность —
счастье несложное
отняли.
Первой любви
ожиданье тревожное
отняли.
Кто эти люди,
пришедшие в дом твой,
Джамила?
Девичьи речи услышал ли
твой возлюбленный?
В поле, навстречу,
вышел ли
твой возлюбленный?
Или он не услышал тебя,
Джамила?

III

А они по рукам тебя били,
по щекам тебя били
(материнские руки их гладить
любили).
Гильотину готовили —
о, удар ее точен,
нож заране наточен,
искусно наточен.

*

Но твои палачи —
как и все палачи —
они, в сущности, трусы,
и тюрьма их жестокая
волю твою не сломила.
Как ни темен он,
склеп Барберуссы,
как ни горек он,
хлеб Барберуссы,—
все равно
ты им скажешь правду в глаза,
Джамила!

*

Что, дрожите?
Бежите к поющим камерам.
Непонятно и страшно вам
гордой души упорство.
Это голос правды,
замурованный в склепе каменном,
с неправдой века
вступает в единоборство!

IV

Полночь и ветер.
Лютые штормы
наш корабль опять штурмовали
Девятый вал вставал на дыбы,
гибелью нам грозя.
Я сильней напрягаю мускулы —
руки лежат на штурвале –
с верного курса
мне сбиться никак нельзя!

Слева от борта
вижу звезду Полярную
Где-то под ней,
в направленье того мыска
за речными излучинами,
за лесными полянами
маяком негаснущим
светит Москва.
И еще вижу звездочку —
вон плывет она,
золотая
звездочка России,
в безмерности небосвода
В нее бы забраться мне
и, над всей землей пролетая
слать свои позывные —
«мир!»
и «свобода!»
И еще пролететь
над твоею тюрьмой,
Джамила,
и звездою надежды
сверкнуть над тобой,
Джамила

*

Разве есть для мысли преграды?
Мгновенье —
и я у цели.
Бегу, сквозь стены тюремные
беспрепятственно проникая
— Здравствуй, милая!
Как глаза твои потускнели

*

Кончена юность —
счастье несложное
отняли.
Первой любви
ожиданье тревожное
отняли.
Кто эти люди,
пришедшие в дом твой,
Джамила?
Девичьи речи услышал ли
твой возлюбленный?
В поле, навстречу,
вышел ли
твой возлюбленный?
Или он не услышал тебя,
Джамила?

III

А они по рукам тебя били,
по щекам тебя били
(материнские руки их гладить
любили).
Гильотину готовили —
о, удар ее точен,
нож заране наточен,
искусно наточен.

*

Но твои палачи —
как и все палачи —
они, в сущности, трусы,
и тюрьма их жестокая
волю твою не сломила.
Как ни темен он,
склеп Барберуссы,
как ни горек он,
хлеб Барберуссы,—
все равно
ты им скажешь правду в глаза,
Джамила!

*

Что, дрожите?
Бежите к поющим камерам.
Непонятно и страшно вам
гордой души упорство.
Это голос правды,
замурованный в склепе каменном,
с неправдой века
вступает в единоборство!

IV

Полночь и ветер.
Лютые штормы
наш корабль опять штурмовал
Девятый вал вставал на дыбы,
гибелью нам грозя.
Я сильней напрягаю мускулы —
руки лежат на штурвале
с верного курса
мне сбиться никак нельзя.

Слева от борта
вижу звезду Полярну
Где-то под ней,
в направленье того мыск
за речными излучинами,
за лесными полянам
маяком негаснущим
светит Москва.
И еще вижу звездочку —
вон плывет она,
золот
звездочка России,
в безмерности небосвод
В нее бы забраться мне
и, над всей землей пролета
слать свои позывные —
«мир!»
и «свобода!»
И еще пролететь
над твоею тюрьмой,
Джамила,
и звездою надежды
сверкнуть над тобой,
Джамил

*

Разве есть для мысли преграды?
Мгновенье —
и я у цели.
Бегу, сквозь стены тюремные
беспрепятственно проник
— Здравствуй, милая!
Как глаза твои потускнел

•

Кончена юность —
счастье несложное
отняли.
Первой любви
ожиданье тревожное
отняли.
Кто эти люди,
пришедшие в дом твой,
Джамила?
Девичьи речи услышал ли
твой возлюбленный?
В поле, навстречу,
вышел ли
твой возлюбленный?
Или он не услышал тебя,
Джамила?

III

А они по рукам тебя били,
по щекам тебя били
(материнские руки их гладить
любили).
Гильотину готовили —
о, удар ее точен,
нож заране наточен,
искусно наточен.

•

Но твои палачи —
как и все палачи —
они, в сущности, трусы,
и тюрьма их жестокая
волю твою не сломила.
Как ни темен он,
склеп Барберуссы,
как ни горек он,
хлеб Барберуссы,—
все равно
ты им скажешь правду в глаза,
Джамила!

•

Что, дрожите?
Бежите к поющим камерам.
Непонятно и страшно вам
гордой души упорство.
Это голос правды,
замурованный в склепе каменном,
с неправдой века
вступает в единоборство!

IV

Полночь и ветер.
Лютые штормы
наш корабль опять штурмовали.
Девятый вал вставал на дыбы,
гибелью нам грозя.
Я сильней напрягаю мускулы —
руки лежат на штурвале —
с верного курса
мне сбиться никак нельзя!

•

Слева от борта
вижу звезду Полярную.
Где-то под ней,
в направленье того мыска,
за речными излучинами,
за лесными полянами,
маяком негасящим
светит Москва.
И еще вижу звездочку —
вон плывет она,
золотая
звездочка России,
в безмерности небосвода.
В нее бы забраться мне
и, над всей землей пролетая,
слать свои позывные —
«мир!»
и «свобода!»
И еще пролететь
над твоею тюрьмой,
Джамила,
и звездою надежды
сверкнуть над тобой,
Джамила!

•

Разве есть для мысли преграды?
Мгновенье —
и я у цели.
Бегу, сквозь стены тюремные
беспрепятственно проникая.
— Здравствуй, милая!
Как глаза твои потускнели!

Где румянец утренний
нежных щек твоих,
дорогая?
Выше голову, девушка,
я спасенье тебе несу,
твой безвестный товарищ,
корейский моряк Ик Су.

•

В то утро,
когда у меня
мое небо отняли,
оба мы были маленькими,
и ты
играла у моря, наверно,
где утром
на отмели
медузы лежат,
как нейлоновые цветы.
В тот день я стал сиротой, Джамила.
Я помню,
как бежал по земле
и земля дымилась у ног.
Как боялся неба
я,
потерявший к полудню
и маму мою,
и сестренку мою
Сун Ок!

•

Не затем я после
танки их останавливал
у хрустальной реки,
у реки моей Сончонган,
не затем я мир
на своей земле
устанавливал,
чтобы плакал у берега
окровавленный мальчуган!

V

Топот ног,
топот множества ног
сотрясает стены тюрьмы.
Он крепчает,
растет,
нарастает, подобно прибою.
Выше голову, дорогая Джамила!
Посмотри,
это мы,
бесчисленные друзья твои,
пришли за тобою.

•

Грозно сжав кулаки,
обветренные и смуглые,
входят в твою темницу
сыны Египта.
В их глазах
навсегда застыли
виденья смутные
тех ночей,
когда их земля
горела и гибла.
Им не раз еще
трудной памятью
отзовется
низкий посвист бомбы,
что в осадную ночь
упала
на мечеть Айн-Шамс,
что значит «Источник солнца»,
на дома Порт-Саида,
на дороги Абу-Забала.

•

А вон, посмотри,
обожженные солнцем Сирии,
сирийцы идут,
не горбясь под встречным ветром.
Отразились в темных глазах
не вершины синие,
а Дамаск,
разбитый бомбами интервентов.

•

А за ними Ливан,
и Тунис,
и Саудовская Аравия,
сыновья Вьетнама
и сыновья Китая —
Азия,
рвущаяся
из векового бесправия,
грозно шагает,
стены тюрьмы шатая.

VI

С добрым утром, Джамила!
На востоке уходит тень.
Это мы поднимаем
солнце свое
для мира.
За хребтами Азии
начинается новый день.
С добрым утром, Джамила!

■ ■ ■

Ким Сун Сек

Моя мечта

Перевод с корейского М. Ваксмахера

Я люблю
Молодого ручья щебетанье,
И плакучую иву с пушистой зеленой косой,
И задумчивый лес в предрассветном тумане,
И листву, что умылась росой.

Я люблю
Птичью трель над желтеющим морем ячменным,
Где комбайн легкой лодкой плывет по волне,
И безветренный вечер, окутанный запахом сена,
И шепот влюбленных в ночной тишине.

И я верил,
Что даже в ненастные зимние ночи,
Когда завывает метель, нагоняя тоску,
Вторить жалобам бури
Мой стих ни за что не захочет
И высокие летние травы
Войдут ароматом в строку!

И я верил,
Что в радостных песнях поэтов
Новым светом заблещет
Красота наших гор и лугов,
И прохлада ущелий, и щедрость душистого лета,
И застенчивость первых цветов...

Вот и сегодня поет мой стих
Обо всем, что так близко и дорого мне...

Колышутся волны колосьев литых.
Только вижу я кровь в золотом ячмене.
Журчит по оврагу весенний ручей,
Птица в безоблачном небе поет.
Но в чистой воде — слеза матерей,
Но в птичьем напеве — рыданья сирот.

Над лугом, над полем рыдает птица:
«Слушай, я горькую песню пою!
В Южной Корее, где кровь струится,
Янки убили сестру твою».

...Я знаю:
Стихи мои, что воспевали
Ручьи, и цветы, и росу, и закат,
И шепот влюбленных, и ясные дали,—
Отныне набатом они зазвучат!

Я знаю:
На Юге цветы и травы
Залиты кровью братьев моих...
И я мечтаю: пусть в битве правой
Поможет народу
Мой гневный стих!

«САМОРОДОК ИЗ КВАРТАЛА АЛЬ-МИДА» *Рис. А. Ливанова*

СОВРЕМЕННАЯ АРАБСКАЯ НОВЕЛЛА

Юсеф ас-Сибайи
(ОАР)

Самородок из квартала аль-Мида

Перевод с арабского В. Хрулевой и Е. Голубовской

Мне не известно, что именно сотворил аллах в квартале аль-Мида в наши дни. Прошло почти пятнадцать лет с тех пор, как моя нога ступала по земле этого квартала, и воспоминания о нем не всплывали в моей памяти. Но сегодня я внезапно вспомнил его благодаря одной лишь мимолетной картине, пронесшейся перед моими глазами... Она перенесла меня на пятнадцать лет назад из отеля «Шеперд» в квартал аль-Мида. А знаете ли вы, что такое квартал аль-Мида?

«Молитва лучше, чем сон»,— эти слова выкрикивал шейх Мухаммед Тартур с минарета мечети ас-Сейида, подняв ладонь к лицу и закрыв глаза. Его изнуренное лицо исказилось от напряжения. Он кричал так, что казалось, сейчас лопнет от натуги. Он призывал жителей квартала к молитве и тем самым выполнял свой долг.

Но его никто не слышал. Люди были погружены в глубокий сон, и даже тех немногих, до кого доходил его голос, не надо было убеждать, что сон лучше молитвы, что потягиваться в теплой постели в тысячу раз предпочтительнее, чем класть земные поклоны, и что холодная вода студит ноги. И они закрывали глаза и снова погружались в сон...

Вокруг царило предрассветное спокойствие. Люди спали, будто вовсе не раздавались призывы муэдзина. В одном только месте обнаруживались признаки пробуждения. Бормотание, откашливание и сморкание свидетельствовали, что там жили люди богобоязненные. Они отгоняли сон от своих глаз, чтобы выполнить долг и возблагодарить аллаха.

Это были жители квартала аль-Мида, расположенного у задних дверей мечети ас-Сейида, куда выходят окнами места для омовения. Квартал имел не более ста метров в длину и десяти метров в ширину. С одной стороны находилась мечеть, с другой — несколько лавок. И хотя селиться там, собственно, было негде, квартал был переполнен жителями.

Но разве жители здесь бедствуют? Разве тротуары не являются для них прекрасными жилищами и просторными домами? И разве жители квартала аль-Мида не убеждены в том, что нынешние скамейки из камня и асфальта гарантируют им в раю мягкую мебель, обитую тафтой и парчой?

В квартале было несколько каменных скамеек, возвышавшихся на несколько футов над землей и служивших ложем для непоколебимых приверженцев аллаха. На каменных скамьях эти непоколебимые «божьи люди» ели, работали и спали. Я не имею в виду их религиозную непоколебимость. Религия занимала их не больше, чем других людей. Я имею в виду их жизненную стойкость.

Первым проснувшимся жителем квартала была шейх Мухаммед. Не думайте, что, сказав «была», я ошибся. Она действительно была женщиной, но носила имя «шейх Мухаммед». Моя ли в том вина, что таково ее имя? Все жители квартала только так ее и называли.

Итак, шейх Мухаммед проснулась, хотя это никак не отразилось на ее лице. Она всегда выглядела одинаково — и когда дремала, и когда бодрствовала. Ее веки слегка задрожали. Затем она приоткрыла глаза. Прошло немало времени, прежде чем она смогла приподняться и сесть на каменную скамью. На голову и на свое тучное, обвисшее тело она накинула покрывало, сшитое из множества лоскутков; грязь на нем лежала черным пластом.

Затем она протянула руку, нащупала на своем толстом колене горошину, положенную под кожу шейхом Атрисом, чтобы изгнать все недуги. Нащупав это гноящееся и воспаленное место, она, успокаивая себя, пробормотала: «Он вложил свой секрет в самую маленькую горошину...»

Начали просыпаться и другие жители квартала. Проснулся шейх Ахмад (на этот раз речь идет о мужчине). Он спал на самой низкой скамье. Нащупав свой меч, который он всегда клал себе под голову, он сунул ноги в ботинки и бросил короткое приветствие шейху Мухаммеду, похожей на глыбу мяса под покрывалом. Взяв меч в правую руку, он направился к мечети.

Ахмад был одним из «воинов Джихада» * и не расставался с деревянным мечом и медалями, которые постоянно носил на своем замызганном кафтане. Сколько раз он участвовал в больших битвах! Мальчики бегают за ним и на его крики отвечают возгласом «аллах!», а он размахивает направо и налево своим мечом, и мальчики бросаются на землю. Он продолжает свое «наступление», его лицо сияет от удовольствия, и он шепотом повторяет: «Победа близка».

Говорят, что этот человек в прошлом был студентом «Аль-Азхара» и одним из руководителей восстания. После контузии он стал бороться за веру тем способом, какой ему нравился. Что же тут плохого, ведь его способ почти не отличается от тех, какие применяют другие «приверженцы Джихада» в этом городе?! Они тоже, как и он, полагают, что борются во имя веры. А городу нет никакой пользы ни от него, ни от других.

По вечерам шейх Ахмад возвращается в прекрасном расположении духа. Усталый от всех своих «атак» и «отступлений», он вытягивается на скамье, владельцем которой была шейх Мухаммед, и делится с ней теми лепешками и курушами**, которые получил от добрых людей.

Остальные «божьи люди» квартала, поселившиеся у ворот аль-Мида, одарены глупостью, слабоумием и старостью. Это и дает им право считать себя святыми. Они почтительно ходят к вратам мечети, садятся на корточки друг за другом перед краном, и в воздухе раздаются звуки полоскания и сморкания. Затем эти люди незаметно начинают проникать внутрь.

До чего удивительное существо человек! Когда бог его возвышает, он тогда сам начинает возвышаться над богом. А когда бог о нем вспоминает — он о боге забывает. Взглянем на людей, которые стоят в мечети и столь громко возносят молитву аллаху, посмотрим, какое положение

* Джихад — священная война во имя торжества мусульманской религии.
** Мелкая египетская монета.

они занимают в жизни и чем бог одарил их. Удивительно, что большинство из них бедняки, которых мы называем людьми низшего класса, и даже этот бородатый эфенди, что служит в министерстве, слывет среди коллег дураком или сумасшедшим...

Над этими особенностями нашей жизни стоит поразмыслить. Это удивительное явление должно стать предметом обсуждения и серьезных раздумий. Чем больше человек возвышается и преуспевает в жизни, тем больше слабеет его вера. Я сам верю больше сердцем, чем умом, и чем усиленнее я размышляю, тем большим отступником становлюсь, а стоит лишь начать жить сердцем — и моя вера в аллаха укрепляется.

Окончилась молитва, некоторые вышли, а кое-кто остался в мечети. Только один житель квартала аль-Мида до сих пор не покинул своего ложа, по-прежнему оставаясь погруженным в сон. Спал он в скрюченном положении, так что подбородок касался колен, и его не беспокоили ни шум, ни крики обитателей квартала, пока не наступило утро.

Вот начали открываться лавки. Шум и движение усилились. Человек потянулся, зевнул, поднялся со своей постели и сел на корточки. Он потер красные, опухшие глаза, почесался, зевнул и обратился к мальчику по прозвищу «Каткут»* — ученику мастера Алиша, хозяина лавки «Бобы», или, как это было написано на вывеске: «Единственная национальная столовая».

— Доброе утро, Каткут!

— Доброе утро, дядя Ибрахим.

— Принеси мне поесть...

— Еще не готово...

Мальчик почтительно прошел внутрь, вернулся с бобами и луком и все это положил на стоявший на углу большой грязный камень. Затем поместил на камне тяжелый железный брусок и стал растирать массу до тех пор, пока она не размягчилась, а потом начал жарить ее на масле, оставшемся в миске от прошлой ночи.

Все это время человек сидел на корточках, протягивал руку к деревянному сундуку, стоящему у стены, брал пальцами немного табаку, вытаскивал из кармана папиросную бумагу, скручивал сигарету и закуривал.

Этот человек был Ибрахим, по прозванию «Акб»**. В умственном и физическом отношении он был едва ли не самым рядовым обитателем квартала. У него не было физических недостатков, он не страдал тупостью или слабоумием, не походил он и на «божьих людей». Его считали здесь человеком дела. Он не покидал своей скамьи ни днем ни ночью. Однако, несмотря на это, он постоянно бывал занят и широко развернул свою деятельность. На всех улицах и дорогах Каира располагались его агенты, которые днем и ночью несли дежурство.

Читатель, наверно, решил, что я намерен сделать Ибрахима Акба главарем нищих или воров. Однако я вовсе не шучу, этот человек действительно был человеком дела: он был торговцем, занимался законными операциями — куплей и продажей...

Ибрахим Акб считался главарем «собирателей окурков». И не было среди каирских сборщиков таких, кто не подчинялся бы ему. Если же кто и не был его подчиненным, то являлся его клиентом и так или иначе продавал ему собранные окурки. Подчиненные обязаны были собирать определенное количество окурков, на каждые пятьдесят штук он набавлял по миллиму***. Что касается тех, кто работал на свой страх и риск, то он платил им только по числу собранных окурков.

* Цыпленок.

** Окурок.

*** Самая мелкая египетская монета.

Он делил Каир на округа, округа — на районы, а районы — на отделения. Никто не мог перейти в район, отведенный для другого.

Специальные люди наблюдали по его поручению за порядком.

У Ибрахима было два больших сундука и несколько мисок. В один сундук он собирал окурки, в другой — клал дешевый табак. В мисках же он сортировал окурки. Кроме того, у него был маленький сундучок, где помещались уже скрученные, готовые для продажи сигареты.

Ибрахим считался самым богатым человеком квартала аль-Мида. Его нищенский вид и поношенная одежда никого не могли обмануть. Обитатели квартала были уверены в том, что он получает от своей торговли десятки, а может быть, и сотни фунтов... Жаден он был настолько, что прятал свои деньги в пояс. Он и спал поэтому скрючившись, так как все время боялся потерять свое состояние.

Ибрахим поднял голову и закричал:

— Готова ли еда, Каткут?

Голос мастера Алиша ответил:

— Доброе утро, Ибрахим Акб! Как вы себя чувствуете?

— Хуже быть не может... Принеси поесть...

— Стакан простокваши или помидоры?

— Что хочешь...

Через некоторое время мальчик принес Ибрахиму завтрак и остановился в ожидании платы. Ибрахим протянул руку к сундуку с сигаретами, вытащил оттуда пять сигарет и дал их мальчику. Каткут хмуро посмотрел на него и спросил:

— Пять?

Ибрахим ответил, не глядя на него:

— Хороши сигареты... Если тебе они не нравятся, возьми семь штук самсунских.

— Чистых? Без примеси?

— Стопроцентной чистоты, без всякой примеси...

— Давай сигареты, я положил тебе две добавочные порции...

Ибрахим протянул руку к одной из мисок, взял оттуда два окурка и отдал мальчику. Тот швырнул их обратно в миску и сказал в сердцах с гордостью и высокомерием:

— Кто посмел утверждать, что я крохобор?!

Ибрахим рассердился — каков аристократ!

— На, бери. Подавись...

Внезапно послышался громкий голос мастера Алиша, зовущего мальчика; тот незаметно сунул в карман сигареты и поспешил убраться.

Ибрахим принялся за еду. Он вонзил свои длинные черные зубы в лепешку с такой силой, что раздался сильный хруст.

— Во имя аллаха... Мастер!

Ел он, не поднимая головы, откусывая большие куски.

— Пожалуйста...

— Вы хотите пиявок?

— За сорок...

— Я говорил — за пятьдесят...

— За сорок...

— Пусть будет сорок пять. Ей-богу, это только для вас.

— Я сказал — сорок.

— Английских?

— Половину на половину... Я сейчас приготовлю. Вы готовы?

Этот спор, несомненно, нуждается в пояснении.

Происходил он между Ибрахимом и мастером Джадом — хозяином парикмахерской и красильни, занимавшимся также и врачеванием.

Уже в течение нескольких дней Ибрахима мучила сильная головная боль; шейх Мухаммед посоветовала обратиться к тому самому шейху, который вложил ей под кожу горошину. Однако Ибрахим отказался, когда увидел колено шейха Мухаммеда. Мастера Джада жители квартала считали искусным врачом, и только жадность Ибрахима удерживала его от обращения за помощью.

Однако, после того как все попытки помочь ему оказались бесплодными, усиливавшаяся головная боль и страх перед горошиной заставили Ибрахима обратиться к мастеру Джаду. Тот посоветовал ставить пиявки. Он сообщил, что у него есть две такие пиявки, которые по своей силе превосходят кобру. Стали договариваться о цене, и мастер Джад потребовал за них шестьдесят сигарет, а Ибрахим давал сорок. Не договорившись, Ибрахим решил и дальше терпеть головную боль, но мастер Джад предложил отложить все до утра.

Наутро мастер Джад пришел и поставил ему пиявки. Даже с пиявками на шее Ибрахим продолжал свои дела: беспрерывно принимал клиентов и посредников, подсчитывал окурки и сортировал их.

День закончился, и деятельность Ибрахима понемногу начала стихать... Он остался в одиночестве, если не считать юноши по прозвищу «Дакдак» *, который в течение дня собирал сведения о ходе работы.

Ежедневно Ибрахим подсчитывал прибыль, а Дакдак ходил менять мелочь на крупные купюры. Их было удобнее укладывать в пояс. Прятал свои деньги Ибрахим в мечети — только за тем он туда и приходил. Жители квартала потому и называли его безбожником-еретиком.

Вот окончилась вечерняя молитва. Начали закрываться лавки. Квартал затих, Ибрахим скрючился и закрыл глаза. «Божьи люди» улеглись в постели, кроме одного, стучавшего по земле своим деревянным мечом, выкрикивая «Объединяйтесь!» Это был шейх Ахмад, возвращающийся из очередного похода...

Такова была жизнь Ибрахима Акба пятнадцать лет назад. Я не думаю, что стоит описывать ее печали и радости день за днем. Я мысленно перешагну через десять лет — большой срок в жизни человека.

Мы не будем пытаться разыскивать Ибрахима Акба в квартале аль-Мида. Место его теперь пусто. И никто из жителей аль-Мида не знает о нем ничего, он исчез из поля зрения. Только верный Дакдак продолжал следовать за ним.

Теперь мы находим Ибрахима в его кабинете в Насырийе. Внешний облик его стал совсем иным. Черную ермолку заменила бело-красная чалма. На нем великолепный шелковый кафтан и джубба** из дорогого сукна. Он богат и счастлив.

С начала войны Ибрахим Акб не живет в квартале аль-Мида. Деньги, которые он прятал в поясе, были оттуда извлечены и пущены в оборот, а дела его значительно расширились. Теперь он принялся за мусорные ящики, находящиеся на территории английских казарм. В эти большие мусорные ящики выбрасывали остатки пищи. Они-то и стали для него одним из основных источников сбора всякого рода мусора. Но в действительности это был необычайный мусор — благодаря ему появились денежные банкноты и притом во все возрастающем количестве.

Таким образом, Ибрахим превратился из собирателя окурков в сборщика утиля. Его не волновало то, что его профессия весьма дурно пахла: ведь она приносила ему обильный доход и содействовала быстрому росту его капиталов.

Дакдак-эфенди вошел в кабинет к Ибрахиму Акбу, чтобы произ-

* Шпион, наушник.

** Национальная арабская одежда с широкими рукавами.

вести расчет за день. Он начал подробно излагать ход операций, а Ибрахим внимательно его слушал.

Дакдак кончил и умолк. Его охватило смущение, он что-то пытался сказать своему хозяину, но побоялся.

Ибрахим спросил его:

— Что с тобой?

— Ничего. Я только хотел бы заметить...

— Что именно?

Дакдак помедлил немного, а потом набрался смелости и произнес:

— Неплохо было бы, если бы ты появился в обществе и сделал это так, чтобы люди о тебе заговорили.

Ибрахим удивленно поднял брови и спросил:

— Но как это сделать?

— Пожертвуй деньги на благотворительные цели, имя твое появится в газетах и ты прославишься.

Ибрахим подумал и удовлетворенно сказал:

— У тебя от вчерашней выручки осталось полтораста курушей. Их и можно пожертвовать.

— Полтораста курушей! Да ты что! Нужно по крайней мере четыреста или пятьсот фунтов.

Ибрахима охватило сильное волнение, он посмотрел на Дакдака, как на вора или сумасшедшего. Однако тот не растерялся и настойчиво разъяснял, что такого рода пожертвования дадут Ибрахиму возможность стать известным и влиятельным человеком. А через некоторое время эта известность принесет и обильный доход.

После этого имя Ибрахима Акба появилось на страницах газеты «Аль-Ахрам»: сто фунтов на поддержание науки; двести — на нужды благотворительности; триста — на больницы.

Все эти расходы действительно нисколько не повредили его финансам; наоборот, состояние его стало быстро расти, деньги шли по долговым обязательствам, с черного рынка и из множества других мест. Это давало ему возможность жить так, как он хотел.

Оставим Ибрахима Акба погруженным в торговлю, финансы и свои благотворительные дела. Расстанемся с ним только на два года, а по прошествии этого времени войдем снова в его кабинет в Насырийе: теперь мы уже увидим важного, солидного человека, в чалме и джуббе. Перед ним стоит Дакдак и спрашивает:

— Разве ты не намерен принять участие в выборах?

— Участвовать в выборах? Я — и выборы. Да ты с ума сошел!

— А почему бы и нет?

— Ведь я не владею как следует грамотой. Как же ты можешь предлагать мне, чтобы я шел на такой риск, как участие в выборах?!

— О господин, дело совсем не в грамотности, ведь ты известный купец, и имя твое гремит.

— Не желаешь ли ты, чтобы я вступил в какую-нибудь партию?

— Ни в коем случае. Выступай как независимый.

— Но независимые никогда не помогут мне.

— Деньги помогут тебе. Положись на аллаха и на твоего верного слугу...

Два дня спустя на всех стенах квартала аль-Мида были расклеены плакаты: «Голосуйте за независимого кандидата Ибрахима Акба», «Все, кто хочет иметь одежду и пропитание, будут голосовать за Ибрахима Акба».

Впервые Ибрахим Акб появился в мечети ас-Сейида для молитвы, а не для того, чтобы спрятать свои деньги в пояс. Вошел он туда смело, не боясь никого. Он обошел со всех сторон мечеть и прогулялся по квар-

талу аль-Мида. Жители квартала — с некоторыми из них мы уже познакомили читателя в начале нашего рассказа — исчезли. Большинство «божьих людей» вернулось в лоно божье, кроме шейха Ахмада с его мечом. Он все так же продолжал свою борьбу за веру.

Наступил день выборов. Дакдаку пришлось много поработать, чтобы результаты удовлетворили Ибрахима Акба. Дакдак нанял грузовые автомобили для перевозки избирателей к месту голосования. Он разделил квартал на округа, районы и отделения, точно так же, как он это делал в прежние времена.

Дакдак стоял перед избирательным пунктом с банкнотами по 25, 50 и 100 курушей в руках. Избирателей он разделил заранее на три категории: первой предназначалось 100, второй — 50 и третьей — 25 курушей.

Деньги он разделил на две части: одну часть давал избирателям сразу же, а другую — после голосования, то есть после того, как он убеждался в том, что они отдали свои голоса Ибрахиму Акбу.

Когда были объявлены результаты голосования, оказалось — Ибрахим Акб избран подавляющим большинством.

Таким образом, Ибрахим Акб победил. Ни принципов, ни талантов, ни способностей, ни знаний — ничего, одни только деньги!..

Да здравствует Акб, да здравствует избирательный закон...

Теперь я расскажу о той картине, что прошла перед моими глазами и вызвала дремавшие в моей памяти воспоминания.

Однажды, сидя с приятелем в кафе «Шеперд», я увидел, как мой приятель неожиданно поднялся, подошел к важному старику и почтительно приветствовал его и соседа. Они немного побеседовали, после чего он вернулся и сказал с гордостью:

— Это Ибрахим-бек аль-Акб, член палаты депутатов... Разве ты не знаешь его?

— Знаю.

Больше я ничего не сказал. Я смотрел на человека, который столь величественно и гордо восседал на диване. Рядом с ним расположился Дакдак-эфенди. Я стал следить за Ибрахимом и увидел, как он вытащил из кармана коробку с табаком и начал свертывать сигарету.

В этом не было ничего особенного. Многие из великих людей сами свертывают сигарету.

Ибрахим докурил сигарету, от нее остался только небольшой окурок. Он погасил его в пепельнице, осторожно огляделся кругом, и тут я заметил, как рука его незаметно потянулась в карман. Никто не видел этого, кроме меня и Дакдака: на его лице появилось выражение недовольства, но он решил не обращать внимания на эту выходку.

И вдруг я неожиданно для самого себя воскликнул:

— До чего же хорош этот самородок из квартала аль-Мида!

Таха Хусейн
(ОАР)

Хадиджа

Перевод с арабского Г. Шарбатова

Не с небес она спустилась, как спускаются на землю ангелы со своим милосердием. И не из речной волны,— она слышала, как в старину молодые русалки выходили на берег из рек и родников, из потоков и источников. И не облака на крыльях своих ее нам принесли, и не звезды ее к нам ниспослали. Она родилась в деревне, в бедной обездоленной семье, как рождаются всегда десятки, сотни и тысячи таких же городских и деревенских девушек. Но среди сверстниц она выделялась лицом своим, чистым, не омраченным ни единой морщиной и таким светлым, словно само солнце озаряло его сияющими лучами. И никто не знал, откуда у нее такое светлое, сияющее, чистое, веселое лицо. У отца была мрачная, грубая внешность, уродливые морщины изборождили его лицо: несчастья, страдания и лишения сделали свое дело. Лицо ее матери было прекрасным воплощением безобразия, если допустить, что безобразие может быть прекрасно воплощено. Недовольство жизнью, жестокость бытия и трудности, которые заставляют обездоленных делать то, что им не нравится, и довольствоваться тем, что им ненавистно,— все это придало внешности родителей Хадиджи выражение уныния и униженности, беспросветного горя и равнодушия.

У их дочери сияние и чистота лица лишь дополняли удивительную красоту и совершенство всего ее существа. Это было изумительное создание, подобное лучшему творению замечательного ваятеля, который неторопливо и терпеливо трудится и создает свою скульптуру, чудо в искусстве, очаровывая им взоры и сердца всех людей.

Голос ее, когда она говорила, был нежным, чистым и звонким. Он пробуждал воспоминание о коротком промежутке времени от ранней зари, как стрела пронзающей мрак ночи, и до полного восхода солнца, наполняющего землю красотой и светом.

Голос ее пробуждал воспоминание об этом коротком промежутке времени, когда слышно легкое дуновение прохладного утреннего ветерка; когда выпадает роса, словно неся с собой радостное приветствие жизни и движению, ниспосланным земле самими небесами; когда природа неторопливо, но бодро пробуждается, птицы поют, листья шелестят, ветви деревьев все явственнее вырисовываются и в эту минуту рассветные лучи шепчут земле: «Проснись и приготовься, светило вот-вот взойдет».

Голос ее рождал в воображении эти картины, но говорила она мало. Нежный, чистый голос гармонировал с ее светлым и чистым лицом, с прелестью всего ее изящного облика. Все ее существо более всего напоминало мелодию, не только услаждающую слух, но и владеющую всеми чувствами и помыслами человека. А люди без конца спрашивали друг друга:

— Как эти два урода, которых природа отметила печатью безобразия, смогли породить чудо дивной и чистой красоты?

И когда жители досаждали деревенскому учителю своими настойчивыми расспросами, он тоном осуждения читал им стих из корана:

— «Ночь вступает в день, а день вступает в ночь; живое выходит из мертвого, а мертвое выходит из живого».— Потом он говорил им: — Все-

могущий дарует щедрой рукой. Предопределение! Разве вам неведомо, что господь одаряет безобразие красотой. Это он ночь сменяет днем, а день превращает в ночь! Вам известно ведь, что темная ночь рождается от ясного дня, а свет дня поглощается мраком ночи. Почему же вы не признаете, что господь подарил Хадиджу ее матери Махбубе и отцу ее Шаабану?

Махбуба была женщина средних лет; она ходила по домам своих односельчан и выпекала хлеб. Пекла она особенный хлеб: из маиса делала тонкие круглые большие лепешки. Такие лепешки не сделать даже из пшеничной муки. То в одном, то в другом доме можно было видеть, как она, сидя у печи, своими проворными, умелыми руками месит, стремительно подравнивает и округляет кусок теста, придавая ему нужную форму. Потом легко и нежно сажает в жарко натопленную печь — и вот лепешка зарумянилась, превратилась в соблазнительный, лакомый кусочек. Когда утро кончалось и время близилось к полдню, можно было увидеть, как она возвращается в свое жалкое, неприглядное жилище. В руках у нее вознаграждение за труд: несколько лепешек, которыми питалась вся семья — она сама, ее муж, сыновья и дочери. Этим довольствовались они многие дни, изредка добавляя что-либо еще из еды, если господь посылал Шаабану работу или если какой-нибудь состоятельный человек помогал им. А если этого не случалось, оставался лишь один хлеб и то, что растет в земле и доступно бедняку, к примеру лук, редиска и всякая зелень — обычная пища обездоленного люда.

Шаабан мог не много принести для семьи. От отца он унаследовал профессию, которая не избавляла его от голода: скромный строитель, он не воздвигал домов из камня и кирпича, а строил домишки из глиняного месива. Он собирал песок, добавлял воды и перемешивал с сухими стеблями растений. Потом делал из этого месива плитки, их накладывали друг на друга, все выше и выше, до тех пор, пока стена не достигала человеческого роста. На стены он накладывал пальмовые ветви, и получался домик, где бедная деревенская семья находила себе приют, хотя и не защищавший от всех капризов природы.

Но жители деревни строили такие домики не каждую неделю, и Шаабан, поработав день-два, оставался затем без денег многие недели. А на пиастры, которые время от времени давала ему работа, он, когда мог, покупал семье какую-нибудь одежонку или радовал детей сластями. Подрастая, дети сами вынуждены были трудиться; они питались там, где работали, и приносили семье то, что удавалось заработать.

Хадиджа, молодая девушка, служила у одних деревенских богачей. Отправлялась она к ним с ранней зорькой, усердно выполняла всю работу по дому и с наступлением темноты возвращалась отдохнуть в дом родителей. Она была довольна своей жизнью и улыбалась ей, несмотря на печаль, которая обосновалась в ее сердце и проникала в душу. Но ни разу не обмолвилась она об этой печали, и ни разу эта печаль не отразилась на ее лице. Несомненно, она задумывалась над бедностью своей семьи. Но эти свои горестные размышления Хадиджа не выдавала ни единым словом, ни взглядом, ни движением. Она прятала свою печаль, как скупец прячет свое богатство. Может быть, печаль эта породила в ее звонком голосе горькие нотки, оставлявшие в душе у слушавших ее странное впечатление.

И может быть, этой печалью было рождено и то легкое нежное облачко, какое проплывало по ее прекрасному сияющему лицу, проплывало так быстро, что те, кто его заметил, не успевали задуматься и ни о чем не спрашивали девушку. Жизнь в чужом доме удовлетворяла ее и даже радовала, лишь изредка, на какой-то миг, она становилась задумчивой, но задумчивость эта таяла раньше, чем успевала выдать ее печаль.

Хозяйка любила Хадиджу и дружила с ней, с сочувствием относилась к ее родным, и всякий раз, когда представлялся случай, она им помогала. Она часто звала Махбубу и поручала ей кое-какую работу, иногда легкую, а иногда и тяжелую, и платила ей не пиастрами, а дарила что-нибудь из поношенного платья. Она посылала также еду для семьи и даже делала подарки в дни праздников и тогда, когда в ее доме бывал особенно велик достаток. Но хозяйка не ограничивалась этими благодеяниями, каждый раз она стремилась снова доказать свою доброту.

Однажды хозяйка услыхала со двора, со стороны хлева, женские крики и рыдания и свист бича, обжигающего чье-то тело непрерывными ударами. Она быстро вышла из комнаты и остановилась, потрясенная тем, что увидела: Махбуба, схватив свою дочь за красивые длинные волосы, с ожесточением волокла ее по земле. Она била дочь одним из тех высохших прутьев, какими поворачивают хлеб и вытаскивают его из огня, а неподалеку валялись рядышком на земле две глиняные тарелки. Мать допытывалась о чем-то у дочери, обрушивая на нее удары.

Воскликнув: «Что я вижу!» — хозяйка бросилась к Махбубе, оттолкнула ее, вырвала прут из рук и, подойдя к девушке, помогла ей подняться. А Махбуба начала рыдать, причитая и всхлипывая. У нее сделался нервный припадок. Хозяйке пришлось даже побрызгать ей лицо водой, чтобы привести в чувство и кое-как успокоить.

Когда Махбуба стихла, хозяйка спросила ее, что случилось; и то, что она услыхала, глубоко ее растрогало, слезы заструились у нее по лицу. Оказывается, Махбуба в каком-то укромном уголке своего жилища нашла эти две тарелки и решила, что ее дочь обманывает своих хозяев и ворует у них вещи. Как могла она обворовывать и обманывать тех, кто благодетельствует ей и ее родным, облегчая их жизнь! Как могла она воровать, навлекая зло на них всех! Теперь все ясно: из-за этого воровства Махбубу отсылали обратно из некоторых домов, где она прежде пекла хлеб, а ее мужа давно не зовут строить дома и заготовлять кирпичи.

— Мы все не понимали, в чем причина постигшего нас бедствия, а теперь мы знаем эту причину: оказывается, у нас дочь — воровка, обманывающая своих хозяев!

Сдерживая слезы, хозяйка дома проговорила:

— Успокойся, женщина! Твоя дочь не крала ничего. Это я поручила ей вчера вечером, как обычно, отнести на этих тарелках вам кое-что из еды, а утром, идя на работу, она просто забыла захватить их с собой.

Махбуба воскликнула:

— Не приносила она нам вчера никакой еды, как и не приносила она нам ее никогда прежде.— И тут все окончательно стало ясно.

Всякий раз, когда хозяйка через Хадиджу передавала еду для ее родных, девушка стеснялась отказаться, брала и раздавала беднякам, если встречала кого-нибудь из них по дороге, или бросала ее собакам, или просто выбрасывала все посреди дороги. Затем она прятала тарелки в один из укромных уголков их жилища и наутро возвращалась с ними в хозяйский дом, улыбающаяся и довольная, словно досыта накормила родных. Но в это утро она второпях позабыла захватить с собой тарелки и вспомнила о них лишь тогда, когда увидела, как ее мать, приближаясь к ней, несет их в руках и уже на ходу грубо допытывается, где она их украла. Не давая дочери опомниться и не дожидаясь ответа, мать потащила ее за волосы одной рукой, а другой избивала сухим прутом. И чем громче кричала мать, тем горше плакала дочь. А чем горше рыдала дочь, тем громче вопила мать.

Хозяйка поняла, что Хадиджа совсем не такая, как все служанки, да и совсем не похожа на остальных девушек. Вечером она рассказала мужу всю эту историю, он был тронут поведением простых, честных людей и

посоветовал жене помогать им. С тех пор она привязалась к Хадидже еще больше, стала ей чуть ли не подругой.

Деревенские юноши слыхали эту историю о Хадидже, они рассказывали друг другу о добродетели, какую не встретишь среди богатых, о редкой совестливости, какую не найдешь ни в людских поступках, ни в старинных дедовских преданиях. Они только и говорили о сказочной красоте Хадиджи, красоте, чарующей взоры, пленяющей сердца и способной свести с ума. Деревенские юноши любили Хадиджу самозабвенно, они восхищались ею, тянулись к ней. Надежда пьянила их разум и волновала сердца. И вот однажды в жилище Хадиджи пришел сват от семьи, которую не назовешь очень богатой, но которая во всяком случае была далека от дороги лишений. У них была своя земля и своя скотина, приносившие хозяевам обильные доходы.

Жених Хадиджи был сильный, подвижной, бойкий на язык красавец; особенно хорош он был, когда по пятницам принаряжался и шел в мечеть, а потом, возвращаясь, предавался со своими товарищами играм и забавам или состязался с ними в искусстве рассказа.

Семья Хадиджи сначала слушала свата — и не верила его словам, а потом согласилась на его предложение с той решительностью, в которой чувствуется много надежд, освежающих душу, и много страха, отравляющего сердце. Почему бы несчастной семье не увидеть в этом сватовстве милость господню, которая после всех лишений принесет им, наконец, благополучие? И в то же время почему не призадуматься ей над бедностью, предостерегающей от замужества с богатым? Но юноша искренен и влюблен, он твердит о своей искренности и любви. Ради покоя и счастья юноши его семья не желает иного брака, его родные тоже искренни в своих побуждениях и тоже твердят о своей искренности на все лады, пытаясь уговорить несчастье породниться со счастьем.

Между родителями обеих семей было все улажено, но в душе Хадиджи не улеглась тревога. Она отказывалась выходить замуж и настойчиво просила повременить. В ее душе прежняя жизнь, жизнь служанки, восставала против этой новой жизни, сулившей свободу и независимость ей самой и ее родным. Она так упорно отказывалась, так настойчиво умоляла подождать с замужеством, что у ее родителей в душе родились сомнения. Вместе с тем, настаивая на отказе, Хадиджа не могла не повредить себе и не запятнать свою честь.

Сквозь слезы Махбуба поведала обо всем хозяйке ее дочери. Но хозяйка отвергла все опасения, она вселила успокоение в исстрадавшуюся душу матери. С девушкой же хозяйка стала обращаться по-другому: она то была с ней ласкова, то вела себя так грубо, что наконец вынудила ее согласиться на брак.

По-праздничному готовилась к свадьбе семья юноши. Так же празднично готовилась и семья Хадиджи. Она наряжала девушку к этому знаменательному в ее жизни дню, как наряжают в такой день девушек среднего класса. Хозяйка даже настояла на том, чтобы свадебное шествие началось из ее дома, а не из дома Шаабана.

В тот вечер Махбуба в своем жалком домике лежала на полу, лицом вниз. Ей хотелось плакать, но не было слез, ей хотелось говорить, но слов не было. Какой-то тайный голос звучал в ее душе. Если этот голос и выражал что-либо, то лишь страх и беспокойство — что случится в тот самый час, когда юноша войдет к своей невесте? Она лежала, распластавшись, на полу, тело ее время от времени сильно вздрагивало, ноги сводила судорога, и все тот же ненавистный голос звучал в ее душе, тогда как вокруг царили веселье и радость.

Вдруг взвились ввысь ликующие крики женщин, пронзая, словно серебряные стрелы, черный мрак ночи; тут и там раздались выстрелы.

Группа женщин и подростков водрузила на палку что-то очень напоминающее стяг, выкрикивая слова, оскорбительные для слуха. А стрелы ликующих женских криков одна за другой взвивались ввысь, как бы стремясь изорвать в клочья черный покров ночи. Вот какая-то женщина с наглым выражением лица грубо трясет Махбубу и кричит так громко, чтобы слова ее услышали и другие:

— Очнись! Приди в себя! Чего ты боишься? Хадиджа не осрамила твое лицо и лицо Шаабана.

Мало-помалу к ней возвращается покой. Женщины поднимают ее, усаживают и дают воды, помогая опомниться и собраться с силами.

Эта ночь проходит, как и все свадебные ночи. Наступает следующий день. Но лицо Хадиджи, когда она выходит к пришедшим навестить ее женщинам, выражает неприязнь и отвращение. Она слушает, что они говорят ей, но ничего не отвечает, пытается сдержать слезы, но не находит сил.

Они спрашивают ее и спрашивают друг друга: что с ней? В чем причина овладевшего ею уныния и слез, бегущих по щекам? Где это видано, чтобы сердце девушки наполнилось печалью в такой день, когда все сердца вокруг ликуют от радости и веселья? Они спрашивают ее, но она не отвечает, потому что сама не находит ответа, или, вернее, ответ таится где-то очень глубоко в душе, и она не в состоянии облечь его в слова, сама не может его постигнуть и уразуметь. Они спрашивают друг друга, но также не находят ответа. И тогда в голову лезут всякие догадки и выдумки. Что закрадывается в душу скорее и легче, чем подозрение? Когда девушку вчера вели в дом жениха, она была бледна, выглядела усталой, с трудом владела собой, словно ее вели на казнь. А мать, лежа на полу, извивалась, как человек, которого поразила падучая болезнь или оседлал шайтан. Разве всего этого мало, чтобы вызвать подозрение? Но все видели также и стяг, поднятый во мраке ночи среди мерцания свадебных светильников.

Кончается утро, приближается полдень. Вот и хозяйка Хадиджи пришла навестить невесту, принесла ей поздравление и подарок. Ее поразило то, что ей рассказали. Она пошла к девушке, а выйдя от нее через некоторое время, проговорила, смеясь:

— Причуды ребенка! Девичье смущение! Через несколько дней все изменится.

Но проходили дни, и ничего не менялось. Тем, кто был с Хадиджей, казалось, что все идет, как и должно быть после свадьбы. А девушка была тиха и спокойна, хотя ясное ее лицо в не малой мере утратило свою красоту и жизнерадостность и затянулось облаком нежной грусти, в каждом сердце находившей отзвук, а ее чистый звонкий голос обрел нестройную печальную мелодичность и стал самым сладостным для слуха и самым доходчивым для сердца.

Муж Хадиджи был счастлив больше, чем самые довольные и счастливые мужья.

В то утро заря разгоралась смело, уничтожая остатки ночного мрака, окутавшего землю в столь ранний час, в час между первыми проблесками зари и восходом солнца, в час, который вместе с трепетом утреннего ветерка и шелестом зеленой листвы, шорохом ветвей и запахом росы, пением птиц и пробуждением природы приносит с собой голос Хадиджи. В этот тихий утренний час деревенские женщины и девушки выходят из домов и направляются к реке, воспевая красоту жизни, словно эта красота — их мечта, что приходит к ним поздно вечером и расстается с ними рано поутру; потом они уже молча возвращаются в деревню, и улыбка понемногу начинает исчезать с их уст, а на смену ей приходит уныние; в сердцах с новым днем просыпаются новые заботы и тревоги, женщины и девушки

готовятся встретить новые тяготы и новые заботы, какие приносит им этот день, когда солнце заливает деревню своим жгучим и знойным светом.

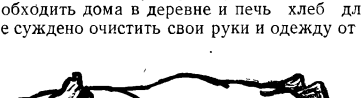
К реке они шли веселые и радостные, а назад возвращались печальные и подавленные. В то утро пропала Хадиджа, и ее не могли найти. На берегу, вдалеке от того места, где женщины обычно брали воду, люди увидели наполненный кувшин, а рядом с ним несколько украшений. Хадиджу искали в реке, но поиски кончились безуспешно.

Еле сдерживая готовые хлынуть слезы и с трудом владея голосом, ее хозяйка тогда сказала:

— Хадиджа была вынуждена согласиться на замужество, и оно осквернило ее незапятнанную совесть и светлую душу. Любовь не смогла их очистить, смерть их очистила.

А хозяин Хадиджи добавил:

— Так определил господь судьбу ее родителей! Махбубе, пока она жива, суждено обходить дома в деревне и печь хлеб для жителей, а Шаабану так и не суждено очистить свои руки и одежду от глины.



Абд ар-Рахман аль-Хамиси

(ОАР)

Служаночка

Перевод с арабского Ш. Рахматова

Прошел только месяц с того дня, когда Дахаб переехала из родной деревушки в Каир. Но Дахаб еще не умеет вести счет дням, неделям, месяцам, потому что она еще совсем маленькая деревенская девочка, ей нет и семи лет. По ее подсчетам, прошло очень, очень много времени с тех пор, как она рассталась с матерью, отцом, полями своей деревушки и всем, что так отчетливо и сильно запечатлелось в ее детской памяти.

Маленькая опечаленная Дахаб даже не знает, зачем ее привезли в Каир. Ей неведомо и то, что город, в котором она очутилась, называется Каиром. Ей непонятно, как все это случилось; она помнит только, что в тот вечер отец Абдельбасыт, придя домой, сказал:

— Дахаб, рано утром отправишься из Герита в город, с госпожой, племянницей бека.

Дахаб не могла своим наивным умом постичь всего того, о чем говорил отец. Ей было ясно лишь одно: она должна уйти из родного Герита, как до того ушли ее сестры Сильми и Нафуса.

В эту ночь она спала в объятиях матери. С восходом солнца отец разбудил свою маленькую дочку и, взяв ее за руку, повел за собой. Мать бросилась к Дахаб и, плача, стала покрывать ее лицо поцелуями. Но Абдельбасыт вырвал ребенка из рук матери и оттолкнул ее ногой. Женщина плашмя упала на землю.

— Ты берешь грех на душу, Абдельбасыт,— закричала она в отчаянии,— всех моих дочек, одну за другой, безжалостно разбросал по свету. Словно сердце ее твердило: «Не хочу я, чтобы ты разлучал меня с Дахаб, если бы даже за это платили целый фунт в месяц. Все мои дочки отданы в служанки, все они — в далеких чужих городах. Оставь мне хоть одну дочь, мою Дахаб. Абдельбасыт, ты берешь грех на душу, большой грех».

Крики плачущей матери затихали по мере того, как Абдельбасыт уходил все дальше и дальше в сторону шоссейной дороги.

Бедняжка Дахаб вся тряслась на руках у отца, обращая встревоженные взоры своих печальных глаз туда, где мать упала на землю; учащенно билось ее маленькое испуганное сердечко.

Добравшись до обочины дороги, Абдельбасыт опустил девочку на землю, погладил усы, вздохнул и, прищурив глаза, посмотрел вдоль шоссе. Он издали заметил приближавшуюся машину. Вскоре стало отчетливо видно, что это машина госпожи, племянницы бека. Он улыбнулся и, обернувшись к дочери, сказал:

— Поедешь в город, Дахаб, с госпожой.

Распахнулась дверца, выглянула изящно одетая женщина.

— Это твоя дочь, Абдельбасыт? — спросила она.

Сияя от радости, Абдельбасыт ответил:

— Да, это Дахаб, ваша маленькая служаночка.

— Я люблю таких, как она, воспитывать у себя дома.

Произнеся эти слова, госпожа вынула из сумочки бумажку в двадцать пять пиастров и протянула ее Абдельбасыту, говоря:

— Получи, плачу вперед. Месячное жалованье.

Шофер схватил девочку за руку и усадил рядом с собой, а впереди ослепительно белела лента дороги из Герита в Каир.

Лишь только машина двинулась, девочка сразу заплакала, но шофер прикрикнул на нее и ударил по лицу. Она в испуге отшатнулась, затем кое-как успокоилась и застыла в глубоком оцепенении.

Машина остановилась у одного из домов на улице Гарден-сити. Шофер дернул девочку за руку, она очнулась и тут же услыхала, как изящная госпожа кричит ей:

— Выходи, выходи!

Но девочка не знала, как надо выходить из машины. Тогда шофер, распахнув дверцу, вытолкнул Дахаб. Она вывалилась неуклюже, словно мешок, ударилась лицом о край тротуара и жалобно застонала.

Госпожа рассердилась:

— Где же швейцар, пусть он сразу же отведет эту неряху в ванную.

Дахаб тут же унесли куда-то наверх. Из рассеченного лба девочки сочилась кровь. Ее втащили в ванную, выкупали, нарядили в белую одежду, надели ботиночки, а на голову — небольшую наколку.

Она так была обрадована своим новым нарядом, что как-то даже позабыла обо всех недавних горестях и начала присматриваться к незнакомой обстановке. Когда вечером зажглось электричество, Дахаб была поражена. Все ее удивляло в этом доме: ковры, кресла, люстры, зеркала. Какие диковинные вещи! Какие странные голоса! И звуки, которых раньше

ше она нигде и никогда не слыхала. Удивление и радость странно сочетались в ее детской, нежной душе.

В первый день, проведенный на новом месте, девочке даже казалось, что она счастлива. Но как-то сразу после этого первого дня наступило очень, очень много дней, наполненных ужасами, болью и страхом, и от всего этого ее горемычное сердце обливалось кровью.

Учили ее каким-то странным непонятным вещам:

— Если ты видишь, что идет кто-либо из нас, ты должна тотчас же встать. Это знак уважения.

— Отнеси этот стакан воды на подносе в гостиную, подай, потом поклонись, но смотри, Дахаб, не улыбайся при этом, а затем уходи, но обязательно лицом к господам, а спиной к двери.

— Твой маленький хозяин приходил в кухню, а ты ударила его, Дахаб. За это тебя избили до крови.

— Если кто-нибудь тебя зовет, ты должна ответить: «Слушаю вас, мой господин».

Ей давали превеликое множество таких приказаний и наставлений. Но девочка тут же забывала о них и поступала по-своему, как привыкла. Тогда ее били до тех пор, пока на ее слабом тельце не выступала кровь.

Иногда ей хотелось поиграть; она, как и любой ребенок, чувствовала потребность в ласке, без которой ей было так трудно жить.

У хозяина дома был сынишка, почти того же возраста, что и маленькая Дахаб. Звали его Ибрагим. Он играл всюду, где только хотел. Дахаб втайне тоже мечтала об играх и забавах, но ее неотступно преследовали жестокие глаза хозяйки, вселяющие страх в ее душу и заставляющие сразу вспоминать о толстой палке, которой избивает ее повариха, если Дахаб поступает не так, как было велено.

Однажды, увидев в руках Ибрагима деревянную лошадку, Дахаб сказала поварихе:

— Возьми мою белую одежду и дай мне в обмен лошадку.

Дородная повариха только рассмеялась:

— Сиди, сиди на месте и ничего не проси, сумасшедшая!

Прошел месяц, и за это время Дахаб не раз жестоко избивали. Но вот наступила поистине мрачная ночь.

Девочка мечтала поиграть с деревянной лошадкой, которая катится по полу на маленьких колесиках,— Ибрагим то и дело возит ее из одной комнаты в другую.

Только что закончился ужин, и вместе с остальной прислугой девочка таскала из столовой в кухню пустые тарелки. Ее часто наказывали за то, что из ее маленьких пальчиков посуда выскальзывала на пол и разбивалась. Но стоило ей вспомнить о лошадке, как она тут же забывала о всех побоях. Девочка мечтала покатать лошадку по всему дому, как это делал Ибрагим. Лошадка владела всеми ее помыслами, и Дахаб совсем не заметила, как тарелка выскользнула из рук и разбилась вдребезги.

Дахаб застыла в испуге. Так бы и стояла она в ожидании кары, если бы не проходившая мимо повариха. Увидев испуганную и растерявшуюся девочку, она сжалилась над ней и шепнула ей на ухо: «Убери все побыстрее и унеси в кухню». Дахаб разразилась долгим, прерывающимся, жалким истерическим плачем.

Но она вспомнила о лошадке, и лицо ее засияло от счастья. Девочка осторожно вышла из кухни и направилась к спальне, где Ибрагим обычно оставлял лошадку на ночь. Госпожа хозяйка, услыхав шаги маленькой служанки, решила, что Ибрагим все еще не спит, и поспешила в детскую. Дахаб в это время, прижав к груди своими маленькими ручонками игрушку, выходила из комнаты и на пороге столкнулась с хозяйкой. Вот какова эта служанка — она, оказывается, воровка!

Хозяйка занесла руку и со всего размаха ударила девочку по лицу. Дахаб вскрикнула и упала на пол. Хозяйка рассвирепела, набросилась на нее и начала остервенело избивать. От боли и страха девочка стала кричать еще громче. Тогда, совершенно потеряв самообладание, госпожа снова обрушилась на девочку с кулаками:

— Разве не ты хотела украсть? Разве не ты пробралась в комнату Ибрагима и утащила его лошадку?

Сбежавшаяся на крик прислуга молча наблюдала за этой ужасной сценой. Хозяйка, выбившись из сил, крикнула поварихе:

— Убери ее куда-нибудь подальше от меня. Постели ей где-нибудь на полу, а утром отправь эту воровку в деревню.

Вскоре весь дом уснул, а Дахаб поместили на балконе. Она лежала на голом полу, ничем не укрытая.

Душа твоя полна слез, Дахаб.

Болит твое измученное тело.

Почему госпожа не позволила тебе взять лошадку, Дахаб?

Почему играть с лошадкой может только Ибрагим?

Ты беспечно и весело резвилась с детворой в Герите, Дахаб.

И никто не запрещал тебе играть в те чудесные игры.

...Девочка чувствовала, что все тело ее обессилено, она горько плакала. Потом сон властно опустил ее печальные веки.

...Девочка спала, и ничто не оберегало ее в ту ночь. И приснился ей чудесный, сладостный сон, он облегчил страдания ее истерзанного тела и успокоил муки ее опечаленной души. И вот что она увидела во сне.

В широком поле колосится пшеница. Уходящее солнце бросает последние прощальные лучи на высокие деревья и окрестные холмы.

Дахаб опять среди деревенских ребятишек, она играет с ними в «камушки». На земле четыре камушка, а пятый — подбрасывается в воздух. Пока он летит, надо успеть сгрести рукой все четыре камушка на земле и поймать его на лету.

Тут же, рядом с Дахаб, Ибрагим, он тоже играет с ними.

Внезапно появляются еще какие-то дети; и вот уже вся ватага с возгласами и смехом направляется к колодцу.

Вечер прелестен, как прелестна и ты, Дахаб. Игра чудесна, Дахаб. К колодцу, ребята, к колодцу, давайте играть у воды!

Подходит и Дахаб, взбирается на холм, затем видит внизу колодец и падает в него...

Все это происходит во сне. А на самом деле произошло следующее.

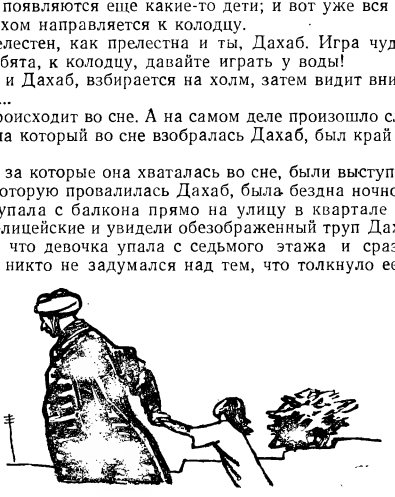
Холмом, на который во сне взобралась Дахаб, был край балкона, где она спала.

Камнями, за которые она хваталась во сне, были выступы балкона.

Ямой, в которую провалилась Дахаб, была бездна ночного мрака!

Девочка упала с балкона прямо на улицу в квартале Гарден-сити. Подбежали полицейские и увидели обезображенный труп Дахаб.

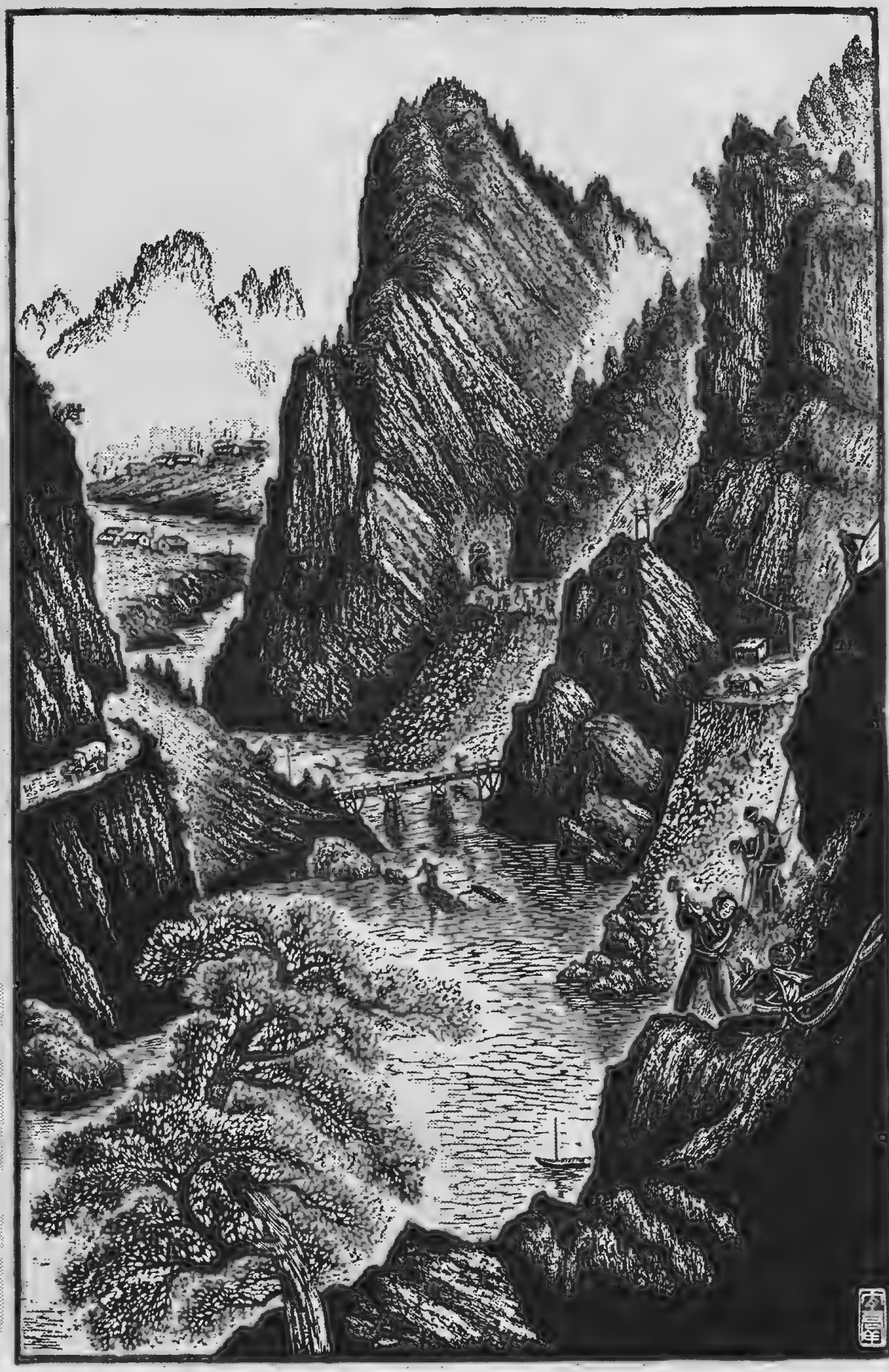
Говорили, что девочка упала с седьмого этажа и сразу разбилась насмерть. Но никто не задумался над тем, что толкнуло ее в пропасть!



СЮЙ ЮНЬ-И (Китай). **В окрестностях города**

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО ЗА РУБЕЖОМ

МО ЦЭ (Китай). **Пейзаж**



ГУ И-ЦЮНЬ (Китай). **Дорога из Сычуани в Гуйчжоу.**

ЛИ ХУ (Китай). **Портрет.**

ЧЖЭН ЧЖЭНЬ (Китай). **Фоцзылинское водохранилище**

НГУЕН ВАН БИНК (Вьетнам), **Рыбачьи паруса**

Ф. АМОРСОЛО (Филиппины). Посадка риса

ИЗАТ (ОАР). Плакат «Оборона Порт-Саида»

НАЗЕМ ДЖАФАРИ (ОАР). **Городской пейзаж.**

ХАСИБ АЛИ (ОАР). **Храбрость врага.**

Хасиб аль-Каяли
(ОАР)

ПРОДАВЕЦ ПОГРЕМУШЕК

Перевод с арабского Г. Шарбатова

В его душу прокралась легкая тревога. Может быть, ее пробудила тучка, которая приковала его взгляд. Он был бос, края разорванной рубахи оттопыривались густыми завитками волос, покрывавших всю грудь и пробиравшихся вверх к самой шее, длинной и согнутой. Над запавшими глазами нависли густые брови. Он устало плелся по правой стороне аль-Мухаддирин. За спиной висел тяжелый мешок, а в руке — маленькая погремушка, окрашенная в красный и желтый цвета. Стоит повернуть ее черную деревянную ручку — и сразу услышишь трескотню двух бусинок, скрепленных тонкими нитями.

Обращаясь к самому себе, торговец Мустафа говорит:

«Ну, ты должен продать что-нибудь. Ведь сегодня с самого утра дома хоть шаром покати: ни хлеба, ни чечевицы, ни керосина. А родные только и знают: «Давай». Дочка только и умеет повторять: «Ты опять ничего не продал!»

Он мысленно шептал все это, словно пытаясь забыть на время образ своей маленькой чудесной дочурки, которая, прижавшись к двери, с милым детским упрямством не хочет выпустить его из дому, пока он не поклянется, что принесет ей салат... Но ее образ глубоко и болезненно врезался ему в память: маленькие босые ножки, розовые сжатые губки, рваное платьице, косички, перевязанные сверху фиолетовой ленточкой... Она была единственным ребенком, может быть поэтому ее так балуют!.. С горечью и болью, как слабый человек, он спрашивал себя: «А разве дети таких, как мы, несчастных горемык имеют право быть избалованными? Откуда же я достану ей салат, если вернусь, не продав погремушек? Ах, как мне нужно продать что-нибудь сегодня... И ради ее матери, этой терпеливой женщины, что всегда молчит, ни разу не раскроет рта, ни разу не пожалуется. Еще не было случая, чтобы я приходил домой — и меня не встречала бы ее стыдливая улыбка... Какая же это чудесная женщина!»

Мустафа по обыкновению немного замедлил шаг перед лавкой хаджи Яхьи ан-Наджара, продавца масла из квартала аш-Шамсийя. Яхья был мужчина средних лет, со впалыми щеками и смеющимися глазами. На голове он носил засаленную чалму из грубой ткани. Проходя мимо лавки, Мустафа обычно спрашивал его о делах, о здоровье, а возвращаясь после обычного обхода района, продолжал разговор. Но сегодня он даже не поздоровался. Тогда Яхья сам окликнул его:

— Ну и ну! Друзья, и те нас позабыли?

Вернувшись, продавец погремушек остановился перед лавкой, скрывая свое смущение и раскаяние, и произнес удрученно:

— Не взыщите... Что-то немного задумался.

Яхья притворно улыбается и говорит:

— Это уже стало обычным. Но скажи мне, бога ради, неужели ты не мог найти себе работу лучше, чем возня с этими погремушками? Миновало их время, душа моя. Нет теперь таких дней, какие были в прошлом,—

дней добра и благодати. Люди тратят свои денежки на черную лепешку, а не на разукрашенные погремушки.

И, показывая глазами на погремушку, которую держал продавец, Яхья спросил:

— Так почему же все-таки? Разве оскудела земля или истощились милости неба? Солнце все такое же: светит людям, как светило в дни добра и благодати. Пшеница по-прежнему летом ласкает взор своими золотистыми колосьями. Так отчего же люди отказываются от удовольствий и развлечений?

На лице у Яхьи появилось плутоватое выражение, и он прошептал, почти бормоча себе под нос:

— Кто знает, может, это глас божий! Наверно, господь разгневался на нас за поруганную справедливость!..

Понурив голову, он уставился в землю. Мустафа угрюмо промолвил:

— Не думаю.

Продавец продолжал свой путь, а бусинки дружно барабанили в маленькой погремушке, и трескотня их разносилась далеко по кварталу, смешиваясь с грохотом трамвайных колес, криками мальчишек и гудками автомобилей. Но словно глухая стена отгораживала Мустафу от всего этого шума: до него доносилось лишь отдаленное смутное эхо, подавляемое голосом тревоги, который увлекал неведомо куда...

Добравшись до ступенчатой каменной дорожки, он свернул направо и стал медленно подниматься; а вдруг удастся продать что-нибудь там, наверху, среди причудливо извивающихся улочек и многочисленных переулков...

Но он сразу почувствовал, как усталость, словно веревкой, опутала все суставы и прижала к земле. Он поставил перед собой мешок и сел — лицом к Дамаску, спиной к горе. Взгляд его пробежал вдоль спускавшейся к городу улицы, залитой солнцем, скользнул по ее чистому асфальту, о который раздробился пучок солнечных лучей, по изумительно красивому цветенью абрикоса в садах, по реке — она, подобно сверкающей ленте, вьется по лесу. А погода так сладостно приятна, что в жилы вливается животворная теплота и чувствуешь опьянение, совсем как от старого вина!

Мустафа прошептал:

— Ну вставай же, не поддавайся усталости. Тебя ждет дочка! — И он снова поднялся и поплелся вверх еще медленнее, чем прежде...

Ведь раньше он не встречал ни одного взгляда, осуждавшего то, чем он занимался. Детвора вечно окружала его, следуя за ним по пятам, забавляясь трезвоном его погремушки и отвечая смехом на его шутки... Дети хватались за полы его одежды и толпились вокруг него. Счастливы были те, кому удавалось послушать, как звенит погремушка, или коснуться игрушек своими пальчиками. Торговля шла бойко, и он мог купить все, что хотел,— лепешки свежие, прямо из печи, изюм, орехи... Всегда удавалось что-нибудь продать. А сейчас! Что случилось с людьми? Неужели и детвора изменилась?.. Продавец погремушек тяжело вздохнул; потом он снова спросил себя: «А может, верно сказал хаджи Яхья — времена развлечений действительно прошли, и ему надо во что бы то ни стало найти какую-нибудь другую профессию».

В ту минуту, когда он размышлял обо всем этом, послышался звонкий, серебристый голос:

— Доброе утро, дядя. Сколько стоит ваша погремушка?

Он обернулся и увидел маленького тоненького мальчонку, розовощекого, с взлохмаченными белокурыми волосами. Полный забавной решимости, он вытянул свои очаровательные ручонки, словно желая преградить дорогу продавцу; на его нежных губах играла чистая улыбка, а у ног терся беленький пушистый котенок и тихо мурлыкал.

Сердце продавца погремушек учащенно забилось. Он стал быстро показывать свой товар — и тот, что звенит, и тот, что гремит; он показывал и старался объяснить, чем хороша та или другая игрушка... Но мальчик крепко держал в руках яркую погремушку с двумя бусинками, поворачивал ее в разные стороны и совсем не слушал продавца. Наконец малыш спросил:

— Вот эту за сколько продадите?

Мустафа сказал:

— За два франка.

Мальчик поднял брови кверху и, кивнув головой в знак согласия, произнес:

— Я пойду и возьму у мамы два франка, чтобы купить ее.

Продавец спросил:

— А где же твоя мама?

— Занимается стиркой в доме Ахмеда-эфенди. Еще рано утром она отправилась туда. Вы знаете его?

Насмешливо улыбнувшись, продавец заметил:

— Нет, не имею чести!

Он склонился над погремушками, стал собирать их и укладывать обратно в мешок. Потом поднялся и зашагал дальше. Вот он заработал... обещание! Обещание бедного мальчика, чья мать работает прачкой в доме Ахмеда-эфенди для того, чтобы ее ребенок мог купить погремушку! И когда еще она придет домой? Да и получает ли она за свою работу деньги или одно только пропитание? И если все-таки мать вернется с деньгами, то согласится ли она купить погремушку или предпочтет ей черную лепешку?

Несмотря на усталость, он настолько ускорил шаг, что даже слышал свое дыхание... Но почему он так спешит, словно торопится скрыться от кого-то? И почему его снова охватила тревога, завладевшая всем его существом еще тогда, когда он утром уходил из дому? Заглянув в свою душу, он спрашивал себя: уж не бежит ли он от образа этого мальчика, который, то тускнея, то становясь отчетливее, все более вытесняется образом его родной дочурки? Постепенно они сливаются воедино, и это причиняет ему боль, затрудняет дыхание, сдавливает сердце.

Прачка в доме Ахмеда-эфенди! Значит, домой она придет только ночью, с распухшими от непосильного труда руками; глаза ее будут слезиться от едкого дыма; она в изнеможении еле дотащит ноги до изорванного матраца, чтобы кое-как передохнуть от мучительно трудного дня. Может быть, у нее и времени не окажется даже для того, чтобы приласкать своего милого белокурого мальчика... Как и он, прачка ежедневно вынуждена продавать свой труд и, подобно ему, она не знает, сможет ли найти покупателя...

И Мустафе показалось, будто чья-то властная рука схватила его за плечи и, повернув назад, повела к тому месту, где стоял белокурый малыш с чистой улыбкой и очаровательными ручонками... ребенок той самой прачки, которая занималась стиркой в доме Ахмеда-эфенди.

Мухаммед Ибрагим Джруб
(ЛИВАН)

Зритель

Перевод с арабского А. Городецкой

В это утро внезапно весь город забастовал. Ни крика, ни шума под окнами. И даже трамвайные вагоны остановились, словно боясь двинуться.

Даже воздух, казалось, был каким-то странным, насыщенным событиями. Махмуд уже оделся и в замешательстве стал ходить взад и вперед по своей комнате. Одержит ли народ победу в борьбе за свободу? Махмуд почти верит в это. В своих статьях и речах он часто призывал народ «к солидарности и объединению». Воплотит ли народ такой призыв в действие? Это волновало его.

Окно наполовину открыто. Махмуд медленно подходит к окну и начинает смотреть на длинную и безлюдную улицу. Все двери закрыты. Вдали, в облаках пыли, играют дети, а прямо перед ним, по узкому, пыльному переулку, бредет, опираясь на палку, сгорбившийся старик. За ним бледная женщина. Она несет на руках ребенка, на его грязное лицо садятся мухи... Вот открывается дверь, и из соседнего дома выходит юноша, одетый в синюю блузу. Все его существо, кажется, мечет молнии. Сделав несколько шагов, он обращает свой взор к окну, у которого стоит Махмуд, бросает на него проницательный взгляд и продолжает свой путь к текстильной фабрике, где юноша работает вместе с сотнями своих товарищей, тоже одетых в синие блузы.

Этот взгляд смутил Махмуда. Он весь покрылся холодным потом. Будто миллионы игл вонзились в его тело. В глубине души вспыхнуло то странное чувство, какое охватывало его всякий раз, когда он ощущал на себе взгляды рабочего в синей блузе: жесткие и гневные взгляды, страшные и пугающие. Они говорят о том, что бросает его в дрожь. Они призывают его совершать такие дела, при одном воспоминании о которых у него сжимается сердце. Они обвиняют его, обвиняют смело, открыто, беспощадно. О, эти взгляды! Он почти ненавидит их. Как далек тот день, когда в среде своих товарищей — студентов он произносил пламенные речи, призывая их «к солидарности и объединению». А его статьи, напечатанные в газетах! В каждой статье он предлагал «разумные, обдуманные решения» вопросов, касающихся его народа. И в каждой своей статье он не забывал призывать «к солидарности и объединению».

Махмуд смотрел на безлюдную улицу. Внезапно радиорупор донес до него обрывки нескольких фраз: «...Забастовка всеобщая... Народные сбориша строжайше запрещены... Обстановка усложняется...»

Одержит ли народ победу?

Махмуд бросил взгляд поверх крыш. Столб черного дыма вился в воздухе, поднимаясь из трубы, высящейся рядом с текстильной фабрикой... Сердце у него забилось. Ему показалось, что события начались где-то в глубине корпусов этой фабрики, там находится его сосед, этот юноша, бросающий на него жгучие, гневные взгляды, а все рабочие бастуют, сплоченные в борьбе, охваченные упорным стремлением к единству, и все это повергает его в трепет... Рабочие! Он уже видел их в тот

день, когда они отмечали годовщину Великой революции*. И тогда он почувствовал, будто именно они — герои этой революции и продолжают хранить ее заветы в своих сердцах. Он вспомнил, что уже тогда ненавидел этих рабочих, но боялся их, так как они резко выступали против всех его единомышленников. Стоит ему после того далекого дня увидеть человека, одетого в синюю блузу, и его сразу же бросает в дрожь.

Итак, весь город охвачен забастовкой. Все вокруг накалено. Махмуд отходит от окна. Он в замешательстве. Его взгляд останавливается на кровати, на маленьком столе, над которым висит электрическая лампочка. А под лампочкой лежит книга с разноцветной обложкой: «Страсть юности». Он взял этот роман и начал перелистывать страницы. Издалека до него доносились приглушенные голоса.

...Город бастует, народные сборища запрещены. Он отбрасывает книгу, возвращается к окну и снова смотрит на безлюдную улицу. Он хочет выйти из дому, чтобы наблюдать за происходящими событиями.

Он уже совсем было собрался выйти, как вдруг услышал слегка приглушенный, звонкий голос, доносившийся откуда-то с улицы. Сердце сжалось, и желание покинуть стены своей комнаты оставило его. Он вспомнил гневный взгляд своего соседа Касима — рабочего текстильной фабрики, революционера, и его снова охватила дрожь. Он представил себе Касима в синей блузе, а вокруг — много таких же людей, одетых в синие блузы, стоящих тесными рядами, словно могучий поток, захлестывающий все до самого горизонта. И вот поток этот двинулся вперед, в воздухе зазвенели песни. Из самой его глубины внезапно засверкали глаза Касима, он смотрит на Махмуда странным взглядом, похожим на зов. Все существо Махмуда содрогнулось. Чего хочет Касим? Ведь Махмуд никогда не сможет быть таким, как он, таким, как его товарищи в синих блузах, исполненные больших надежд!

Он посмотрел в самый конец улицы: трамвайные рельсы блестят в солнечных лучах. Из-за угла медленно выехал автомобиль, прошел под окном и скрылся за поворотом. И снова наступила странная тишина. По обочинам дороги и за деревьями расположились полицейские. Они следят за прохожими и ждут, как дальше пойдут события. Издалека доносятся голоса, поют какую-то торжественную песню.

Махмуд отошел от окна и бросился на постель, закрыв глаза. Он оставил всякую мысль о том, чтобы выйти на улицу.

Махмуд чувствует пустоту. Он мечется, прислушивается к гулу, который все более нарастает. Крики и шум становятся все отчетливее. Может быть, это демонстрация?!

Махмуд снова боязливо подходит к окну.

Сначала он видит детей, они прыгают, перекликаясь и повторяя им одним понятные слова. Высунув голову из окна, он видит огромную, грозную толпу. Вот она совсем неторопливо движется вперед, а над ней возвышаются плакаты с революционными лозунгами. Со всех сторон вздымается пыль и летит над головами.

Из гущи толпы вырывается сильный голос: «Долой врагов народа! Долой империализм!» Множество голосов вторят ему.

В окнах, на балконах и крышах — всюду мужчины, женщины и дети. Они кричат «ура», рукоплещут и брызгают на демонстрантов духами. Толпа движется вперед, со всех сторон присоединяются новые люди. Солнце бросает на демонстрантов свои лучи, будто огненные стрелы. Гул нарастает, переливаясь волнами вдоль всей этой человеческой массы, ставшей потоком, который не знает никаких преград.

Махмуд покрывается холодным потом. Он видит, как эта грозная толпа заполняет всю улицу. Сердце у него начинает бешено коло-

* Автор имеет в виду Великую Октябрьскую социалистическую революцию.

титься. Он спрашивает себя: одержит ли народ победу? Все его существо охватывает дрожь, когда толпа приближается к окну. И вот он видит уже своего соседа Касима — рабочего текстильной фабрики, окруженного со всех сторон людьми в синих блузах, с воспаленными, полными ненависти глазами. На громкие, смелые возгласы Касима отвечают голоса, в них слышатся гнев, готовность к борьбе, революция.

Кровь закипает в жилах Махмуда. В нем самом идет странная борьба. Ему ненавистны люди в синих блузах, он боится их, трепещет перед ними. Он чувствует теперь, что эти рабочие — страшная, неотвратимая сила, надвигающаяся, словно рок. Разве он заодно с ними? Разве он готов выйти на улицу и замешаться в эту страшную людскую толпу? Что он будет делать там, где не терпят красноречивой болтовни? Смерть и ужас витают в воздухе. А он лишь маленькая жалкая капля в этом могучем потоке. Он чувствует всю свою никчемность и ничтожество. Вспомнились горящие глаза Касима. Его насмешки над мыслями и статьями Махмуда. И в глубине души вспыхнула ненависть.

«Долой империализм!» — послышалось со всех сторон.

Махмуд хочет отойти от окна и броситься к двери — поскорее выйти на улицу и вступить в ряды демонстрантов! Но в противоположном конце улицы он вдруг замечает людей в полицейской форме. Вот они собираются, потом снова расходятся и с разных сторон направляются к демонстрантам. Вспомнилось, что по радио совсем недавно было объявлено: «Всякого рода сборища строго запрещены!»

Столкнулись ли уже силы полиции со сплоченной, великой силой народа? Махмуд застывает на месте и наблюдает за происходящим.

Мысль о том, чтобы выйти на улицу и слиться с толпой демонстрантов, окончательно исчезает.

Небо застилается тучами. Махмуд дрожит как в лихорадке. Но гул все нарастает. И гордо звучат возгласы:

— «Долой империализм», «Покончить с теми, кто заставляет народ голодать!», «Идите вперед! Не бойтесь смерти!»

Возгласы звучат все громче. Внезапно раздаются выстрелы, и гул толпы усиливается. Махмуд смотрит на улицу. Он видит, как часть демонстрантов разбегается, поворачивая в переулки, скрываясь в домах. Полицейские вступают в борьбу с демонстрантами, кричат и стреляют в воздух. Они осыпают людей ударами своих толстых дубинок. Многие бегут, охваченные страхом. Но голоса нарастают: «Долой империализм!», «Долой недругов народа!» Гул усиливается, и людской поток с новой силой устремляется за теми, кто одет в синие блузы, за теми, кто, не страшась смерти, идет впереди толпы, с глазами, полными ненависти. Они поют... Снова выстрелы... Раненые падают на землю, обливаясь кровью. Один из раненых кричит: «Долой империализм!» Толпа возбуждена. Народ смыкает ряды и устремляется вперед. И полицейские отступают перед этим бушующим морем.

Махмуд стоит у окна и дрожит, глядя на то, как несколько человек несут раненых и заботливо опускают их у края дороги. Издалека долетает звук сирены, вселяя ужас и тревогу в сердца. Это машины скорой помощи. Людская масса все растет, устремляясь вперед... Свистят пули, падают раненые, и земля обагряется кровью... Махмуд стоит у окна, испуганный и смятенный, и смотрит на толпу и на рабочих, идущих впереди. Но вот его взгляд замечает пятно крови на мостовой. Красные ручейки текут и просачиваются меж трамвайных рельсов, сверкающих в лучах солнца.

Махмуд, подняв глаза к небу, размышляет; он представляет себе, какой будет его статья и как он опишет исторические события. Несомненно, яркая, вдохновенная статья, поддерживающая борьбу народа за

свое освобождение. Внезапно он видит, что полицейские обратились в бегство. Толпа остановилась перед зданием, где представители рабочих совещались между собой, очевидно, о дальнейших своих действиях.

И Махмуд сразу же ощутил острую потребность выйти на улицу и, может быть, даже выступить перед демонстрантами с пламенной речью, которая сможет оградить его от гневных взглядов Касима.

Он вышел на улицу и побежал, стараясь во что бы то ни стало догнать демонстрантов, но вдруг поскользнулся на чем-то липком и упал, шлепнулся лицом о черную землю. Сразу ощутил резкую боль во всем теле. Ему показалось, что у него все ребра переломаны. Потом боль немного утихла, и он, разозлившись на самого себя, с трудом поднялся, чтобы снова устремиться вперед. С отвращением посмотрел он на свою одежду, забрызганную липкой кровью, смешанной с дорожной пылью. Ругая себя и вместе с тем насмехаясь над собой, он хотел уже вернуться домой, как вдруг неожиданная идея поразила его воображение. Он посмотрел на лужи крови, на людей, стоящих вдали, и на машину скорой помощи, которая, забрав раненых рабочих, мчалась, оглашая окрестности страшными, пугающими звуками сирены. Затем посмотрел на свою одежду, и какое-то жуткое чувство охватило его. Одним движением он сорвал с себя новую рубашку и глубоко погрузил ее в лужу крови. Затем он густо обрызгал кровью свою одежду и растрепал свои волосы.

После этого Махмуд устремился вперед и стал пробираться через толпу, пока наконец не очутился у того здания, где совещались представители рабочих. Озираясь по сторонам, он вмешался в их разговор, стараясь говорить спокойно и громко.

Но рабочие, пристально вглядевшись в него, очень быстро разгадали, почему его одежда покрыта брызгами крови. Они медленно приблизились к Махмуду. Казалось, вот-вот испепелят его огнем своего гнева. И Касим, рабочий текстильной фабрики, революционер, сказал:

— Совесть покинула твой дом, обманщик!

Махмуд содрогнулся при виде его синей блузы и под взглядом его горящих глаз. Ему показалось, что все смотрят на него испепеляющим взором. Махмуд почувствовал, как он ничтожен и как он их всех ненавидит. Ему показалось, что миллионы игл пронизали одновременно все его тело. Сопротивляться всему этому он никак не мог. И тогда Махмуд, словно грязная шелудивая кошка, блудливо вынырнул из толпы и побежал.

Спустя несколько минут он уже смотрел опять из своего окна на лужи крови, черную дорогу, стальные рельсы и людей, которые снова шли рядами и выкрикивали лозунги.

Громкие возгласы, боевые песни... На этом фоне Махмуд особенно ясно увидел, что вся его жизнь, годы студенчества, его статьи и речи превратились в какую-то жалкую кучку пепла; кучка эта все уменьшалась и уменьшалась, пока не исчезла, превратившись в ничто.

Зу-ан-Нун Айюб
(ИРАК)

Бурлак

Перевод с арабского С. Кузьмина

Я стоял перед книжным шкафом. Меня раздражал вид верхней полки, до отказа набитой бумагами. И я подумал: какая польза от того, что я храню эти бумаги и отвожу для них часть своей библиотеки? Я не люблю предаваться воспоминаниям о прошлом, а немалая часть этих бумаг — письма от знакомых и друзей, большинство которых я забыл так же, как и они забыли меня. Следовательно, надо бумаги сжечь. Решив сразу же осуществить эту мысль, я сел у очага и начал швырять письма в огонь, предварительно бросая беглый взгляд на каждое из них. Сначала листок бумаги охватывает багровое пламя, затем он превращается в черный ком и, наконец, становится крохотной кучкой пепла.

Очередь дошла до большого, туго набитого конверта, я чуть не бросил и его в огонь, даже не просмотрев как следует. Но выпавший из конверта листок привлек мое внимание. В конверте были собраны письма от Азиза, а это мой друг, и его письма мне дороги. Меня всегда поражал их изящный стиль, он был таким же изящным, как и автор писем, человек высокой идеи и большого ума.

Я вынул письма, разложил по датам и начал перечитывать одно за другим. Мною овладело возбуждение, схожее с тем, какое я испытывал при чтении какой-нибудь книги на жгучую социальную тему или тонкого психологического романа. Мне захотелось и читателю предоставить возможность ознакомиться с письмами моего друга Азиза.

Куфа. 5 марта 1932 года.

Дорогой мой!

Я чувствую унижение всякий раз, когда вспоминаю, что Неджеф — это уже третье место, куда меня перевели за один только год. Из Багдада в Насырийю я попал по той причине, что не соблюдаю традиций, — ведь я хожу с непокрытой головой; из Насырийи в Неджеф — за то, что не нанес визит губернатору и тем самым не угодил ему. Но самое удивительное это то, что начальник отдела просвещения, он же председатель известного культурного объединения в области, без тени смущения говорит обо всем этом, считая такого рода прегрешения вполне достаточными для преследования человека и даже для его изгнания.

Ты лучше всех знаешь мою склонность к переездам, знаешь, до чего я не люблю задерживаться на одном месте, словно стоячая вода, однако то, что все эти переезды становятся наказанием, превращает всю сладость их в горечь.

Вот как сложился второй год моей преподавательской деятельности. Не хвалясь, могу сказать, что больше всех своих товарищей стремился к этой работе и сильнее других чувствовал интерес к ней. Однако все мое рвение и усердие не имеют, видите ли, цены потому, что я хожу с непокрытой головой, или потому, что высокомерному губернатору не понравилась моя склонность к уединению и я не льщу ему и не заискиваю перед ним. Если бы не мой характер, который ты назвал «нравственным иммунитетом», то и мне пришлось бы очутиться в плену у всего этого раболепия. Я очень многим обязан своей манере вести себя. И даже стал другим внушать, насколько она полезна. Я присвоил своей манере поведения твое имя потому, что ты ее крестный отец, ты побудил меня широко пользоваться моими собственными качествами. Уверен, что эти качества обязательно окажут влияние на всю мою будущую жизнь.

Я сразу почувствовал одиночество и подавленность, едва только попал в Неджеф. Мне казалось, что я нахожусь в чуждом для меня мире, и был очень удивлен этим; можно ли чувствовать одиночество, находясь в одном из городов маленькой страны, которую я считаю своей родиной и которую мне полагается любить? Обычаи и нравы жителей города совершенно чужды мне. И здесь твоя теория оправдала себя. Все, что мне казалось диким и странным, я сделал объектом изучения вместо того, чтобы просто ненавидеть и питать ко всему этому отвращение. В итоге мне удалось даже открыть в некоторых сторонах жизни города своеобразную красоту и некоторое очарование; ощущение одиночества сразу исчезло, и его место заняло ощущение сочувствия и любви, что сразу же отразилось и на отношении жителей ко мне.

Город, где я живу, делится на две части. Одна его часть занята мертвыми, а другая — живыми, при этом у первой части есть преимущества перед второй. Город представляет собой большое старинное кладбище, где живые оберегают мертвых и обслуживают могилы. Такое положение наложило свою печать на весь образ жизни населения. Тяжелы здесь оковы социального гнета, и бежать от этих оков почти невозможно. Эти люди наделены пламенным умом, однако пламень этот покрыт густым слоем пепла; в крови у них геркулесова сила, но оковы мешают пользоваться ею по-настоящему. В тот день, когда пепел развеется и оковы спадут, народ скажет свое слово — и еще какое! — в деле прогресса иракского государства, да и в отношении подъема всех арабских стран.

Жителям города запрещено петь и пользоваться музыкальными инструментами. Напрасно я пытался убедить кого-либо из них, что мертвых музыка не беспокоит; наконец, я нашел выход в том, чтобы вместе с несколькими моими товарищами — преподавателями отправиться в Куфу, которая находится в десяти минутах езды на автомобиле.

Из этого-то маленького красивого городка я и пишу тебе письмо.

Куфа. 11 марта 1932 года.

Я совсем и не думал, что так сильно полюблю этот городишко, его чудесные виды, хотя, вероятно, своей любовью я больше всего обязан благородству жителей, их добрым нравам. За эти пять дней я приобрел пятерых друзей, не жалеющих сил для того, чтобы помочь мне в делах и вселить в меня радость жизни. Я быстро подружился с ними и полюбил их.

Дом, в котором мы живем, выходит окнами на Евфрат. Есть балкон, а под ним течет река и проходят мачты парусных судов, кото-

рые затем становятся на якорь у пристани. Как хорошо сидеть на этом балконе, под бодрящим ветерком с реки, наслаждаясь видом садов и финиковых пальм, растущих на ее берегах! На закате река и плывущие по ней суда с белыми треугольниками парусов как бы тонут в чудесной дымке, и это делает все вокруг неповторимо прекрасным.

Как-то вечером я сидел с одним из своих новых друзей и слушал песню в исполнении Шаляпина. Мой друг восхищался голосом выдающегося певца, его мастерством, хотя совершенно не понимал, о чем он поет. Голос Шаляпина гремел в недвижном воздухе и уплывал куда-то вдаль. Он исполнял песню волжских бурлаков. Я достал из своего альбома одну фотографию, чтобы помочь моему гостю понять смысл песни, понять, кто такие бурлаки и как они волоком тянут баржи, тяжело груженные зерном. Взглянув на фотографию, он улыбнулся и сказал: «Такие картины я наблюдаю ежедневно, и не раз. Неужели ты до сих пор не видел, как бурлаки тянут эти баржи, выстроившись в один ряд, как раз напротив пристани? Ты их обязательно увидишь, если останешься жить у нас в Куфе. Странно, однако, то, что такие же несчастные люди существуют и на Западе».

Через полчаса я гулял со своим другом под финиковыми пальмами по берегу Евфрата. Солнце клонилось к закату. Не успели мы пройти и полукилометра, как я вдруг услышал какой-то заунывный голос и шлепанье босых ног. И тотчас же увидел на изгибе реки, за пальмами, мачту баржи, двигавшейся нам навстречу. Они показались все сразу из-за поворота реки. Бурлаков было шестеро — и я вспомнил фотографию и слова моего друга. Баржа — такая же самая баржа. И на плечах у них такие же лямки. Это — живая картина волжских бурлаков с их изможденными, потными лицами и глубоко запавшими глазами, ветхие лохмотья плохо прикрывают тело, а босые ноги вязнут в прибрежной грязи.

Когда они приблизились ко мне, я увидел: для того чтобы тянуть тяжелую баржу, они пригибаются чуть ли не вплотную к самой земле. Мускулы у них напряжены, пот градом катится по их истощенным телам, хотя сейчас вовсе и не жарко. Один из них поднял голову. Ему уже под шестьдесят, он поздоровался, улыбнулся, обнажив свои редкие зубы. Увидя, что мы курим, он остановился на мгновение и попросил у нас сигарету. Я протянул ему коробку, он взял одну и стал делить ее на части. Я предложил ему взять еще, и тогда он взял еще пять штук и раздал товарищам. Затем все они снова приготовились тащить баржу, тяжело груженную зерном. Опять напряглись до отказа их мускулы, хрустнули от непомерной тяжести кости, совсем так, как скрипит на ходу баржа и стонет на ней мачта.

Куфа. 28 марта 1932 года.

Я на отдыхе. У меня есть все необходимое и даже некоторые излишества. Ты, наверное, удивишься тому, что я так говорю, ведь ты знаешь, каковы мои привычки и мой образ жизни и как немного нужно мне для того, чтобы удовлетворить свои бытовые, культурные и спортивные запросы.

Книги я систематически получаю почтой, у меня достаточно музыкальных пластинок, ящик пива, которое я пью вдоволь, расположившись на маленьком балкончике моего дома. Что касается спорта, то мне пришла мысль воспользоваться рекой, но не для плавания, так как вода в ней грязная, а для гребли. Я условился с другими учителями, и мы попросили судостроителей сделать для нас небольшую лодку. Катание на этой лодке служит для нас не только развлечением, но

и хорошей спортивной зарядкой. Река в эти дни широко разлилась — началось половодье, волны набегают одна на другую, течение убыстрилось; все это, однако, не мешает нам. Наши не лишенные опасности поездки на лодке укрепляют физически и морально.

Сегодня решили заняться греблей, а река бурлит и пенится. Мы налегли на весла и смогли довольно долго плыть против течения. Когда мы приблизились к повороту, сильное течение сломало весла, и пришлось, как говорится, дальше плыть по воле волн.

Было страшно находиться в лодке, которую волны швыряли, как щепочку во время бури. Лодку быстро несло в сторону моста, а это означало неминуемую гибель. Многие из нас не сумели бы плавать и в стоячем пруде. Что может сделать такой человек, если он окажется во власти разбушевавшейся реки? Как утопающий хватается за соломинку, так и мы схватились за сломанные весла и стали грести изо всех сил. Вступив в борьбу с разъяренной стихией, мы вдруг увидели бурлака, он бежал по берегу, держа в руках длинную веревку. Он ждал нас, как рыболов с удочкой, и когда мы оказались совсем неподалеку от берега, он бросил нам веревку и очень удачно. Ухватившись за нее, мы через несколько минут были уже на берегу и благодарили нашего спасителя — это был тот самый старый бурлак. Его обрадовало не столько выражение благодарности, сколько денежный подарок, который мы ему преподнесли. Его зовут Нааюр. Я просил бурлака заходить к нам запросто, чтобы мы могли оплатить наш долг и отблагодарить его как следует.

Куфа. 3 апреля 1932 года.

Нааюр стал нашим закадычным другом. Я больше других заинтересовался им и старался вовлечь в разговор. Тебе будет трудно представить своего разборчивого друга беседующим с бурлаком, которого даже здесь считают человеком самого низкого положения; между тем, я внимательно слушаю его рассказы и веду с ним долгий разговор. Он очень простодушен, жизнь подвергает его многим испытаниям, под тяжестью которых изнывает большинство из нас; все это он принимает, однако, как неизбежное зло.

Я считаю, что в данном отношении мы похожи на него. Разве и мы не так же покорно, как Нааюр, терпим, когда нас хлещут плетями унижения и когда нас подвергают преследованиям!

Разница между ним и нами только в том, что для него все это не так чувствительно, потому что он лишен присущей нам способности к анализу, объяснению и выявлению первоисточников всех пороков и всего нашего унижения.

У Нааюра есть жена и пятеро детей. Они, как и он сам, живут на ячменном или кукурузном поле. Видят они друг друга только несколько дней в году, когда он проезжает мимо них на барже; впрочем, трудно сказать, кто кого везет: баржа — его или он — баржу.

Куфа. 10 апреля 1932 года.

Дорогой мой!

Пишу тебе это письмо, а на душе у меня смятение. На моих глазах произошла катастрофа, и гнетущее видение это рвет мое сердце, томит душу и вызывает слезы на глазах.

Сейчас — праздничная пора, когда очень много людей стремятся посетить святые места. В такие дни крестьянин и рабочий берут все, что накопили за год, и из дальних мест идут пешком или едут на каком-нибудь судне, вроде Ноева ковчега, к этим святым местам; и

здесь они отдают служителям культа бо́льшую часть того, что заработали в поте лица своего и даже ценой своей крови.

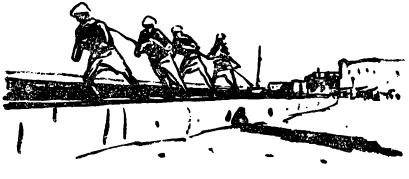
В такое время Куфа наводнена паломниками, улицы и переулки заполнены ими ночью и днем. На ночлег они располагаются обычно прямо на дорогах, спят в переулках, а вчера ночью я видел много людей, спящих под балконом моего дома, на тротуаре.

В тот день я был свободен и находился у себя дома. Сидя на балконе, я любовался людской толпой, которая со всех сторон двигалась к месту религиозных церемоний. Сотни людей ехали на пароходах, то есть на судах, где паруса заменены старыми паровыми двигателями. Уровень воды в реке в этот день очень поднялся, огромные волны ревели и наскакивали одна на другую, а шум двигателей и крики пассажиров заполнили все вокруг. Мое внимание привлек один из этих пароходов, тяжело нагруженный не только зерном, но и другим грузом — людьми. Он медленно двигался по течению. Внезапно мы услышали голос капитана, просящий о помощи и требующий, чтобы немедленно развели мост. В ту же минуту до нас донесся звук сирены. Волны швыряли пароход из стороны в сторону, как хотели. Наконец, мы поняли, что на пароходе сломался винт двигателя. Двигатель был очень изношенный и не выдержал такой нагрузки. Под крик и шум людской толпы течение стремительно понесло пароход и ударило его о мост. Нос парохода опустился в воду, и он затонул мгновенно.

Весь груз погиб, а из более чем ста пассажиров спаслось всего двадцать, остальные также пошли ко дну. Я видел, как женщины бросали своих детей в воду, стараясь их спасти; другие погибали, крепко прижав детей к груди. Многие мужчины отчаянно боролись, спасая своих близких. Среди тех, кто попал в беду, находился и несчастный старый бурлак со своей семьей. Всю жизнь он тянул свою баржу и, вероятно, впервые оказался пассажиром на палубе парохода, и этот пароход, оснащенный машиной, погубил его и многих его друзей.

Таков был конец этого несчастного человека. Он приехал сюда, чтобы посетить святые места вместе со своей семьей. Этот день он считал праздником, днем отдыха от своего изнурительного труда.

На следующий день я увидел его в гробу, сделанном из пальмовых ветвей, он лежал рядом со своей женой и своим ребенком. Они крепко держались друг за друга. На них были ветхие лохмотья, вымытые водой и потому казавшиеся более чистыми. Служители культа почтили память их и других утонувших, чьи тела выбросило течением на берег...



Нгуен Нгок

Весна белых цветов

Перевод с вьетнамского Май Тхук Лоана

Этой весной Энг исполнилось восемнадцать лет.

Весна... Здесь ее наступление определяют по цветам, распускающимся в джунглях. Когда молочно-белые цветы появляются на вершине Ти-Храо и постепенно одевают синие склоны гор, а девушки чувствуют невольный трепет в груди, значит наступает весна. Старики часто говорят, что белые цветы — это божественные цветы. Весной бог вливает молоко в груди девушек, вступающих в пору зрелости. По рассеянности бог расплескивает молоко по лесу, и повсюду распускаются белые цветы.

В этот день белых цветов еще не видно. Но Энг чувствует в душе что-то необыкновенное. Ранним утром, пока туман не рассеялся, Энг спустилась к речке, протекающей у большой деревни Кранг, разделась и умылась. И тут она почувствовала, что маленькие жилки ее груди затрепетали. Наверное, бог вливает в них молоко! Щеки Энг зарделись. Она поспешно бросилась в деревню, отыскала своих подруг Онг, Нга и Ню и радостно сообщила:

— Девушки! Белые цветы собираются распускаться!

И точно, днем на вершине горы Ти-Храо появились цветы, молочно-белые, ослепительные. Ветер донес к деревне вместе со знакомым запахом леса их нежный аромат. Весна наступает! Девушки, еще не вышедшие замуж, не работают на полях, они собираются идти на гору, рвать белые цветы. Юноши тоже оставляют работу старикам, берут флейты и отправляются в джунгли. Девушки сначала идут группами, но потом постепенно расходятся поодиночке в разные стороны.

Энг то шла, то принималась бежать. Трава цеплялась за ее юбку, мокрую от росы. Флейта Хбина все время следовала за ней, то умолкая, то вдруг разливаясь мелодичными звуками совсем рядом в ласковом дуновении ветерка; тогда Энг порывисто устремлялась вперед, но музыка упорно не отставала от нее...

Весной прошлого года Энг познакомилась с флейтой Хбина. До той весны Энг не осмеливалась сама рвать цветы, а ходила со своей старшей сестрой Ле. Однажды Ле завела Энг в очень глухое место, где река Иа-Гип маленьким ручейком струилась среди камней. Флейта И-Луна догоняла сестру Ле. И Ле тогда тоже то шла, то пускалась бегом. А Энг, ничего не понимая, все делала так, как сестра. Они подбежали к большому дереву. Ле очень устала, обняла дерево и глубоко вздохнула. Ее щеки раскраснелись, волосы рассыпались по потному лбу. Она сказала Энг:

— Ты иди по этой тропинке, там много белых цветов. Нарви для дома побольше. А когда я крикну, ты придешь сюда.

Энг сначала немного растерялась, но потом послушалась сестру и пошла рвать цветы. Флейта И-Луна догнала сестру. Голос флейты зазвучал неуверенно, робко, страстно и замер. Только слышно было, как негромко журчала речка между камней, обросших бахромой тины. Энг с увлечением рвала цветы, и, когда наступил вечер, Ле позвала ее идти домой... В конце этой весны Ле с И-Луном поженились...

В прошлом году, когда снова расцвели белые цветы, Ле была уже замужем и не пошла в горы. Впервые Энг отправилась туда одна. Она стала взрослой, волосы ее отросли до плеч, ресницы потемнели, и от этого блеск глаз казался еще прекраснее.

Энг шла медленно, поднимая юбку, чтобы не намочить ее о росистую траву. Вдруг в воздухе поплыли звуки флейты.

Девушка сначала не поверила, что это музыка, но потом остановилась и прислушалась: звуки приближались с каждой секундой. Энг испугалась и спряталась за дерево. Сквозь листву она увидела Хбина. Тогда она быстро повернулась и побежала. Лучи солнца зайчиками прыгали перед ней на листьях и на траве. Флейта Хбина подгоняла ее. Энг, ни о чем не думая, быстро бежала вперед, не замечая, что от росы юбка ее намокла до колен.

Она все бежала, но флейта преследовала ее. Энг была очень сильна, она могла сама срубить в лесу большое дерево, она могла унести на плечах тяжелую вязанку дров. Она бежала по лесу весь день, и музыка Хбина гналась за нею до самого вечера. Наконец, Энг скрылась в долине, а Хбин молча бродил по лесу и все искал ее. Потом она долго слушала издали грустную музыку Хбина, удалявшуюся с каждой секундой и словно упрекавшую ее. Энг стало тоже грустно и почему-то совестно...

Той весной Хбин не догнал ее в лесу и не сказал ей ни слова. И целый год Энг ждала, когда белые цветы распустятся на вершинах горы Ти-Храо.

В этом году Энг исполнилось восемнадцать лет. Флейта Хбина догоняет ее еще упорнее, нетерпеливее. Энг бежала, задыхаясь, щеки ее раскраснелись. Она чувствовала смутный страх, но бежать дальше не могла: устала. Юбка намокла, ногам было холодно; она прошла немного, в глазах ее зарябило. Энг припала к дереву, обняла его и закрыла глаза. Сухие ветви захрустели под несмелыми шагами Хбина.

Когда Энг открыла глаза, Хбин сидел у ее ног и молча любовался холмами равнины Кантум. Оба не заметили, как очутились на вершине горы. Деревья здесь реже, небо шире и прозрачнее, белые облачка как бы повисли на густых зеленых ветвях. Внизу — возвышенность Кантум — широкая и волнистая, как море в шторм. Энг опустилась рядом с Хбином...

* * *

С того дня, как погиб Хбин, Энг не вставала с постели. Старая мать, выплакавшая все слезы, просиживала возле нее ночи напролет. Когда Энг закрывала глаза, она видела Хбина, спокойного, широкоплечего, с темными волосами, нависающими на глаза, его губы крепко сжаты, струйка крови течет по груди. Энг видела опаленный выстрелом ворот рубашки Хбина и его кулаки, судорожно стиснутые, как будто он вот-вот вскочит на ноги...

Энг вскрикнула и приподнялась. Мать с испугом крепко прижала ее к себе. На дворе шумел мелкий весенний дождь. В такой дождь еще больше распускается белых цветов. Энг встала. Была полночь.

— Энг, дочка... Ты куда собралась? — зашептала мать.

Девушка была сильна. Руки матери не смогли ее удержать. Она выскочила во двор. Струйки воды заливали ее волосы, щеки, грудь. Она

направилась в джунгли. Мать и соседи, взяв фонарь, поспешили за ней, но скоро сбились со следа и к утру вернулись ни с чем.

На рассвете дождь перестал. Темнота, как дым, осела в ущелье и под кроны деревьев. Когда Энг взошла на скалу Кроанг, птицы уже проснулись и запели. На скале возвышался целый холм зеленых ветвей. Всякий, кто проходил мимо, рвал ветку и бросал, отчего холмик с каждым днем становился все выше. Энг тоже сломала ветку, посеребренную капельками росы, и положила сверху. Потом она бессильно опустилась на землю. Солнце поднялось из-за горы Ти-Храо, загорелось и заблестело на деревьях, умытых дождем. Запах зеленых листьев и согретой земли пробудил Энг. Она стиснула руки на груди и застонала от боли: ей казалось, что кто-то внутри режет ей грудь кинжалом. Она не плакала, но слезы текли по щекам, скоплялись на губах. Внизу лежала Кантум. Энг увидела Хбина, поднимающегося на скалу. Хбин смеялся, но глаза его были темными, какими видела их Энг в последний раз, когда на груди его еще не застыла кровь. Грудь Хбина — могучая, как широкий камень, а в руке белые цветы, и он приветливо машет ей. Энг испуганно открыла глаза, невидяще посмотрела вокруг и уронила голову. Она хотела бежать, но не могла подняться и поползла на четвереньках, как зверь.

В середине дня Энг очнулась. От солнечного тепла и аромата белых цветов ей стало лучше. Она вспомнила, как весной они с Хбином работали на маленьком заливном поле и отдыхали на этом холме и Хбин рассказал ей о своем отце.

Отца Хбина звали И-Тук. Он не имел своего поля, буйволов и свиней и поэтому нанимался в батраки. И-Тук был старше многих парней в деревне, но у него еще не было жены. Он хорошо играл на флейте, усердно работал, но у него не было свиней, не было буйволов — ничего, чтобы уплатить старосте за свадьбу, и поэтому девушки не хотели выходить за него.

И-Тук угрюмо бродил из деревни в деревню, его музыка, как нежный весенний ветерок, наполняла радостью сердца девушек и улетала дальше, не оставляя в них никакого следа.

Но однажды весной, когда распустились белые цветы, И-Тук пришел в одну деревню у подножия горы Ти-Храо. Жила в деревне девушка по имени Май-Тхо, известная красавица. И вот, когда все отправились рвать белые цветы, И-Тук с флейтой догонял ее в джунглях. Сильная Май быстро бежала глухими тропками по крутым склонам, но флейта не отставала от нее ни на шаг. Наконец, томные, сладкие звуки лишили девушку сил. Май-Тхо остановилась возле пещеры, закрыв глаза, стала ждать... И-Тук подошел. Звуки его флейты, уже сбивчивые и неуверенные, смолкли. Май-Тхо склонилась на грудь И-Тука, широкую и сильную, как у Хбина.

...Прошло несколько месяцев, и Май-Тхо забеременела. Но неожиданно, когда белые цветы снова расцвели, староста велел солдатам поймать И-Тука, связать его и забрать у него Май-Тхо. Он сказал:

— Ты не дал нам пять буйволов и пять свиней, ты не имеешь права жениться.

Когда жители деревни освободили И-Тука от веревок, его глаза горели гневом. Молча взял он длинный кинжал и пошел на скалу Кроанг. Скала Кроанг — традиционное место, где мстят за позор. Никогда житель Бана не потерпит позора. Оскорбленный юноша Бана во что бы то ни стало должен отомстить. Но если обидчик — один из знатных людей, то оскорбленный не имеет права трогать его, а должен идти на скалу и убить первого, кто пройдет мимо! Когда прольется кровь, позор будет смыт! И-Тук поступил так же. Он сидел на скале и ждал целую ночь. На рассвете показался силуэт человека. Лицо И-Тука вспотело, брови

его насупились, глаза потемнели. Вот человек уже под скалой. И-Тук стиснул зубы, прыгнул на него и всадил ему в спину длинный острый кинжал. Месть совершена!

Но когда И-Тук облегченно вытер рукавом пот со лба и посмотрел на человека, корчившегося, как тигр, раненный ядовитой стрелой, он дико вскрикнул и отскочил в сторону.

Человек, который первым прошел мимо скалы, был И-Тхань, младший брат И-Тука! Спустя два дня жители деревни нашли труп И-Тука. Он лежал с разбитой головой у подножия скалы.

Прошли месяцы, и Май-Тхо родила сына, но матерью была только несколько минут. Хбин не знал ее, не сосал материнской груди. Одна старушка взяла его к себе и воспитывала до того дня, когда армия дяди Хо пришла в деревню.

С тех пор, как И-Тук убил родного брата, жители деревни, бывая на скале Кроанг, брали зеленую ветвь и клали ее на виду, как сигнал путнику, что на этой скале его не ждет мститель. И люди спокойно проходили мимо. Теперь в деревне навсегда покончили с жестоким обрядом мести, но по-прежнему каждый оставляет на скале зеленую ветвь.

Энг сидела на куче зеленых ветвей до захода солнца. Рассказ Хбина не выходил из головы. Неожиданная мысль заняла ее. Да, она так сделает! Энг вскочила и, превозмогая головокружение, побежала навстречу огонькам деревни. Она бежала все быстрее, не замечая игл кактусов, царапавших ее.

На рассвете следующего дня Энг снова шла сквозь белый туман по дорожке к скале Кроанг. В ее руках был длинный кинжал.

* * *

Жители деревни уже два дня бродили в джунглях, но не могли найти Энг. На второй день в доме пропал длинный кинжал, с которым отец Энг ходил на дикого кабана. В полдень третьего дня партизаны на горе Ти-Храо объявили тревогу. По дороге к скале Кроанг двигались отступающие французы. Вдруг у подножия горы частыми очередями затрещал ручной пулемет и смолк. Снова все вокруг погрузилось в равнодушную тишину, нарушаемую лишь журчаньем ручья.

Мать Энг, услышав выстрелы, сжалась в тяжелом предчувствии.

Партизаны сообщили, что французы, подойдя к скале Кроанг, израсходовали несколько пулеметных лент и отправились дальше.

Все поспешили к скале Кроанг. И когда люди подошли к куче зеленых ветвей, прохладный ветер подул им навстречу. Девушка Ан стиснула руку партизана, и тот тихо воскликнул:

— Энг!..

На скале лежала Энг, уронив голову на зеленый холмик. Окровавленные волосы залепили ей глаза. В левой руке она держала длинный отцовский нож с рукояткой, украшенной рисунком тигровой шкуры. В нескольких шагах от нее лежал труп француза.

Когда Ан подняла разорванную рубашку девушки, сердце Энг еще билось, а на ее красивой груди, груди девятнадцатилетней девушки, еще трепетали жилки.

Старик Ама-Ионг склонился, закрыл груди Энг и тихо сказал:

— Бог еще вливает в них молоко.

Да, точно, наступила весна, время, когда бог вливает молоко. Белые цветы с горы Ти-Храо покрыли скалу Кроанг.

Дожоо Дорж

Миниатюры

Перевод с монгольского В. Виноградова

ЗЕМЛЯ—ЛУНЕ

Не встречались лично мы, не сжимали руки...
Все же с детства раннего мы с тобой подруги.
Собиралась в гости я — не было коня,
Но теперь стремительный конь есть у меня.
Так что там, в заоблачной нелюдимой сини,
Жди ты в скором времени гостя из России.

ЧЕРНОЕ МОРЕ

Мы расстаемся с тобою. Море мое, до свиданья!
Дальней земли человек, на родину я ухожу.
Крадучись росомахой, подошло расставанье —
Грустный, под старым вязом на берегу я сижу.

Вечно ты плещешь, море. Волненье твое неуемно.
И я б волновался веками, да жизнь моя коротка.
Но мысли людские высокие, мир обнимая огромный,
Над веками и странами пролетают, как облака.

Что перед этой высью стоны твои и плачи,
Пред человеком-песчинкой —
необозримость твоя?
Малое чувство наше волнений твоих богаче.
О человеческом сердце сижу и думаю я.

ЛЮБОВЬ

Да, вечно жить нам не дано.
Бьет смерть, и вот —
стук сердца прекратился.
Но если не любил ты —
все равно,
Родился ты иль не родился.

В ОДЕССКОМ ПОРТУ

Улицы радостным гамом полны на закате дня,
Солнце, склоняясь к морю,
на западе светится медно.
Море и небо слились
в лучах голубого огня,
И корабли, словно горы, качаются мерно...

Орхан Ханчерлиоглу

Город без людей

Перевод с турецкого Д. Еремеева

Я так сильно любил этот город, что иногда мне хотелось плакать. Я хотел бы, чтобы этот город был только моим. Чтобы на его улицах, в его парках, в магазинах, в трамваях не было людей... Чтобы я мог бродить в одиночку по мокрым его мостовым, засунув руки в карманы. Чтобы солнце сияло в небе, но изредка все же накрапывал бы мелкий дождик и в лицо мне веяло прохладой... Чтобы автомобили и трамваи мчались мимо меня совершенно пустые... А я, если бы пожелал прокатиться, вскакивал бы на подножку, входил бы в пустой вагон и садился бы на передние места. А надоест кататься — соскакивал бы на ходу и заходил в большие магазины. И никто мне не мешал бы — ведь никого в городе не было бы. Держа руки в карманах, я часами разглядывал бы разные товары.

Порой мне, может быть, хотелось бы отдохнуть в парке, в том огромном парке, что спускается к берегу моря. Тогда я ложился бы там на зеленую лужайку и сразу засыпал... Ведь, кроме меня, никого в городе нет, значит, он мой... Конечно, какие могут быть сомнения... Этот город — мой.

Предаваясь подобным мечтам, я незаметно уснул на своей постели. Утром встал пораньше. Вышел на улицу. Накануне меня уволили из конторы, где я служил, и я стал безработным. Шли последние дни месяца. У меня в карманах, кроме моих рук и грязного платка, находилась только одна-единственная бумажка в две с половиной лиры. Я сразу же направился к приятелю, который служил чиновником в муниципалитете. Приятель мой был человек с добрым сердцем, к тому же он любил меня... Я бросился ему на шею и рассказал обо всем. Ему было всего тридцать три года, но на голове уже красовалась плешь и виски его серебрились. Он задумался. Потом ответил мне:

— Знаешь, братец, для того, чтобы попасть сюда, я хлопотал ровно полгода. Сейчас с работой трудно. Многие люди с высшим образованием ждут месяцами, пока им удастся устроиться на место простого кассира...

В моем положении не то что несколько месяцев, даже несколько дней ждать было невозможно. Однако я промолчал. Что же я мог сказать?

— Если ты в чем-нибудь нуждаешься, — начал было мой приятель...

Но я успел схватить его руку, скользнувшую во внутренний карман пиджака...

— Ни в чем я не нуждаюсь.

Время близилось к обеду. Выпив у него черного кофе, я счел себя до известной степени обогащенным и вышел, направляясь к другому приятелю. Тот долгое время занимался мелкой врачебной практикой, с трудом сводя концы с концами, но после ряда махинаций каким-то образом про-

шел в депутаты. После этого он расширил свой врачебный кабинет, купил новенькие кресла, обитые марокеном.

— Голубчик мой, — ответил он мне. — Не могу я рекомендовать тебя в государственное учреждение. Ты же знаешь, у нас и так везде штаты заполнены, все время сокращаем то там, то здесь...

Мне страшно хотелось есть. Я думал о том, как бы поскорее уйти от него и истратить половину моих денег на шашлык. Работы мне мой приятель не дал, но вручил свою визитную карточку, с тем чтобы я зашел в один из торговых домов, где у него были знакомые, и, показав эту карточку, попросил бы работы.

Я так и сделал. Владелец торгового дома даже не взглянул на нее; по-своему он был прав: «честность и благонадежное поведение подателя сего» ему совершенно не нужны. Он был по горло занят и вовсе не интересовался ни честными, ни бесчестными посторонними делами.

В тот же день я совершил еще много всякой всячины. В порыве отчаяния, рожденного безвыходностью моего положения, я прокутил свои последние денежки. И к вечеру, когда я ложился спать, в моем кармане было всего-навсего тридцать курушей. «Чего ты огорчаешься, — сказал я сам себе. — Не умрешь же ты в самом деле с голоду в этом огромном городе!.. Утро вечера мудренее, найдется какой-нибудь выход...»

Настало утро. За ним другое, третье, а за ним еще и еще... Но я все ходил да бродил по мокрым мостовым, засунув руки в карманы брюк. Мимо меня проносились автомобили, трамваи... В небе сияло солнце. Изредка моросил дождик, от мостовых веяло прохладой. Но я ничего не видел, ничего не чувствовал... Получилось так, как я хотел... Действительно, я остался в одиночестве, и притом в городе без людей.

С. П. Амарасингам
(ЦЕЙЛОН)

ДВЕ РУПИИ

Перевод с английского М. Кудинова

Сизви была налавской женщиной.

Налавы считались неприкасаемыми. Раньше они были рабами, прикрепленными к земле, и жили тем, что добывали пальмовый сок. По закону они теперь свободные люди, но социальное равенство для них все еще далекая мечта.

Муж Сизви был сельскохозяйственным рабочим. Его заработков не хватало на жизнь, и женщине приходилось для пополнения семейного бюджета продавать в базарные дни овощи и выпаривать сахар из сладкого пальмового сока. Жизнь была трудной, но больше всего огорчало то, что они не имели детей. Сизви не была бесплодной, но дети, которых она рожала, жили только несколько часов. Так случилось четыре раза, и ее отчаяние не знало предела.

Всякий раз после смерти ребенка, стремясь понять, почему судьба так жестока к ним, муж Сизви обращался к парвайкарану, «знающему» человеку, занимавшемуся одновременно астрологией, знахарством и колдовством. Муж Сизви советовался со многими парвайкаранами. Одни говорили, что Сатурн разгневался на Сизви за какие-то проступки, совершенные ею после ее рождения, другие — что в настоящее время звезды ей не благоприятствуют, наконец третьи утверждали, что враги с помощью колдовства напустили на Сизви и ее мужа порчу. Однако средства против несчастья оставались всегда одинаковыми: парвайкаран пытался изгнать дьявола и совершал магические обряды.

Когда Сизви ждала пятого ребенка, она у всех спрашивала, как быть, и ей надавали кучу всяких советов.

— Это все твоя карма, судьба, — говорили ей. — С этим ничего нельзя поделать. Люди смертны, человек бессилен. Молись от всей души, чтобы на этот раз тебе повезло.

Только Поннн дала ей совсем необычный совет.

— Отправляйся в больницу, когда придет время рожать, — сказала она.

Понни была дочерью ее соседа; она вышла замуж за человека, работавшего уборщиком на электростанции в Джафне. В деревню она приехала только погостить, и Сизви пошла к ней за советом.

— В больницу? — удивленно спросила Сизви.

— Да! — с жаром воскликнула Понни. Она жила в городе и хотела поразить односельчан своей осведомленностью во всяких новшествах.

— В больницу, чтобы рожать? Разве с этим не может справиться наша коти — деревенская повитуха? Лучшая во всей округе?

— Может быть, она и хороша, но в больнице они это делают лучше.

— Лучше? Разве наша коти делает не так, как надо?

— В больнице все по-другому. Там тебя кладут на чистое белье. Акушерки, сиделки и доктора — все одеты в белое. Они кипятят каждую вещь, которой пользуются.

— К чему все это? Зачем нужно чистое белье для такого грязного дела? Коти надевает самую грязную одежду, когда идет к роженице.

— Я не знаю, зачем они все это делают, но они говорят, что грязное белье вызывает болезнь. Возможно, это так. Последние два раза я рожала в больнице, и у меня не было горячки после родов.

— Совсем не было?

— Да. Совсем не было.

— Странно. Я никогда не слыхала о родах без горячки. Разве женщина может оставаться здоровой после таких мучений?

— Не знаю. Но вряд ли кто-нибудь в больнице болеет горячкой, и главное, дети там редко умирают.

— Правда? Неужели, на самом деле, редко?

— Да, очень редко. Я живу около больницы, а друг моего мужа, Сури, работает там уборщиком. Так что я уж знаю.

— Трудно поверить. Обычно большинство новорожденных умирает, выживают только немногие. У моей матери было шестнадцать или семнадцать детей, но в живых осталось только трое. И то же у всех... Так уж все устроено...

— Но я говорю тебе, что в больнице дело обстоит иначе.

Эти слова заставили Сизви задуматься. Она немного помолчала, а затем спросила:

— А дорого стоит, когда ложишься в больницу?

— Нет. В государственную больницу бедняков кладут бесплатно. У богатых, конечно, больше удобств, но мы тоже можем сделать так, чтобы и нам было неплохо. Если знаешь кого-либо из больницы или принесешь им небольшой подарок, все будет как надо. Я помогу тебе.

Понни была счастлива, что наконец-то в деревне нашелся человек, готовый слушать ее рассказы о чудесах, происходящих в городе.

Сизви решилась рожать в больнице.

Убедить в этом мужа оказалось довольно трудно. Коти была его теткой, и он гордился ее профессиональной ловкостью. Но Сизви, наконец, настояла на своем, и он обещал отвезти ее в больницу.

Вскоре все в деревне узнали об этом. Новость вызвала много толков. Старая коти пришла в негодование:

— Зачем ты хочешь отправляться в больницу? Или я для тебя уже не гожусь? А ведь даже люди хорошего происхождения до сих пор зовут меня к себе, когда надо принять ребенка. Раньше все меня звали, а теперь завели моду ложиться в больницу из-за такого пустяка, как роды. Что они там такое особенное делают? Больница не место для родов. Людей они кромсают и режут. Каждый день там умирают сотнями. Эта дура Понни сбила тебя с толку...

Другие говорили то же самое, но Сизви не изменила своего решения.

Однажды, выпаривая сахар из пальмового сока, она почувствовала недомогание. Сизви знала, что скоро начнутся родовые схватки. Муж находился в отлучке. Вместе со своей теткой она отправилась на автобусе в Джафну, находившуюся в 12-ти милях от деревни. Сизви пришла прямо к Понни, и та помогла ей устроиться в больницу.

Все здесь было удивительным, но вскоре начались мучительные родовые схватки, и она ни на что уже не обращала внимания. Роды были тяжелые. Пришлось пустить в ход инструменты и хлороформ, и на свет появился здоровый ребенок.

Когда Сизви пришла в сознание, то увидела, что лежит в большой комнате на очень высокой кровати. Около кровати хлопотала сиделка. Сизви спросила ее слабым голосом:

— Как ребенок?

— Превосходно. Мальчик.

— Он жив?

— О да! Чудесный малыш семи фунтов.

— Слава богу. Вы уверены, что он жив?

— Да. Не волнуйтесь.

Все вокруг блистало чистотой и белизной. Сама она лежала на белоснежной простыне.

— Разве меня сейчас не начнут купать? — спросила она у сиделки: коти всегда купала ее через несколько минут после родов.

— Глупости. У нас все здесь содержится в чистоте. Вы должны лежать так не меньше недели. После этого вы можете выкупаться, если будете чувствовать себя хорошо.

— Лежать здесь целую неделю? Зачем? Кто же будет ходить за ребенком? А мужу трудно без меня дома: я должна готовить ему еду. Я сильная и здоровая, и если не болею горячкой, то обычно на третий день уже на ногах. Я привыкла к этому. Дома у меня работы по горло. Те, кто работает, как мы, не могут лежать в постели целую неделю. Это по карману только богатым, ленивым людям.

— Перестаньте разговаривать. Вас это утомляет.

Вдруг Сизви вспомнила, что на ней нет ее сари. Она тревожно спросила:

— Где мое сари?

— В корзине, которая стоит в углу. Оно грязное. Мы вам отдадим его, как только оно будет выстирано.

— Отдайте мне его сейчас. Это лучшее мое сари.

— Не волнуйтесь. Оно в полной сохранности. И, пожалуйста, больше не разговаривайте. Лежите спокойно.

Но Сизви не могла лежать спокойно.

Через некоторое время сиделка вышла из комнаты. Она отсутствовала только несколько минут, но когда возвратилась обратно, то увидела больную около корзины с грязным бельем: Сизви развязывала узел, затянутый на ее сари.

Сиделку это поразило и рассердило. Каким образом женщина, находившаяся в подобном состоянии, смогла без посторонней помощи сползти с высокой кровати? Ее роды проходили на редкость трудно; в больнице давно уже не было такого серьезного случая, и доктор дал строгое указание, чтобы больная в течение нескольких дней лежала без движения. «Не сошла ли эта женщина с ума, подвергая свою жизнь такой опасности?» — подумала сиделка. Она закричала на больную:

— Зачем вы слезли с кровати? Я ведь велела вам не двигаться! Вы хотите сами себя убить? Вы сумасшедшая...

— Не ругайте меня, начья, — умоляюще сказала Сизви.

Только тогда, когда сиделка услыхала слово «начья», она поняла, с кем имеет дело. Теперь это слово не часто можно услышать. Лишь в самых отсталых деревнях неприкасаемые употребляют это почтительное обращение, разговаривая с теми, кого они считают гораздо выше себя. Когда сиделка пристально взглянула на нее, Сизви задрожала.

— Я не думала сделать ничего плохого, добрая госпожа, — сказала она, всхлипывая. — Я не хотела ослушаться вас, но у меня хранятся деньги в узле, который завязан на моем сари, и я боялась потерять их. Здесь все мои деньги, других у меня нет. Я берегла их, чтобы сделать покупки для малыша, если ему что-нибудь понадобится...

Глаза ее были полны слез, когда она показала сиделке две рупии, зажатые у нее в руке.

— Простите меня, добрая госпожа, простите меня, я больше не буду этого делать.

Растроганная сиделка не знала даже, что сказать. Помогая Сизви улечься в постель, она прошептала:

— Почему вы мне не сказали об этом? Я бы сама достала их для вас...

В глазах сиделки стояли слезы.

«ОСТРОВ ОКИНАВА» *Рис. А. Лурье*

Сёдзи Симода

ОСТРОВ ОКИНАВА

РОМАН

Перевод с японского В. Логуновой, В. Константинова и К. Попова.
Под редакцией Р. Кима

ГЛАВА I

1.

Сегодня Сэйтаро вернулся домой затемно. Миё, готовившая во дворе ужин, поднялась было ему навстречу, но он молча прошел в неосвещенную палатку.

Пол палатки был устлан сеном, но уже с неделю как его не меняли, оно успело слежаться и издавало прелый запах.

— Да хватит вам мучить себя, отец,— раздался с улицы голос Миё. Подвесив над огнем котелок, как это обычно делают солдаты, она варила похлебку из пшеничной муки, полученной по карточкам. — Вот увидите, сам вернется.

Сэйтаро ничего не ответил. Он вытянулся на сене, казалось, в полном изнеможении. Вот уже в течение десяти дней Сэйтаро ходил по горам и искал Сэйкити. Если Сэйкити жив, он, как говорит Миё, наверно сам вернется. «Хватит искать, завтра никуда не пойду»,— не раз думал Сэйтаро. Но назавтра все начиналось сначала. Он решительно не находил себе места, работа валилась из рук, и в конце концов, пробормотав про себя: «Схожу еще разок»,— Сэйтаро исчезал в горах.

Горы, не очень высокие, тянулись цепью. Равнина с рассеянными на ней деревнями и крестьянскими полями раскинулась на один-два километра от берега, а остальная часть продолговатого острова шириной в десять с лишним километров была сплошь занята горами, тянувшимися с севера на юг.

В тени высоких дубов вилась всегда сырая горная дорога, она казалась бесконечной. На ней то и дело попадались изорванные в клочья ранцы, дзикатаби*, шлемы. Неубранные трупы издавали еле ощутимый запах тления. После того как военные действия на острове прекратились, а население и армия сдались противнику, в горах продолжало скрываться довольно много солдат. Но со дня объявления капитуляции прошло три месяца, все солдаты уже спустились с гор. Не может быть, чтобы только

Окинава — название центральной группы островов архипелага Рюкю и самого крупного острова этой группы. Острова Окинава с 1879 года выделены из Рюкю в префектуру Окинава. В настоящее время американцы захватили Окинаву и превратили его в крупную военную базу. Японский народ ведет упорную борьбу за воссоединение Окинавы с Японией, за ликвидацию американских военных баз и вывод американских войск.

* Рабочая обувь из текстиля на резиновой подошве.

Сэйкити продолжал скрываться. Жив ли он? А если жив, то почему не возвращается?

О том, что сын жив, Сэйтаро услышал от Эйтоку Унтэна, но теперь его брало сомнение. Может быть, Унтэн встретил призрак Сэйкити? Он сказал об этом Миё, но та не согласилась с отцом. Она верила, что брат жив. Ей почему-то казалось, что брат вернется с этой войны целым и невредимым. Да и Эйтоку Унтэн был не такой человек, которого мог бы обмануть какой-то там призрак. Эйтоку, приходившийся Сэйкити двоюродным братом, не терял зря времени и, пока другие пребывали в полной растерянности, потрясенные поражением Японии, преспокойно промышлял «трофеями», вернее краденными американскими товарами. Освободившись из лагеря для военнопленных, Эйтоку первым начал строить дом, самовольно нарубив деревьев в чужих горных лесах.

И вот этот Эйтоку уверял, что он собственными глазами видел Сэйкити.

По его словам, он, Эйтоку, спускался по склону с бревном за спиной, когда вдруг перед ним появились трое японских солдат. Теперь их редко можно было встретить, и они в большинстве случаев относились к населению враждебно. Эйтоку приготовился пожертвовать бревном и пуститься наутек, но в этот миг он увидел среди проходивших Сэйкити. Сбросив бревно, Эйтоку закричал: «Эй вы, война-то ведь давно кончилась».

Но в ответ Сэйкити лишь усмехнулся, а его спутники даже и бровью не повели. Только посмотрели на него с какой-то жалостью и зашагали дальше. Эйтоку был ошеломлен и, когда Сэйкити крикнул ему на прощание: «Передай моим, что я жив и здоров»,— не нашелся, что ответить. Он стоял как вкопанный, провожая взглядом удалявшихся солдат, но потом, спохватившись, ринулся за ними и, схватив Сэйкити за руку, стал говорить о том, что его мать и брат умерли, дома остались только отец и Миё и что война действительно кончилась, надо вернуться домой. Все эти вести, видимо, ошеломили Сэйкити, но, встретившись взглядом с товарищами, он вырвал руку и зашагал прочь. У него был суровый, неприступный вид.

— Ну, никак нельзя было подступиться к нему,— оправдывался Эйтоку.

По словам Эйтоку, все трое были без винтовок, но одежда у них была в полном порядке, и выглядели они вполне здоровыми

Все это произошло вскоре после возвращения Сэйтаро из лагеря. Четыре месяца назад, когда всех жителей деревни вывезли на грузовиках в лагерь, дом Сэйтаро, как, впрочем, и большинство других домов, был совершенно целым — не пострадал от бомб и огня. Но по возвращении из лагеря крестьяне обнаружили, что деревня сожжена дотла, а весь их скарб бесследно исчез. Не зная, что произошло за время их отсутствия, все были вконец потрясены. Быть может, тем десяткам тысяч американских солдат, которых готовили к высадке на главных островах Японии, их хижины показались слишком грязными и жалкими, но так или иначе людям, лишившимся крова и имущества, оставалось одно: разбить палатки и начать заново жизнь, отличавшуюся от пребывания в лагере лишь несколько большей свободой. Сэйтаро, потерявший жену и младшего сына, а теперь лишившийся и крова, совсем пал духом. Но весть о том, что Сэйкити жив, взволновала его, и на следующий же день он отправился в горы на поиски.

После встречи с Эйтоку Сэйкити все время думал о своем доме. Итак, брат Сэйдзи, школьник, погиб здесь в горах от пули, а мать умерла в лагере от малярии. Казалось, Сэйкити успел привыкнуть к смерти, она была всегда рядом с ним, и все же смерть близких сильно потрясла его. Теперь он все чаще подумывал о том, чтобы как-нибудь ночью схо-

дить к отцу и Миё, но не решался поделиться этими мыслями со своими товарищами.

Оба они были ефрейторами из частей той же 24-й дивизии, что и Сэйкити, один родом из Миякодзими, другой — из префектуры Аити. Сэйкити не думал, что товарищи будут препятствовать ему, но чувствовал какую-то неловкость в их присутствии. Сэйкити стыдился своей родни, в том числе и Эйтоку, да и вообще всего населения деревни за то, что все они сдались врагу. В боях на этом острове японцы исчерпали свои силы, но Сэйкити продолжал верить в победу — свежие подкрепления вот-вот начнут контрнаступление, высадятся здесь, и положение решительно изменится.

Подкрепления должны были высадиться у деревни Кунигами, на северной оконечности острова. Находясь в траншеях на побережье Мабуни, обдуваемом сильными морскими ветрами, Сэйкити и другие получили приказ прорваться сквозь позиции противника и выйти к Кунигами. На них лежала обязанность встретить японские десантные части. Этот приказ от 22 июня 1945 года был последним приказом по японским войскам, оттесненным противником к южной оконечности острова.

Все те, кто пытался бежать на север по морю на шлюпках и плотах или по суше, прорываясь через расположение противника, были либо уничтожены, либо взяты в плен.

Но Сэйкити находился в числе тех, кому удалось спастись чудом. Пятеро его товарищей, вместе с которыми он покинул траншеи на побережье Мабуни, либо погибли, либо отстали где-то по дороге. Днем солдаты прятались в чанах для ловли осьминогов, в зарослях или под грудами битой черепицы, оставшейся от разрушенных домов. Передвигались только ночью.

Уже всюду по горам и равнинам, где воздух был отравлен трупным смрадом, бродили, посвистывая, рослые солдаты в беретах, полуголые, с татуировкой на руках, и диковинные чернокожие люди, которых Сэйкити видел впервые.

Они охотились за такими, как Сэйкити, палили наугад из карабинов, забрасывали гранатами любой ров, любую канаву, поджигали облитые бензином поля батата.

С рассветом группа Сэйкити разбредалась в разные стороны, каждый сам для себя находил убежище. Иногда, зарывшись с головой в картофельную ботву, они по целым дням отлеживались в поле, и случалось, что совсем рядом с ними появлялась опаленная солнцем, сплошь покрытая веснушками спина какого-нибудь американца.

Ночные походы были опаснее, потому что приходилось передвигаться между невысокими, тянувшимися волнообразной грядой холмами, а там как раз и разместился противник. С вершины холма казалось, что внизу расположен целый город: так много вокруг горело огней, и ветер доносил звуки джаза.

Иногда Сэйкити и его товарищам не удавалось продолжать путь, и тогда, подкрепившись американскими консервами, они проводили целую ночь на вершине какого-нибудь холма. Растянутые во всех направлениях проволочные заграждения под током превращались в такую преграду, что казалось, нет никакой возможности добраться до следующего холма. Шли на риск, но стоило кому-нибудь случайно коснуться проволоки, как тут же начиналась пулеметная стрельба. В небо поднимались осветительные ракеты, а трассирующие пули чиркали по земле и спереди, и сзади, и с боков. В таких случаях кто-нибудь неизбежно выбывал из строя. Сэйкити терял товарищей, находил новых, снова терял и снова находил. Чтобы пройти занятую противником тридцатикилометровую зону, тянувшуюся от центра острова на юг, ему понадобилось целых три месяца.

Своим спасением Сэйкити был обязан знанию местности, но больше всего ему помогла вера в то, что, достигнув гористой части острова, где находится его родная деревня, он сможет продержаться до прихода подкрепления.

Прорваться через район аэродрома Кадэна и выйти к уезду Кунигами удалось только ему одному. Отсюда горы тянулись прямо вдоль острова, здесь можно было встретить только японских солдат. Они ему и сообщили о капитуляции Японии, но он уже знал об этом давно из американских листовок.

Это были солдаты разных частей, которым так же, как Сэйкити, удалось спастись бегством, и сейчас они небольшими группами скитались по горам. Никто из них не верил в поражение Японии.

— На таком острове и то сумели три месяца продержаться,— заявляли они.— Если Японии суждено проиграть войну, то это будет не раньше чем через пять или десять лет, пока сто миллионов японцев не погибнут все до одного. Ведь японцы не чета этим слюнтяям — местным жителям.

Возможно, они не знали, что сам Сэйкити уроженец Окинавы, а может быть, знали и нарочно говорили так. Сэйкити слушал их молча. И не потому, что его спутники были выше по званию. Он просто успел привыкнуть к таким оскорбительным выпадам.

«Окинавцы — шпионы!» — такие слухи пошли среди солдат и офицеров с тех пор, как ухудшилось положение на фронтах.

Дело не ограничивалось слухами, командование официально уведомляло об этом губернатора Симада. Сам Сэйкити не раз был свидетелем того, как старух и детей, которые, потеряв рассудок, спокойно брели под градом пуль, хватали и расстреливали как подозрительных.

Ходили слухи о том, что на линию фронта в Симадзири тайно пробралось несколько десятков шпионок, все молодые, у каждой при себе маленькое зеркальце и красный платок, а волосы на половых органах у них выбриты.

Всякий раз, когда до Сэйкити доходили такие слухи, он до боли закусывал губы и скрежетал зубами. Эти разговоры вызывали в нем гнев, но в то же время его сильно возмущало и поведение земляков-окинавцев. Подобно другим солдатам, Сэйкити считал, что сдаваться врагу не имеет права никто, даже житель такого острова, как Окинава.

Сэйкити все принимал за чистую монету: и то, будто смертью храбрых пало все население островов Сайпан и Атту, и то, что их примеру последуют все сто миллионов японцев. Поэтому ему нестерпимо тяжело было видеть, как отступают его соотечественники и покорно сдаются на милость врага. Конечно, ему и в голову не приходило, что, сдавшись в плен, они могут сообщить противнику ценные сведения в ущерб японским войскам. Он молчаливо сносил утверждение о том, что японцы — уроженцы метрополии — не такие трусы, как окинавцы. Но очень болезненно относился к тому, что подчеркивало различие между собственно японцами и жителями Окинавы.

Сэйкити был призван в армию на родном острове. Впервые соприкоснувшись со многими уроженцами других префектур, он стал убеждаться на деле, что где-то в своем сознании они всегда проводят черту между собой и коренными окинавцами.

«Эх, если бы в Японии знали, как мы тут мучаемся», «Хорошо, что все это происходит не у нас в Японии»,— говорили вокруг; и эти сказанные без злого умысла слова заставляли Сэйкити настораживаться.

Под Японией подразумевали все районы, кроме Окинавы, этот остров считали заморским владением, что всегда неприятно поражало Сэйкити.

Вот почему он особенно близко принимал к сердцу неблаговидные

поступки окинавцев —их сдача в плен вызывала у него и стыд, и гнев. Он стремился стать образцовым солдатом, чтобы избавиться от душевных мук. Но чем больше преуспевал Сэйкити как солдат, тем сильнее страдал он как человек.

В тот момент, когда его окликнули на бататовом поле, Сэйкити чуть не бросился бежать. Товарищи, наблюдавшие за ним, стоя на опушке соснового бора у самого края поля, подавали ему сигналы. Но, обернувшись, он заметил на лице отца выражение такого отчаяния, что застыл на месте.

Отец и сын стояли молча друг против друга на расстоянии нескольких метров. Отец его, Сэйтаро, был одет в американскую военную форму — зеленые штаны и такая же рубашка,— а шею обмотал грязным полотенцем. Так одевалось почти все население острова, Сэйкити успел уже свыкнуться с этим, но его внимание привлек сам Сэйтаро, обросший, с запавшими глазами и невероятно постаревший.

Стараясь отдышаться, Сэйтаро вынул из кармана пачку американских сигарет, медленно закурил и, молча подойдя к сыну, протянул ему пачку. Оставаться посредине поля было опасно, и Сэйкити повел отца к сосновому бору, где находились его товарищи. Позади поля росли саговые пальмы вперемежку с редкими сосенками, передняя часть поля полого спускалась вниз; отсюда открывался вид на деревню.

Сэйтаро принялся рассказывать троим солдатам, что война кончилась, и, вынув из кармана отпечатанную на гектографе газету «Урума симпо», протянул ее Сэйкити. Это была единственная газета, выходившая на острове после окончания войны. В ней сообщалось о встрече императора с Макартуром. Возможно, потому, что уже стемнело и читать было трудно, Сэйкити не проявил никакого интереса к газете.

Он, как и другие, был убежден, что остров сейчас отрезан от главного театра военных действий и находится в полной изоляции. Поэтому он считал, что все, о чем говорится в газете,— обычная пропаганда противника. Сэйкити рассеянно слушал Сэйтаро, продолжая вглядываться в заросшее, сильно постаревшее лицо отца. Казалось, согбенная его фигура воплотила в себе всю скорбь измученного войной населения острова, и слезы невольно навернулись на глаза Сэйкити.

А Сэйтаро настойчиво молил сына зайти хоть ненадолго домой, встретиться с сестрой, поклониться праху матери и брата. Он обращался с просьбой к его спутникам, чтобы они отпустили сына. Те не протестовали. Сэйкити, дав обещание вернуться на следующее утро, пошел за отцом.

Сэйкити и в голову не могло прийти, что, как только он вернется домой, сразу же соберется многочисленная родня, его насильно заставят снять военную форму и на следующий же день начнут следить за каждым его шагом.

Эйтоку Унтэн, крикнув «дурак!», закатил Сэйкити оплеуху. Для Сэйкити было полной неожиданностью, что столько людей так серьезно займутся тем, чтобы удержать его дома. Это произвело на него ошеломляющее впечатление. Правда, при мысли о товарищах Сэйкити становилось невыносимо тяжело, но вместе с тем его безрассудная уверенность впервые дрогнула.

2.

Эйтоку Унтэн не мог спокойно думать о Сэйкити. Его буквально выводила из себя эта дурацкая вера в неизбежную победу. Ему было противно вспоминать о японской армии. Чего она стоила по сравнению с великолепной оснащенностью американцев, с их техникой? А сколько глупой спеси

у этой императорской армии, считавшей окинавцев не чем иным, как простаками или шпионами.

Эйтоку не был призван, подобно Сэйкити, в ряды регулярной армии Его, не имевшего никакого звания, мобилизовали в отряд самообороны куда входили все мужчины до сорока пяти лет, за исключением калек Их отряду приказали защищать северную оконечность острова, и он именовался «Отряд Кунигами».

«Отряд Кунигами» насчитывал около трех тысяч человек, в него входили и безоружные, как Эйтоку, и подразделение добровольцев, сформированное из людей старше сорока пяти лет и подростков до пятнадцати лет, и так называемый отряд «служения императору кровью и сталью» состоявший из школьников.

Ядро же всей части, которой командовал полковник Яно, составляли пятьсот солдат — все, что осталось от отряда, по дороге в Окинаву подвергшегося нападению подводных лодок. Свой боевой дух эти солдаты утратили еще до высадки противника и не обнаруживали никакого желания воевать.

Пожилой полковник Яно был однокашником по военной академии командующего войсками на Окинаве генерал-лейтенанта Усидзима. При Яно все время находились три женщины легкого поведения, и он не переставал развлекаться с ними и после начала боев на острове. Однажды произошел такой случай: унтер-офицеры из штаба отряда ворвались в дом, где жил полковник, и бросили в него ручную гранату. Граната не взорвалась, а пьяные унтер-офицеры были немедленно расстреляны.

Эйтоку и другие окинавцы использовались на строительстве укреплений, рыли траншеи, таскали тяжести. Они не имели ни оружия, ни звания они были приравнены к скотине. На них кричали, подгоняя штыками «Вы, окинавцы,— лодыри, разве так японец работает? Мы ведь защищаем ваш остров! А ну, живей!»

А они верили в победу Японии, верили в императора, молча сносили оскорбления и каторжный труд.

И вот эта армия, на каждом шагу похвалявшаяся тем, что враг будет уничтожен при первом же появлении, сама оказалась разбитой в пух и прах через каких-нибудь десять дней после высадки противника.

Пятитысячный отряд американской морской пехоты со ста тридцатью танками высадился на севере острова и стал штурмовать город, где засели японцы. Удары сыпались и с моря, и с воздуха, и с суши. Отряд защищался, используя гранаты и самодельные мины. Но на одиннадцатый день первым бежал полковник Яно со своим штабом, прихватив трех женщин. Эйтоку вместе с разбитым отрядом некоторое время скрывался в горах. В живых оставалось еще около тысячи человек, но почти все они были ранены. Оружие бросили, оставив при себе только продовольствие. Цепляясь за ветки деревьев, опираясь на плечи товарищей, солдаты блуждали в окутанных ночным мраком горах, проклинали полковника Яно и уверяли друг друга, что враг узнал о расположении японских укреплений от шпионов.

Отряд, лишенный руководства, не знал, куда идти. Эйтоку думал только о том, как бы ему вернуться в родную деревню. Он еле держался на ногах от голода. Отряды самообороны были сняты с довольствия еще до высадки противника, каждому приходилось добывать пищу где попадется. До начала боев люди могли ходить к себе домой и доставать бататы, но в горах провизию добывать было негде.

Однажды где-то впереди внезапно загрохотал пулемет. Отряд остановился, передние повернули назад. И тут на глазах у Эйтоку был расстрелян ефрейтор — его односельчанин, выполняющий обязанности проводника

Объявили, что он шпион и будто бы преднамеренно привел отряд на позиции противника. Объятый страхом и негодованием, Эйтоку решил немедленно бежать. Будь что будет!

В поселке уже были разбиты палатки американских солдат, и жители, узнав, что им ничто не угрожает, начали спускаться с гор. В числе их находился и Эйтоку, семья которого, жена и четверо детей, к счастью, осталась жива и невредима.

Американские солдаты начали все чаще заходить в дома. Они входили внутрь, не снимая грязной обуви, и искали женщин; мужчин и детей они не трогали.

Солдаты рылись в комодах и отбирали яркие женские кимоно, национальные флаги и всякого рода ценности.

Дом Эйтоку, мелкого арендатора, был самым бедным в этой деревне и напоминал скорее крытый соломой хлев. Поэтому американцы обходили его. Зато ребята Эйтоку первыми прокатились на «джипе», и их еще угостили жевательной резинкой и сигаретами. Они были в восторге. Людей, одетых в военную форму или кителя военного образца, американцы называли «джапаниз» — японцами. Их ловили и при попытке к бегству расстреливали, а людям в грязных рубахах, кто, тыча себя в грудь пальцами, предупреждал «мы с Окинавы», они приветливо улыбались. При виде того, как торжественно разъезжают американцы в «джипах», к которым были прикреплены позолоченные погребальные таблички и похоронные балдахины (во время похорон их обычно несет на шесте мальчик, идущий впереди процессии), Эйтоку уже не чувствовал страха перед американцами. Они казались ему смешными.

Вскоре Эйтоку призвали на военные работы, и тут он впервые увидел бульдозеры, сметавшие на своем пути и деревья и насыпи. Увидел он и то, что отряд, насчитывающий менее ста человек, имеет запас продовольствия, равный тому, каким располагал весь отряд Яно. Эйтоку видел, как при помощи распыляемого с самолета ДДТ американцы уничтожали мух и москитов. И он не мог не вспомнить японскую армию, которая пользовалась корзинами, чтобы переносить землю для укреплений, и которая заставляла таких, как Эйтоку, ежедневно ловить мух руками. Этот новый, открывшийся перед ним мир усиливал в нем злобу и недоверие к японской армии, щедрой на громкие слова и всячески третировавшей окинавцев и даже обвинявшей их в шпионаже.

Заметив, что американские солдаты отдают предпочтение окинавцам перед японцами, он даже проникся симпатией к бывшим врагам.

Он попал в лагерь, где люди жили как сельди в бочке, по десяти человек в крохотной палатке, но все неудобства и тяготы не досаждали ему так, как другим. Ведь он был нищим, ему все равно нечего было терять, и его даже радовало, что люди богатые и знатные живут в одном с ним помещении, едят одинаковую пищу, что между ним и такими людьми не делают никакой разницы, что от него не требуют ни поклонов, ни знаков вежливости.

На работе Эйтоку не стеснялся: где клянчил, где просто крал и чувствовал себя куда более сытым, чем остальные.

Незадолго до возвращения Сэйкити Эйтоку был назначен «Си-Пи»*— гражданским полицейским. Он сам домогался этого. Американцы назначили от каждого поселка по два-три полицейских не столько для охраны общественного порядка, сколько для предотвращения грабежа военного имущества. Перед войной двое полицейских назначались на целых восемнадцать поселков с населением более чем в десять тысяч человек, а теперь

* «Civil Police» — гражданская полиция.

каждый мог стать полицейским. Никаких особых требований к ним не предъявлялось.

Все, что удавалось стащить у американцев, называли «трофеями», и те, кто добывал трофеи, хвастались этим. Эйтоку стал полицейским вовсе не для того, чтобы бороться с хищениями. Наоборот, за ним самим нужен был глаз да глаз.

Правда, Эйтоку не забирался по ночам в казармы, чтобы заниматься открытым грабежом, как это делала зеленая молодежь. Нет, он заставлял свою голову беспрестанно работать — воровал методически и так, чтобы было незаметно.

Эйтоку не увлекался продовольствием или, скажем, табаком, как другие. На работе он набивал карманы гвоздями или, сломав лопатку, снимал металлическую ее часть и прятал за пазуху. Продовольствие было делом его старшего сына, шестнадцатилетнего Эйити.

В доме Эйтоку было вдоволь и консервов, и пшеничной муки, и сахара. Когда какой-нибудь небольшой американский отряд снимался с места, Эйтоку прятал попавшиеся под руку продукты в яму, вырытую около кухни, а затем с помощью всего семейства переправлял добычу домой.

Поступил он в полицию по двум причинам. Во-первых, это давало ему возможность находиться в постоянном контакте с американцами. Эйтоку был убежден, что теперь на острове придется иметь дело с ними. К тому же многое в бывших противниках восхищало его. Американские солдаты были не мелочны, и обворовывать их ничего не стоило. Они были разинями, наверно, потому, что прибыли из богатой страны, думал Эйтоку. Да, от таких партнеров, как американцы, если даже и потерпишь поражение, все равно в убытке не останешься.

Дураков, вроде Сэйкити, продолжавших верить в победу Японии, Эйтоку вообще не принимал всерьез. Но его раздражали и те, кто продолжал бездельничать, предпочитая проливать слезы над ужасными последствиями войны. К чему это? Теперь придется иметь дело с Америкой, богатой страной, питающей, к тому же, добрые чувства к жителям Окинавы. Нужно использовать это и постараться несчастье превратить в счастье. Для чего же, спрашивается, он остался жив?

Поэтому-то Эйтоку и стал полицейским, решив всячески сблизиться с американцами. Правда, теперь их стало меньше, чем перед отправкой его в лагерь для военнопленных, но все же их можно было видеть во многих местах, в том числе и в его деревне.

Сделавшись полицейским, Эйтоку имел в виду и другое. Так легче всего было завоевать доверие американцев и, пользуясь этим, по-настоящему нажиться. Гражданские полицейские носили американскую военную форму цвета хаки, гетры и белые шлемы. Оружия им не давали, как не давали и званий, которые позволили бы им начать восхождение по иерархической лестнице. Иными словами, они были обыкновенными служащими, и то, что такой бедняк, как Эйтоку, не кончивший даже начальной школы, мог стать полицейским, придавало особый характер этой полиции.

Гражданские полицейские охраняли военное имущество, сложенное штабелями под открытым небом и сгружаемое на берег с судов. Во время дежурства и в тех случаях, когда Эйтоку оказывался один, и в тех случаях, когда он был с другими полицейскими и входил с ними в сговор, он припрятывал товары где-нибудь в зарослях. Во время ночного дежурства все обходилось хорошо: к складу подкрадывались жена и дети, и он швырял им тюки один за другим.

Постепенно в доме Эйтоку набралось много разного товара, и жена его, Наби, пошла сбывать их в дальние деревни и рыбацкие поселки. Торговля шла бойко. Любовно разглядывая ассигнации, принесенные женой, Эйтоку чувствовал себя, как ростовщик, перебирающий долго-

вые обязательства. Подобного счастья Эйтоку никогда не испытывал. С детства он хорошо знал и нужду и тяжелый труд. Мучительные воспоминания о прошлом лишь обостряли радость настоящего.

Еще в третьем классе начальной школы Эйтоку был продан в косцы помещику в возмещение процентов, которые наросли на пятьдесят иен отцовского долга.

Когда товарищи его уже кончали школу, Эйтоку понял, что быть ему косцом до тех пор, пока помещик не получит свои пятьдесят иен. Его отец не только работал в поле, но также плел корзины и циновки; Эйтоку был старшим из шести детей. После того как младшую сестру Хана продали в город, в публичный дом, Эйтоку понял: ему не на кого надеяться, кроме как на самого себя.

В это время к помещику приехал сын. Он только что закончил агрономическую школу, болтался дома без дела и решил заняться просвещением трех батраков, в том числе и Эйтоку.

— Дураки, чего вы здесь сидите, отправляйтесь в Осака,— говорил им молодой барин Масаюки Тогути, которого впоследствии прозвали социалистом.

Этот совет показался Эйтоку странным, но мысль об Осака засела в его голове. Немало он принял мук, прежде чем ему удалось скопить денег на дорогу, и в конце концов, махнув на все рукой, он залез в трюм парохода и один отправился в Осака.

Жизнь в Осака тоже была ужасной. Ведь Эйтоку приехал сюда главным образом для того, чтобы заработать деньги и вернуть долг помещику. Но это оказалось невероятно трудным. Первые два года Эйтоку вообще не мог найти работы. Годы Тайсё* сменялись годами Сёва**, в мире царили депрессия и безработица. Не раз голод и холод грозили сразить Эйтоку, но он упорно, изо дня в день обходил незнакомые улицы. Изредка попадались объявления: «Требуются рабочие», но с припиской: «Жители Окинавы не принимаются».

Эйтоку проклинал Масаюки Тогути. Чем терпеть такие муки, лучше уж было косить траву у себя на Окинаве.

И вот однажды по рекомендации знакомого односельчанина Эйтоку устроился на маленький литейный завод.

— Главное — заслужи доверие хозяина,— учил земляк.

Но Эйтоку и слова толком не мог вымолвить, а умел только одно — работать, как вол.

Товарищи по работе относились к нему — жителю Окинавы — с пренебрежением, но Эйтоку никому не перечил, словно это его не касалось. Он таил одну мечту, хотя, по правде говоря, мечта эта была вполне реальной. Подобно остальным окинавцам, прибывшим сюда на заработки, Эйтоку мечтал, расплатившись с долгом, вернуться на родину, купить хижину, немножко земли и зажить, как другие.

Эйтоку знал, что заботливые сыновья из числа тех, с кем он когда-то учился в школе, устроившись в Осака, под Новый год и в праздник Бон*** посылают родителям по 5—10 иен. Может быть, и ему удастся за несколько лет покрыть долг, а потом кое-что скопить и для себя. Так мечтал Эйтоку.

Но он провел в Осака около двадцати лет, и то лишь едва расплатился с долгом. Когда ему минуло двадцать восемь лет, он женился на девушке из его деревни — работнице ткацкой фабрики. После этого в доме прибавлялись только одни дети. К сорока годам Эйтоку выглядел изможд-

* 1912—1926 годы.
** С 1926 года и далее.
*** Праздник поминовения усопших, отмечается в августе.

денным, глаза у него слезились. Незадолго до начала войны за «Великую Восточную Азию» * он вместе с семьей покинул Осака.

Оглядываясь на свое прошлое, Эйтоку видел, что всю жизнь он бился как рыба об лед. Порядок, установленный в этом мире, подобно огромной глыбе льда, нависал над его головой, и, сколько бы он ни прилагал усилий, пробить эту ледяную преграду оказывалось невозможным.

И вот теперь внезапно лед этот растаял.

Прежде помещик оставался всегда помещиком, капиталист — капиталистом, а такой бедняк, как Эйтоку, не мог найти щелочку, чтобы протиснуться между ними. Но сейчас ледяная преграда растаяла... Сейчас помещик, у которого он служил в косцах, и учитель Мацускэ Тайра — сын прежнего старосты деревни — оба живут в палатках похуже, чем его хижина. И дома с черепичными крышами, бывшие предметом его зависти, и конюшни, и коровники — все исчезло, как исчезло могущество тех, кто всем этим владел.

Землей ныне распоряжаются американцы, и еще неизвестно, будут ли признаны в своих правах прежние хозяева. Ныне все босы и наги, всем приходится начинать все сначала.

В глазах Эйтоку происшедшие события представлялись подлинной революцией. Отныне судьба человека зависит только от его способностей. Именно так понимал Эйтоку провозглашенную американцами свободу и демократию.

3.

Сэйкити оделся в «негритянскую одежду», как называли в деревне зеленые комбинезоны, в которые облачались солдаты во время работы. Ее носили и Сэйтаро, и Миё, и все жители деревни. Теперь нечего было опасаться, что Сэйкити примут за японца.

Прошел почти месяц, а Сэйкити по-прежнему ни на шаг не отлучался из дому. Скорчившись в углу маленькой палатки, он целые дни проводил в молчании.

У одной из стен палатки, где было разложено сено, стояли три пустых картонных ящика с рекламными объявлениями на английском языке. Здесь хранились одежда, продукты, пустые консервные банки, заменявшие посуду. В одном из ящиков лежали поминальные таблички, выпиленные из доски.

Сэйтаро и Миё ходили в поселковую управу (вернее, на площадь — здания управы не существовало) получать по талонам продукты, вскапывали поле, заросшее по колено травой, чтобы посадить картошку.

Время от времени их посылали на работу по распоряжению американского командования.

Миё было всего семнадцать лет, но она одна управлялась со всем хозяйством. Она жаловалась отцу: такой-то умудрился получить от американцев лишний комплект одежды или такому-то удалось увильнуть от наряда на работу. Сэйкити слушал эти разговоры без всякого интереса, он ко всему этому относился с полным равнодушием.

Миё не так уж боялась американских солдат. Однажды, давясь от смеха, она рассказала, как, спасаясь от погони, не задумываясь прыгнула в бочку с удобрениями, выкупалась в нечистотах, а американский солдат, заткнув нос, бросился от нее наутек.

Отец ругал Миё за то, что она всюду ходит одна, но Сэйкити и в этом случае не вмешивался в разговор.

В свободную минуту Сэйтаро отправлялся в горы рубить лес. Во время войны лесные участки перестали быть чьей бы то ни было собствен-

* Так японские милитаристы именовали вторую мировую войну после начала военных действий на Тихом океане в декабре 1941 года.

денным, глаза у него слезились. Незадолго до начала войны за «Великую Восточную Азию» * он вместе с семьей покинул Осака.

Оглядываясь на свое прошлое, Эйтоку видел, что всю жизнь он бился как рыба об лед. Порядок, установленный в этом мире, подобно огромной глыбе льда, нависал над его головой, и, сколько бы он ни прилагал усилий, пробить эту ледяную преграду оказывалось невозможным.

И вот теперь внезапно лед этот растаял.

Прежде помещик оставался всегда помещиком, капиталист — капиталистом, а такой бедняк, как Эйтоку, не мог найти щелочку, чтобы протиснуться между ними. Но сейчас ледяная преграда растаяла... Сейчас помещик, у которого он служил в косцах, и учитель Мацускэ Тайра — сын прежнего старосты деревни — оба живут в палатках похуже, чем его хижина. И дома с черепичными крышами, бывшие предметом его зависти, и конюшни, и коровники — все исчезло, как исчезло могущество тех, кто всем этим владел.

Землей ныне распоряжаются американцы, и еще неизвестно, будут ли признаны в своих правах прежние хозяева. Ныне все босы и наги, всем приходится начинать все сначала.

В глазах Эйтоку происшедшие события представлялись подлинной революцией. Отныне судьба человека зависит только от его способностей. Именно так понимал Эйтоку провозглашенную американцами свободу и демократию.

3.

Сэйкити оделся в «негритянскую одежду», как называли в деревне зеленые комбинезоны, в которые облачались солдаты во время работы. Ее носили и Сэйтаро, и Миё, и все жители деревни. Теперь нечего было опасаться, что Сэйкити примут за японца.

Прошел почти месяц, а Сэйкити по-прежнему ни на шаг не отлучался из дому. Скорчившись в углу маленькой палатки, он целые дни проводил в молчании.

У одной из стен палатки, где было разложено сено, стояли три пустых картонных ящика с рекламными объявлениями на английском языке. Здесь хранились одеяла, продукты, пустые консервные банки, заменявшие посуду. В одном из ящиков лежали поминальные таблички, выпиленные из доски.

Сэйтаро и Миё ходили в поселковую управу (вернее, на площадь — здания управы не существовало) получать по талонам продукты, вскапывали поле, заросшее по колено травой, чтобы посадить картошку.

Время от времени их посылали на работу по распоряжению американского командования.

Миё было всего семнадцать лет, но она одна управлялась со всем хозяйством. Она жаловалась отцу: такой-то умудрился получить от американцев лишний комплект одежды или такому-то удалось увильнуть от наряда на работу. Сэйкити слушал эти разговоры без всякого интереса, он ко всему этому относился с полным равнодушием.

Миё не так уж боялась американских солдат. Однажды, давясь от смеха, она рассказала, как, спасаясь от погони, не задумываясь прыгнула в бочку с удобрениями, выкупалась в нечистотах, а американский солдат, заткнув нос, бросился от нее наутек.

Отец ругал Миё за то, что она всюду ходит одна, но Сэйкити и в этом случае не вмешивался в разговор.

В свободную минуту Сэйтаро отправлялся в горы рубить лес. Во время войны лесные участки перестали быть чьей бы то ни было собствен-

* Так японские милитаристы именовали вторую мировую войну после начала военных действий на Тихом океане в декабре 1941 года.

ностью, и крестьяне наперебой спешили запастись материалами для постройки домов.

От бывшего дома Сэйтаро остался только каменный фундамент; теперь он мечтал построить хоть крохотный домик, но с деревянным, а не земляным полом. После возвращения сына к Сэйтаро вернулась и его энергия. Работы — непочатый край. Давно нужно было привести в порядок могилы предков, разрушенные во время обстрелов, но у Сэйтаро все не хватало времени.

Его раздражало, что вот уже почти месяц как сын просиживает все дни в палатке, не желая ничем помочь в хозяйстве. Возвращаясь из леса с тяжелой корягой, Сэйтаро не раз с шумом сбрасывал ее во дворе и в сердцах орал:

— Хватит дурака валять!

Но временами его охватывала тревога. «Не тронулся ли Сэйкити, чего доброго?» — спрашивал он у Миё. Сэйкити был на отличном счету все годы учения, и Сэйтаро невольно начинал припоминать, кто из жителей деревни сошел с ума из-за того, что был слишком умен.

Он решительно отказывался понимать своего сына, который целыми днями валялся в палатке, уставившись в потолок.

Между тем, сын иногда вскакивал посреди ночи и начинал прислушиваться. А не высаживаются ли там, на побережье, у деревни Кунигами, японские войска?.. В его полусонном сознании всплывали одна за другой картины минувших боев.

Что ж, волей-неволей Сэйкити приходилось признать, что Япония действительно проиграла войну. Но он признавал это только рассудком, а не сердцем.

Одно не переставало изумлять Сэйкити: почему и отец, и Миё, и все окружающие так цепляются за жизнь, в поте лица строят эти дома, вскапывают поля? Зачем, для чего они это делают?

Впервые Сэйкити решился выйти из дому после того, как узнал от сестры, что Мацускэ Тайра вернулся в деревню.

Мацускэ был учителем истории в средней школе, где учился в свое время Сэйкити. Затем он получил назначение в женское педагогическое училище, хотя и оставался жить в той же деревне.

В год окончания школы Сэйкити призвали на действительную военную службу, и накануне того, как его часть оставила город Сюри, он встретился с учителем, который руководил тогда санитарным отрядом, сформированным из учениц педагогического училища.

Отец Мацускэ был в свое время директором начальной школы и старостой деревни. Их семье принадлежал большой дом с черепичной крышей, обнесенный высокой каменной оградой. Сейчас эта ограда была местами разрушена, и груды камней загромождали дорогу. Такие же груды камня и битой черепицы громоздились во дворе усадьбы. Уцелела лишь бетонная цистерна для дождевой воды.

Рядом, в тени большого дынного дерева, стояла маленькая палатка, в ней сидел Мацускэ и что-то писал. Столом ему служил пустой ящик.

— Вот пишу мемуары, пока еще в памяти жива война,— сказал он, закрывая блокнот, добытый, вероятно, у американцев.

Слова учителя озадачили Сэйкити, ему и в голову не приходило заняться чем-либо подобным.

Переложив все заботы по дому на плечи жены, Мацускэ целиком погрузился в свои мемуары.

— Хочу хоть как-нибудь искупить свою вину перед погибшими ученицами,— говорил он.

Сэйкити смотрел на своего прежнего учителя, и сердце его невольно сжималось. Со школьных лет он уважал Мацускэ, и не только потому, что тот был серьезным, знающим учителем,— Мацускэ умел привить своим ученикам привычку размышлять над собственными судьбами, над судьбой Окинавы. Он призывал их не считать для себя унизительным то, что они окинавцы, и чувствовать себя полноправными японцами.

В течение трех столетий Окинава находилась под игом феодального властителя — княжества Сацума *, и даже впоследствии, когда после падения феодального режима Окинава стала префектурой, к ее уроженцам по-прежнему относились как к инородцам. Поэтому в них и укоренилась рабская психология. Чтобы преодолеть ее, надо осознать себя японцем и выработать широкий взгляд на мир. Так учил Мацускэ.

Есть люди, которые, восхваляя культуру Окинавы и даже идею заморских экспансий, пытаются возбудить таким путем национальную гордость окинавцев. Но в большинстве случаев это не что иное, как один из видов провинциального патриотизма, который только мешает вести борьбу за отмену дискриминации.

— Мы являемся исконными японцами, и не нужно чувствовать себя жертвами японского гнета, а, наоборот, надо активно бороться против всех его проявлений. Люди должны раз и навсегда отрешиться от выражения «народ Ямато»**.

Вот к чему призывал Мацускэ своих учеников. Эти слова запечатлелись в памяти Сэйкити как одно из его жизненных правил.

И вот от этого Мацускэ Сэйкити ожидал услышать ответы на волновавшие его вопросы. Если Япония действительно потерпела поражение в войне, то что же будет дальше, как они должны жить?

Но Сэйкити ожидало разочарование.

— Я и сам не знаю, — угрюмо произнес Мацускэ.

А ведь в свое время он был одним из тех, кто старательно втолковывал ученикам, что такое сфера сопроцветания Великой Восточной Азии***. Теперь ему нечего было сказать.

Вынув из ящика листок бумаги с текстом Потсдамской декларации, он протянул ее Сэйкити. Об этой декларации Сэйкити уже слышал, но с ее содержанием знакомился впервые.

Непривычные для него термины мешали ему уловить точный смысл, но один пункт всецело завладел его вниманием. В нем говорилось, что отныне суверенитет Японии будет распространяться только на Хонсю, Хоккайдо, Кюсю и Сикоку и еще на некоторые мелкие острова.

— Господин учитель, а что же будет с Окинавой? — спросил он срывающимся голосом.

— Относительно Окинавы здесь ничего не сказано. Очевидно, она входит в те мелкие острова, судьба которых будет определена союзниками. Этот вопрос еще не решен.

Сэйкити изменился в лице. До сих пор ему не приходилось задумываться над конкретными последствиями поражения Японии.

— Что же будет дальше, господин учитель? — повторил он.

— Пока неизвестно. Я как-то слышал от американских солдат, что

---

* Крупнейшее японское феодальное княжество в период XVII—XIX вв., обладавшее благоприятными условиями для развития внешней торговли.

** Ямато — древнее название Японии. «Народом Ямато» называли коренных японцев, считавшихся потомками богов, спустившихся на землю и основавших Японию.

*** Так именовалась японскими империалистами та часть мира, над которой они стремились установить свое господство. В эту сферу включались Китай и страны Юго-Восточной Азии.

Окинава станет подмандатной территорией Америки, вроде территории, находящейся под опекой. Но точно еще ничего не известно.

Мацускэ говорил спокойно, совсем как на уроке истории. Это не понравилось Сэйкити, ему казалось странным, что учитель может сохранять спокойствие, когда речь идет о таком кровном деле.

Ведь если Окинаву оторвут от Японии и отдадут под власть Америки, их всех ждет ужасная судьба. Сам Мацускэ рассказывал ученикам о тяжкой исторической судьбе Окинавы из-за ее географического положения.

Остров Окинава, расположенный между сильными государствами, часто переходил из рук в руки. До 1609 года княжество архипелага Рюкю, в состав которого входила Окинава, платило дань Китаю и было его вассалом.

В культурном отношении княжество Рюкю испытывало влияние Китая не меньше, чем сама Япония.

Затем господство над Рюкю перешло в руки феодального княжества Сацума, которое охраняло вассалитет Рюкю в отношении Китая. Это было сделано с одной целью: использовать этот архипелаг для сохранения торговых связей с Китаем *.

Княжество Сацума, опасаясь раскрыть перед Китаем истинное положение вещей, то есть факт своего господства над Рюкю в течение трех столетий, не допускало японизации жителей архипелага. Но в то же время оно следило за тем, чтобы жители Рюкю не сближались с Китаем. В результате этого жители архипелага превратились в какую-то промежуточную народность, как бы повисшую в воздухе.

И после того, как в 1882 году княжество Рюкю было превращено в префектуру Окинава, на острове по-прежнему продолжали существовать прокитайская и прояпонская группы, и борьба между ними шла вплоть до японо-китайской войны 1894—1895 годов. И только после этой войны началась быстрая японизация Окинавы и других островов.

А теперь Окинаве грозит отторжение от Японии и переход под власть американцев. Поистине злой рок тяготел над окинавцами. Сэйкити не мог примириться с мыслью об иноземном господстве. «Нет, Мацускэ не имеет права оставаться таким спокойным»,— думал он.

А Мацускэ продолжал молчать. Ему, очевидно, нечего было сказать. А может, и было, но он не решался говорить об этом своему бывшему ученику.

Находясь в лагере для пленных, Мацускэ, сетуя на свое слабое знание английского языка, тем не менее собирал всю доступную ему информацию о возможной судьбе Окинавы.

Сведения, почерпнутые им из газет и журналов, говорили о том, что Организация Объединенных Наций предусматривает мандатное управление и, видимо, Америка вынашивает план установления опеки над Окинавой. Правда, находились приверженцы другого взгляда, считавшие, что Окинаву следует вернуть Японии; однако официальная точка зрения как будто склонялась к системе опеки.

Американские офицеры и солдаты в лагере утверждали, что «окинавцы — это не японцы», и, по-видимому, ожидали отторжения острова от Японии.

Мацускэ беспрестанно казнил себя за то, что оказался повинным в бессмысленной смерти своих учеников, а сам остался жив и невредим. Решение написать военные мемуары пришло к нему в лагере. Таким

* С начала XVII в. и вплоть до революции Мэйдзи 1868 г. Япония была закрыта для внешних сношений. Исключение было сделано для голландцев, но и им разрешалось посещать только порт Нагасаки.

способом он пытался проанализировать свое поведение во время войны. Мацускэ все время старался не думать о своей ответственности за то, что многие из его учениц покончили с собой. «Ведь в моих силах было предотвратить смерть этих девочек»,— думал он.

Воспоминания о последних трех днях, проведенных в зарослях алоэ на мысе Киян, до сих пор не выходили у него из головы. Воспоминания эти терзали его и днем и ночью.

Когда положение на фронте стало совсем безнадежным, госпиталь был расформирован, а школьный санитарный отряд распущен, Мацускэ формально освободился от всякой ответственности за своих учениц. Каждый теперь мог поступать по своему усмотрению. Но в той обстановке, какая тогда существовала, педагоги и ученицы не могли действовать врозь — это было совершенно немыслимо.

Оказавшись у южной оконечности острова, ученицы невольно группировались вокруг своих учителей. Мацускэ, изнуренный длительным поносом и к тому же раненный осколком в руку, не мог уже заботиться о своих ученицах. Но они не отходили от него.

В зарослях алоэ, которые в виде полосы шириной в 50 метров шли вдоль побережья, скрывались и население и солдаты.

С воздуха людей в зарослях нельзя было видеть. Однако не приходилось сомневаться, что противник, придя сюда, пустит в ход огнеметы. Мацускэ, как и ученицы, хотел найти убежище где-нибудь в расселинах прибрежных скал, но по морю, в 300—400 метрах от берега, непрерывно сновали неприятельские суда. Поэтому пришлось вернуться в заросли.

Девушки умоляли Мацускэ предпринять ночью попытку прорваться к Кунигами. Там действовал партизанский отряд «Защитники родины», подчиненный непосредственно императорской ставке. По слухам, отряд медленно продвигался на юг.

— Мы будем им полезны, только бы пробраться...— говорили девушки.

Каждый вечер кто-нибудь из солдат выходил из зарослей, чтобы прорваться на юг, но возвращался в течение той же ночи, так как прорваться было невозможно.

Измученный болезнью, Мацускэ не мог решиться на то, чтобы вместе с тринадцатью школьницами попытаться осуществить такой прорыв.

Между тем, с неприятельских судов непрерывно передавали по радио: «Пробирайтесь по берегу к Минотогава». Карабкаясь по прибрежным рифам, туда потянулись жители. К жителям присоединялись и солдаты, но случалось, что из зарослей по ним стреляли.

На востоке, где в скалистых горах располагался японский штаб, днем и ночью взвивались к небу языки пламени. Казалось, там начал действовать вулкан.

Ученицы стали совещаться — как покончить с собой. Сержант-санитар, ранее обещавший девушкам, в случае необходимости, прирезать их саблей, заявил, что тринадцать человек — это слишком много, пусть ими займется их учитель. Они рассказали обо всем Мацускэ.

Один солдат согласился убить их, если они найдут где-нибудь патроны. Но найти патроны было невозможно. В наличии оставались только три ручные гранаты. Ученица пятого класса Юки Ёги нашла выход: они могут умереть все вместе, если обнимут друг друга и одновременно вырвут кольца из всех трех гранат.

Мацускэ молча слушал эти разговоры. Он не хотел умирать. Во всяком случае, он не мог думать о смерти, как девушки; он отгонял мысль о ней, а ученицы по-прежнему настойчиво его спрашивали: «Учитель, когда мы умрем?» Они спрашивали таким тоном, будто им не терпелось скорей умереть.

Мацускэ отвечал, что умереть они всегда успеют. Но он их и не отговаривал. Хотел это сделать, но не сделал.

— Попадут в плен — и избегнут смерти,— думал он, но девушкам ничего не говорил. Ведь он точно не знал, что их ожидает в плену; и главное, он чувствовал, что переубедить их не сможет.

На третий день к Мацускэ и девушкам подбежал солдат с саблей наголо, прохрипел: «Американцы»,— и бросился бежать в лес. Это был тот самый сержант, который обещал помочь им умереть.

На прибрежной скале, откуда только что прибежал солдат, уже появились вражеские автоматчики. Несколько пуль сразу же прошуршало в листве. Американцы один за другим стали взбираться вверх по откосу.

— Господин учитель, пора! — крикнула Юки Еги, дергая Мацускэ за руку.

Она держала палец на кольце гранаты. Мацускэ вскочил и, крикнув: «Подожди! Не снимай кольцо!» — пошел навстречу американцу, появившемуся примерно в десяти метрах. Он несколько раз обернулся, повторяя: «Не снимай кольцо!» Две ученицы шли за Мацускэ.

«Если американцы не будут стрелять, вызову всех из зарослей»,— думал Мацускэ.

Вражеские солдаты не стреляли. Их насчитывалось уже несколько десятков, они с трех сторон окружили Мацускэ и двух учениц. Но в этот момент в зарослях с грохотом разорвались гранаты. Солдаты открыли беспорядочный огонь. Напрасно Мацускэ звал своих учениц, из зарослей никто не вышел.

Учитель не мог снять с себя ответственности за гибель учениц. Если бы он более твердо и решительно пробуждал в них волю к жизни, они бы не покончили с собой. Вот эти размышления и заставили Мацускэ подвергнуть анализу свое поведение с самого начала войны.

Его разум, конечно, протестовал и против войны, и против фанатизма, жертвой которого стали школьницы. Но слишком слабым был его протест. Он всегда склонялся перед грубой силой. За полгода, проведенные в лагере, Мацускэ пришел в себя, он словно очнулся от кошмарного сна и теперь, обратившись к мемуарам, вспоминал, анализировал и судил самого себя.

4.

Жена Мацускэ, Наоко, решила, что это, наверное, война сделала ее мужа импотентом — он проявлял полное безразличие к супружеской жизни. Впрочем, интересовало ли его вообще что-либо? Продуктов, полученных по талонам, не хватало, дети голодали, во время дождя палатку заливало водой, но он оставался совершенно безучастным. И разве тронула его смерть отца, скрывавшегося с Наоко и детьми в горах и погибшего там, или судьба старшего сына, эвакуированного в Миядзаки?

У Мацускэ на все был один ответ: «Кунио уехал с группой, и потому беспокоиться нечего. Наладится транспорт — и он вернется». Ему не было дела до переживаний Наоко, которая из-за тревоги о сыне ни днем ни ночью не знала покоя. И ее страшил вид Мацускэ, когда он, насупив брови, словно одержимый все дни проводил за своим столом.

Однажды перед их палаткой появились два американца. Наоко в это время мастерила одежду для детей из полученного от американцев обмундирования. Она вскочила и хотела бежать, но было поздно.

— Здесь живет Мацускэ Тайра? — спросили у входа на японском языке.

— Да-а...— нерешительно ответил Мацускэ.

Он не встал, а только выпрямился.

В палатку заглянул нисэй * с сержантской нашивкой на рукаве.

— Вы преподавали в женском училище?

Нисэй обернулся к стоявшему сзади офицеру и что-то сказал ему. Затем, снова обратившись к Мацускэ, сообщил, что с сегодняшнего дня открывается школа для детей района С. Руководство этой школой возлагается на Мацускэ.

Под районом С., видимо, подразумевался район бывшей начальной школы. В этом районе ныне располагались американцы.

«Но ведь школы-то нет, как же можно начать занятия»,— удивился про себя Мацускэ и с недоумением посмотрел на американцев. Нисэй предложил:

— Едемте с нами!

Мацускэ взглянул на Наоко, которая в испуге прижимала к себе детей. Он и сам как следует не понимал происходившего, но особой тревоги не испытывал. Все приготовления его ограничились тем, что он подвернул слишком длинные полы «негритянской одежды» и вышел вслед за американцами.

За воротами их поджидал «джип». Сидя в машине, капитан и нисэй продолжали о чем-то оживленно разговаривать, не обращая внимания на Мацускэ. А мысли его тем временем невольно перенеслись к тому дню, когда он был взят в плен. Тогда не было никаких «джипов», его вели пешком, подталкивая ружьем. Мацускэ тогда казалось, что он перестал действовать как сознательное существо, отныне он будет зависеть целиком от воли случая.

Сейчас в его душе не было и тени тогдашней тревоги, он всецело доверял американской армии, и его спутники вели себя по-джентльменски. Капитан, полноватый, слишком малорослый для американца и не особенно отличавшийся по виду от нисэя, вел себя спокойно, в нем не было того высокомерия, каким отличались японские офицеры.

«Джип», промчавшись по новой дороге, проложенной бульдозером, остановился около развалин храма, посвященного местному божеству Асяги.

Ежегодно в августе на площади перед храмом происходили обрядовые пляски в честь божества, которому подносили дары нового урожая. На этой площади, окруженной соснами и баньяновыми деревьями, не пропускавшими лучей солнца, собралось около сотни детей.

Среди них были и совсем маленькие, лет пяти-шести, и старшие, лет пятнадцати. Они не резвились, как положено детям, а стояли уныло, сбившись в группы.

Одеты были ребята кто в перешитую американскую форму, кто в обноски. Руки и ноги у них были такие тонкие, сухонькие и черные, что напоминали щупальца крабов. Вытаращив глаза, они испуганно озирались по сторонам.

Мацускэ заметил на площади двух бывших учителей начальной школы. Они расхаживали и приветливо разговаривали с ребятами. Мацускэ узнал, что занятия должны быть начаты здесь, на этой площади, под открытым небом. Ему предложили немедленно приняться за работу.

Новый староста деревни, назначенный американцами, произнес приветственную речь по случаю открытия школы. На виске у этого человека, в прошлом начальника почтового отделения, виднелся шрам. То был след удара японской саблей; скрывавшиеся в горах японские солдаты наказали его за то, что он слишком поторопился с прислуживанием американцам. Староста заявил, что благодаря доброй воле американской армии

---

* Американец японского происхождения.

школа, бездействовавшая более полугода, вновь начинает работать. В деревне было три школы, добавил он, но все они совсем разрушены, и участки заняты американскими войсками. Все население сейчас ютится в палатках и камышовых хижинах; до сих пор еще не удалось построить помещения для поселковой управы, поэтому на восстановление школ пока что рассчитывать не приходится.

Капитан, доставивший сюда Мацускэ, тоже произнес несколько слов перед ребятами.

— Вы, наверно, все рады началу занятий, и с сегодняшнего дня никто из вас не должен пропускать уроков. Тех же, кто совсем не будет ходить в школу, мы посадим за решетку.

Он показал на американскую казарму, около которой находилась обнесенная металлической решеткой площадка. Туда обычно помещали похитителей американского военного имущества.

Мацускэ было вменено в обязанность ежедневно с восьми до четырех часов заниматься с детьми на площади перед храмом и не разрешать им слоняться около казарм. Американцы выдали ребятам спортивный инвентарь для игры в футбол и бейсбол. Кроме того, было обещано ежедневно присылать школьникам жевательную резинку.

Церемония открытия школы закончилась, капитан со старостой отбыли, и Мацускэ почувствовал всю трудность порученного ему дела.

Какая сила в состоянии подчинить себе этих снующих, как мышата, детишек, которых было около сотни! За время войны они успели превратиться в маленьких бродяг. Постоянный голод лишил их детской жизнерадостности и превратил в упрямцев с изувеченной психикой. Никто из ребят не интересовался чуждыми им спортивными играми, зато стоило на дороге, пролегавшей в пятистах метрах от площади, показаться машине с отбросами из американских кухонь, и все они сразу же мчались в ту сторону.

Как удержать этих детей в течение целого дня на одном месте? Учителей всего трое.

Правда, на следующий день должны прийти еще два учителя, но школьников в этом районе наберется не менее семисот. Мацускэ и учителя не могли рассчитывать на какое-либо вознаграждение, так как фактически денег не существовало. В лучшем случае им выдадут что-нибудь дополнительно по талонам. Хотя и в этом смысле никто ничего им не обещал. Иначе говоря, их просто мобилизовали на принудительные работы, на которые трудно найти охотников. Мацускэ был в затруднении, он испытывал жалость к самому себе, но приказ нужно выполнять.

ГЛАВА II.

1.

Наступил 1946 год. Американские воинские части, сосредоточенные для отправки в собственно Японию, вскоре после окончания войны начали постепенно покидать Окинаву.

После ухода американцев Эйтоку Унтэн почувствовал себя, как рыба в пересохшем водоеме. Собственной земли у него не было, заниматься же земледелием, цепляясь за жалкий участок, взятый в аренду, не имело никакого смысла. Правда, торговля бататом процветала, от покупателей не было отбоя, но доходы от этого не шли ни в какое сравнение с прежними. Да и трудно было надеяться, что столь благоприятная конъюнктура будет продолжительной, ведь крестьяне наживались только потому, что в городах люди голодали. К тому же многие утверждали, что остров Окинава станет американским, как Гавайские острова. Стоило ли надеяться на

то, что крестьяне, обрабатывающие эту каменистую, тощую почву, и впредь будут благоденствовать так же, как сейчас? Поэтому Эйтоку твердо решил сделать ставку на американцев и, забрав свою семью, переехал в город Исикава.

Исикава считалась городом, но, по правде говоря, не была им, так как представляла собой всего лишь один из пунктов, где поселились жители Окинавы, интернированные американцами. Таких поселений на острове было одиннадцать, и Исикава относилась к наиболее процветающим. Здесь располагалась американская военная администрация, сюда собралась и вся знать Окинавы. До войны Исикава была небольшой деревней, всего в каких-нибудь триста дворов, теперь же она стала городом с населением более чем в тридцать тысяч человек. Тут поместили беженцев главным образом из южных районов, а так как к югу от Исикавы повсюду стояли американские гарнизоны, то беженцы все еще не могли вернуться в свои деревни.

Эйтоку и его семья снова начали жить в палатке. Все те, кто не смог поместиться хотя бы в уцелевших от войны хлевах, принадлежащих местным жителям, построили тысячи лачуг на песчаном берегу, неподалеку от причалов небольшого порта, где стояли на якоре американские военные и грузовые корабли. Сооружения эти располагались в строго шахматном порядке, каждое такое жилище строилось по одному и тому же стандарту, вплоть до уборных, сооруженных из больших бензиновых баков. В таком окружении не легко было найти собственное жилье.

По рекомендации одного из знакомых, к помощи которого Эйтоку прибегал и раньше, он поступил на работу в американскую строительную часть. Сделать это побудило Эйтоку то обстоятельство, что в обращение была введена новая иена, заработная плата стала выплачиваться деньгами и получаемые в порядке распределения товары подлежали оплате. Прежде жители города Исикава, работавшие на американскую армию, получали бесплатное снабжение, теперь же они должны были жить на выплачиваемое им американцами жалованье.

Обязанности Эйтоку состояли в том, чтобы выполнять роль не то землекопа, не то плотника — строить бараки или ломать их, выравнивать площадки и тому подобное. Эйтоку, конечно, не собирался честно работать. Платили ему по 60 сен в час, и денег, заработанных за месяц, не хватило бы и на пачку папирос. Поэтому Эйтоку, как и каждый работавший там, думал только о том, как бы на чем-нибудь заработать путем махинаций.

Строительная часть, где он работал, имела в изобилии всякого рода материалы: цинк, лес, краски, гвозди и многое другое. Американские солдаты нисколько не заботились о сохранности всего этого добра; оно расходовалось весьма безалаберно, вернее просто бросалось на ветер. Работали американцы совсем нелепо, насмехаясь над здравым смыслом японцев. Так например, в тех случаях, когда можно было сэкономить на досках, если укладывать их вдоль, они заставляли укладывать их поперек, а затем обрезать и выбрасывать отрезанные концы. Если же рабочие не выполняли их указаний, они заставляли ломать построенное и переделывать все заново.

Людям, привыкшим честно относиться к своему труду, все происходящее было не по душе, а Эйтоку это только радовало. Его не волновало, что работа не ладилась и шла кое-как, наоборот, тут-то и представлялся для него случай купить за бесценок материал или просто украсть его.

Однако трудность заключалась в перевозке украденного. Большую ценность представляли лес и цинк — спрос на них был особенно велик, а вывозить их можно было только очень небольшими партиями, да и то якобы для постройки собственного жилья.

Однажды Эйтоку сказал своей жене Наби:

— Чем посылать нашего лоботряса Эйити мыть посуду, лучше устроить его, пока не поздно, куда-нибудь в гараж. Надеяться на хороший заработок нельзя, если не можешь быть хотя бы шофером грузовика. Сейчас процветают те, кто гоняет американские грузовики, — объяснял Эйтоку.— Им ничего не стоит прихватить по пути кое-что из американских материалов, можно подработать и на порожняке. К тому же у них в руках бензин, запасные части. Станет Эйити шофером, сможет собрать грузовик и лично для себя.

Брошенные без призора там и сям «джипы» и грузовики не были редкостью в те времена. Многие жители растаскивали части и, собрав из них машину, свободно пользовались ею без всякой регистрации.

— Тогда и я мог бы поставить торговлю на широкую ногу,— продолжал Эйтоку.

Наби уныло слушала мужа, сортируя попорченные продукты, принесенные Эйити из военной столовой. Она обрезала края хлебных буханок, очищала мороженое мясо, придавая всему этому «приличный вид», чтобы завтра можно было пустить их в продажу. Сына дома не было.

— Конечно, неплохо бы Эйити завести себе грузовик,— промолвила Наби, продолжая заниматься своим делом.— Но на это потребуется чуть ли не полгода, а мы и без того еще не успели жизнь наладить, пусть он пока поработает в офицерской столовой.

Продавая продукты, приносимые Эйити, она выручала гораздо больше, чем тот получал за свою работу в столовой.

— А лучше всего, знаешь...— вдруг с таинственным видом прошептала Наби, повернувшись к Эйтоку.— Попробуем заняться вот каким делом: я знаю женщин, которые хотят познакомиться с солдатами. Ты бери на себя солдат, а я буду подыскивать женщин. Можно будет хорошо подработать, вот увидишь!

Наби, по-видимому, была захвачена этой мыслью. Нос у Наби совсем плоский, и сейчас казалось, что у нее на лице просто две дырки и от возбуждения они широко раздулись.

Эйтоку ответил, что если найдутся такие женщины, то и он готов поговорить с солдатами. Эта мысль как-то не приходила ему в голову. А между тем, солдаты не раз обращались к нему с просьбой свести их с женщинами. Некоторые из его приятелей занимались такими делами. Однако всерьез Эйтоку об этом почему-то не думал. Наверно, потому, что здесь он живет недавно и совершенно не знает таких женщин. Когда он жил у себя в деревне, женщины боялись американских солдат, как чертей. Поэтому он был поражен, увидев, как в Исикаве молодые женщины совершенно свободно разгуливают под ручку с солдатами. Многие из них носили военную форму и обувь военного образца, на улицах они липли к солдатам, как цикады к деревьям. Некоторые одевались в красные юбки и туфли на высоком каблуке и бродили с вызывающим видом. В то время была в моде «песенка-считалка»:

И четыре —
В Исикаве ночью любят...
Всюду слышно:
«Ай рав ю,
Ю рав ми,
Гив ми сигарэтто!»*

Перед провинциалом Эйтоку открывался какой-то совершенно новый, неведомый мир.

* Искаженный английский язык: «Я люблю тебя, ты любишь меня, дай мне сигаретку».

На следующий день после разговора с Наби он остановил одного из американских солдат и попытался вступить с ним в переговоры на языке жестов. Солдат, услышав слово «гаару»*, сразу понял, в чем дело. Эйтоку, показав пальцем на бочку с гвоздями, дал понять, что, если эту бочку вывезут на машине, он раздобудет «гаару». В ответ послышалось энергичное «о'кэй!», и в знак согласия солдат указательным пальцем коснулся подбородка Эйтоку.

Так Эйтоку начал новое «дело». О местах встреч ему не приходилось беспокоиться: солдаты уводили женщин на берег моря и на холмы за городом. Теперь Эйтоку получил возможность вывозить и цинк, и лес, и табак, и мешки с канадским рисом.

А Наби, разнося по городу свой товар, попутно подыскивала новых женщин. Газеты писали, что в то время женщин на Окинаве было в три раза больше, чем мужчин, а в возрасте от двадцати до сорока лет даже в шесть с лишним раз больше.

Среди них было много вдов с детьми на руках. А девушки часто служили опорой всей семьи, на них лежали заботы и о стариках, и о малолетних братьях и сестрах. У них не было ни крова, ни земли и никакой надежды на освобождение из лагеря. Но они изо всех сил цеплялись за жизнь, проклиная судьбу и напевая печальную песенку:

Ой, горе Окинаве!
Всю разбомбили.
Все обездолены,
Изошли слезами.

У них не было ни клочка земли, где они могли бы посадить батат, и они ничего не умели делать. Оставалось только одно: устроиться прачкой или уборщицей в американских частях, но не всякая могла заняться этим. Работать у американцев — это означало попасть прямо в стаю волков. Одни женщины убегали с работы, другие вынуждены были идти на позор и унижение. Иного способа хоть как-то прожить не существовало. Когда нечего есть, не думаешь о бесчестье, потому многие женщины примирялись со своей участью и поджидали Наби. Она говорила им: «Коробка сигарет и одно сё** рису, идет?» У женщин загорались глаза, и, потупившись, они молча кивали головой.

2.

Мацускэ Тайра согласился работать в отделе просвещения гражданской администрации Окинавы. Долго его уговаривал Эйкэн Асато и добился своего.

Получив первое письмо от Эйкэна Асато, Мацускэ растерялся. Письмо было написано на американской почтовой бумаге и вложено в американский конверт. Сообщая, что управление гражданской администрации Окинавы приступило к работе и решило возобновить занятия в школах, пришедших в полный упадок, Эйкэн выражал надежду на сотрудничество Мацускэ. В свое время Эйкэн Асато был директором средней школы, где преподавал Мацускэ, а теперь заведовал отделом образования при гражданской администрации. Он настоятельно приглашал Мацускэ на работу в своем отделе.

Однако душа Мацускэ не лежала к этому. Лишь только американцы эвакуировались из их деревни, он, воспользовавшись этим, бросил школу на площади и, засев в палатке, погрузился в свои мемуары. Ему не хотелось снова приниматься за работу учителя, как, впрочем, и за любую

* Искаженное английское слово girl, девушка.
** Около двух килограммов.

другую работу, связанную с воспитанием молодежи и направлением ее развития. Понятно, что нужно восстанавливать школьные здания, оборудование и прочее, но чему учить молодежь и детей? Где найти те идеалы и цели, которые помогли бы молодежи вырваться из этих руин? Мацускэ не знал ответа на такие вопросы. Как учить других, если сам потерял свое место в жизни? И Мацускэ решил отказаться. Правда, Наоко настаивала, чтобы он воспользовался предложением Эйкэна, она видела в этом возможность начать жизнь по-новому, но он не согласился с ней.

Однако Эйкэн Асато не удовлетворился ответом Мацускэ. За первым письмом последовали еще два. В одном из них Асато писал:«Я прекрасно понимаю ваши чувства. Я сам переживаю то же самое, что переживает, вероятно, и любой из жителей Окинавы. Тем не менее нельзя же из-за личных чувств махнуть рукой на все окружающее. Ведь кто-то должен действовать! Пусть пока у нас нет никаких перспектив, придется работать ощупью, но будем надеяться, что совместными усилиями мы определим, наконец, в каком направлении следует идти. Оставаться в бездействии — значит навсегда потерять надежду обрести цель жизни. Во всяком случае, для вас, как для педагога, совершенно недопустимо сидеть, запершись в деревенской глуши». Тон письма был твердый, решительный.

Мацускэ не знал, как поступить. Что мог он возразить своему старшему коллеге? Все рассуждения Асато были правильны. Но все равно душа у него не лежала к этой работе. А Наоко осыпала мужа упреками:

— Неужели вы хотите, чтобы дети все время голодали? О чем вы, в конце концов, думаете? Как будто только вы один — жертва войны!

Наоко так наседала на мужа, что он в конце концов решил принять предложение Асато.

Управление гражданской администрации Окинавы появилось в апреле 1946 года, но по существу это был тот же Окинавский консультативный комитет, изменилось лишь название. 15 августа 1945 года, в день опубликования манифеста об окончании войны, американцы собрали в Исикаве из различных лагерей несколько десятков видных окинавских деятелей и предложили им избрать пятнадцать членов консультативного комитета. Этот комитет должен был помогать американской военной администрации. В апреле 1946 года председатель консультативного комитета Асамицу Ива был избран губернатором. Американские военные власти утвердили его в должности губернатора, а заведующих отделами консультативного комитета — в должности руководителей отделов управления гражданской администрации. Одновременно с этим возобновило свою деятельность и существовавшее до войны префектурное собрание Окинавы. Оно превратилось в совещательный орган при губернаторе под названием «Окинавский совет гражданской администрации».

Управление гражданской администрации находилось в деревне Хигаси Онна, километрах в двух от города Исикава. На небольшом холме, чуть в сторону от морского побережья, стояло несколько жилых домов зеленого цвета, в них и разместились отделы управления. Заведующие отделами и их семьи жили в тех же домах.

Когда Мацускэ пришел к Асато, тот встретил его радостным возгласом и чуть не заключил в объятия.

— Вот хорошо, что мы оба уцелели! От вас так долго не было никаких вестей.

Оказывается, Асато разыскивал Мацускэ с тех пор, как был организован консультативный комитет.

За два года до начала войны Асато оставил место директора школы и уединился в родной деревне. Он не успел заблаговременно эвакуироваться и скрывался от высадившихся американцев в лесах и оврагах. Его сначала задержали, а потом освободили и избрали в члены консультатив-

ного комитета. Вначале Асато совсем не был уверен в необходимости этого комитета и согласился на избрание, так сказать, поневоле.

Мацускэ сидел в освещенной электрическим светом комнате с аккуратно заправленной американской офицерской койкой, пил кофе с пирожными, подробно расспрашивал Асато о работе.

— О какой работе можно говорить, когда у нас совсем нет средств. Наше дело только играть роль посредников между армией и населением,— уныло ответил Асато.

По его словам, школьные здания были почти все разрушены, но разве можно надеяться на их восстановление, если людям жить негде?

Американские военные власти получили от своего правительства директиву, запрещающую расходовать материалы даже на восстановление жилых домов на Окинаве; так что о школьных зданиях не могло быть и речи.

Некоторым школам кое-что перепало из имущества, оказавшегося ненужным американской армии, но во всех остальных занятия проходят под открытым небом. С апреля решено ввести обязательное восьмилетнее обучение. Единственно, что сейчас может сделать отдел образования, это назначить преподавателей. Больше трети преподавателей погибли на войне, старшеклассники мужских и женских педагогических училищ почти все были уничтожены, поэтому сейчас учителей не хватает. На работу людей берут без экзаменов, часть учителей даже не окончила средних учебных заведений, часть — еще сейчас учится. Численно преподавательский состав мало-помалу растет, но уровень их знаний очень низок. Каждый педагог думает только о том, чтобы не умереть с голоду, но как и чему обучать детей, никто не имеет ни малейшего представления. Американские военные власти назначили комиссию для составления новых учебников. Однако нет ни справочников, ни пособий, и вся работа стоит на месте. Впрочем, даже если бы учебники были написаны, то все равно нет ни бумаги, ни типографий.

Говоря обо всем этом, Эйкэн Асато то и дело вздыхал, на глаза у него набегали слезы. В свое время он окончил педагогический институт в Хиросиме и, решив, что спасти Окинаву, самую обездоленную из всех префектур Японии, можно лишь путем широкого распространения просвещения, самоотверженно посвятил свою жизнь педагогической деятельности на острове. Ему, шестидесятилетнему человеку, нелегко было видеть, что дело, которому он столько отдал, пришло в полный упадок.

— Но я не теряю надежды,— сказал он с ударением, как будто сам старался убедить себя в этом.— К счастью, американская политика в области просвещения весьма последовательна и вполне удовлетворяет нас. Теперь у нас нет необходимости подходить ко всему с точки зрения государства в целом. В центре внимания теперь наша родная земля. Поэтому мне кажется, что сейчас нам есть ради чего потрудиться.

Мацускэ молча кивал головой. Он думал, что все сказанное имеет особенно важное значение для них, жителей Окинавы. Предубеждение, с которым они сталкивались как окинавцы, их собственная бедность усугубляли тяжесть жертв, поневоле приносимых ими на алтарь государства. Поэтому-то освобождение от общегосударственного гнета и возможность действовать в своих интересах, подумал он, знаменуют для жителей острова новую эру.

— Вот, к примеру, господин Ива и другие считают, что для Окинавы настали теперь лучшие времена,— продолжал Асато.— Если бы нам поставить образование так, чтобы молодежь училась на примере Сайона *

* Сайон (1680—1761) — крупный государственный деятель на островах Рюкю, дипломат.

и чтобы у нас могли появиться люди с такими же способностями в области политики, то мы обеспечили бы наступление «третьего золотого века». А для этого, по мнению господина Ива, необходимо прежде всего, чтобы молодежь знала историю Окинавы, нужно прививать любовь к родной земле и уверенность в себе...

По-видимому, Асато разделял мнение губернатора. Асамицу Ива, так же как и он, долго был директором средней школы, а потом основал собственное частное училище и пользовался известностью в качестве одного из старейших деятелей Окинавы в области просвещения. И Мацускэ было понятно, почему Ива призывает учиться у Сайона.

Сайон, потомок натурализовавшегося китайца, возродил к жизни острова Рюкю, пришедшие в упадок и запустение под гнетом княжества Сацума. О нем говорили, что он создал «второй золотой век» в истории Рюкю. «Первым золотым веком» называли период до подчинения островов Рюкю княжеству Сацума, когда эти острова составляли самостоятельное государство, торговавшее не только с Японией, Китаем и Кореей, но и с такими отдаленными странами, как Сиам, Малакка, Суматра и Ява. Самобытная выдающаяся культура Рюкю сложилась почти целиком в те времена. Княжество Сацума запретило островитянам торговлю с иностранными государствами, служившую источником процветания Рюкю, и перехватывало всю прибыль от контрабандной торговли с Китаем. Рюкюское государство оказалось в трагическом положении. Отчаявшиеся представители военного сословия предавались пьянству и разврату, а крестьяне оказались под двойным гнетом — сацумских и своих самураев. Наступила эпоха полного упадка. Сайон оказался тем человеком, кто в роковой час указал островам Рюкю путь к жизни и спас страну от окончательной гибели.

В то время многие из островитян уезжали учиться в Японию и Китай и, начинившись книжной премудростью, возвращались на родину. Но Сайон, поехав в Китай, поставил перед собой конкретную цель: научиться правильно управлять островами Рюкю, и вернулся на родину, обогащенный обширными знаниями, особенно в области практических наук. Он сделал многое для родины и в области сельского хозяйства, и в области лесоводства, и в деле строительства, и в развитии торговли и промышленности.

Ива, однако, превозносил Сайона, так как считал, что окинавцы смогут сами управлять островом, как при Сайоне.

И Мацускэ подумал, что теперь, став губернатором Окинавы, Асамицу Ива, конечно, видит будущее островов Рюкю в радужном свете. Если они и окажутся в той или иной форме под контролем американцев — все равно система управления станет более демократичной, чем в период господства Японии. А в области экономики они смогут рассчитывать на такую помощь, которая будет неизмеримо больше той, какую оказывала Япония. И «третий золотой век» — отнюдь не пустая мечта. Именно так рассуждал Асамицу Ива, именно так думали и Асато и Мацускэ.

Но Мацускэ все же не питал столь радужных надежд на будущее, хотя и полагал, что свобода и демократия американского образца, возможно, обеспечат расцвет Окинавы. Мацускэ не мог подавить в себе какого-то странного чувства тревоги и внутреннего протеста: ведь все это будет достигнуто за счет отторжения Окинавы от Японии и подчинения чужому государству.

Разве можно в таких условиях спокойно жить и осуществлять жизненные идеалы? Нет, думал он, это будет предательством по отношению к ученикам и товарищам, погибшим в войне с Америкой. Страшно даже представить себе, что когда-нибудь младшие сестры учениц, погибших в этой войне, станут думать и говорить на английском языке, а муки и

смерть их старших сестер сотрутся из их памяти или будут просто вызывать смех.

Мацускэ получил квартиру в Исикаве и смог вызвать к себе жену, которой тоже обещали работу в управлении гражданской администрации. Наоко радовалась; наконец-то они перебрались из палатки в дом, в настоящий дом с полом и крышей, крытой тростником. Между тем, это была просто хижина на участке в четыре цубо*, окруженная тростником и не имевшая даже ставней от дождя. И все-таки их жилье было куда лучше, чем у многих других. Ведь другие жили в еще худших лачугах.

С продовольствием дело обстояло здесь значительно лучше, чем в деревне. Многие работали в военных частях и учреждениях, и потому на рынках в изобилии появлялись консервы и прочие продукты, выдаваемые им на службе. Жалованье Мацускэ составляло 300 иен в месяц. Рис, получаемый по карточкам, стоил 96 сен килограмм, поэтому у него оставались еще деньги для покупки консервов на черном рынке.

Управление гражданской администрации находилось в четырех километрах от их дома; Мацускэ иногда ходил на службу пешком, но в большинстве случаев ездил на попутном грузовике вместе с рабочими, которых отвозили на военные стройки. Вначале он руководил отделом школьной инспекции, затем ему поручили возглавить курсы ускоренной подготовки учителей.

Курсы находились в соседней деревне, недалеко от управления гражданской администрации. Они ютились в полуразрушенном доме, ранее служившем казармой. Учебников и пособий совсем не было, и преподаватели просто рассказывали все, что им приходило на память, о какой-либо программе не могло быть и речи. Преподавателям запрещалось касаться не только предметов, связанных с милитаризмом или национализмом, но вообще всего, что хотя бы в какой-то степени имело отношение к Японии. Естественно, что основными предметами стали английский язык и практические дисциплины. Обучались на курсах почти исключительно бывшие ученики мужских и женских средних учебных заведений, но так как срок обучения ограничивался только двумя месяцами, слушатели за это время не могли приобрести каких-либо знаний. Их интересовали не практические знания, преподносимые в кущем виде, а судьба Окинавы, их собственное будущее. Чтобы помочь им разобраться во всех этих вопросах и дать пищу для размышлений и выводов, Мацускэ стал приглашать для чтения лекций различных видных деятелей.

Мацускэ знал, что в моменты больших исторических поворотов всегда появляется много разных рецептов переустройства общественной жизни, но его поражал слишком самоуверенный тон лекторов. Одни говорили, что поражение в войне — это родовые муки, которые надо было вынести, чтобы освободиться от печального прошлого. Другие утверждали: пришло время отказаться от узких понятий национализма и государственности и проникнуться духом космополитизма. Утверждали также, что следует проникнуться духом всемирной справедливости, гуманизма и христианской любви, а не жаловаться без конца на «роковую судьбу острова», как это делали при каждой смене его властителей. Учащиеся не спускали глаз с ораторов и усердно записывали в тетради каждое из этих утверждений. Ведь большинство читали только местные газетки, на острове больше нечего было читать, и теперь они с восторгом впитывали каждое новое слово.

Однажды в школу пришел офицер из управления военной администрации и предложил сократить такого рода «отвлеченные проповеди», уве-

* Цубо — немногим больше 3 кв. метров.

личив за их счет количество уроков английского языка. Он сказал, что демократизм может быть понят не в результате такой пустой болтовни, а путем практического выполнения порученной работы.

— Учителю гораздо важнее хорошо изучить предмет, который он будет преподавать, а не какие-то там проблемы воспитания,—объявил офицер.— Ведь слушатели почти не знают английского языка. С такими знаниями они, конечно, не смогут обучать других.

Мацускэ не решился встать на защиту так называемых «отвлеченных проповедей». Майор Гарман, ведавший вопросами образования, был твердо убежден, что практические дела важнее идей, и потому спорить с ним было бесполезно. Он постоянно говорил, что ставить на первое место идеи, а не дела — это дурная привычка восточных народов. Под делом он понимал не что-либо абстрактное, а те конкретные обязанности, какие человек выполняет изо дня в день. И если подходить к своим обязанностям, заранее исходя из каких-то идей, то это будет только мешать эффективному выполнению работы, утверждал он. Идеи должны создаваться человеком в ходе работы. На вопрос, как следует отныне строить жизнь на Окинаве, ответ будет один: пусть каждый честно выполняет свою работу.

Такова была точка зрения майора Гармана, которую он излагал весьма последовательно. Возражать ему было бесполезно.

По словам Эйкэна Асато, кое-кто из членов консультативного комитета предлагал сделать английский язык основным языком окинавцев. Против этого выступили Асато, Асамицу Ива и другие — бывшие преподаватели английского языка. В конце концов сошлись на том, чтобы английскому языку отвести на курсах дополнительные часы.

По мнению Мацускэ, будущие преподаватели действительно слабо знали английский язык, но с другими, более важными предметами дело обстояло еще хуже. Во время войны учащихся гоняли то на военную подготовку, то на строительство аэродромов — учиться им было некогда. И особенно плохо они знали родной язык, японский, который составляет основу изучения всех остальных предметов. Не разумнее ли будет усилить преподавание родного языка за счет сокращения английского?

Мацускэ чувствовал, что слова «родной язык» вызывают отрицательную реакцию у американцев. С майором Гарманом, который до войны был преподавателем английского языка в одном из японских институтов, Мацускэ держался запросто, не так, как с другими американскими офицерами. Поэтому он не постеснялся употребить выражение «родной язык».

— А что вы называете родным языком? Японский? — намеренно подчеркнуто переспросил его переводчик, младший лейтенант Катаяма, и посоветовал выражаться точнее, так как на Окинаве под родным языком следует понимать рюкюский.

Катаяма родился в Америке, его родители были уроженцами префектуры Ямагути. Он был полным невеждой в вопросах, связанных с судьбой Окинавы, и старательно следовал всем указаниям американского командования.

Оккупировав остров Окинаву, американцы начали с того, что изменили все местные географические названия применительно к местному диалекту. Так например, Сюри они превратили в Сюи, а порт Макиминато — в Матинато. Вначале они собирались издать учебники на местном диалекте, но, встретив противодействие со стороны населения, отказались от своего намерения, хотя их установка на отторжение Окинавы от Японии оставалась неизменной.

Мацускэ не мог молчать, когда ему говорили, что его родной язык — это местный диалект, особенно если такое утверждение исходило от чело-

века, который был уроженцем Окинавы. И он открыто заявлял, что речь идет всего-навсего лишь о местном диалекте японского языка. Верно, что на Окинаве употребляются слова, сильно отличающиеся от слов обычного японского языка; однако по существу местный диалект находится в таком же соотношении с японским языком, как и прочие диалекты Японии. Как по своему словарному составу, так и по грамматическому строю он представляет собою не что иное, как сохранившийся почти в первоначальном виде древний японский язык.

— Ведь вы тоже, когда объясняетесь с нами, пользуетесь только японским языком, не так ли? Это и есть наш родной язык,— сказал Мацускэ младшему лейтенанту Катаяме.

Спор взволновал его, он говорил возбужденно. Заметив это, майор Гарман спросил Катаяму:

— О чем идет речь?

Майор Гарман, в отличие от других офицеров, не любил злоупотреблять властью. Он был образованным человеком, когда-то читал лекции на политические темы в одном из американских университетов и имел обыкновение терпеливо выслушивать собеседника. Поэтому, узнав от Катаямы о предмете спора, он кивнул головой и спокойно заговорил:

— Является ли местный язык японским диалектом или не является — это мне неизвестно, так как я не специалист в данной области. Но вы, по-видимому, считаете, что Окинава — это просто часть Японии. По моему мнению, вы не правы. Ведь генерал Макартур утверждает, что окинавцы не японцы, и я согласен с ним. Все дело в том, что вас так приучили думать. Я позволю себе не согласиться с утверждением, будто Окинава — часть Японии. Если бы острова Рюкю в далеком прошлом были действительно частью Японии, то почему при решении вопроса о принадлежности этих островов японское правительство спорило с Китаем? И почему пришлось этот спор решать с помощью оружия? А как относились к Японии сами окинавцы? Ведь ваши предки в течение долгого времени противились полному слиянию с Японией. Это объясняется только тем, что они не считали себя японцами. Не так ли? И именно по этой причине японское правительство относилось к префектуре Окинава иначе, чем к другим частям Японии. По моему мнению, между японским и местным языками тоже существуют специфические различия.

Следя за выражением лица майора Гармана и слушая перевод младшего лейтенанта Катаямы, Мацускэ испытывал неприятное чувство. Действительно, мнение майора Гармана подкреплялось фактами истории. Несомненно, жители островов Рюкю, в том числе и Окинавы, в течение длительного времени не имели определенного подданства, были какой-то неприкаянной народностью. И теперь, когда на этот факт указывал ему иностранец, Мацускэ почувствовал себя как бы пристыженным и униженным. Но постепенно эти чувства сменились гневом, и у него зародилась мысль: не потому ли американцы хотят выставить нас в виде какой-то неопределенной народности, чтобы таким образом обосновать свой захват Окинавы? Мацускэ казалось, что майор Гарман хочет сказать: «Все равно вы вроде парий, не имеющих хозяина, почему же нам не поступать с вами, как нам заблагорассудится?»

И Мацускэ сказал:

— Вы утверждаете, что наши предки противились слиянию с Японией, но это не соответствует действительности. Правда, господствовавший класс на Окинаве — самурайство — сопротивлялся этому. Но ведь местные самураи просто боялись, что из-за включения Рюкю в состав Японии, являющейся государством современного типа, они лишатся феодальных привилегий. Простые же люди никогда не противодействовали ассимиляции. Они, наоборот, одобряли ее, так как она освобождала их

от двойного феодального гнета. Сейчас никто из нас не сомневается в том, что мы — японцы, и наши соотечественники в Японии точно так же смотрят на нас.

Майор Гарман спокойно слушал Мацускэ. Это был мужчина с бледным лицом, в очках без оправы, всем своим видом напоминавший ученого.

— По-видимому, мы с вами по-разному смотрим на историю,— сказал он, улыбаясь.— Однако согласиться с вашей точкой зрения я не могу, хотя бы вот почему: после войны нам стало известно, что большинство руководящих лиц на Окинаве, в отличие от вас, не хочет присоединения к Японии. Не свидетельствует ли это о том, что ваша точка зрения тенденциозна и выражает мнение крайне незначительного меньшинства?

Мацускэ ничего не знал о мнениях в верхах, и слова майора о том, будто лица, занимающие руководящее положение на Окинаве, не хотят присоединения к Японии, ударили его по сердцу. Он догадывался, что такие настроения существуют, но не ожидал услышать о них от американца Гармана.

После того, как Япония потерпела поражение и мирное население оказалось на положении пленных, контрразведка провела обследование, чтобы выявить политическое настроение мэров городов, сельских старост и прочих так называемых руководящих лиц. Всех спрашивали: кого предпочитаете — Америку или Японию? Кое-кто со смехом рассказывал Мацускэ, что вопрос ставили именно так и когда получали ответ: «Да, Америка лучше»,— были очень довольны.

Майор Гарман несомненно имел в виду именно это обследование. Возможно, многие тогда действительно отвечали, что предпочитают Америку. Но Мацускэ не мог придавать этому опросу серьезного значения. Не трудно было представить, почему люди отвечали именно так. Ясно, ответ этот не был искренним. Правда, после войны жители Окинавы выражали сильное недовольство отношением Японии к ним. И объяснить это не трудно. Несмотря на самоотверженный труд окинавцев во время войны, несмотря на то, что они прилагали ничуть не меньше усилий, чем жители остальной Японии, усилия эти не только не оценили по достоинству, но даже самих окинавцев нередко называли шпионами.

Между тем, жители Окинавы вовсе не стремились отделиться от японского народа. И если они выражали негодование по адресу японской армии, то делали это точно так же, как и все остальные японцы. Под свежим впечатлением от всего пережитого окинавцы, возможно, и давали во время опроса ответы, о которых слышал Мацускэ. Может быть, окинавцы и возлагали тогда надежды на мощь и культуру Америки. Но еще больше на окинавцев повлиял страх перед победителями. Мацускэ и сам испытал его, попав в плен. Тогда никто не знал, что ждет его впереди — жизнь или смерть. И когда, приставив револьвер к груди, спрашивали: «А ну, говори, кто лучше — мы или Япония?» — трудно было отвечать искренно при столь своеобразном методе опроса.

Поняв из слов майора Гармана, что ответы окинавцев используются оккупантами в качестве веских аргументов в свою пользу, Мацускэ был просто потрясен. Конечно, теперь американцы и не вспоминали о том, что они проводили опрос под угрозой оружия. Несомненно, они хотели узнать мнение жителей и охотно поверили их ответам.

Только сейчас Мацускэ понял, какую роковую ошибку допустили окинавцы, отвечая таким образом на вопросы американцев. Боязнь оружия была результатом милитаристского воспитания. И в этом повинен также тот раболепный дух, который издавна проник в плоть и кровь жителей островов.

Есть пословица: «На солнце молятся, когда оно восходит, а не тогда,

когда оно заходит». Не проявилось ли в ответах окинавцев холопское стремление помолиться восходящему светилу — Америке и отвернуться от заходящего?

Майор Гарман медленно поднялся и, посмотрев с некоторым сожалением на погруженного в свои размышления Мацускэ, сказал:

— Во всяком случае, часы английского языка на курсах надо увеличить, таков приказ.

3.

Сэйтаро налил в стакан, сделанный из бутылки от кока-кола, сваренную им самим рисовую брагу «авимори» и медленно потягивал этот напиток. Он только что закончил сбор риса первого урожая и наполнил им три больших жестяных бидона. Сэйтаро был в отличном настроении: Сэйкити и Миё хорошо поработали.

— Выпей,— предложил он сыну, но тот отказался.

Сэйкити уже более полугода помогал отцу. Работать приходилось, как в первобытные времена, — не было ни удобрений, ни сельскохозяйственных орудий.

Последние два-три дня ушли на молотьбу, вернее, рис не обмолачивали, а обдирали, пропуская стебель за стеблем через расщепленную палочку бамбука. Занятый этим трудом, Сэйкити не переставая думал об одном и том же: что же будет дальше? Сейчас другой работы все равно нет, и приходится терпеть, но он вовсе не собирается всю жизнь заниматься крестьянским трудом. Однако как и где найти другую работу? Иногда приходила мысль: раз уж, по мнению многих, наступает век Америки, может быть лучше отправиться на военную стройку и там понастоящему познакомиться с американцами? Будущее представлялось Сэйкити весьма туманным.

Со стороны сельской управы раздался громкий звон: били палкой по пустой снарядной гильзе. Это созывали сельскую молодежь, готовились к представлению, сбор от которого должен был поступить в пользу местного храма. Из кухни появилась Миё. Сняв американскую спецовку, она надела кофточку из парашютного шелка и торопливо вышла на улицу.

Представление должно было начаться 15 августа, сразу после праздника поминовения усопших. Все это зрелище собирались пышно обставить, чтобы умилостивить разгневанных богов — покровителей деревни, совсем заброшенных во время войны. Прежде в качестве артистов и танцоров выступали только мужчины. Но теперь наступил век демократии, и к участию в спектаклях допустили и девушек. Скорее это объяснялось нехваткой мужчин. Миё была радостно возбуждена, но ее удивляло, что Сэйкити не проявлял никакого интереса к спектаклям и во время праздника поминовения усопших держался особняком от парней. Работает он не хуже других, а держится почему-то в стороне от молодежи поселка. Конечно, нынешняя жизнь его не радует — это понимала и Миё. Как-то Сэйкити рассказал ей о своем желании пойти на военную стройку, и она не возражала. Но сейчас Миё сердилась на брата: он не только не захотел пойти посмотреть, как она впервые будет выступать, но даже сказал, что со всеми этими гулянками вообще нечего торопиться. Он считал: прежде всего ему надо удрать на стройку и сделать это, как только окончатся сельскохозяйственные работы, иначе можно упустить удобный момент. Но ведь урожай почти совсем убран, и теперь Миё как-нибудь управится вдвоем с отцом. А Сэйкити успеет бежать и после представлений, не опоздает, думала Миё.

Миё знала, что брат не любил шумного веселья. Таким он был с самого детства. Даже во время «судэ» — празднеств, на которые собиралось все население и все, от старого до малого, плясали, идя гуськом друг за

другом,— он стоял в стороне. Когда дома решили отпраздновать день его поступления в среднюю школу, Сэйкити убежал и забился в заднюю комнату. Родственники вытащили его оттуда и привели к гостям, но он разревелся и опять убежал. А Миё всегда любила праздники и умела хорошо танцевать. На этот раз она должна была целых пять раз появиться на сцене и очень гордилась этим.

Нельзя сказать, чтобы Сэйкити не нравились эти черты в характере сестры, но ему решительно претило буйное веселье, охватившее поселок с наступлением праздника поминовения усопших и овладевшее всеми, включая и Миё.

Прошел ровно год с тех пор, как кончилась война. Люди мало-помалу оправились от бедствий и теперь, по-видимому, решили отпраздновать то, что они остались живы. Население стало жить немного лучше, появилась возможность повеселиться. Гуляла не только молодежь — по вечерам то в одном, то в другом доме начинались шумные песни и пляски «катясн». Поводом служило все: рождение ребенка, свадьба, письмо от сына, не присылавшего весточки со времени отправки на фронт в южные моря, покупка свиньи на острове Токуносима. Сейчас же собиралась вся родня, пили, пели и плясали под звуки дахисэна *.

Все это было своеобразной реакцией жителей острова на долгие военные годы, когда запрещалось петь и плясать. А ведь до войны, то есть еще не так давно, молодежь собиралась каждый вечер и с беззаботностью древних эллинов проводила ночи, танцуя и распевая:

Смотри! Млечный Путь
Уже склонился за остров!
Давай на сегодня простимся,
А завтра будем снова гулять.

Казалось, происходило это совсем недавно, но к тому времени, когда Сэйкити подрос, старинные традиции стали считаться почему-то не соответствующими духу времени; все сильнее звучали требования перекроить весь быт окинавца по образцу метрополии. Сэйкити и его сверстников учили презирать родные обычаи, представлявшие причудливую смесь китайского с японским. От них требовали подражания японскому образу жизни. Но при этом имелась в виду какая-то не настоящая, а придуманная Япония, в духе прописей из школьных учебников.

Сэйкити был одним из лучших учеников и честно выполнял все, чему его учили. Но он, тем не менее, не стал ни представителем этой «придуманной Японии», ни тем, кто соблюдал традиции своих предков.

Глубокое впечатление произвела на Сэйкити лекция, которую недавно читал во дворе сельского училища Масаюки Тогути. Ему показалось, что на него пахнуло свежим ветерком, живее заработала мысль.

Масаюки Тогути, житель соседней деревни, раньше был членом префектурного собрания, а ныне являлся членом гражданской администрации. Говорили, что он якобы примыкал к социалистам, и Сэйкити, узнав о приезде Тогути, пошел его послушать. Тогути подчеркивал, что поражение в войне явилось тем испытанием, через которое нужно пройти, чтобы Окинава могла возродиться к новой жизни. Особенно подробно он остановился на том, как японский империализм эксплуатировал Окинаву. Сэйкити впервые услышал такие слова, как эксплуатация и империализм, но смысл их он хорошо понял.

— Только теперь,— утверждал Тогути,— сбросив с себя иго Японии, так жестоко и бессердечно относившейся к нам еще со времен княжества Сацума, мы впервые обретем настоящую свободу. Америка сейчас окку-

* Трехструнный инструмент, обтянутый кожей змеи.

пирует наш остров. Никаких естественных богатств у нас нет, зато очень много людей. Правда, во время войны погибла четвертая часть населения. Но несмотря на то, что этот остров не сулит никаких выгод Америке, она, сознавая всю ответственность как страна-победительница, дает нам одежду, пищу, жилища, затрачивает огромные средства на восстановительные работы. От Окинавы американцы ждут только одного: здесь должно быть построено свободное демократическое общество, не зависимое от влияния японского империализма. Как понимать слова «свободное и демократическое»? Их следует понимать так: мы никому не будем подчинены и станем полноправными хозяевами своего острова. Такая свобода намного ценнее всего того, что мы потеряли в результате войны.

Затем Масаюки Тогути призвал молодежь не падать духом и смело двинуться вперед по пути восстановления родного края. Призыв Тогути глубоко проник в душу Сэйкити. Однако сам он вовсе не ощущал той свободы, какую, по словам Тогути, принесли американцы.

В общем, речь Тогути была понятна Сэйкити — ведь и сами американцы в газетах и по радио только и делали, что твердили о демократии. Возможно, разного рода ограничения, вплоть до запрещения свободного передвижения, объясняются условиями военной оккупации. С прекращением оккупации придет свобода. Ясно и то, что американцам нет никакой пользы от оккупации этого бедного острова. Они все время заявляют, что не имеют никаких территориальных претензий, а стремятся лишь к созданию на Окинаве свободного и демократического общества. Возможно, что американцы, как утверждает Тогути, помогут свободному развитию Окинавы и быстрому выходу ее на международную арену.

В общем, Сэйкити пришел к выводу, что ему надо как можно лучше изучить Америку.

Может быть, это и хорошо, если Окинава будет существовать самостоятельно под покровительством Америки. Но Сэйкити никак не мог представить себе, как он и другие окинавцы смогут жить, будучи оторванными от Японии. Какую профессию он сможет избрать? Какими идеалами руководствоваться в жизни? Во всяком случае, Сэйкити не собирался жить в деревне и стать крестьянином.

Что касается Сэйтаро, то он желал только одного: пусть Сэйкити потрудится с ним в деревне еще хоть некоторое время. Когда-то он мечтал о том, чтобы сын стал врачом или учителем, и с этой целью отдал его в среднюю школу. Но война разбила все мечты и надежды. И теперь Сэйтаро хотел, чтобы сын его хотя бы немного поработал вместе с ним. Для Сэйкити было ясно, что отец встретит в штыки его желание уйти на военную стройку и наверняка скажет: «Ты там научишься только одному — воровать!»

Старик взял дахисэн, лежавший на домашнем алтаре, и стал потихоньку наигрывать. Подвыпив, он имел привычку бренчать на инструменте. Этот дахисэн он сделал сам, и дека его была не из змеиной кожи, как обычно, а из обрывка парашютного шелка, натянутого на самодельный корпус.

Во время войны Сэйкити испытывал отвращение к этой музыке, а сейчас она доставляла ему даже удовольствие. Вслушиваясь в печальную мелодию, которую он во время войны называл антипатриотической, Сэйкити чувствовал, что музыка захватывает его, и он невольно начинал покачивать головой в такт песне.

Сэйтаро всегда начинал с песни, в которой говорилось:

На опушке рощи,
Там, где село Онна,
На столбе написано:

«Проходить нельзя»,
Неужели тем, кто любит,
Тоже путь закрыт?

Эту песню пели окинавские девушки двести лет назад, но и теперь ее всюду помнят в народе.

Сэйкити не умел исполнять эту протяжную тоскливую песню, в которой звучала многовековая безысходная скорбь народа. Но ее мелодия проникала в самое сердце Сэйкити.

Глава III.

1.

Незнакомый Сэйкити сержант вбежал в контору в сопровождении трех рабочих.

— Эй, Сакияма! — заорал он во все горло и, подскочив к столу заведующего сектором Сатоси Сакияма, начал о чем-то быстро говорить. Сакияма встал и закивал головой, повторяя: «Эсса, эсса»*. Сэйкити с завистью смотрел на Сакияму: неужели он понимает все то, что ему так быстро говорит сержант?

Американские солдаты, сидевшие за столами, поставленными в ряд под окнами, засмеялись. По-видимому, этот скучный сержант говорил о чем-то смешном. Прикрикнув на них: «А вы чего смеетесь!» — сержант быстро подошел к лейтенанту Оуэну и, полуприсев на его стол, снова затараторил.

Трое рабочих, стоявшие около Сэйкити и явно чем-то взволнованные, обратились к Сакияме:

— Неправда это, мы ничего не знаем!

Из дальнейшего разговора Сэйкити понял, что они работают в офицерской столовой мойщиками посуды. Сейчас сержант Томсон обвиняет их в краже ножа и вилки и требует немедленного увольнения. Томсон всегда пользовался серебряными вилкой и ножом, присланными ему женой. Он надоедал всем и каждому, приказывая, чтобы его прибор держали отдельно, в особом ящике. И теперь, когда прибор пропал, он обвинял в краже трех рабочих.

— Ладно, все понял,— нетерпеливо оборвал рабочих Сакияма.

Он как будто не прислушивался к их словам, а сосредоточил все свое внимание на лейтенанте Оуэне и сержанте Томсоне. Сакияма ведал наймом и увольнением рабочих, число которых доходило в этой части до пятисот человек. Сакияма носил не зеленый рабочий костюм, как Сэйкити, а американскую военную форму цвета хаки. Сэйкити приняли сюда на работу по протекции Эйтоку Унтэна, и он был чем-то вроде помощника Сакиямы. Все три мойщика посуды повернулись к Сэйкити и стали просить о заступничестве. Но Сэйкити не имел права вмешиваться в такие дела.

Томсон ушел, оставив рабочих в конторе, а Сакияма подошел к лейтенанту Оуэну и начал с ним советоваться.

Лейтенант был высокий молодой человек с красивой, как у киноактера, внешностью. Когда Сэйкити впервые пришел сюда, Оуэн сделал сердитое лицо и сказал, что голову не полагается стричь наголо, ибо в Америке стриженными ходят только арестанты. Но лейтенант был, по-видимому, добродушным человеком. Он вскоре похвалил Сэйкити за быстрые успехи в английском языке. Сэйкити старался изо всех сил, напоминая деревенского парня, приехавшего получить образование на заработанные собственным горбом деньги. За эту старатель-

* Искаженное английское слово yes, да.

ность Оуэн, видно, и проникся к нему симпатией. Как-то он с улыбкой спросил Сэйкити:

— Ю'хэппи?

Сэйкити не знал, как ответить на такой вопрос, потому что слово «хэппи» по-английски означало «счастливый». Он ни разу в своей жизни не задумывался над тем, счастлив он или нет. Тем более ему не приходило в голову, что счастьем может считаться вот такая работа, которой он занимался сейчас, после капитуляции, в войсковой части противника. Правда, он жив, и даже изучает английский язык: может быть, это и называется счастьем? Во всяком случае, слово «хэппи» поставило Сэйкити в тупик. Он испытывал такое же чувство смущения, какое появлялось у него, когда американские солдаты, показывая ему фотографии своих возлюбленных, целовали карточки и прижимали их к груди.

Наконец Сакияма договорился о чем-то с лейтенантом и, подозвав двух мойщиков к столу Оуэна, объявил им об увольнении. По-видимому, Оуэн посчитался с мнением Сакиямы и не решился уволить сразу всех троих, боясь, что будет трудно найти замену.

Сакияма отобрал у уволенных нагрудные значки и приказал Сэйкити отвести их к сельскому старосте Нобуёси Овану.

Воинская часть, где работал Сэйкити и в которую, кстати говоря, входил и строительный отряд, где подвизался Эйтоку Унтэн, занимала всю деревню. Поэтому, в виде исключения, крестьянам разрешено было остаться вместе с семьями в зоне расположения части, но при условии, что ее будет обслуживать не меньше чем один человек от каждого двора. Неподалеку от деревни находился аэродром Катэна, вокруг которого сосредоточилось большое количество американских войск. Американцы конфисковали почти четыре пятых всей земли, и теперь, когда большинство крестьян, интернированных из трех соседних сел, вернулись домой, они вынуждены были тесниться на оставшихся земельных участках. Говорили, что жителям деревни разрешено остаться в зоне расположения части только благодаря доброте ее командира.

Но те, кто увольнялся с работы, обязаны были вместе с семьями покинуть родную деревню.

Пришедшие со стороны, вроде Сэйкити,— а таких работало здесь около двухсот человек,— жили, наряду с другими, в длинном узком бараке. Они так же, как и жители деревни, получали продовольствие и прочие товары в порядке нормированного снабжения через сельского старосту. Сэйкити повел в деревню двух уволенных. На том месте, где раньше находился поселок и росли «деревья счастья и жизни», на полях и холмах были разбросаны строения войсковых частей, между ними, вздымая клубы пыли, проносились «джипы» и грузовики. Сэйкити шел, погруженный в мучительные размышления, он чувствовал себя тюремщиком, конвоирующим заключенных.

А уволенные теперь изливали свой гнев на Оминэ, которому удалось избежать увольнения потому, что он постоянно снабжал Сакияму то пивом, то сыром, то яйцами. Томсона и Сакияму они не задевали, может быть, стеснялись Сэйкити. В данную минуту в них сильнее говорила зависть к оставленному на работе Оминэ, чем гнев на несправедливое увольнение.

Сэйкити не впервые приходилось сопровождать уволенных к сельскому старосте. Всего несколько дней назад он привел сюда парня по имени Гусикава, работавшего в той же конторе. Сэйкити должен был объяснить старосте Овану причину увольнения. Такого рода обязанности Сэйкити выполнял с отвращением. Гусикаву уволили только за то, что он позволил себе самовольно выпить кофе, предназначенный для

американских солдат. Они пили кофе дважды в день — в десять и в три, японцам кофе не давали. Возмущенный этим, Гусикава однажды во время обеденного перерыва выпил кофе, угостив им и других японцев, в том числе и Сэйкити. Если бы Сакияма был на месте, этого бы не случилось, но он укатил куда-то на «джипе». Узнав о происшедшем от американских солдат, сержант, ведавший снабжением, спросил Сэйкити и других, куда девался кофе. Гусикаве показалось, что сержант не придает этому делу особого значения, и он признался. И тут же сержант объявил ему:

— Чтоб духу твоего здесь больше не было!

При поступлении на работу Сэйкити дал подписку в том, что не будет протестовать, если в любой момент наниматель по собственному усмотрению его уволит. Тогда он не придал этому значения, это казалось ему естественным. Но теперь, сталкиваясь ежедневно с увольнениями, он видел, что почти каждый день кого-либо выбрасывают на улицу по самым незначительным причинам, заменяя уволенных новыми людьми.

Не только американцам, но и сельскому старосте и Сакияме ничего не стоило избавиться от любого, кто им пришелся не по вкусу. И так как уволенным, особенно семейным, приходилось убираться куда глаза глядят, никто в деревне не мог спокойно работать. Но Сэйкити и другие жители деревни мирились со своей участью, считали, что такова участь побежденных...

Сэйкити удивляло это бездушное отношение к людям, тем более, что американцы, с которыми он работал в конторе, каждый в отдельности, не производили на него плохого впечатления. Конечно, они отличались друг от друга, но на работе были добродушными и простыми и вызывали у Сэйкити чувство симпатии. Держались они не как победители, не отгораживались от Сэйкити и прочих японцев. Американцы вели себя непринужденно, дружески хлопали по плечу, вступали в разговор и не задирали нос, как прежние японские офицеры и унтер-офицеры. Сэйкити чувствовал какое-то противоречие между тем впечатлением, какое производили на него отдельные американцы, и тем, как они относились к населению в целом.

Американцы пользовались особыми уборными, считали, что кофе могут пить только они. Невольно казалось, что это зависит даже не от отдельных людей, а от американской армии в целом. Армия-победительница отделяла себя от населения, все ее требования непреклонно выполнялись. В этой непреклонности было что-то бесчувственное и жестокое, с чем Сэйкити никак не мог примириться.

Однажды американский часовой застрелил человека, пытавшегося проникнуть в зону расположения части. Труп, покрытый куском брезента, валялся на том самом месте, где произошло убийство, до тех пор, пока не прибыл кто-то из доверенных лиц. За это время убитого сфотографировали и полиция расклеила по деревням снимки и объявления о том, что родственники должны в срочном порядке явиться за получением трупа.

Сэйкити допускал, что часовому, возможно, ничего не оставалось, как застрелить нарушителя. Ведь население заранее предупредили, повсюду висели соответствующие объявления, а время было еще неспокойное — война только что закончилась. Грань между миром и войной едва намечалась, человеческая жизнь еще слишком мало ценилась, и Сэйкити не считал подобное убийство чем-то из ряда вон выходящим.

Но он видел, как фотографировали труп, как расклеивали снимки, и ощутил во всем этом такое бездушие, что его бросило в дрожь. И вспоминая американцев, с которыми ему приходилось сталкиваться

по работе, он снова отказывался понимать, откуда у них берется такая холодная жестокость.

Сэйкити передал уволенных старосте Нобуёси Овану. Выслушав объяснения Сэйкити, Ован закричал, что они опозорили деревню, и избил рабочих. Затем стал допытываться, как они украли и куда спрятали украденное. Оба повторяли одно и то же: ничего они не крали, а только заметили во время обеда, что ножа и вилки на обычном месте нет.

— Вы хотите сказать, что у вилки ноги выросли, так что ли? Издеваться вздумали? — орал Ован, избивая допрашиваемых. По силе и меткости кулачного удара Ован весьма напоминал японского унтер-офицера, расправляющегося с солдатами. Оба рабочих были мгновенно сбиты с ног.

Сэйкити устроился у американцев через Эйтоку, получив рекомендацию Ована. Но сейчас он не испытывал к этому человеку ничего, кроме жгучего чувства ненависти, как если бы Ован ударил его самого.

Сэйкити слышал, что Ован раньше был прапорщиком. Попав в плен, он переоделся в костюм из манильского холста, выдал себя за мирного жителя и таким образом избежал заключения в лагерь для военнопленных. Неизвестно, знали ли американцы о его прошлом или нет, но они наделили его большой властью. Ован был не только сельским старостой, он был и начальником рабочего отряда окинавцев, состоявшего при американской войсковой части. Ему предоставили право набирать рабочих, наблюдать за ними, отводить им жилье и выдавать продукты. Заведующий сектором Сатоси Сакияма был одним из его подчиненных. Облеченный неограниченной властью, Ован был большим начальником, и перед ним все дрожали.

Сэйкити чувствовал, что его самого крестьяне считают одним из приближенных Ована и потому держатся от него подальше. Сэйкити хотелось как-то рассеять такое подозрение, но это было трудно сделать из-за характера его работы.

Передав уволенных Овану, Сэйкити вернулся в контору совсем подавленным. У него перед глазами стояли те двое несчастных, которым предстояло сегодня же вместе с семьями покинуть этот район.

Сэйкити не сомневался в их невиновности. Но раз пропали вещи, которые им приказано было охранять, они должны были нести ответственность. Он хорошо знал, что такая провинность служила достаточным основанием для увольнения. Сэйкити не раз наблюдал, как одного увольняли за то, что он, «оскалив зубы», рассмеялся в лицо американцу, другого за то, что плюнул, проходя мимо американца, третьего за то, что он не отозвался, когда его окликнул американец. Достаточно было малейшего недовольства со стороны американцев — и человека выбрасывали вон. Сэйкити оставалось только сочувствовать несчастным.

Однако на следующий день пришедший к Сакияме Оминэ доложил, что к нему явился сержант по фамилии Бардон и сообщил: вилку и нож он собственноручно выбросил в бак для отбросов, чтобы подшутить над Томсоном, который слишком уж носился с этим барахлом. Оминэ сказал, что искать вилку с ножом теперь бесполезно, так как отбросы вывозятся ежедневно.

Услышав это, Сэйкити стал убеждать Сакияму немедленно разыскать уволенных. Но Сакияма развел руками, пожал плечами, как это обычно делали американцы, и заявил, что в армии не положено отменять распоряжения и снова принимать на работу уволенных.

Чем чаще сталкивался Сэйкити с такими случаями, тем слабее становились надежды, которые он вначале возлагал на работу у амери-

канцев. Он пытался убеждать себя, что такие факты неизбежны в условиях военной администрации, но эти рассуждения не могли его успокоить. Особенно тревожило Сэйкити то, что на него смотрели как на сообщника Ована. Овану и Сакияме, как представителям населения поселка, следовало бы играть роль щита, оберегающего народ от бед, которые приносила ему американская армия. Но они, наоборот, стояли на стороне американцев и, по-видимому, даже гордились тем, что неуклонно проводят в жизнь их указания.

Человек, который год назад был прапорщиком японской армии и распекал солдат за то, что у них не хватало ненависти к врагу, теперь призывал к сотрудничеству с армией противника и снова был облечен полномочиями. Сэйкити знал, что его считают помощником этого человека, и ему было невыносимо тяжело.

Ован не только обладал властью, он ловко использовал и все выгоды, проистекавшие из занимаемого положения. Голоса возмущения нечестными действиями старосты доносились и до Сэйкити. Еще до того, как Сэйкити поступил в часть, произошел такой случай. Девять шоферов, сговорившись, украли цинк. Вывезти его открыто через ворота они не могли и потому сгрузили цинк на берегу в пределах расположения части, а ночью переправили его на контрабандное судно, закупившее груз. Ован пронюхал об этом, донес в полицию, и шоферов арестовали. Вся деревня пришла в смятение, ожидая, что сразу за этим последуют увольнения, высылки семейств и заключение виновных в лагерь.

Однако Ован как ни в чем не бывало заявил:

— Я ведь тоже окинавец. Я прекрасно понимаю, как всем трудно живется. Так и быть, на этот раз я постараюсь замять дело.

После этого он обратился к полицейскому с ходатайством передать арестованных в его распоряжение. Полицейский, конечно, удовлетворил его просьбу, и Ован, собрав у себя шоферов, заявил им:

— Вам повезло, начальник полицейского участка — мой друг. Я сказал ему, что вы раскаиваетесь в совершенном и обещаете исправиться. Я попросил его не давать делу хода, поэтому больше не повторяйте таких вещей.

Все деньги, вырученные ими от продажи цинка, Ован взял у них якобы на хранение. Дело действительно было замято, и никто не пострадал. Само собой понятно, что он утаил всю эту историю от американцев и принял соответствующие меры в отношении полиции. В общем, многие выражали восхищение ловкостью Ована и его умением выходить сухим из воды. Так и осталось неизвестным, куда девались деньги от продажи цинка; шоферы молчали, так как Ован держал их в своих руках.

Сэйкити часто приходилось выслушивать такие истории. Говорили, что часть материалов, отпускаемых для постройки жилья в качестве премии строительным рабочим, Ован тайком отправлял на черный рынок. Говорили также, что он скупил и пустил на черный рынок печенье, которое должно было продаваться населению по пониженным ценам (выручка попала в карман ведающего этим делом офицера). Вначале Ован потребовал от жителей денег на пополнение будто бы недостаточных закупочных фондов союза взаимопомощи, не сказав ничего о печенье. Члены союза, не зная, для какой цели нужны деньги, не торопились вносить их, и тогда он единолично скупил печенье и распорядился им.

Таким бесчестным поступкам с его стороны, по-видимому, не было числа. Но Сэйкити не знал, что во всех этих мошенничествах активно участвует и его родственник Эйтоку Унтэн. Узнав, что кое-кто из

молодежи готовится разоблачить все проделки Ована и добиться его смещения, Сэйкити присоединился к ним.

Их было семь человек. Ровесники Сэйкити, они в прошлом учились в сельскохозяйственном либо педагогическом училище, некоторые из них, окончив школу молодежи, стали унтер-офицерами. В общем, все они получили то или иное образование.

Сэйкити просто поражало, как может человек, подобный Овану, до сих пор оставаться на свободе? Он не понимал людей, которые не руководствуются в своих поступках политическими или этическими принципами. Такие люди вызывали в нем физическое отвращение. Во время войны их было меньше, и Сэйкити казалось, что в мире царит порядок. Но после войны таких странных, с его точки зрения, людей появилось слишком много. Сэйкити не мог понять не только Ована, но и жителей деревни, которые позволяют ему разгуливать на свободе.

— Ты еще не знаешь его возможностей,— объясняли ему товарищи.— Уже не раз многие выступали против Ована, но ему удалось всех их проглотить. Одни пытались самолично разделаться с ним, другие жаловались американцам, но всех их выбросили вон. Поэтому теперь все считают, что лучше «не задевать Будду, чтобы не навлечь его проклятия», и терпят все проделки Ована.

Они знали, что в борьбе против Ована может быть только один исход: либо свалить его, либо погибнуть. Поэтому, собираясь вместе, они с молодым задором говорили друг другу о своей готовности идти на всё и считали, что при наличии такой стойкости вряд ли можно ожидать неудачи. Их пыл подогревался не столько жгучим гневом против Ована, сколько гордостью за то, что им выпал жребий встать на защиту несчастных жителей деревни.

Это был характерный для молодежи протест против того раболепия перед силой и властью, которое искони присуще населению острова Окинава. Они восставали против традиционно-боязливого отношения к сопротивлению, против своих предков, которые, покорившись угнетателям, оставили в наследство пословицу: «Мунукуи сидо вага усюу», то есть «Кто дает нам пищу, тот наш хозяин». Восставать против таких традиций они считали своей привилегией, привилегией образованной молодежи. Рассматривая себя как избранное меньшинство, они и не думали объединять свои усилия с усилиями остальных, заручиться поддержкой населения. Кое-кто из жителей, узнав об их планах, сочувствовал им, некоторые заявляли о своем желании присоединиться, но их не приняли в группу. Молодые люди думали: в случае неудачи пусть лучше пострадают только они одни, и считали, что могут справиться только своими силами. Они просили помочь им только информацией.

Однажды вечером Сэйкити и его товарищи сидели, укрывшись под скалой. На море, отливавшем при свете звезд свинцовым блеском, стоял моторный бот. Судно это Ован выпросил у командира части якобы для нужд деревни. Оно еще не было зарегистрировано и не имело официального разрешения на выход в море.

С сельского склада на этот бот машина должна была доставить груз. Что это был за груз, никто не знал, известно было одно: все будет проделано тайно, и бот выйдет в море тоже тайком. Группа Сэйкити обо всем этом решила сообщить полиции, как только приступят к погрузке.

Не приходилось сомневаться, что всем руководит Ован, но будет ли он лично присутствовать здесь, неизвестно. Ведь он мог свалить всю ответственность на капитана бота. Этот человек — один из преданнейших Овану людей. Он, пожалуй, не выдаст Ована, и Ована могут привлечь к ответственности лишь за халатность, допущенную в наблю-

дении за судном. Молодежь решила воспользоваться хотя бы этим, чтобы разоблачить Ована.

В их руках не было ни одной прямой улики; Ован действовал наверняка — у него на любой вопрос был готов ответ. Все важные посты занимали его ставленники, и без его ведома нельзя было проверить конторские книги или наличие товаров на складе. Оставалось одно — пожаловаться на него представителям американских военных властей, чтобы они сами провели расследование. Но и для этого нужен подходящий повод, ведь Ован пользовался доверием всех американцев, от командира части до солдата.

Сэйкити с товарищами уже заготовили заявление, адресованное лично командиру части. В нем они подробно сообщали о всех проделках Ована, а также о подозрениях со стороны местного населения и просили произвести расследование. Заявление они решили подать командиру части, воспользовавшись тем, что должно было произойти сегодня ночью.

А грузовик все не показывался. На судне свет не зажигался, и нельзя было понять, есть ли там кто-нибудь. На берегу, у самого края отмели, виднелась лодка для перевозки багажа, сделанная из авиационного бензобака. Только ритмичные всплески волн, набегавших на песчаный берег, нарушали тишину.

Не пронюхал ли Ован о сегодняшнем сговоре молодежи? Было похоже на то, что Ован давно наблюдает за Сэйкити и его друзьями. Однажды он вызвал к себе Сэйкити и предупредил его:

— Я тебе не советую водиться с такими молодчиками, как Ниисато. Это отвратительный тип. Он завел шашни с женой одного человека, тот узнал об этом и избил его. А Ниисато решил, что это я подстроил, и с тех пор хочет мне отомстить.

Судя по всему, Ован догадался о замыслах Сэйкити и его товарищей и старался их поссорить. Наверно, ему стало известно и об их сегодняшних намерениях. Если это так, то более удобного случая им уже не представится. Поэтому молодые люди твердо решили больше не ждать, а рискнуть и подать жалобу прямо командиру части.

Делясь друг с другом этими мыслями, они просидели в засаде до рассвета, но грузовик так и не появился.

Измученные бессонной ночью, все семеро назавтра вышли на работу. Внезапно их вызвали в контору и объявили об увольнении. Лейтенант Суэн пояснил: все они уволены по распоряжению контрразведки на том основании, что являются «подрывными элементами», угрожающими общественному спокойствию в деревне.

Молодые люди пытались протестовать и хотели заявить, что подрывным элементом являются не они, а Ован, но никто из них не мог свободно изъясняться по-английски. К тому же им мешало волнение. В ответ на их настойчивую просьбу прочитать жалобу, которую они хотели подать командиру части, сотрудники контрразведки схватили их за шиворот и вытолкали из конторы.

Во дворе трое конвоиров-окинавцев, вооруженные карабинами, усадили Сэйкити и его товарищей на грузовик и вывезли за ворота.

2.

Когда взволнованный Сэйкити прибежал к Эйтоку Унтэну, тот спал, хоть это и было днем, и во сне громко храпел. Он уже не работал в части, а построил себе в Исикаве настоящий деревянный дом и занялся новым делом.

Выслушав рассказ Сэйкити, Эйтоку сказал:

— Ну и болван! Неужели ты думаешь, что сейчас на Окинаве можно прожить с твоей дурацкой честностью?

Еще полгода назад, когда Сэйкити пришел просить работы и говорил о своем желании изучать американскую демократию, Эйтоку опасался за него. Ведь Сэйкити и тогда уже рассуждал весьма наивно, совершенно не считаясь с тем, что после поражения на острове все пошло вверх дном.

Вместе с тем Эйтоку было понятно желание Сэйкити вывести Ованэ на чистую воду.

«Ован, конечно, порядочная дрянь,— думал Эйтоку.— Я и сам занимаюсь спекуляцией, но не доставляю другим таких неприятностей, как он. Можно поживиться за счет американцев, но нехорошо издеваться над своими же односельчанами, пользуясь покровительством победителей. У Сэйкити и его товарищей слишком мало ума для того, чтобы свалить такого человека, как Ован! Ведь американцы сделали Ована сельским старостой совсем не из пустой прихоти: такие люди, как Ован, им попросту нужны. А вот этого и не учли Сэйкити и его друзья. Они решили, что честностью можно добиться всего. Сейчас Сэйкити недоуменно качает головой, твердит, что не может понять американцев. Уж если кого трудно понять, так это самого Сэйкити».

Эйтоку вовсе не считал американцев умными, демократически настроенными людьми, как это представлялось Сэйкити. Он сблизился с ними совсем не для того, чтобы изучать их, он сразу понял, что говорят они одно, а делают совсем другое. В своих мыслях Эйтоку никогда не связывал такие понятия, как свобода и демократия, с американской армией. Он видел в них оккупантов, которые делают все, что им заблагорассудится, и ни с кем не считаются.

Зная американцев с самой плохой стороны, Эйтоку не мог думать о них, как о представителях высшей цивилизации. По циничному отношению к женщинам и бесцеремонности обращения с армейским имуществом американские военные превосходили даже японских. Высокопоставленные американцы, возвращаясь на родину, увозили с собой столько «сувениров», что ими можно было наполнить несколько грузовиков, и так как местные сувениры сводились только к осколкам черепицы, то американцы не стеснялись и брали в качестве сувениров армейское имущество. Один знакомый Эйтоку, работавший на вещевом складе ГАРИОА *, рассказывал, как американский полковник заставил его упаковать в виде сувенира легковой автомобиль. Эйтоку постоянно слышал о таких фактах, сталкивался с ними сам и поэтому не удивлялся. Он считал, что в любой стране люди одинаковы.

Эйтоку не верил, что американцы, как говорил Сэйкити, — освободители, пришедшие спасти остров. Он довольствовался тем, что при американцах удобнее было наживаться. Вплоть до сорока лет он думал только об одном — о деньгах. Но раньше, как он ни бился, денег у него не прибавлялось, а сейчас они сами текли в карман.

Эйтоку больше не занимался поставкой женщин для американских солдат. Дело в том, что появился специальный приказ военного командования, запрещавший «эксплуатацию беззащитных женщин в целях разврата и проституции». Нарушители приказа подвергались штрафу до десяти тысяч иен или каторжным работам до десяти лет или же одновременно тому и другому. Правда, этот приказ не смущал Эйтоку, по его мнению, сейчас наступило такое сумасшедшее время, когда ради заработка можно было плюнуть на все законы. Просто после опубликования приказа сводничество стало невыгодным делом, так как женщины, из-за бо-

* Американский фонд управления и «помощи» оккупированным районам.

язни попасть под действие закона, предпочитали знакомиться с американскими солдатами без посредников. Побывав в объятиях солдат, они переставали бояться их голубых глаз, а перестав бояться, уже не нуждались в посредничестве Эйтоку и ему подобных.

Еще до опубликования приказа Эйтоку уже нашел новое дело, куда более выгодное для себя: он установил связи с контрабандистами, приезжающими на Окинаву с Кюсю * и из других отдаленных мест.

Новая иена, введенная на Окинаве, ценилась значительно выше, чем иена, выпущенная в самой Японии. Поэтому спекулянты покупали по баснословным ценам «окинавские товары», а проще говоря, материалы американской армии. Так, например, Эйтоку ящик с десятью банками лака продавал за восемьсот иен, хотя сам платил за него всего триста. Само собой понятно, что разница между покупной и продажной ценой бывала самая различная, в зависимости от товара, но в среднем Эйтоку продавал вдвое дороже, чем покупал.

«Вот это и есть так называемые «китайские двести процентов», — думал Эйтоку.

Выражение «китайские двести процентов» появилось еще в те древние времена, когда остров Окинава торговал с Китаем, откуда окинавские купцы нередко возвращались с прибылью в двести процентов. Это выражение и сейчас употребляется в смысле «легкая нажива».

Помимо сделок с контрабандистами, у Эйтоку был и другой способ наживать деньги. Дело в том, что благодаря контрабандистам и окинавцам — репатриантам из Японии, число которых к этому времени превышало уже десять тысяч человек, японская иена хлынула на Окинаву и буквально затопила ее. Цены стали непрерывно расти, увеличиваясь процентов на двадцать в месяц. И тот, у кого были смекалка и деньги для скупки товаров, кого не смущали стоны людей, живущих только на заработную плату, мог нажить целое состояние. Это был самый легкий путь к обогащению.

Обстоятельства сложились так, что Эйтоку больше не было смысла иметь дело с какой-то воинской частью. Он стремился стать настоящим коммерсантом, вернее, спекулянтом, поскольку официально торговля еще не была разрешена.

— Мой новый бизнес больше соответствует моему характеру, чем «эксплуатация беззащитных женщин», — говорил Эйтоку.

Наби криво усмехалась, но она уже не торговала продуктами, так как Эйити поступил на курсы шоферов. Теперь она вместе с Эйтоку носилась по всему острову, скупая товары.

С каждой новой сделкой состояние супругов росло, как снежный ком. Однако в этом мире ничто не может развиваться без помех. Расширяя масштабы торговли, супруги достигли пределов, за которые уже не могли выйти. Эйтоку это понял после встречи со своим земляком Ёсиясу Накадзи, кладовщиком с продовольственного склада. Остров был разделен на семь районов, и в каждом находился склад продовольствия, предназначенного для населения. Управление складами было доверено гражданским властям, и Ёсиясу Накадзи работал кладовщиком, подчиненным заведующему складами. Услышав, что у Нахадзи «блестящая работа», Эйтоку захотел побывать у него — ведь не чужие же они друг другу. Накадзи действительно приходился «мунтю», то есть единоплеменником Эйтоку, — время от времени они встречались на церемониях поклонения общим предкам-родоначальникам.

Узнав о цели посещения Эйтоку, Накадзи сказал, что у него есть не-

* Остров на юге Японии.

В этой местности в школах не строили стен, чтобы в классе не было темно, и края крыши поэтому опускали ниже обычного. Но сильный ветер то и дело срывает такую крышу. А чтобы ее восстановить, материал нужно привозить с севера — в ближайших районах нет леса, один камыш. Машины или лодки для перевозки этого груза приходится выпрашивать у американцев, это является обязанностью сельского старосты или директора школы. От умения обойтись с таким офицером, как лейтенант Байс, зависит очень многое.

— Смотрите, в классах у вас нет ни столов, ни стульев, — упрекал лейтенант Байс молодого директора.

Но так было не только в этом училище. На севере, где были лесопильни, и в центральном районе удавалось доставать обрезки досок в воинских частях, и ученики сами мастерили и столы и скамейки. Но здесь все это было невозможно. В большинстве школ пол земляной, а скамейками служили камни. Ученики сидели на этих камнях и клали на колени обрезок доски или кусок картона.

— Он возмущается нашей школой, а что я могу поделать? — жаловался директор.

Выпускник педагогического училища, он был почти одних лет с Мацускэ. Директор ни словом не упрекал ни американские военные власти, ни гражданскую администрацию. Он только спросил Мацускэ:

— Хорошо, пусть мы проиграли войну, но неужели ничего нельзя сделать, чтобы все-таки улучшить положение школы? Ведь если бы американская армия и гражданская администрация взялись за это как следует, можно было бы чего-то добиться. Неужто нам остается только мириться с этим, как с неизбежным результатом войны?..

Сётэн Камэкава, пришедший навестить Мацускэ, ответил ему:

— Все дело в том, что у нас никуда не годится гражданская администрация.

Сётэн Камэкава приехал сюда, чтобы по приглашению сельского союза молодежи прочесть лекцию. Мацускэ обрадовался встрече с ним. Ему хотелось послушать лекцию Камэкавы, но времени не хватало.

Камэкава был однокашником Мацускэ по средней школе. Потом они учились в одном университете, хотя и на разных факультетах. Мацускэ знал, что после репатриации из центральной Японии Камэкава стал преподавать где-то в техникуме, но они не встречались уже больше десяти лет.

Камэкава, как лектор по вопросам демократии, пользовался известностью даже в управлении гражданской администрации. Он выступал в учебных заведениях, в союзах молодежи, в полиции и других местах. Мацускэ не удивлялся тому, что Камэкава читает лекции, — еще в гимназии он возглавлял кружок риторики и отличался красноречием; но что он может сказать о демократии? Мацускэ решил спросить об этом его самого.

Камэкава так усердно ругал губернатора и все управление гражданской администрации, что казалось, будто он только ради этого и встретился с Мацускэ.

— Чем, в конце концов, занимается управление гражданской администрации? Хорошо, пусть его назначила армия, но все равно, оно ни к черту не годится! — набрасывался Камэкава на Мацускэ, будто тот был представителем гражданской администрации. — Для чего только существует это управление?— разглагольствовал он.— Этого мы, «пипл» (слово «народ» он сказал по-английски), совершенно понять не можем. Видите, в каком положении находятся школы? Распределение продовольствия происходит несправедливо, выдача его постоянно задерживается. В отношении жилищного вопроса никто и палец о палец не ударит, каждый

устраивается, как может. Администрация называется гражданской, то есть народной, значит должна же она что-то делать для народа! А нынешнее управление гражданской администрации во главе с самим Ива только и думает о том, как угодить военным, а на нас, на «пипл», не обращает никакого внимания. Дело дошло до того, что в «Демократическом клубе» уже поговаривают об убийстве Ива...

В такой критике не было ничего необыкновенного. Возможно, что и директор школы Макия был точно такого же мнения, но он не решился высказать его. А может быть, он думал иначе — кто его знает. Во всяком случае подобного рода нападки на гражданскую администрацию были весьма распространены. По этой же причине организовали и «Демократический клуб» и Народную партию.

Однако тон, каким говорил Камэкава, вызвал раздражение у Мацускэ, он почувствовал, что эти высказывания носят легковесный, поверхностный характер. Еще в средней школе Камэкава считался говоруном и ловкачом — мастером на все руки.

«С чего это он так вцепился в меня? Насколько все это искренно? — думал Мацускэ. — Если Камэкава действительно болеет душой за судьбу острова и возмущен поведением гражданской администрации, то почему он так ни с того ни с сего набросился на меня? Если он действительно так настроен, то как он разъезжает повсюду со своими лекциями?»

Всякая критика гражданской администрации немедленно пресекалась, поскольку ее считали направленной против военной администрации. Поэтому Мацускэ понимал, что все эти разглагольствования Камэкавы пустая болтовня, не имеющая никакого отношения к демократии. В критике, которая неистощимым потоком лилась из уст лектора, не было ни капли искренности.

— На этом острове с древних времен между иноземными властителями и народом (он снова употребил слово «пипл») стояло королевское правительство. Оно выжимало пот и кровь из народа и всеми силами старалось угодить чужеземцам. Таким способом оно поддерживало свое господство. Что ж, в ту эпоху ему, возможно, не оставалось ничего иного. Но теперь, когда на развалинах прошлого строится общество новой демократии, это совершенно недопустимо.

Тогда, высказав все, что он считал нужным, Камэкава заявил: «Меня ждет машина»,— и умчался.

У Мацускэ остался неприятный осадок на душе. Он чувствовал, что за болтовней Камэкавы скрывается острое желание попасть в управление гражданской администрации. Он как будто хотел сказать: дайте мне там поработать, уж я-то покажу, как надо это делать!

Мацускэ сказал Макия:

— Вот болтун! Дело ведь не в гражданской администрации. Может быть, она и плохо работает, но при нынешней ее структуре кто бы там ни сидел, результат будет примерно один и тот же.

— Говорят, что господин Ива стал совсем нерешительным, как будто его подменили. Это правда? — спросил Макия.

Это было действительно так. Район Тинэн находится недалеко от южной оконечности острова. Захолустное место, с неудобными средствами сообщения и малочисленным населением. Там пустовал американский военный склад, в него-то и решили переселить управление гражданской администрации. Низшим служащим, вроде Мацускэ, теперь приходилось ездить на службу на грузовике, покрывая расстояние в тридцать километров от Исикавы до Тинэна. Не успеешь приехать на работу, как надо было обедать, а после обеда уже собираться домой. Но когда управление граж-

данской администрации переехало из Хигаси Онна в Тинэн, американский офицер спросил губернатора:

— Как вы здесь себя чувствуете?

Ива ответил:

— Прекрасно!

Служащие ругали губернатора за его мягкость. Мацускэ, однако, думал: если бы даже губернатор и заявил, что работать стало совсем невозможно, ничего бы не изменилось. Мацускэ прекрасно понимал, что американская армия стремится получить только формальное одобрение со стороны населения, а если его получить нельзя, она все равно будет действовать так, как ей заблагорассудится, совершенно не считаясь с волей народа. И поэтому решение такого вопроса, как перемещение управления гражданской администрации, нисколько не зависело от губернатора. Он был просто марионеткой.

Однако недовольство населения почему-то всегда обращалось против управления гражданской администрации во главе с губернатором. Положение губернатора и заведующих отделами было поистине жалким. Недаром лица, группировавшиеся вокруг «Демократического клуба», возмущались тем, что губернатор все время лебезит перед американцами. Это не было преувеличением. Стоило в управлении появиться представителю американского командования, как все выбегали встречать его в прихожую, а потом столь же раболепно провожали; некоторые дошли до того, что советовали цифру 13 вообще избегать, так как ее не любят американцы. В общем, угодничество царило во всем. Естественно, что для такого рода людей и приказ, и «suggestion», то есть намек или предложение,— имели одинаковую силу, поскольку они исходили от американцев.

Тем не менее, Мацускэ не мог согласиться с теми, кто объяснял причину столь унизительного поведения слабохарактерностью или иными личными качествами отдельных лиц и на основании этого требовал устранения Ива. Так например, Эйкэн Асато и некоторые другие стремились по возможности не перечить американцам и заслужить их благодарность, чтобы добиться благоприятного разрешения различных вопросов. Вначале Мацускэ возмущался этим и часто спорил. Однажды Мацускэ хотел разъяснить американцам подлинные отношения между Японией и Окинавой, но Эйкэн Асато остановил его:

— У нас уже был случай с Накамото. Будьте поосторожнее.

— С Накамото так случилось только потому, что все трусят, — возразил Мацускэ.

Есимицу Накамото, в прошлом издатель газеты, был арестован американской жандармерией и выслан с острова. Его вина заключалась в том, что он представил докладную записку, в которой критиковал намерение американцев отторгнуть Окинаву и призывал вернуть остров Японии.

Тогда Мацускэ думал, что следует брать пример с Накамото.

Однако он вскоре почувствовал, что такой образ действий не реален.

Он, конечно, не мог одобрить поведения Эйкэна Асато, но понял, что нельзя разрешить некоторые вопросы, полагаясь только на искренность и храбрость отдельных лиц. Можно смело отстаивать свои убеждения, но все это бесполезно, если не будет подкреплено требованием народа.

Действуя в одиночку, как Есимицу Накамото, ничего не добьешься. Что касается нетерпеливых требований морального порядка, то они могут оказаться даже вредными, так как наталкивают отдельных людей на обособленные действия.

Мацускэ понял, что, когда человек представляет массы, это придает ему силы, что слабость Асамицу Ива в его оторванности от народа.

Эйкэн Асато, разумеется, говорил американцам то, что следовало сказать. Между тем, Мацускэ и другие учителя подстегивали его, настойчиво требуя улучшить их положение. Получали они меньше, чем рабочие на военных стройках. Поэтому многие из них нанимались обслуживать армию в качестве простых рабочих, а это ставило школьное образование на грань катастрофы. Если бюджет не позволял улучшить школьное оборудование, то надо было обеспечить хотя бы педагогов. Однако американское командование в своей директиве прямо заявляло, что военно-строительные работы для него важнее, чем дело просвещения.

— Все не так просто, — сказал Мацускэ, — не так, как думают Камэкава и «Демократический клуб», нападающие на гражданскую администрацию. Мы все в первую очередь должны бороться за установление на всем острове системы самоуправления, начиная с городов, местечек и сел. Для этого необходимо повсюду создавать массовые организации, которые выражали бы волю населения и подталкивали управление гражданской администрации...

Макия молча кивал, с каким-то отсутствующим выражением лица. По-видимому, сейчас он думал только о своей школе. В это время появился заведующий канцелярией сельской управы.

Щупленький заведующий, очевидно, все время бежал. Задыхаясь, он выпалил, что та женщина, которую хотели предоставить сегодня на ночь лейтенанту Байсу, ни за что не соглашается, придется сейчас же поехать в город Н. и найти там другую. Не поможет ли Мацускэ попросить «джип» у лейтенанта Байса?

— Грузовик, на котором приехал сюда Камэкава, ушел в город Н. и больше не вернется, — пояснил заведующий канцелярией. — Единственный выход — воспользоваться «джипом» лейтенанта.

Директор училища Макия побледнел и привстал.

— Куда же ты смотрел?

— Ее, должно быть, кто-то так настроил. Она, мол, не желает служить забавой для «кэто» *. Я ей говорю: «Ведь ты же обещала»,— она и слушать не хочет. Я и стращал ее, и уговаривал — не помогает.

Директор взглянул на Мацускэ.

— Прошу вас, сделайте что-нибудь! — умоляюще сказал он.

Мацускэ обещал помочь. Он лучше других понимал, какими последствиями угрожает и школе и селу гнев лейтенанта Байса. Втроем они бросились к палатке Байса. На бегу заведующий канцелярией сообщил, что от довоенного времени в селе осталась только одна проститутка, все остальные были отправлены с японской армией на фронт, в дома терпимости для военных, и погибли там. Чтобы уговорить эту единственную проститутку пойти к лейтенанту Байсу, придется пообещать ей большое вознаграждение из продовольствия, предназначенного для жителей села. Между тем, в городе Н. довольно много женщин, которые путаются с американскими солдатами, так что, если поехать туда сейчас, можно сразу же найти одну, а то и двух.

Мацускэ вызвал Накаду — тот был и дневальным и переводчиком.

— Лейтенант в дурном настроении, капризничает вовсю, — сообщил Накада.

В прошлом Накада был преподавателем английского языка в коммерческом училище, а теперь всякий раз, когда лейтенант Байс отправлялся куда-нибудь в командировку, он сопровождал его. При виде Накады Мацускэ думал: «Как хорошо, что я не знаю английского языка!».

---

* «Волосатый варвар», презрительная кличка иностранцев.

Люди, вернувшиеся из Америки, утверждали, что нельзя на Окинаве все отношения с американским командованием поддерживать через переводчиков.

Дело не пойдет на лад до тех пор, пока все ответственные места не займут сами окинавцы, владеющие английским языком. Мацускэ не соглашался с этим. В управлении гражданской администрации собрались люди, знающие английский язык. Но это обстоятельство, по мнению Мацускэ, только вредило интересам населения. Взять хотя бы Асамицу Ива или Эйкэна Асато. Слабо владея английским языком, они хотят обходиться без переводчиков и в разговоре обращают больше внимания на грамматику и произношение, чем на суть дела.

Вообще странно, что вопросы, касающиеся населения Окинавы, обсуждаются и решаются на иностранном языке, на языке чужеземного покорителя.

«Если бы они разговаривали через переводчиков,— думал Мацускэ,— то у них было бы больше времени на обдумывание своих ответов. Тот, кто до сих пор находил пропитание с помощью английского языка, не может держать себя независимо с американцами. Поэтому вообще было бы лучше, если бы управление Окинавой поручить тем, кто не знает английского языка».

Накада окончил университет значительно позже Мацускэ. Тем не менее, он занимал теперь равное с ним положение и даже имел блестящие перспективы — ведь он не гнушался и такими делами, как поставка женщин для лейтенанта Байса.

— Это никуда не годится, — с упреком сказал Накада директору школы и заведующему канцелярией. — Часок он еще подождет, но тогда вы должны привезти сразу трех женщин, если едете в Н. Иначе будет плохо. Если вы привезете только одну и она вдруг не понравится, то как мы сможем оправдать задержку?

Мацускэ слышал, что лейтенант Байс иногда требует себе на ночь сразу четырех женщин. Вообще американские военные славились своим темпераментом, и среди них особенно выделялся Байс. Он проводил инспектирование школ именно для того, чтобы его угощали женщинами.

С тех пор, как Мацускэ поступил в отдел просвещения, там сменилось много американских офицеров, осуществлявших контроль, но ни с кем из них не было так тяжело, как с лейтенантом Байсом. Лучше всего было все-таки при майоре Гармане, который уехал после того, как в июле 1947 года военная администрация на острове из рук флота перешла в руки армии. С тех пор сменилось много офицеров и унтер-офицеров, на которых был возложен надзор за просвещением, и при каждой смене приходилось прерывать начатую работу; у американцев вновь назначенный почему-то не продолжал линию предшественника, а проводил свою, нисколько не считаясь с тем, что уже было проделано до него. Все это происходило не только в области просвещения, и в результате страдало управление гражданской администрации в целом.

Лейтенант Байс не был старшим офицером при отделе просвещения, и именно поэтому он действовал без всякой ответственности и творил, что ему взбредет на ум. Однажды Мацускэ помог скрыться молоденькой студентке с косичкой, которую потребовал Байс. Мацускэ случайно услышал, как лейтенант сказал Накаде:

— Эта девчонка мне нравится, приведи ее ко мне вечером.

Из-за своей занятости Мацускэ редко выезжал с лейтенантом Байсом, но от Накады он знал, что не раз происходили забавные эпизоды, о которых затем долго рассказывали в отделе просвещения. Во время поездки на уединенный остров, где находилось село Н., Байс заболел гоно-

реей; пенициллина там не было, и ему пришлось срочно изменить план инспектирования и вернуться обратно.

— Лейтенант — извращенный человек, он иногда требует к себе одновременно двух и более женщин. Если сегодня устроите ему трех женщин, то у него будет хорошее настроение, — заметил Накада.

Хорошее настроение лейтенанта означало, что назавтра же в село прибудет несколько грузовиков с оборудованием для школы и продовольствием.

Заведующий канцелярией сказал, что, пожалуй, за час он съездить не успеет, но постарается обязательно привезти трех женщин.

ГЛАВА IV.

1.

Наконец-то судно было готово к выходу в море. Вернулись шкипер и Осиро, которые сумели перехитрить патруль морской полиции.

Сначала, при появлении патруля, Сэйкити и другие очень испугались. Погрузка еще не была закончена. Двое патрульных с делано-глуповатым видом подошли к ним со словами: «А ведь здесь судно!» Скрыться уже не удалось бы. Сердце у Сэйкити учащенно забилось, но он как ни в чем не бывало отвернулся в сторону, как и другие. Группа людей, десятка полтора, расположилась на песчаном берегу, ожидая конца погрузки.

— Не беспокойтесь, мы их подпоим, а потом расходы поделим поровну, — прошептал Осиро и вместе со шкипером Хамада приблизился к патрульным.

Осиро был главарем группы контрабандистов и дружил с патрульными. Он обнял их по-свойски за плечи и увлек в сторону поселка. Поселок, окруженный густой рощей красного дерева, находился сразу же за каменным волнорезом, метрах примерно в пятидесяти.

Сэйкити и другие вздохнули с облегчением. Здесь много таких же, как и он, новичков, дрожавших от страха.

— Эти стервецы патрульные порядочные нахалы, — говорил Сэйкити матерый спекулянт Утима, хорошо разбиравшийся в обстановке. — Обычно патрули делают вид, что не замечают контрабандистов. А этот Якабэ всегда хочет, чтобы его угостили сакэ. Дело, конечно, не ограничивается одним только угощением, надо еще сунуть ему что-нибудь в лапу. Осиро говорил, что он когда-нибудь разделается с этими мерзавцами, но, видно, все не так-то просто.

Сэйкити знал, что в газетах время от времени появляются приказы военных властей об усилении борьбы с морской контрабандой. Поэтому он и думал, что осмотр будет строгий. Но Утима и другие опытные люди уверяли, что патрульные обычно не хотят ничего замечать.

— Ведь контрабанда из Японии — это прежде всего продовольствие и предметы первой необходимости, например морская капуста, вермишель, чайные чашки, котлы для варки риса, кастрюли и прочее. Что тут, собственно, контролировать! — пояснял Утима. — Если же пересечь тридцатую параллель, то контроль со стороны метрополии усиливается. В Японии строго следят за тем, чтобы дефицитные товары и материалы не уплывали за пределы страны, и потому контрабандистов обычно задерживают севернее острова Кутиподзима.

Сэйкити, не думая о том, что случится через два дня, с нетерпением ждал того момента, когда судно, наконец, отправится в рейс.

Шкипер и Осиро вернулись часа через два и стали готовиться к отплытию. Только бы выйти в открытое море, а там до самого острова

Кутинодзима нечего волноваться. Говорят, дозорных судов мало, и все они, не обращая внимания на контрабандистов, усердно вылавливают тех, кто в прибрежных водах глушит рыбу динамитом.

Судно представляло собой двадцатитонный бот. На нем со своими товарами разместилось человек пятнадцать контрабандистов. Они большей частью везли табак, сахар местный тростниковый и американский рафинад. У Сэйкити багажа не было, он вез только склянку с таблетками сульфадиазина. Эйтоку Унтэн посоветовал ему продать лекарство в Кагосиме не дешевле, чем за десять тысяч иен.

Судно отчалило до наступления темноты. Сэйкити впервые в жизни покидал пределы родного острова. Сидя у борта, он любовался удалявшимися горами и заливами Окинавы. Судно было так нагружено, что вода почти касалась бортовой линии. Сэйкити, в отличие от тех, кто готовился продать свои товары и вернуться домой, покидал остров надолго — может быть, навсегда. Его спутники, обмениваясь веселыми шутками, уже вытащили бутылки с рисовой брагой, а Сэйкити продолжал сидеть в одиночестве.

Он бежал в Японию. Сэйкити чувствовал, что там, на Окинаве, он не смог найти себе места в жизни. А жизнь без надежды, без идеала, которому можно было бы посвятить себя целиком, не имела для него никакого смысла. Он стремился учиться и познать мир, но на Окинаве это было невозможно. На американцев он больше не надеялся. Вначале он пытался учиться у них, считая их спасителями своего острова, но жестоко ошибся.

Мацускэ Тайра был того же мнения, что на острове нет ни свободы, ни демократии. Ясно только одно, говорил Мацускэ, что с окинавцами обращаются еще хуже, чем с филиппинцами. Мацускэ одобрил намерение Сэйкити поехать в Японию. На прощание он сказал:

— Таким, как я, обремененным семьей, уже не на что надеяться, а ты еще молод, у тебя все впереди.

Сэйкити списался с дядей — учителем одной из начальных школ в Токио. Дядя ответил:

«Токио еще не восстановлен, жизнь здесь очень тяжела, но я понимаю тебя. У нас тут думают, что в результате поражения Японии Окинава так же, как Формоза и как острова южных морей, отойдет от нас. Префектура Окинава уже вычеркнута из школьных учебников. До отхода последнего парохода с окинавцами, возвращавшимися на родину, я все колебался — вернуться мне на Окинаву или нет, но, подумав о будущем детей, решил остаться в Японии. Грустно быть отрезанным от родины, но я не хочу превращать своих детей в иностранцев. Я хорошо понимаю твое желание остаться японцем. Однако, просматривая время от времени газеты, я узнал, что благодаря американцам остров Окинава удивительно быстро восстанавливается. Здесь часто пишут, что в будущем Окинава станет раем, подобно Гавайским островам. Каждый раз, когда нам попадаются такие сообщения, мы с женой говорим о том, что, может быть, нам следовало вернуться на родину. Но это лишь минутные настроения, по зрелом размышлении все-таки приходишь к выводу: хоть и тяжело, но лучше уж оставаться в Японии... Если приедешь сюда, то сможешь найти какую-нибудь работу, но хочу предупредить тебя, здесь не так легко, как на Окинаве».

Сэйкити не ответил дяде на письмо. Корреспонденция в Японию оформляется на Окинаве, как заграничная, и письма идут около месяца. Поэтому Сэйкити решил сам поехать к дяде и переговорить с ним. Если действительно японские газеты сообщают, будто остров Окинава успешно восстанавливается, то, по-видимому, происходит какое-то недоразумение.

Сэйкити знал, что окинавцы, вернувшиеся домой из Токио или Осака, ютятся в тесных палатках и горько сожалеют о своем возвращении. В Японии они как-то могли существовать и если вернулись на Окинаву, то только из опасения, что никогда не смогут больше увидеть родины.

Теперь они убедились воочию, в каком жалком состоянии она находится. Они сетовали, горевали и мечтали о том, чтобы когда-нибудь опять поселиться в японском домике, где пол, как обычно, покрыт циновками.

Но Сэйкити не смог выехать в Японию официальным путем. Он бежал из Окинавы, превращенной в огромный лагерь для военнопленных, плыл на контрабандном судне, и таким образом был лишен права вступить на землю Японии как ее законный гражданин. Сэйкити нелегально прибудет в Японию, ему придется скрывать, кто он и откуда появился. Он настойчиво выспрашивал у контрабандистов: можно ли в Японии жить нелегально?

Эйтоку Унтэн уверил его, что он и сам по контрабандным делам трижды побывал в Осака и что там одинокому мужчине всегда удастся найти средства к существованию. Унтэн считал, что такому, как Сэйкити, пожалуй, лучше жить в Японии. На Окинаве он может только крестьянствовать или быть школьным учителем. Если ему не нравится ни то ни другое, то нечем будет заниматься. Эйтоку нравилось, что Сэйкити, которому все родственники прочили блестящее будущее, теперь обращается к нему за поддержкой и советом. Эйтоку вспомнил, как двадцать лет назад, спрятавшись в трюме грузового парохода, он отправился в метрополию. Он был тогда отчаянным парнем. Сэйкити, успевший получить среднее образование, пожалуй не испытает того, что выпало на его долю. Эйтоку дал Сэйкити склянку с таблетками сульфадиазина, добавив, что денег от продажи хватит на два-три месяца, пока Сэйкити не устроится на работу.

Сэйкити крепко сжимал в кармане эту склянку. Его очень беспокоило — удастся ли продать ее дороже, чем за десять тысяч иен. Его покачивало в такт с ритмичным постукиванием мотора. Бот шел со скоростью семи узлов. Остров Окинава постепенно терял четкие очертания, превращаясь в длинную и узкую полоску пепельно-серого цвета.

Впервые Сэйкити видел свой родной остров на далеком расстоянии. Он отчетливо вспоминал лица знакомых, вид прибрежных скал и даже листву деревьев. Наверно, крестьяне сейчас возвращаются с полей, а отец его, Сэйтаро, моет мотыгу в прудике перед домом. Сегодня отсутствие сына его, наверно, не очень удивит. А вот завтра... Сэйкити представил себе, как будет потрясен отец, получив письмо через Такэдзиро. Однако вряд ли эта весть сразит его. Сэйкити покинул свой дом после появления в нем мачехи, он использовал это, как предлог для разрыва с отцом.

Миё тоже не любила мачеху. Ее раздражали неряшливость и грубые манеры этой тридцатилетней женщины, приведшей к ним в дом шестилетнего сына. Сестра не одобряла ухода Сэйкити, ей было горько, что она останется одинокой. К тому же, она не вполне понимала, почему Сэйкити так хотел уехать в Японию. Миром Миё были деревенские поля, горы, берег, травы на обочинах дорог. Иного мира она не знала, беспочвенные мечтания ее не привлекали.

Миё хотела проводить брата в порт, но Сэйкити заставил ее вернуться с полпути. Она без слов покорилась его желанию. Очевидно, ей и в голову не приходило, что они, быть может, расстаются навсегда. Не в характере Миё было фантазировать и строить предположения.

Кутинодзима — небольшой островок вулканического происхождения около 7 ри* в окружности. Всю поверхность его занимал огромный вул-

* 1 ри = 3,9 километра.

кан, а береговая линия состояла из сплошных скалистых обрывов. До войны здесь было около семидесяти дворов — немногим более четырехсот жителей. После войны остров стал промежуточной базой для контрабандистов, действовавших между Японией и Окинавой. Население островка увеличилось в шесть раз.

Кутинодзима расположена как раз на линии 30-й параллели северной широты. В феврале 1946 года, после того как Макартур исключил юго-западные острова из зоны административного подчинения Японии, Кутинодзима была причислена к группе юго-западных островов. Поэтому на территорию этого островка, севернее 30-й параллели, административная власть Японии не распространялась.

Судно, на котором плыл Сэйкити, как и все другие контрабандные судна, зашло в порт. На острове жили только те, кто занимался контрабандой, здесь прибывшие обменивались последними новостями, ожидая наступления ночи.

По существу, тут не было никакого порта, просто скалы расступались, образуя проход, и у берега на якорях стояло несколько судов. Глубина моря здесь большая, суда подходили к самому побережью, и казалось, можно было дотронуться рукой и до тюков, горами возвышавшихся на берегу, и до людей в белых рубашках, сновавших между ними.

На острове находился полицейский из гражданского управления острова Осима. Однако это был не столько полицейский, сколько информатор, служивший контрабандистам. Ему нечего было бояться — в случае увольнения контрабандисты не оставили бы его без поддержки.

Несколько человек на небольшой лодке сразу же отправились с судна на берег. Бывалые люди говорили, что жители Кутинодзимы были новичками и еще не имели настоящего опыта контрабандной торговли. Другое дело — жители островов южнее Кагосимы, где находились крупные контрабандные пункты, такие, как Кутинонагара, Сатодзима и Такасима.

Чем ближе к Японии, тем больше увеличивался риск, но соответственно росла и прибыль — в этом и заключалась вся прелесть контрабандной торговли.

Едва только лодка вернулась, Сэйкити тоже собрался высадиться на берег, чтобы полюбоваться природой, побродить по острову, который показался ему непохожим на Окинаву — суровым и величавым. Но судно начало готовиться к отходу. Похоже было на то, что поступили тревожные сигналы, потому что и другие суда стали поспешно сниматься с якоря. На боте оставались товары тех, кто высадился на берег, но времени для их выгрузки не было. Пошли слухи, будто на одном из стоявших здесь судов находился захваченный в Кагосиме таможенный чиновник, и сейчас, в погоне за ним, к Кутинодзиме приближаются с двух сторон — от Кагосимы и Осимы — быстроходные катера. На каком из судов находился чиновник — неизвестно, но все они рассыпались по морю, держа путь кто на юг, кто на север.

Боту, на котором был Сэйкити, предстояло сделать большой круг, чтобы не встречаться со сторожевыми катерами. Судно шло с максимальной скоростью. Осиро, Утима и другие, привыкшие к таким переделкам, спокойно играли в шахматы, но Сэйкити не находил себе места. Он стоял на корме и вглядывался в горизонт. Морская даль бесконечна, но в ясные дни она очень далеко просматривается.

«Стоит только сторожевым катерам заметить наш бот, и удрать не удастся», — подумал Сэйкити.

К нему, смеясь, подошел Ямасита — уроженец Миядзаки.

— Кажется, струхнул? — спросил он.

Ямасита знал, что Сэйкити нелегально пробирается в Японию, и рассказывал много о жизни в метрополии.

Сэйкити не успел разобраться в характере этого человека, но тот проявлял явный интерес к Сэйкити и первым заговаривал с ним.

— А ведь в Японии-то живется плохо. Не понимаю, почему ты решил непременно пробраться туда. Я уже давно махнул рукой на нее, мне хотелось бы поселиться на каком-нибудь островке южных морей. Ты все еще по старинке смотришь на Японию. После войны в ней все пошло вверх дном. Еще недавно она была первоклассным государством, хозяином Восточной Азии, а теперь — второстепенная или третьестепенная страна. Одни говорят, что за эту глупейшую войну ответственность несут военные, другие — что во всем виноват император, а третьи считают, что виноваты монополии,— словом, обвиняют друг друга. Когда я вспоминаю, что собирался отдать свою жизнь вот за такое отечество, мне делается тошно.

Сэйкити не мог понять Ямаситу, ведь тот явно намеревался плюнуть на японское гражданство и уехать на какие-то южные острова. Во время войны Ямасита побывал на острове Рота, входящем в группу Марианских островов, и рассказывал, как много там живет окинавцев, какая там спокойная, беспечная жизнь. Еды и фруктов сколько угодно, рыбы тоже сколько угодно. Окинавцы хорошо ныряют; поймав большую черепаху, они переворачивают ее и плывут к берегу, держась одной рукой за панцирь. Стоит оказаться под водой среди коралловых рифов — кажется, будто ты в подводном дворце царя Дракона.

Судно неожиданно начало менять курс, с колоссальным напряжением совершая крутой поворот. Ямасита свистнул. Из кубрика с криком «Что случилось?» выскочило несколько человек. Шкипер, с болтавшимся на шее биноклем изо всех сил крутил штурвал. По-видимому, за ботом гнался дозорный катер. Осиро посмотрел в бинокль и молча передал его стоявшему рядом с ним человеку.

Ямасита изменился в лице. Он только что уверял, будто попадается лишь небольшая часть судов. Только что он подшучивал над Сэйкити, говоря, что морской бог не жалует трусов и те, кто дрожит за свою шкуру, обязательно попадаются. А теперь он сам испуганно спрашивал о чем-то остальных спутников.

Даже невооруженным глазом уже можно было разглядеть на горизонте маленькую черную точку. Скорость дозорного катера превышала в два раза скорость бота. На поверхности моря не было видно ни одного из тех судов, которые одновременно вышли из Кутинодзимы. Видимо, все скрылись в разных направлениях. Днем выходить из Кутинодзимы было очень рискованно. Между тем, команда стала приходить в себя. К боту приближался дозорный катер, удрать от него невозможно, все примирились с этим. Пропадут товары на несколько сот тысяч иен — ничего не поделаешь. Занимаясь контрабандой, все это надо принимать в расчет, иначе нельзя.

Однако Сэйкити не мог примириться с этим. Как его научил Эйтоку, он разделил лекарство на несколько частей, обернул в белое полотно и привязал к поясу. Может быть, удастся спасти лекарство, но его самого все равно вернут на Окинаву. Продержат два-три месяца в Кагосиме, а затем в принудительном порядке вышлют на Окинаву. Если же ему вздумается еще раз попытаться бежать в Японию, то придется поработать не менее полугода, чтобы накопить две тысячи иен для оплаты проезда. Поэтому Сэйкити не мог так просто примириться с судьбой, как его спутники.

2.

Мацускэ оставил службу в гражданском управлении, но, когда он изъявил желание снова занять место учителя, запротестовал заве-

дующий школой Нисидайра Есиаки. Нисидайра был старше Мацускэ, и раньше они вместе преподавали родной язык в одной из школ. Мацускэ намеревался устроиться в школе, где преподавал Нисидайра.

Но тот заявил:

— Школьным учителем ведь может быть всякий. Если ты не будешь работать в отделе образования, то прежде всего пострадает наше дело. Сейчас на Окинаве оно имеет куда большее значение, чем преподавание.

— Не хочу больше встречаться с американцами. Сыт по горло. Когда американцы увольняли меня из управления труда, они сказали мне, что больше не желают видеть моей морды. А мне самому противно смотреть на них. Больше не могу.

Затем Мацускэ поведал о том, что случилось за день до этого. Ему сообщили о прибытии большого количества журналов из Японии и просили получить их. Он обнаружил, что пришли отдельные номера «Фудзин-но томо» и «Ридерс дайджест» на японском языке. Между тем, Мацускэ предварительно составил список журналов, которые он хотел бы получить. Из всего этого списка ничего не было прислано. Когда Мацускэ возмутился, ему грубо ответили:

— Будь и за это благодарен. Вы не платите никаких налогов, привыкли жить на всем готовом за наш счет. Нечего барина из себя корчить.

Нисидайра подтвердил, что такие случаи происходят часто. Так, например, было решено пользоваться учебниками, присланными из Японии. После долгих хлопот их получили. Они были напечатаны на мимеографе и притом на плохой бумаге, не переплетены, а просто сколоты скрепками. На пять учеников приходился один учебник.

— Только потому, что такие, как ты, работают в гражданском управлении, нам удается получить хоть что-нибудь,— сказал Нисидайра.— А если ты поступишь в нашу школу, то поможешь только мне одному. Ты не должен уходить оттуда.

Мацускэ спокойно выслушивал Нисидайра и думал про себя: он говорит так только потому, что не знаком с положением дел в гражданском управлении. Нисидайра был исключительно честным, прямолинейным человеком, и ему трудно понять ту гнусную атмосферу, какая царит в гражданском управлении. Взять хотя бы эти самые учебники. Главную роль в их получении сыграли не старания отдела просвещения, а настойчивые требования населения и особенно союза учителей. И кроме того, большое значение имели особые расчеты американцев. Печатая учебники здесь, они не могли получить ни цента прибыли. Сделки же с издательствами школьной литературы в Японии совершаются на тех же условиях, что и с журналами «Фудзин-но томо» и «Ридерс дайджест». Об этом Мацускэ знал из своего личного опыта, после двух с лишним лет службы в гражданском управлении. Он сам наблюдал, как школьные принадлежности уплывали «на сторону».

— Честные люди как раз там не нужны. Они только мешают делу. Там не любят таких людей и не считаются с ними. Вот если будешь подлаживаться, тогда другой разговор.

— Но все говорят, что американцы прислушиваются к советам.

— Только в тех случаях, когда это не затрагивает их интересов. И совсем иное дело, когда их интересы затронуты. Если даже ваши доводы обоснованы и вы до известной степени убедили их, они непременно постараются вам отомстить, как только почувствуют, что потерпели неудачу. И сделают это очень искусно и коварно.

Мацускэ добавил:

Нарайян Гонгопадхайя

Кукла

Перевод с бенгали Е. Смирновой

Мира никак не ожидала, что Бену в своих поисках когда-нибудь может зайти и в этот магазин.

Проворные сумерки быстро поглощали пространство. Неподалеку, перед высоким зданием кинотеатра, в ожидании такси толпились люди. В страстном танце изогнулась на огромном цветном плакате испанка Кармен. По всему фасаду расположенного напротив отеля вызывающе синела полоска неона: «Зайдите в...»

Плащи моряков и летчиков, брюки всевозможных фасонов, коллекция туфель. Шальвары, тончайшие сари, аромат парижских духов, шоколадный запах сигарет янки. Тут же на улице худенькая девушка-метиска в дешевой юбке настойчиво пытается снискать расположение двух иностранных моряков. Вой джаза из кафе наполняет воздух.

Бену здесь! И это не во сне — наяву!

Мира не заметила ее сначала. Склонившись над прилавком, подписывала чек для важного перса. Потом подняла голову — губы сложились в заученную улыбку,— прощебетала: «Одну минуточку». Посыльный вышел отнести покупки в экипаж, и тогда Мира снова вскинула свои по-детски ясные глаза: «Чем могу вам служить, мадам?» Но не было мадам — была Бену! Она стояла здесь, не сводя глаз со вздыбившихся игрушечных лошадок. Но вот она обернулась.

— Арэ, туй! * — От этого простого, дружеского восклицания на чистом бенгали изумление Миры возросло еще больше. Да, назвать Бену «мадам» не было ни малейших оснований. Простое полосатое сари с небрежно откинутым краем, на ногах — выцветшие кабульские туфли из грубой кожи. Старенькая пестрая блузка. Сумка, от долгого употребления разбухшая настолько, что стала чуть ли не с хозяйку. Нет, так к Бену не обратишься.

Лицо Бену озарила открытая, радостная улыбка:

— Наконец-то я добралась до тебя!

Наконец-то... Еще бы! За те четыре года, что прошли после окончания колледжа, они виделись всего один раз, да и то на улице.

— Где ты, как живешь? — и, не дождавшись ответа, Бену тогда вскочила в отходивший трамвай.— Сегодня нет времени — работа,— крикнула она,— когда-нибудь в другой раз.

И вот теперь настало это «когда-нибудь». Спустя два года? Или полтора?

С непонятным ей самой смущением Мира поправила край своего сари. Сказала: «Садись же, садись». Но в приглашении не было искренности — во всяком случае, так оно прозвучало для Бену. Она с грохотом придвинула стул и быстро уселась. Казалось, все здесь, включая посыльного, были возмущены такой бесцеремонностью.

— В хорошеньком же ты месте служишь! — воскликнула Бену.— Магазин игрушек!

---

* А, это ты!

— Служба везде одинакова,— быстро проговорила Мира,— что в магазине игрушек, что в офисе.

Бену не стала спорить:

— Да, конечно. Хотя в обстановке все-таки кое-какая разница есть.

Разукрашенная куколка была достаточно сообразительна, чтобы понять намек Бену, и она потупилась. Но глаза ее при этом вспыхнули. Сколько раз ей нестерпимо хотелось разломать, разбить здесь все: разнести в куски эти целлулоидные и фарфоровые куклы, остановить эти заводные игрушки, изорвать, порвать в клочья эти разноцветные книжки. Разгоряченное воображение рисовало ей, как висящее рядом красивое игрушечное ружье вдруг становится настоящим.

Но о своем отчаянии, о своей слабости она не скажет Бену. Слишком уж открытая улыбка обнажает белые зубы Бену, слишком уж приветливо и радостно искрятся ее глаза! О, если бы хоть на одно мгновение Мира могла занять у нее этой жизнерадостности...

Мира решила изменить тему беседы и перевела разговор на личные дела подруги.

— Ты и сейчас работаешь все там же, не так ли?

— Ты имеешь в виду бюро реконструкции? Нет, нет. Давно я ушла оттуда.

— Уволилась?

— Кто же в наше время оставляет работу сам? Уволили,— улыбка Бену, казалось, на мгновение погасла.

— Почему? — спросила Мира и тотчас подумала, что спрашивать, собственно, незачем. В наши дни нет смысла раздумывать над тем, почему тебя увольняют. Скорее, стоит задуматься, почему тебя оставляют.

За эти четыре года Мире самой пришлось сменить три места.

Бену как-то очень просто ответила:

— Избыток рабочей силы. И — политика.

Последние слова особенно удивили Миру. Неужели Бену до сего времени сохранила свои институтские взгляды и сейчас продолжает увлекаться политикой?

Неоновая реклама на противоположной стене, яркая и наглая, вдруг словно приблизилась к глазам Миры и заставила ее зажмуриться. Ей вспомнился владелец магазина, мистер Палия, который живет в постоянном страхе перед микробами политики.

— О-о-о!

Мира ограничилась этим ничего не выражающим восклицанием. Снова сделала попытку поправить шелковое сари. Захотелось сказать: «Уходи, Бену, мне сейчас некогда». Но прежде чем она успела это сделать, у входа послышались тяжелые шаги очередного покупателя. Мира почувствовала облегчение.

— Чем могу вам служить, сэр?

Тот же голос, тот же самый!

Точно так же она спросила и у Бену!

Мира вызывала изумление — всякий раз, с одной и той же интонацией повторяла она одно и то же — как патефонная пластинка. Чередовались только «сэр» и «мадам».

Почти рядом с Бену облокотился на прилавок мужчина. Немолодой — лысина на полголовы, дряблая шея тщательно выбрита, и на нее густой слой пудры. Из-под воротничка рубашки выглядывает красный галстук. Запах пота, пудры и еще чего-то, похожего на алкоголь, наполнял комнату. Мужчина был пьян. Бену скользнула взглядом по его фигуре, потом посмотрела на полку. Там выстроились в ряд резиновые игрушки — микки-маусы всех видов.

На улице звякнул колокольчик — это прошел высокий калека-слепой. За двумя плотными краснолицыми господами увязалась стайка грязных нищих ребятишек.

Какой-то человек зашел предложить гирлянды жасмина. Жасмин в руках у пьяного! Бену это показалось чем-то противоестественным.

Монотонно, как звук патефона, звучал голос Миры. До Бену доносились обрывки разговора.

— Вот заводная игрушка, развивает сообразительность ребенка.

— Нет, нет, не то,— раздается зычный голос пьяного покупателя. Прямо как лай охотничьей собаки!

— Что-нибудь новенькое — у сына моего приятеля день рождения.

— Вот извольте взглянуть: кошка и мяч. Нажмешь — и кошка начнет кувыркаться с мячом. Вот настоящая японская кукла, покупатели очень разбирают. Во всей Калькутте продается только у нас. Очень дешево — всего 20 рупий.

Очень дешево — всего 20 рупий!

Бену судорожно глотнула воздух. Много ли людей нынче в состоянии купить детям игрушку хоть за две пайсы?

Но Шеялдар-род — это же не обычная Калькутта. Это совсем другой мир. Напротив мигает реклама «Зайдите в...». Во сколько рупий обходится ее свет в течение одной ночи? На улице человек все еще торговал жасмином. Дождь перестал, и в мягких вечерних сумерках редкий стук капель, падавших с пальмовых листьев на крышу, сливался с запахом влажной земли и ароматом цветов. Сколько здесь стоит жасмин? Пять рупий? Десять? Кто знает!

Она задумалась, но вдруг мгновенно как бы очнулась. Неприятно-резким, вызывающим хохотом разразилась Мира, заученным, повторяющимся ежедневно,— пьяный мужчина, понизив голос, обратился к ней с какой-то шуткой.

Бену взглянула в ту сторону, но ей пришлось снова перевести взгляд на микки-мауса. Выражение глаз у мужчины — откровенное, наглое, циничное, с плеч у Миры чуть соскользнуло тонкое шелковое сари. В широкой улыбке микки-мауса, казалось, сквозила тайная насмешка... Сердце Бену наполнилось горячим состраданием к Мире. Ну и работа! Какой ужасной ценой приходится расплачиваться за нее!

Шелест чековой книжки, скрип пера, звон мелочи. Потом снова плоская шутка, резкий неестественный смех, мелодичный голос, говорящий «сэнк ю». Мужчина вышел с пакетом под мышкой, и на Бену опять пахнуло потом, пудрой и винным перегаром.

— Бену! — послышался приглушенный, робкий оклик Миры.

Бену обернулась:

— Да?

— Расскажи о себе. Чем ты занимаешься?

— Устроила небольшой приют для нуждающихся девочек. — Бену с увлечением продолжала: — Дел хватает, работать приходится много. Да еще семья...

— Погоди, погоди, — воскликнула побледневшая Мира. — Своя семья? Ты что же, замужем?

— Да, уже давно. — На свежем, смуглом лице Бену засияла счастливая улыбка.

— За кем? — спросила Мира слегка охрипшим от волнения голосом. Послышался какой-то шорох — будто кто-то крепко сжал целлофановый пакет. — Кто он?

— Ничего особенного, самый обычный деревенский учитель! — Улыбка на лице Бену стала еще шире. — Да к тому же он уже дважды сидел в тюрьме.

Но Мира все еще не могла успокоиться.

Каким-то чужим, сдавленным голосом, словно боясь услышать смертный приговор самой себе, она спросила:

— И... и ребенок есть?

— Есть мальчик. Ему уже два года. Озорник ужасный! — смуглое лицо Бену залилось краской смущения, это молодило ее и сразу делало похожей на девочку.

Со стола упал карандаш. Мира нагнулась и стала искать его, прошло почти две минуты, прежде чем она снова заговорила с Бену.

— Значит, у тебя все хорошо! Теперь ты настоящая гинни *. Я очень рада за тебя, — сказала Мира и, сняв с полки куклу, протянула ее Бену: — Вот, возьми своему малышу.

— Не нужно.

— Почему это не нужно? — накрашенные брови Миры обиженно приподнялись. — Я дарю ее твоему сыну.

— Дорогая, ты только не сердись на меня, — сказала Бену и тихонько вздохнула.

— Неужели я не имею права подарить что-нибудь твоему сыну? — возразила Мира. И в ее голосе явно послышались зависть и боль.

— Ты совсем меня не поняла. — Голос Бену звучал мягко. — Ведь в приюте не только мой ребенок, но и еще почти двадцать детей. Если уж покупать, так всем. Мы ведь и сами живем там же.

Наступила пауза. Из-за двери по-прежнему доносились звуки джаза. Вспыхивал неон. Ночной пьяный разгул только начинался.

В магазин вошла молодящаяся женщина.

— Почему так поздно, мисс Паркер? Из-за вас я не могла пойти выпить чаю,— сказала Мира с явным недовольством.

— Извини. Теперь можешь идти. Ты свободна. — Мисс Паркер заняла место Миры.

Мира взяла новенький чемоданчик из кожи, выделанной под змеиную. Еще раз поправила соскальзывающее сари.

— Пойдем, Бену.

Бену только этого и ждала. От всех этих пестро раскрашенных игрушек у нее уже давно рябило в глазах. Она сразу же поднялась и, прежде чем Мира успела обогнуть прилавок, вышла на улицу.

— Кто эта девушка? — поинтересовалась мисс Паркер.

— Моя подруга.

— Сама невинность! — ироническая улыбка скользнула по губам мисс Паркер.— Собираешься водить с ней компанию?

— Не болтайте чепухи, — резко бросила Мира и вышла.

В двух шагах — бар и ресторан. Мира предложила:

— Зайдем, выпьем чаю.

— Туда?! — вздрогнула Бену. При виде того, как растерялась и оробела эта бедно одетая женщина, Мира в душе торжествовала.

— Тебе страшно?

— Нет, не то что страшно, но... — Бену заколебалась, — просто не привыкла я к этому...

— Не привыкла пить чай? Вот еще чепуха какая, пойдем!

Толкнув стеклянную дверь, они вошли. Бену растерянно огляделась по сторонам. И сразу же ей захотелось поскорей бежать отсюда. За столиками сидели одетые по-европейски англо-индийцы — женщины и мужчины, и перед каждым — полный бокал. Тяжелый, удушливый воздух насыщен винными парами, резким запахом сигар. Существом из другого мира казалась здесь Бену. И когда официант подошел к ним, на лице

* Замужняя женщина, хозяйка.

у него тоже мелькнуло удивление. Бену сидела, низко опустив голову. Воспользовавшись этим, Мира переглянулась с официантом: нет, нет, не нужно. И, повысив голос так, чтобы могла слышать Бену, Мира сказала:

— Две чашки чаю и салат из креветок.

Бену подняла голову:

— Зачем еще и салат? Достаточно чая.

— Пустой чай? Но ведь ты давно уже из дому.

Не желая вступать в пререкания, Бену сидела молча, с застывшим лицом. Чужая, незнакомая Калькутта. Оказывается, не только в магазине у Миры, но и здесь все полно игрушек. Раскрашенных, сверкающих. Вот они — все те, что сидят за дальними и ближними столиками, держа перед собой цветные бокалы. Да и сама Мира тоже просто обыкновенная кукла, ничего больше. Что касается Бену, то она попала сюда совершенно случайно, и притом совсем из другого мира.

— О чем ты думаешь? — спросила Мира.

Бену улыбнулась:

— О том, как ты терпишь всю эту обстановку. Тебе она нравится?

— Разве любишь всегда то, что хочешь? Поневоле понравится, — неохотно отозвалась Мира.

Несколько мгновений Бену рассматривала ковер под ногами, огромный и поглощающий звуки шагов. Ей вспомнилось, как в колледже во время представления «Нотир нуджа» Мира исполняла роль героини. Какой она тогда казалась чистой, искренней! Но теперь она стала совсем иной.

— Где этот ваш приют?.. В самой Калькутте? — снова послышался голос Миры.

— Нет, за городом. От Белгхории в сторону еще нужно идти.

— В деревне? Это ведь так неудобно!

— Ты права, конечно. Городских удобств нет и в помине. А что же делать, скажи? Речь ведь часто идет о детях преследуемых родителей — тут уж с трудностями считаться не приходится.

Официант принес чай и салат.

— Ешь, пожалуйста,— сказала Мира.

Бену поднесла вилку ко рту и сразу же опустила ее.

— Что случилось?

— Да нет, ничего. — И внезапно Бену спросила: — Послушай, сколько все это будет стоить?

Мира нахмурила свои наведенные тушью брови:

— А зачем тебе знать?

— Просто так. Сколько тебе придется заплатить?

— Сколько? — Мира скорчила пренебрежительную гримаску. — Рупии полторы, самое большее.

— Полторы рупии! — И Бену произнесла словно про себя: — Можно было бы всем детям купить молока на завтрак.

Слова хлестнули, как кнут. Кажется, Бену хочет ее уколоть? Посмеяться над ней с высоты своей политической сознательности? От гнева и обиды Мира несколько минут молчала. Затем глаза ее холодно блеснули:

— На земле можно много хорошего сделать. Ну, да всего не переделаешь.

— Конечно, — спокойно заметила Бену, спорить ей не хотелось. Она отодвинула тарелку и, сделав несколько глотков чаю, отставила и чашку. Затем с какой-то нерешительностью проговорила: — Ты пей, не торопясь, дорогая, а я пойду.

— Это еще что за новости! Что с тобой?

— Просто мне надо успеть на восьмичасовой поезд. А сейчас уже

семь. И потом у меня много дел, да и сынишка плач поднимет. С ним тоже немало возни вечером.

Лицо Миры потемнело:

— Хорошо, иди.

— Ты сердишься? — Бену виновато улыбнулась. — Но я ничего не могу поделать, дорогая. Я, собственно, пришла попросить тебя об одной вещи. Ты ведь теперь хорошо зарабатываешь. Не поможешь ли чем-нибудь беднякам, оставшимся без жилья?

Неприветливое лицо Миры еще больше омрачилось. Правой рукой она схватила чемоданчик, где лежали недавно полученные деньги. Бену только что обидела ее, и теперь она нанесет ответный удар.

— В этом месяце не могу. — И, с удовольствием прислушиваясь к своим словам, продолжала: — Нужно купить два новых сари. Я уже попросила отложить их.

Одетая в поношенную полосатую блузку и дешевое сари, Бену понимающе улыбнулась:

— Хорошо, тогда, может, пожертвуешь детям несколько игрушек?

Со всей язвительностью, на какую только она была способна, Мира возразила:

— Не я распоряжаюсь в магазине, а мистер Палия. Не для того он меня держит, чтобы я бесплатно раздавала товар.

Проявляя на этот раз не свойственную ей настойчивость, Бену все еще не сдавалась:

— Тогда, может быть, ты хоть немножечко дашь в будущем месяце? Я еще зайду. — И, сделав несколько шагов по направлению к двери, она снова обернулась. — Только не сердись на меня, пожалуйста, мне обязательно нужно поспеть на восьмичасовой.

Стук сношенных кабульских туфелек стих за дверью.

В течение нескольких минут Мира пристально смотрела ей вслед. Салат из креветок вдруг показался на редкость невкусным. Глотнув чаю, она и не заметила, что расплескала его. Необычно резко Мира позвала:

— Бой! — Но, опередив слугу, внезапно, словно с неба свалившись, появился какой-то юноша-пенджабец и сел в кресло, где совсем недавно сидела Бену. Юноша знал Миру. Она взглянула на него, и хищная улыбка зазмеилась в уголках ее накрашенного рта. Это была особая улыбка — такой никогда не видели покупатели, не знала ее и Бену.

Прошло полчаса.

Вспыхивал не только неон — казалось, огонь бушевал и в крови у Миры. Глаза ее тоже горели — неудовлетворенным тщеславием. Этого взгляда не увидит Бену, да и не хватило бы у нее смелости выдержать его.

Мире вдруг захотелось смеяться. Приют, Белгхория! Вероятно, Бену в своих дырявых туфлях сейчас пешком бредет по лесной дороге, поминутно спотыкаясь в кромешной тьме. И может быть, уже слышит издалека плач своего ребенка. А здесь столько света — целое море огней. При таком освещении можно разыскать даже упавшую на пол иголку. И все же... и вдруг ее мозг пронзило воспоминание: покинутый ею ребенок под негостеприимным кровом тоже лишен этого света, и никто не спешит к нему. Заглушаемый воем джаза, плач его ни разу не долетел до слуха Миры.

Она порывисто встала и подошла к окну. Напротив — магазин мистера Палия. Сейчас он закрыт, только в витрине сверкают залитые ярким светом игрушки: куклы, заводные собачки, лепные фигурки, ружье, стреляющие пробки...

При виде этих игрушек у нее вдруг перехватило дыхание. Да, они не для Бену. Но и у того, безродного ребенка, который получает пинки где-то в чужом углу, тоже нет ни малейшего права на них.

Теперь Мира готова была застонать от невыразимого страдания. В разгоряченном мозгу вспыхнул мучительный вопрос: есть ли еще поезд в Белгхорию? Есть ли еще надежда? Бежать сейчас же, сказать Бену... Нет, она не побежит, не скажет. Очень уж темно сейчас. В такой темноте может идти только Бену — Мира не сможет. А здесь так светло! Снопы ярких лучей пьянят ее, и нет ей спасения! Нет у нее другого пути, кроме бесконечного мотылькового кружения в снопах этого света.

У Бену за этой темнотой есть ее приют. А что ждет Миру за последней ступенью этого ослепляющего бесстыдства?

Стеклянную витрину Мира может разбить, она может завладеть всеми игрушками. И даже выстрелить из игрушечного ружья. Но Мира хорошо знает, что из этого получится: только шум и дым, а больше... больше ничего.

Гурвел Сингх

Зинат

Перевод с пенджаби Л. Мирцевой и И. Рабиновича

Меня зовут Зинат*. Сколько мне лет? Точно не знаю; я не стара, но уже и не молода. Здесь, в Бомбее, я и живу. Есть тут квартал, в разных концах которого расположились шесть чайных, три лавки, где продают бетель, пять швейных мастерских, четыре парикмахерских, но ни одной книжной лавки вы здесь не найдете. Пройдите немного вперед — и увидите пустырь. Он порос травой и кустарником и очень грязен. Посреди, словно большая язва, выделяется цементная площадка, на дощечке легко можно прочесть: «Здесь колонка». На другой стороне улицы вы заметите трехэтажное здание. Внизу убогие лавчонки и мастерские: лавчонка торговца бетелем, лавчонка угольщика, сапожная мастерская, прачечная, трактир — словом, все те заведения, какие удовлетворяют нужды обитателей квартала. Над лавкой угольщика вид-

* Красота.

на синяя афиша с рекламой фильма «Мой любимый». Над ресторанчиком легко сможете разобрать вывеску «Ресторан Кишана» и потускневшее имя «Икбал». Икбал миан * уехал в Пакистан, а Кишан махараджа *, приехав из Синда, оборудовал ресторанчик, повесил вывеску и заменил слово «Икбал» на «Кишан».

Войдемте-ка сюда. Я познакомлю вас со всеми обитателями дома. Внутри темнота, дым, чад, зловоние. Да, войдемте внутрь, в дом, где позади лавчонок живет не одна и не две, не десять или двенадцать, а около двадцати семей. Если подниметесь по лестнице — будет первый, второй, третий этаж.

Но там, где вы сейчас стоите, нет обозначения этажа — жильцы называют его просто «на земле». Зайдемте в первую комнатушку, в ней живет сапожник Малу. Он живет здесь свыше двадцати лет. Женился он за восемь лет до переезда сюда. Малу не больше сорока лет. Жена его родила тринадцать детей. Восемь померли, пятеро живы. Их зовут Калу, Мангу, Бабу, Рекхи, Шало. Чем занимается Малу? Он скупает у бабу* старые, изношенные, рваные ботинки, сандалии, чинит, чистит их, приделывает новые каблуки и потом продает в рабочих кварталах. Жена Малу своими руками сучит крепкую тонкую нить, натирает ее воском. С помощью этой тонкой нити Малу пришивает едва заметные латки. Малу — искусный мастер. Закончив полный ремонт, он вручает сапоги жене, которая чистит их ваксой «Черный шах» ее собственного изготовления. Начистив до блеска, относит на рынок.

Посидите часок у Малу, он расскажет вам, что дела сейчас идут плохо. Бабу не продают сколько-нибудь годных башмаков, наоборот, беспощадно носят их до тех пор, пока обувь совсем не развалится. Да и трудовой, рабочий люд почти не покупает даже старых, дешевых сапог. Если приходится выбирать между пищей и обувью, предпочтение всегда отдается пище.

Жена Малу — трудолюбивая женщина. Взвалив на спину корзину с ботинками и сандалиями, она целыми днями ходит по рабочим кварталам и тащит за руку Калу. Если же сидит дома, то рядом с Малу вьет нитку, размачивает обувь, изготовляет ваксу «Черный шах». Малу сообщит вам, что для чистки сапог бабу употребляется английский гуталин, для сапог рабочего люда пригодна лишь вакса, изготовленная его женой. Услыхав похвалу своему мастерству, жена Малу улыбнется. Она подумает: «Эх, отец Малу! Прекрасно знаю, что ты на мне женился и привел меня в дом лишь потому, что я умею делать такую ваксу, умею продавать ботинки в рабочих кварталах, могу делать все что угодно в доме. Ведь мне отлично известно, что ты глазеешь на каждую проходящую по улице девчонку. Пристально разглядываешь ты и стайки шествующих, словно утки, девиц; взгляд твой задерживается на высокой груди и округлых бедрах. Но, папаша Малу! Сделай мне хоть раз за всю нашу долгую совместную жизнь туфли на высоких каблуках. И я бы в них пошла, покачивая бедрами, как та краля, которую ты видел».

Вечно сопливый Калу только и ждет, чтобы мать утерла ему нос своим подолом. Одно дело утирать сопли, другое дело вертеть бедрами!

По соседству с сапожником Малу, в комнатушке рядом, живет Гулама. Снаружи, перед лавкой угольщика, возле груды угля вы увидите ручную тележку без колеса, она вот уже несколько месяцев валяется здесь, эта тележка Гуламы. Гулама — собственник двух вещей: этой тележки и своего чулана. Он мог бы иметь еще одну вещь — я имею в виду жену; но он еще не женат. Гулама занимается разными делами. Больше всего он любит перевозить грузы на своей тележке. По милости одного гуджератского купца он стал обладателем тележки. Когда поку-

* Господин.

патели брали уголь в лавке, Гулама доставлял его на дом. Восемь ана ему приходилось отдавать гуджератскому купцу, остальные — тратились мгновенно. Но эта христианская девушка Мери! Она привела Гуламу в такое заведение, что — ах!.. Гуджератский купец перестал получать деньги за тележку, и тогда пришел его агент, отвинтил у тележки одно колесо и унес. Мери уехала в Пуну с семьей парсов, она работала у них нянькой. Теперь Гулама носит мешки с углем на голове, доставляя их покупателям. Он жует бетель, то и дело сплевывает черную пыль и вытирает лицо полой своей куртки. По вечерам сидит в ресторанчике Кишана, болтает о всякой всячине. Трудности жизни, дороговизна, нужда, неудачи, война, мир, политика — у Гуламы на все это находится один ответ: «Нам-то что!» Вот о женщинах он может говорить часами. Он никогда не любил фильмы с участием Наргис, но зато — поклонник Кулдип. Сидя в ресторанчике, он кричит официанту:

— Что, дружок Рахиман, женщин-то нам добыть негде? Слышал я, что для нас существует только ходовой товар, пойдем-ка к ним!

Но Рахиман возражает ему:

— Я думаю, женщины окажутся нам не по карману...— Рахиман и Гулама так хохочут, гогочут и стучат по столу, что идущие мимо люди заглядывают в ресторанчик.

Три соседние каморки рядом с Гуламой занимают официанты из ресторанчика Кишана. Здесь живут Рахиман, Чету, Асгар, здесь живет белый парень-синдхи* с длинными космами, равнодушный Чанду. Мокрыми ногами эти жильцы-официанты протоптали дорожку от задних дверей ресторанчика к своим каморкам и бегают по ней взад и вперед весь день. Их каморки хуже, чем остальные. Они сделаны из обожженного и необожженного кирпича. Потолки жестяные и очень низкие. Это жилье для людей, чей доход крайне невелик, они с большим трудом могут платить 50 рупий в месяц. Перед этими каморками площадка размером около одного квадратного метра, на которой находится водопроводный кран. Он служит общей ванной, общей кухней, местом, где стирают белье и где моют посуду,— местом споров и ссор, местом любовных встреч. Словом, это единственный источник, откуда течет живая вода, оглашая унылую местность мелодичным журчанием; тот источник, перейдя который, Ранджхи направляются к ложу своих Хир **, где влюбленные приходят друг к другу и где в конце концов они тонут. К этому крану дочка лавочника раз пятьдесят за день бегала с ведром воды, когда была влюблена в Асгара, Асгар же целый день торчал у задних дверей ресторанчика, напевая «Не уходи...» А затем, когда лавочник уехал в Дадар, то Асгар, чувствуя, что Хир «уже не вернется из хоровода», стал ронять пиалы, и в течение нескольких месяцев все его жалованье ушло на штрафы за разбитую посуду.

Неподалеку от этих каморок расположены другие. Вот первая, она кажется чистой и опрятной, и вокруг нее вьется зеленая лиана. Перед этой комнатушкой растет куст тулси ***. Сона Баи каждый день поливает его, обрезает листья, ласкает, любуется им. Сона Баи уверена, что до тех пор, пока она будет его поливать и лелеять, женственность ее и обаяние сохранятся, в доме будет царить благополучие и — самое главное — сохранится ее молодость. Живет ли Сона одна в этой комнатушке? Нет, такие женщины, как Сона Баи, не живут одни. Она привела в свой дом маратха по имени Кадамкар. Кадамкар, собственно, не бом-

---

* Народ, населяющий область Синд в Западном Пакистане.

** Ранджха и Хир — герои пенджабского фольклора, идеальные возлюбленные.

*** Растение, считающееся у индусов священным.

бец — его деревня находится в зиле * Балгам. До приезда в Бомбей он служил там в винной лавке. У Кадамкара смуглая кожа. В глазах у него хмельной блеск, у него густые и жесткие усы. Он говорит:

— Какого черта правительство ввело сухой закон? Пришлось мне уйти из деревни. Подрядчик-то стал богачом, а все его друзья-приятели остались с носом. Ладно, приехал в Бомбей, а здесь эта потаскушка такой «насест» открыла, людей прямо с тротуара тащит в дом. Хотя чертовка и меня затащила к себе, но девка она негодная, нельзя ей верить.

Кадамкар говорит правду, Сона Баи верить нельзя. К ней в дом ходят игроки, сидящие за картами до поздней ночи, появляются у нее еще кто поиграть, кто просто посмотреть, а кто и переночевать. И Сона Баи, подобно цирковому жонглеру, находит для каждого свое место.

Сона Баи распутная женщина, но соседи ни разу не слыхали от нее дурного слова. Со всеми приветлива, никому не докучает. В случае нужды соседи занимают у нее пять-десять рупий. Если какой-нибудь горемыка-сосед заболеет, она отдаст последние гроши, позовет врача, купит лекарство, еду. Малу однажды сказал при всех:

— Конечно, Сона Баи нельзя считать порядочной женщиной, но она в тысячу раз лучше тех лавочников, которые гноят зерно в амбарах, в то время как мы с вами выбиваемся из сил и подыхаем с голоду.

У Сона Баи нет детей. Но она так любит соседских малышей, словно это ее собственные. Черномазых детишек сапожника Малу она приводит к себе, целует, играет с ними, дает деньги на лакомства, дарит одежду, делает для них все что может. Если бы у Сона Баи родился ребенок, то, кто бы ни был его отцом, жизнь Сона Баи стала бы совсем иной. Но сейчас о ней принято говорить лишь одно: этой женщине нельзя верить.

В комнатенках рядом с Сона Баи живут ремесленник Раджу, кожевница ** Хасо, которая работает уборщицей в женской школе, и мастер Хайрдин, изготовляющий игрушки. Хайрдин — прирожденный художник. Еще с детства он начал лепить человеческие фигурки из глины. Хайрдин живет в своей каморке с женой, старой мачехой и четырьмя маленькими сестрами. Сестры Хайрдина — трудолюбивые девушки. Они размачивают глину, делают ее мягкой и эластичной, а Хайрдин своими искусными руками изготовляет фигурки, которые кажутся совсем живыми. Сестры, раскрасив их, прикрывают их наготу. Выбрать краски, найти подходящее сочетание — это могут сделать только женщины. Затем Хайрдин несет продавать фигурки на базар. Было время, когда он делал из глины великолепных раджей и махараджей, лепил принцев и принцесс. Но когда он познакомился с Рамзаном, то перестал лепить раджей и махараджей. А если когда и слепит, то таких уродливых, что посмотришь — на икоту позывает. Недавно Хайрдин вылепил крестьянина, разбивающего рукояткой плуга корону на волчьей голове. От сильного удара одна половина врезалась в волчью голову, а вторая слетела на землю. На теле крестьянина сестра Хайрдина написала «Азия».

Сосед Хайрдина — Рамзан. В комнатушке Рамзана вы увидите две скамейки, несколько стульев, две койки. Рамзан — токарь железнодорожных мастерских. Никто из рабочих не может с ним сравняться в выделке деталей и обточке гаек. Он искусный рабочий, но хозяева мастерской все выслеживают, не допустил ли он какой-либо оплошности, за которую Рамзана можно было бы уволить. Недавно полиция арестовала его и обвинила в том, что он хранит оружие. Рамзан заявил на суде:

---

* Округ.

** Член касты кожевников.

— Да, это правда. Я даю в руки каждого человека такое оружие, при помощи которого изменяется его образ мыслей, и тогда этот человек не может дольше терпеть несправедливость. Каждого человека я вооружаю новыми идеями и буду продолжать это делать. Но если, вопреки конституции, в вашей власти отнять у меня право свободно выражать свои мысли, то я должен признать себя виновным.

Расследование дела двигалось черепашьим шагом и тянулось уже несколько месяцев. Рамзана уволили с работы. Но вышестоящая судебная инстанция оправдала его. Рабочие мастерских бастовали три дня и вынудили хозяев принять его обратно. Рабочие кричали хором: «Да здравствует сардар * Рамзан!» Да, я забыла сказать, что все рабочие, товарищи Рамзана, зовут его «сардар». Рамзана нельзя назвать красивым. Но когда он говорит, лицо его излучает сияние. Я люблю Рамзана больше всех и желаю ему счастья больше, чем всем другим.

Итак, в этих каморках проживает беднота. Живет в грязи, готовит пищу только раз в день; здесь много шумят, громко разговаривают. Всегда кто-то с кем-то ссорится, женщины спорят друг с другом, жены бранятся с мужьями, покупатель воюет с продавцом — словом, кажется, будто здесь кто-то подбросил под пол кости шайтана; только я думаю, что наша система человеческих отношений куда хуже проделок шайтана!

Давайте поднимемся выше. Вам встретятся опрятные люди, чистые комнаты. Топ-топ-топ... Подымитесь еще на пятнадцать ступенек. Вот первый этаж. Здесь темновато, но стены побелены. У входа в иные комнаты развевается занавеска, серая, синяя или желтая, и ветер рвется из комнаты так, словно попал туда по ошибке.

В первой комнатке с синей занавеской живет семья синдхи. Старуха мать овдовела еще в ранней молодости. Было у нее двое мальчиков и девочка, которых она растила с трудом. Старший сын умер от туберкулеза, мать после этого горя согнуло, словно в пояснице у нее что-то надломилось. Люди рассказывают — шесть лет каждое утро она ходила на могилу к сыну. Из могилы она будто слышала его голос и целыми часами беседовала с ним. После образования Пакистана и это утешение было отнято у нее. Матери показалось, что она потеряла сына вторично. Сейчас старушка снует вверх и вниз по лестнице, нигде не находя покоя. Когда устает ходить, то ляжет на подстилку у двери, сразу же засыпает и видит во сне умершего сына. Другой сын старушки торгует ювелирными изделиями. Дочка ее расцвела года три назад. До свадьбы она вела себя очень скромно. У этой женщины между глазами и бровями расстояние такое, какое, пожалуй, бывает между хорошей и злой долей. В глазах застыло какое-то недоумение. Посидите несколько минут около женщины синдхи, и она сразу начнет рассказывать о своей свадьбе, словно в жизни у нее только и было это одно событие, о котором стоит рассказать.

— Поселилась я в доме родителей мужа, но вынести такой жизни не могла,—рассказывает она. Полные губы женщины увлажняются.—Когда муж мой пришел за мной, я очень грустила. Видя, что я так печальна, он сказал: «Хотя твои родители очень любят тебя, но все-таки придется тебе жить в доме у моих родителей. Это теперь твой дом, и...» Услышав его слова, я заплакала и обняла его.

Губы женщины еще более увлажнятся. На щеках у нее заиграет румянец, расстояние между бровями и глазами еще более удлинится, и, помолчав немного, она продолжает:

* Господин.

— Затем он сказал: «Твои родители дали всего две тысячи, на что же мы будем жить? Украшений дали тоже очень мало...»

Губы женщины дрогнут, и слезы брызнут из глаз. Она часто заморгает. Подожмет губы, словно решила этого скрягу совсем из памяти выбросить. Но молодая женщина никак не может совладать со своими чувствами—то становится совсем мягкосердечной от любви, то каменеет от ненависти.

В следующей комнатушке живет Дисоза — машинист пригородных поездов. Беспечный парень лет двадцати семи — двадцати восьми, ни то ни се. Как будто в этом мире у Дисозы нет родных и близких. Родина Дисозы — Гоа *, славящееся своими высокими кокосовыми пальмами и низенькими красивыми домиками с покатыми крышами, туда многие стремятся попасть из-за огромного количества вин и дешевых заграничных вещей. Но в Гоа нет работы, нет коммерции, нет промышленности. Чтобы сколотить немного денег, люди из Гоа — сотни тысяч таких Дисоз и тысячи молодых женщин — отправляются на заработок в Бомбей и другие города, занимаются канцелярской работой, изготовляют местное вино и продают его. Жалованье в Бомбее маленькое, дороговизна растет, и вот люди из Гоа развлекаются дешевыми удовольствиями, носят мексиканские, а подчас и калифорнийские платья, смотрят фильмы с Лорел Харди и лучшие годы жизни проводят в сутолоке Бомбея. Если какой-либо счастливец сколотит к старости небольшой капитал, то он спокойно проведет остаток жизни в «дешевом Гоа». Но немногим удается повидать родину. К числу неудачников принадлежит и Дисоза. Трудится с утра до вечера. Затем со своей «sweet honey» отправляется в кино или на танцы. Поздно вечером, насвистывая мелодию английской песенки, возвращается домой и ложится спать. В воскресенье обязательно посещает церковь. Он очень религиозен. Для человека, ведущего порочный образ жизни, полной дешевых развлечений, поддержка бога необходима.

Над первым этажом — второй. Подымемся. Здесь вы увидите просторные, чистые квартиры по две-три комнаты. Тут живут люди с достатком. Зайдемте в первую квартиру, где вы встретите писателя. Несмотря на свою молодость, он уже настрочил несколько десятков книг, написал несколько киносценариев, поставил несколько кинокартин, но положение у бедняги не изменилось. Сапожника Малу он зовет «камред». Спросите о нем Малу, и тот расскажет, что это за удивительный человек. Он спускается вниз к Малу и говорит, протягивая ему совершенно чистые ботинки:

— Камред, почисть ботинки!

Сам при этом садится на край мешковины, подтянув шерстяные брюки и скрестив ноги. Малу начищает и без того чистые ботинки и объявляет:

— Возьми, бабу-джи **, они как новые!

А писатель отвечает:

— Слушай, почисть их шесть раз подряд, я дам тебе шесть ана.

Малу, бедняга, удивлен; открыв коробку с ваксой, он начинает их чистить и считает — раз, два. Писатель чуть улыбается:

— Малу, сколько у тебя детей? Когда ты женился? Любишь ли ты свою жену? Приходилось ли тебе когда-нибудь влюбляться? Как прошло твое детство? Ну-ка, расскажи что-нибудь еще. Сколько ты зарабатываешь в день? Всего полторы рупии? Как же ты живешь? Хорошо,

---

* Португальская колония на территории Индии.

** Уважаемый.

расскажи, что ты думаешь о властях. Если бы власть отдать в твои руки, что бы ты тогда сделал? Дал бы каждому еду, каждому одежду, каждому жилье и... неплохо, что и говорить! Каждому жену? Ха-ха-ха!..

Малу медленно чистит ботинки и ведет с писателем беседу. Наконец, посидев с полчаса, писатель надевает ботинки, сует в руки Малу рупию и уходит.

Малу является как бы источником, откуда бьет неиссякаемая струя; при помощи писательского пера все его слова и мысли могут дойти в книгах до сотен тысяч и миллионов читателей. Писатель черпает свое вдохновение в этой родниковой струе, он ощущает всю ее сладость, а подчас и горечь и, наполнив всем этим разноцветные бутылки, доносит до читателей влагу, рассеивающую печаль.

— Вот посидит этот писатель с вами десять минут — и удача в кармане. Поговори с ним — и жизнь начинает казаться краше.— Через минуту Малу замечает: — Для него это только средство побольше узнать о нашей жизни. Если хочешь действительно узнать кое-что, спускайся со второго этажа в мою каморку. Проведи здесь дня четыре — познакомишься с жизнью трудового люда.

Этажом выше живет семья, занимающая двенадцать комнат, четыре кухни, пять ванн и три уборных. Здесь, на третьем этаже, живет Кхобрекар и его жена Зарина, вот и все жильцы — больше никого. Кхобрекар щеголь — усы колечком, насурмленные глаза, сильные челюсти, большой мясистый нос и толстые губы. До переезда сюда он занимался ловлей лесных птиц. Охотился он за голубями, скворцами, попугаями, утками и продавал их в Бомбее. В подражании птичьим голосам Кхобрекар не имел себе равных. В лесу он расставлял такие силки и западни, что птицы сами туда попадались. Он бывал часто в Бомбее. Однажды вечером Зарина отправилась на рынок покупать скворца, а Кхобрекар пришел туда продавать птиц. Вольный лесной красавец-птицелов Кхобрекар расставил такую сеть, что Зарина сразу в ней запуталась. Ослепленная его чарами, девушка в течение двух часов не могла с ним расстаться. Она сказала:

— Сеть Кхобрекара — вот что такое теперь моя свобода, только в ней я могу жить.— В ту же ночь она убежала с Кхобрекаром в Шолапур.

Месяцев через шесть Зарина написала отцу: «Если ты хочешь, чтобы я вернулась, согласись на мой брак с Кхобрекаром и дай нам квартиру». Хотя отец Зарины и был воплощением дьявола, но родная дочь часто бывает слабостью родительского сердца, и он согласился предоставить им третий этаж. Свыше трех лет живут они здесь, ни детей у них нет, ни занятий каких-нибудь, только едят и пьют, бездельничают и ссорятся. Кхобрекар все время жалуется. Вольный воздух лесов и голоса птиц променял он на эту постылую жизнь с Зариной. Зарина злится. Сойдясь с этим диким человеком, она погубила себя. У мужа нет ни стремления жить в Бомбее, ни привычки ходить в ресторан, ни умения вращаться в порядочном обществе. Зарина сердита, она раскаивается и бранится...

Больше этажей в этом доме нет. Над квартирой Зарины крыша, а наверху синее небо, открытое, бескрайнее, то низкое, то высокое, жара, лунный свет, зной или прохлада. Сюда долетают порывы ветра, раскачивающие кокосовые пальмы, они приносят с собой свежие ароматы, капли океанской воды и врываются внутрь дома. Стаи облаков проплывают в воздухе. Иногда собираются черные тучи. Затем небо яснеет, и появляется радуга. Воздух, напоенный ароматом, постепенно

наполняется щебетом птиц. Над крышей с одной стороны солнце встает, с другой — по вечерам погружается в море. Наступает ночь, зажигаются звезды. Лунными ночами невидимые пери спускаются с неба словно для того, чтобы навеять какой-то сон или унести щемящую боль. Вместе с мягким, плавным танцем пери приходит на землю покой, люди погружаются в сладкий сон.

Но все это не имеет ничего общего с теми людьми, кто живет в первом этаже и заточен в свои каморки. Эти люди лишены права любоваться природой, дышать чистым воздухом, наслаждаться лунным светом; человек, оторванный от природы, — все равно что ребенок, лишенный материнской груди. Человека заперли в грязные, темные, сырые клетки. У него отняли способность радоваться лунному свету. Он больше не помнит, как выглядит луна и как сверкают звезды. Он не слышит пения птиц, рева водопадов и шума ветра. Человека ослепили — он не различает цветов радуги.

Подчас я слышу — неведомый бог смерти грозит двумя-тремя ударами покончить со всем человечеством. С детьми, юными девушками, славными парнями, мудрыми старцами. Я вздрагиваю. Мое сердце колотится. Подобно птице, я хочу все человечество спрятать под свое крыло и, тесно прижав к сердцу, успокоить.

При виде бедствий, грозящих людям, я прихожу в ярость. Мне хочется одним махом поставить все с головы на ноги. Все во мне трепещет от гнева и возмущения. Если моряк, как говорят в народе, потерял свой корабль, он потерял и надежду. Мое отчаяние не знает границ, от стыда меня бросает то в жар, то в холод.

Но вот занимается день. Люди просыпаются, встают, берутся за дела. Жизнь закипает, и по улице движутся людские потоки. Человек вступает в повседневную борьбу за то, чтобы своим святым созидательным трудом продвинуть весь мир вперед. Способность человека выносить трудности, терпеть бедствия и продолжать наступление — безгранична. Труд человека поистине достоин поклонения. Я думаю о Рамзане, об искусном Хайрдине, не покидает меня мысль о писателе, трудовые руки Малу все время перед глазами — и моя вера в величие человека крепнет. Я все больше убеждаюсь в том, что все эти люди, их умелые рабочие руки, их доброжелательные умы, наконец перья наших писателей — все это вместе взятое не позволит человечеству оставаться в нынешнем состоянии. Жизнь должна перемениться.

Меня зовут Зинат. Я живу здесь, в Бомбее. У меня сотни тысяч сестер, твердых и непоколебимых. Я знаю: человек должен жить, все лишние этажи он сметет силою своих рук.

— Как бы там ни было, американцам не нравятся те, кто стремится честно работать на благо Окинавы. Таким людям у них работать трудно.

И далее он рассказал о Сётэне Камэкава, недавно поступившем в гражданское управление. Первое время Камэкава, не имея определенной работы, болтался в общем отделе, а затем стал личным секретарем губернатора, сейчас он воображает, что из-за кулис руководит всем гражданским управлением. Однажды он заявил Мацускэ, что в управлении много лишних людей, и в первую очередь губернатор.

До окончания войны Камэкава служил в управлении Южно-Маньчжурской железной дороги. Он придерживался того мнения, что, когда приходится иметь дело с американцами, нужны не те, кто рассуждает логично, а те, кто ставит на первое место бизнес.

— Ведь прав Камэкава,— сказал Мацускэ.— Я не знаю, можно ли назвать теперешнюю деятельность гражданского управления политикой, но таким людям, как я, там не место.

Мацускэ в конце концов поступил в школу, где директором был Нисидайра. На это у него были свои соображения. Несмотря на то, что он дал себе зарок больше никогда не быть учителем, в последнее время он понял: именно в этом его призвание.

До сих пор он жил вслепую. Опыт этих двух-трех потерянных лет заставил его глубоко осознать, насколько важна в жизни человека определенная цель.

Еще до войны он говорил своим ученикам о необходимости иметь цель в жизни, так как считал, что именно это — самое главное для человека. Но теперь, после войны, оглядываясь на свое прошлое, Мацускэ впервые понял, что и сам-то он не имел ни истинной цели, ни того горького жизненного опыта, который помог бы эту цель осмыслить. До сих пор его как бы несло по течению. В университет он пошел потому, что так же поступали его друзья, историю он изучал потому, что она ему нравилась, но не настолько все же, чтобы он не мог без нее обойтись. Специальность учителя он выбрал, поскольку другой подходящей профессии не видел; правда, став учителем, он постарался выполнять свои обязанности хорошо. Вместе с тем, Мацускэ чувствовал влечение к истории тех районов Японии, которые еще оставались совсем неизученными. Ничто не мешало Мацускэ следовать по этому пути. Ему надо было только держаться избранного им курса. Но после войны Мацускэ оказался в положении капитана, потерявшего компас и не знающего, куда ему плыть. И тут он впервые постиг истинное значение цели в жизни. Ему казалось, что только теперь он осознает ее.

Вначале он, как и многие другие, немало ожидал от американской демократии. На душе было тоскливо от сознания того, что он оторван от Японии, но декларация об оккупационной политике почти заставила его забыть эту тоску. Он верил, что на руинах вскоре появятся новые люди, возникнет новое общество. Однако все это оказалось иллюзией.

Мацускэ все решительнее отказывался от того, чтобы связывать свои надежды на будущее с Америкой. Сомнения всегда жили в его душе. Эта неуверенность порождалась тем неестественным положением, в котором оказался остров Окинава. Всем им постоянно говорили: «Вторая мировая война была победой демократии над агрессивным тоталитаризмом. Поскольку остров Окинава отделен от Японии, демократия здесь ничем не будет ограничена. Вы все еще находитесь под властью призраков императорского тоталитаризма».

Теперь Мацускэ стал особенно ясно сознавать, что означает отделение Окинавы от Японии. Если бы Америка считала своей задачей только насаждение на острове свободы и демократии, не было бы

необходимости отрывать Окинаву от Японии, которая, согласно декларации, была оккупирована тоже с целью демократизации. Над этой простой истиной Мацускэ почему-то никогда не задумывался, да и не он один, почти никто не думал об этом. Лишь теперь, через три года после окончания войны, истина эта глубоко вошла в сознание многих жителей Окинавы.

Всем бросался в глаза следующий факт: широко провозглашенные Америкой свобода и демократия не получили никакого конкретного выражения на этом острове. В самой Японии, сейчас же после начала оккупации, были проведены различные демократические реформы и введена в действие новая конституция. Здесь же, на Окинаве, без разрешения военных властей запрещалось издавать литературу, созывать собрания, слушать радио, фотографировать и даже просто передвигаться. Право самоуправления так и не было предоставлено населению. В последнее время наконец-то ввели новую систему управления в городах, поселках и селах, провели выборы городских мэров, поселковых и сельских старост; но так и неизвестно, когда будет предоставлено самоуправление острову Окинава и всем островам архипелага Рюкю. Жители были постоянными свидетелями расового презрения чужеземцев к побежденным.

Понять действия американцев можно было только в связи с тем фактом, что американская армия тайным образом создавала на этом острове военную базу. Пользуясь правом оккупантов, они строили аэродромы, площадки для зенитной артиллерии, склады боеприпасов, покрывая острова сетью радарных установок, причем все это делалось в тайне от местного населения и мирового общественного мнения. Однако скрыть все это от народа не удастся. Мацускэ никак не мог понять, почему Америка возводит здесь военные сооружения,— ведь мировая война только что кончилась.

Все это означало: американцы оккупировали Окинаву не для урегулирования последствий войны, а потому что они вынашивают и на этом острове далеко идущие планы. Еще сто лет назад коммодор Перри подчеркивал, какое серьезное значение имеет остров Окинава как в торговом, так и в военном отношении. Он говорил тогда, что контроль над здешними портами «не только справедлив с точки зрения общей морали, но и уместен с точки зрения интересов всего мира».

Сегодня, в двадцатом столетии, Америка стремится практически использовать его совет. Она неоднократно объявляла, что не имеет никаких территориальных притязаний. Но это потому, что сейчас нельзя проводить захваты открыто, как во времена Перри. Ныне Америка намеревается осуществить свои замыслы в новой форме, провозгласив так называемую опеку. Правда, официально она еще не объявила об этом, но такая возможность предполагалась с начала оккупации.

Мацускэ, как и многие другие, считал, что единственный путь к улучшению судьбы окинавцев — это освобождение от иноземного господства и воссоединение с родиной. Он считал, что память о погибших ученицах обязывает его выполнить свой личный долг. Народ Окинавы обязан сплотиться воедино. И этому надо учить всех. Он считал своей обязанностью рассказывать молодежи, потерявшей родину, о том, как их предки боролись за эту свою родину.

Наоко не возражала против того, что Мацускэ переменил службу. Она до известной степени понимала состояние мужа и примирилась с тем, что его заработок несколько уменьшился. Но ее огорчало то, что, занявшись школой, Мацускэ вовсе перестал интересоваться домом.

Он был всегда энтузиастом школьных дел, и его мало трогали дела семейные. Наоко особенно почувствовала это после начала войны.

Когда пришло известие о высадке американских войск, Наоко с детьми эвакуировалась в Кунигами. Ее глубоко обидел Мацускэ, который и тогда ни на миг не покидал школы. Война окончилась, и они снова встретились после полугодовой разлуки; но в сердце Мацускэ не прибавилось любви к Наоко и детям. Казалось, он блуждал где-то в пустоте. Когда Кунио вернулся из Японии, Мацускэ вместе с Наоко пошел встречать его на пристань, но прямо оттуда побежал на работу. Кунио, вопреки опасениям, выглядел бодрым и здоровым, и Наоко пришлось одной выслушать все его рассказы. Она не могла без укоризны думать о муже, который мог, не задумываясь, покинуть семью, если только кто-либо из учеников звал его на семейное торжество.

Работая в гражданском управлении, Мацускэ не принимал никаких подачек от американских солдат, как это делали другие. Между тем, многие семьи именно таким образом сводили концы с концами. А Наоко приходилось подрабатывать шитьем на дому. Даже дочка Соноко однажды сказала об отце: «Наш папа боится всего. Почему не взять военные трофеи, что здесь плохого?»

Правда, как-то вскоре после этого Мацускэ вместе с сослуживцами привез на грузовике разную одежду, консервы и прочее добро. Один из сослуживцев, узнав, что войсковая часть переводится в другое место, привел их к покинутой казарме, где они и собрали все это.

Работая в гражданском управлении, при желании можно было бы не раз использовать такие возможности, но Мацускэ позволил себе это только один раз; он с брезгливой миной говорил о таких делах, недостойных благородного человека.

Вернувшись в школу, Мацускэ получил небольшой стандартный домик в городе Т. и переехал туда вместе с семьей.

Вначале Наоко совсем не имела заказчиков, а цены на товары повысились к этому времени в шесть-семь раз. Наоко не знала, как свести концы с концами.

Тут забеспокоился и Мацускэ. Помочь он ничем, конечно, не мог, но зато подробно объяснил жене, как обстоят дела в гражданском и муниципальном управлениях, и утешал ее, уверяя, что так долго продолжаться не может. По его словам, американские военные власти намерены покончить с инфляцией.

«Американцы думают, что стоит им выкачать у населения оккупационные иены путем повышения цен на пайковые товары — и инфляция приостановится. Но им и в голову не приходит, что мы из-за этого можем с голоду умереть. Им бы только выжать из нас эти оккупационные иены. В донесениях своему правительству они то и дело предупреждают о том, что нельзя допускать инфляции. Для них самое главное проводить оккупационную политику так, чтобы по форме все получалось гладко. Говорят, Америка отпускает окинавцам огромные суммы из фонда «Помощи оккупированным территориям». Это враки. На ассигнуемые деньги Америка покупает товары, затем продает их нам, а вырученные суммы расходует на заработную плату рабочим, занятым на военном строительстве. В конечном итоге, вся помощь сводится к тому, что американцы заставляют работать на себя несколько десятков тысяч окинавцев и выплачивают им заработную плату».

Каждый раз при этих разговорах Наоко чувствовала легкое раздражение. Ей как будто понятно все то, о чем говорит муж, и в то же время главное остается где-то за пределами ее понимания. А в общем, она видела, что стелют-то американцы мягко, да спать жестко, поют они сладко, а на деле думают только о себе, и нет им никакого дела до жителей острова.

Месяца четыре назад, например, вдруг вышел приказ о прекращении выдачи пайков. Наоко страшно испугалась. Оказалось, что американцы прибегли к такой угрозе потому, что управление по делам труда не дало американцам рабочих. Каждый город и поселок, каждое село обязаны были послать рабочих в порт Наха, обеспечив их питанием и транспортными средствами. Но с отправкой рабочих дело не ладилось. Тогда американцы объявили, что они прекратят выдачу пайков всем, включая детей.

Наоко считала, что, поскольку Япония проиграла войну, придется волей-неволей переносить жизненные невзгоды, и все-таки она, как и другие женщины, не могла не возмущаться таким бесцеремонным отношением к людям.

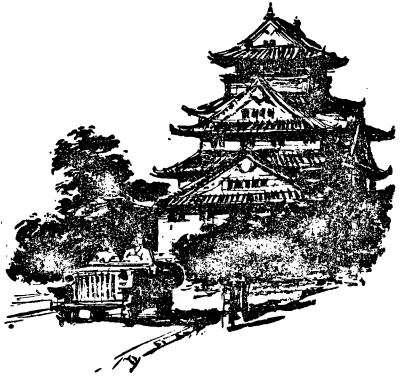
Однако образ действий американцев ничуть не менялся. Они отнюдь не заботились, чтобы хоть в какой-то степени облегчить участь населения. Поэтому никак нельзя было рассчитывать на то, что положение в будущем улучшится. Временами Наоко казалось, что война все еще продолжается.

Уже прошло три года после капитуляции Японии, а Наоко по-прежнему не знала, как нойдет дальше их жизнь. Ничего нельзя было предугадать. Будет ли у нее еще когда-нибудь домик с черепичной крышей, как раньше? Нынешний заработок мужа не сулил никаких надежд на будущее. А цены подскакивали снова и снова, и жалованья никак не хватало, чтобы прокормить семью из пяти человек.

Люди были бессильны чем-либо улучшить свою жизнь, оставалось одно — отдаться на волю «господ американцев». Сама Наоко еще могла кое-как примириться с нынешними невзгодами, но стоило ей подумать о будущем своих детей — Кунио и Соноко,— как у нее совсем ослабевала воля к жизни.

Мацускэ говорил, что, если в будущем окинавцам не разрешат уезжать в Японию для продолжения учебы, они отправят Кунио нелегальным путем и постараются приписать его к семье брата Мацускэ, проживающего в Токио. Но Наоко была против этого, она и думать не хотела о том, что через несколько лет придется отправить сына на утлом контрабандистском суденышке в Японию. И в то же время она не знала, что же ожидает Кунио, если он останется на Окинаве.

(Окончание следует)



ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

Гуань Хань-цин

Обида Доу Э

(Из пьесы)

Перевод с китайского и вступление В. Сорокина

Один из самых ярких и значительных драматургов Китая Гуань Хань-цин творил в XIII в., когда страна попала под иго монгольских ханов. Повсюду царил произвол, национальный гнет усугублял гнет социальный, в пренебрежении оказались традиционные формы блестящей культуры средневекового Китая. Только театр, самый демократический из тогдашних видов искусства, тесно связанный с широкими слоями городского населения, смог не только выстоять, но и сделать большой шаг в своем развитии. Достигла расцвета музыкально-драматическая форма «цзацзюй». Ее характерные черты — чередование диалогов и пения (причем, поет, как правило, лишь один персонаж), ограничение размера пьесы четырьмя актами, щедрое использование разговорного языка. Одним из зачинателей и крупнейшим мастером «цзацзюй» и был Гуань Хань-цин.

Сведения о жизни великого драматурга весьма скудны. По-видимому, он родился между 1210—1240 гг., умер между 1290—1300 гг. В молодости занимался медициной, затем целиком отдался театру и поэзии. Из 60 с лишним его пьес, известных по названиям, сохранилось не более 18, причем относительно авторства некоторых из них доныне идут споры. Но и то, что сохранилось, дает отчетливое представление о широте творческого диапазона драматурга, многообразии его тем и сюжетов, глубине проникновения в жизненные конфликты, образности его поэтического языка.

Среди пьес Гуань Хань-цина есть немало комедий, полных то непосредственного юмора, то тонкого лиризма («Спасение обманутой», «Се Тянь-сян», «Беседка у реки»). В драмах на исторические сюжеты («Один среди врагов», «Плач по Цуньсяо») звучит тема верности своему патриотическому долгу, тема мести захватчикам. Наибольший же интерес представляют те пьесы Гуань Хань-цина, в которых он на материале современной ему действительности обличает, клеймит тиранов и насильников, прославляет честных и смелых людей из народа. К таким драмам относятся «Лу Чжай-лан», «Сон о гибнущей бабочке» и вершина творчества Гуань Хань-цина — трагедия «Обида Доу Э», лучшая социальная драма Юаньской (монгольской) эпохи.

В центре пьесы образ женщины из народа, Доу Э. Отданная в детстве отцом, бедным студентом, на воспитание в зажиточную семью Цай, она стала женой сына тетушки Цай, но рано овдовела. Негодяй по имени Чжан Люй-эр, позарившись на имущество свекрови Доу Э, задумал отравить ее. Когда же яд по ошибке выпил отец Чжана, он обвинил в убийстве молодую вдову — Доу Э.

Рассказ о судьбе несправедливо казненной молодой вдовы выливается у Гуань Хань-цина в горячее возмущение против общественных порядков, при которых судьба человека находится в руках корыстолюбцев, негодяев и бесчестных судей. В эпилоге злодеев постигает возмездие: их карает неожиданно вернувшийся Доу Тянь-чжан, отец героини. Оптимистически завершаются и другие пьесы Гуань Хань-цина. Такой конец отвечал требованиям зрителей, которые хотели хотя бы на сцене видеть торжество справедливости. Но, оставаясь верным правде жизни, драматург показывает, что благополучный исход не может быть достигнут обычными, законными средствами, и вынужден либо вводить легендарного неподкупного судью Бао Чжэна, либо — как в данной пьесе — прибегать к помощи сверхъестественных сил.

Гуманистическая, протестующая трагедия «Обида Доу Э», два заключительных действия которой мы печатаем ниже, по сей день является одной из любимых пьес классического репертуара китайского театра. Подробности содержания первых действий станут ясны читателю из большого монолога Доу Э в четвертом акте.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Доу Э.
Доу Тянь-чжан — отец Доу Э, правительственный инспектор.
Цай — свекровь Доу Э.
Чжан Люй-эр.
Чжан Цянь — слуга Доу Тянь-чжана.
Лу — лекарь.
Правитель округа.
Стражник.
Экзекутор.
Палач.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Входит экзекутор.

Экзекутор. По должности я экзекутор, наблюдаю за совершением казней. Сегодня состоится казнь преступницы; пусть стражники преградят все переулки, ведущие на площадь, чтобы прохожие не шлялись здесь без дела!

Стражники трижды бьют в барабан, затем трижды ударяют в гонг. Входит палач с мечом наголо и флагом, ведя за собой Доу Э, на которой надета канга*.

Палач. Пошевеливайся, пошевеливайся, экзекутор давно уже ждет на площади.

Доу Э *(поет)*:

Не гадала, не ждала, что преступной прослыву.
Как могло случиться вдруг, что нарушен мной закон?
Мукам лютым предадут, неповинную, меня.
Про обиду закричу, чтоб услышали мой вопль
Небо и земля.
И когда моя душа в ад попасть обречена,
Почему не вправе я гнев и боль мою излить
Пред вселенной всей?

День и ночь светила в небе
Свой извечный держат путь.
Духи добрые и злые
Судьбы смертные вершат.

* Деревянная колодка, надевавшаяся на шею преступника.

Небо и земля! Не вы ли
Отличить должны от грязи
Чистоту и белизну?
Отчего ж судьбой обласкан
Дао Чжи — злодей, но рано
Умер честный Янь Юань?*
Прожил в бедности жестокой
Свой короткий век мудрец,
А убийцу ждут богатство,
Долголетье и почет.

Неужели даже небо
Перед наглецом трепещет,
Измываясь лишь над слабым?
Значит, небо, как и люди,
Без усилий, по теченью
Любит двигать свой корабль!
Ты, земля!
Чего ты стóишь, коль не можешь
Правду отделить от лжи?
Небо, ты!
Ты не небо, коли губишь
Всех — и мудрых и глупцов.
Горе мне! От мыслей этих
За слезой бежит слеза.

Палач. Двигайся поживей, и так опаздываем.

Доу Э *(поет)*:

Клонясь под тяжестью канги,
Тащусь, готовая упасть,
Едва бреду в людской толпе.
О братец, выслушай меня!

Палач. Ну говори, что у тебя?

Доу Э *(поет)*:

По главной улице идти
Не в силах я — горит душа.
По переулку проведи —
И я умру, не помня зла.
Не говори, молю тебя,
Что долог путь обходный!

Палач. Мы уже на площади; хочешь повидать родных — зови их сюда, пусть подойдут.

Доу Э *(поет)*:

Одинока в этом мире сирота:
Нет ни брата у бедняжки, ни сестры.
Боль сердечную поведаю кому?
Только вздохи о печали говорят.

Палач. Значит, у тебя и родителей нет?

Доу Э. Есть отец, только как уехал тринадцать лет назад в столицу держать экзамен, так до сих пор ни единой весточки не прислал. *(Поет)*:

Вот пошел уже четырнадцатый год,
Как не видела родимого отца.

Палач. Тогда с какой стати ты просила меня идти кружным путем?

Доу Э *(поет)*:

Не хотела я по улице идти —
Опасалась, что увидит нас свекровь.

Палач. Чего же бояться-то, ведь все одно умирать?

* Древний мудрец, жил в бедности и умер молодым.

Доу Э. Если бы матушка-свекровь увидела, как я иду на место казни в канге и цепях. *(Поет):*

С горя, бедная, наверно, умерла б!
С горя, бедная, наверно, умерла б!
Не сердись за эту просьбу, окажи
Снисхожденье человеку в смертный час!

Вся в слезах входит старая Цай.

Цай. Небо! Да ведь это моя невестка!

Палач. Убирайся прочь, старуха!

Доу Э. Раз уж матушка-свекровь пришла, попроси ее подойти поближе, хочу ей кое-что сказать.

Палач. Эй, старуха, подойди ближе, невестка хочет с тобой говорить!

Цай. Дитя мое, я умру от скорби!

Доу Э. Матушка, этот Чжан Люй-эр для того положил в суп яд, чтобы тебя отравить, а меня силой взять в жены. Вы же, матушка, вдруг передали суп его отцу; так и вышло, что он погубил родного отца. Я побоялась, что вас, матушка, будут мучить, сказала судье, будто я отравила свекра, и вот теперь жду своего смертного часа. Матушка, во имя вашего покойного сына прошу вас: каждую зиму в праздник Нового года, в пятнадцатый день первого месяца ставьте для меня угощение — полчашки рисовой каши — и сжигайте за упокой моей души по сотне бумажных денег. *(Поет):*

Помолитесь о Доу Э,
Так бесславно окончившей жизнь;
Помолитесь о Доу Э,
Чей безглавый недвижен труп;
Помолитесь о Доу Э,
Что трудилась в доме у вас.
Матушка!
Не забудьте, слезно молю —
Ведь без матери я, без отца.
Столько лет о вас заботясь нежно,
Неужель не заслужила я,
Чтобы в праздник хоть полчашки рису
На мою могилу принесли,
Чтобы над моим безмолвным трупом
Хоть немного денег вы сожгли,
Как для собственного сына жгли вы?

Цай *(плачет)*. Дитя мое, успокойся, старая свекровь все запомнит. Небо, как я вынесу это?

Доу Э *(поет)*:

Матушка, к чему теперь рыданья,
Слез потоки, горькие мольбы,
Для чего роптать сейчас на небо?
Знать, такая выпала судьба —
Умереть безвинно лютой смертью,
Глубоко обиду затая.

Палач *(кричит)*. Уходи, старуха, пора начинать.

Доу Э опускается на колени, палач снимает с нее кангу.

Доу Э. Ваша милость, господин экзекутор, обращаюсь к вам с просьбой! Согласитесь — и я умру спокойно.

Экзекутор. Говори, в чем твоя просьба?

Доу Э. Прошу положить мне под ноги чистую циновку, а к древку флага привязать длинную ленту из белого шелка. Если я действительно

умираю безвинно, то пусть ни капли моей горячей крови не падет на циновку, пусть вся она поднимется в воздух и окажется на ленте!

Экзекутор. Ну что же, сделаем, как ты хочешь.

Палач достает циновку и кладет ее под ноги Доу Э, затем привязывает к древку шелковую ленту.

Доу Э *(поет)*:

Нет, не пустую похвальбу
Произнесла здесь Доу Э!
Хочу я людям показать,
Как был тот суд несправедлив.
Но если знамений своих
Не явит небо, как народ
Поймет, что хоть на небесах
Есть неподкупный судия?
Пусть кровь горячая моя,
Ни каплей землю не смочив,
По древку устремится вверх,
Окрасит ленту в алый цвет,
Чтоб чудо каждый видеть мог.
Ведь обратилась в яшму кровь
Гэ Хуна* в давние года,
Ведь стал кукушкою Ван-ди*!

Палач. Если хочешь еще что сказать, говори господину экзекутору сейчас, потом поздно будет.

Доу Э *(вновь опускаясь на колени)*. Ваша милость, сейчас самые жаркие дни лета! Так вот, если я, Доу Э, на самом деле гибну напрасно, пусть после казни небо ниспошлет густой-густой снег и укроет им мое тело!

Экзекутор. Что ты там городишь! Да если твоя обида и вправду достигнет неба, все равно в такую жару ни снежинки не выпадет!

Доу Э *(поет)*:

Ты сказал, что пышет жаром летний день?
Что напрасно жду я снега, говоришь?
Иль не слышал ты, как в месяце шестом
Белым инеем покрылася земля,
Чтоб невинный был оправдан Цзоу Янь**?
Ярким пламенем горит моя душа
Оскорбленная; так пусть, как вата, снег
Чистым саваном окутает мой труп!
И без белой колесницы, без коней
Я до места погребенья доберусь.

Третий раз опускается на колени.

Ваша милость! Если я, Доу Э, действительно страдаю напрасно, пусть здесь, в области Чучжоу, три года подряд будет засуха!

Экзекутор. Молчи, чего мелешь!

Доу Э *(поет)*:

Пусть говорят: «Не надейся на небо,
Жалости нечего ждать от людей...»
Я же отвечу, что небо благое
Может услышать наши мольбы.
Вспомни: три года дождь животворный
Землю Дунхая не орошал.

---

* Герои древних сказаний.

** Цзоу Янь жил в эпоху Борющихся царств (V—III век до н. э.): посаженный по навету клеветников в темницу, он, по преданию, так разжалобил небо, что летом выпал иней в знак его невиновности.

Мстя за невинную жертву*, а ныне
Та же судьба ожидает Шашьян.
Власти забыли здесь о законах,
Люди боятся слово сказать!

Палач *(поднимая флаг)*. Откуда вдруг взялись тучи? *(Слышится вой ветра)*. А ветрище какой холодный!

Доу Э *(поет)*:

Для меня бросают тучи эту тень,
Этот вой тоскливый ветра — для меня.
Знайте, сбудутся пророчества мои!

Матушка! Повалит снег в середине лета, три года засуха будет губить поля.

И тогда докажет всем моя душа,
Что безвинной Доу Э встречает смерть.

Палач взмахивает мечом, Доу Э падает.

Экзекутор *(перепуганно)*. Удивительно — и вправду снег повалил!

Палач. Нет, я вам вот что скажу: когда рубишь голову, обычно вся земля вокруг в крови, а кровь этой Доу Э до последней капли попала на белую ленту! Чудеса, да и только!

Экзекутор. Наверное, казненная была невиновна. Два ее предсказания уже исполнились; хотел бы я знать, будет ли, как она говорила, засуха. Что ж, поживем — увидим. Эй, вы! Нечего дожидаться, пока прекратится снегопад. Заберите тело и отнесите его старухе Цай.

Стражники выражают повиновение и уносят труп.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Входит Доу Тянь-чжан в чиновничьем облачении, за ним слуга Чжан Цянь и свита.

Доу Тянь-чжан *(декламирует)*:

В зале пустом я стою одиноко,
Думы мои мрачны.
Вижу — луна из-за гор выходит,
Дымкой окутан лес.
Нет, не заботы докучной службы
Гонят желанный сон:
То не находит нигде покоя
Встревоженная душа.

Я — Доу Тянь-чжан, лет шестнадцать назад расстался со своей дочкой Дуань-юнь. Добравшись тогда до столицы, я сразу же выдержал экзамен и был пожалован титулом советника по государственным делам. Обласканный императором за скромность и честность, за непоколебимую твердость в отстаивании правды, я удостоился назначения на пост правительственного инспектора в провинцию Лянхуай. Обязанности мои — разъезжать по провинции, опрашивать узников, проверять судебные дела, выискивать казнокрадов и взяточников, при этом мне дано право наказывать их без предварительного доклада властям. На душе у меня и радость и печаль. Радуюсь я оттого, что приближен ко двору, облечен пол-

* Согласно легенде, в Дунхае некогда жила добродетельная вдова. Обвиненная в убийстве свекрови, она была казнена. Перед смертью она предсказала, что кровь ее потечет по шесту вверх, что и исполнилось. После же ее смерти в округе три года не выпадали дожди. Засуха кончилась, когда было восстановлено ее доброе имя.

номочиями карать преступников, имею почетный меч и золотой ярлык*, слава моя распространилась на десять тысяч ли.

Горюю же я о дочери, о моей Дуань-юнь. Семи лет отдал я ее тетушке Цай, чтобы, когда вырастет, стала женой ее сына. Получив назначение, я посылал в Чучжоу человека посмотреть, как живется тетушке Цай и ее домашним. Только соседи ему сказали, что тетушка в первый же год переехала куда-то и не подает вестей. Я так тосковал по своей дочурке, все глаза выплакал, поседел от горя. Вот сегодня прибыл в этот город; хотел бы я знать, отчего это здесь, в Чучжоу, третий год подряд не выпадает дождей? Сегодня вечером буду отдыхать в здании окружной управы. Чжан Цянь, объяви чиновникам: сегодня аудиенции не будет, пусть являются завтра пораньше.

Чжан Цянь *(подходит к двери)*. Господам чиновникам велено передать: сегодня аудиенции не будет, просьба явиться завтра пораньше.

Доу Тянь-чжан. Чжан Цянь, передай писарям всех шести палат управы: пусть принесут дела, подлежащие ревизии. Я хочу вечером прочесть часть из них. *(Чжан Цянь приносит документы)*. Зажги лампу, Чжан Цянь! А теперь можете все пойти отдохнуть, вы тоже намучились. Если понадобитесь, я вас позову. *(Чжан Цянь зажигает лампу, затем уходит вместе со свитой)*. Что ж, пора приняться за дела.

Так. «Дело преступницы Доу Э, отравившей свекра». Любопытно, в первом же документе речь идет об однофамилице! Значит, и среди моих однофамильцев есть люди, способные на такое преступление. Убийство близкого родственника — одно из десяти видов злодеяний, не подлежащих амнистии. К тому же дело это давно решенное; пожалуй, нет нужды с ним знакомиться. Положу-ка его в самый низ да возьму другое. *(Позевывает)*. Ох, и устал же я! Да и то — постарел я, утомляюсь от верховой езды. Подремлю прямо здесь, за столом.

Засыпает. Появляется дух Доу Э.

Дух Доу Э *(поет)*:

День-деньской, рыдая горько,
Я гляжу на землю с башни**.
Как огонь, жжет нетерпенье
Вновь обидчиков увидеть.
То бреду во мгле без цели,
То кружусь, гонима вихрем;
Пролегает путь мой в тучах —
Нет покоя и в могиле!

(Всматривается вдаль). На дверях наклеены изображения божества, они не дают мне войти в дом! Пропустите меня, я дочь инспектора Доу Тянь-чжана, хочу явиться ему во сне, чтобы рассказать о своей безвинной смерти.

Не лиходейка я, не ведьма —
Инспектора Тянь-чжана дочь.
Так неужели в двери эти
Мне не дозволено войти?

(Кричит). Батюшка!

Зачем тебе твой меч почетный,
Зачем твой золотой ярлык,
Коль ты родную дочь не можешь
Спасти из океана мук?

Входит в зал, узнает отца и плачет. Доу Тянь-чжан тоже рыдает.

* Один из высших знаков достоинства чиновников.
** По поверью, в аду есть башня, с которой можно увидеть мир живых.

Доу Тянь-чжан. Дочь моя, Дуань-юнь, где ты?

Дух Доу Э исчезает.

Доу Тянь-чжан. Как странно! Едва сомкнул глаза, как приснилась мне моя Дуань-юнь, да так отчетливо, словно наяву! И вот опять исчезла... Что ж, займусь опять делами.

Появляется дух Доу Э и убавляет фитиль лампы.

Что такое? Только хотел приняться за дела, лампа начала мигать, вот-вот погаснет! Чжан Цянь спит, придется мне самому снять нагар.

Снимает нагар с фитиля, тем временем дух Доу Э перекладывает документы.

Ну, лампа разгорелась, можно почитать документы. «Дело преступницы Доу Э, отравившей свекра». *(Изумленно).* Ведь я с самого начала смотрел это дело и положил вниз, как же оно опять оказалось первым? Все равно, дело это давно решенное, положу его вниз и возьму другое.

Дух Доу Э вновь убавляет фитиль.

Что ты будешь делать — опять лампа замигала. Придется еще раз снять нагар.

Снимает нагар, дух снова перекладывает документы.

Так, лампа горит, возьму новый свиток. «Дело преступницы Доу Э, отравившей свекра». Что за наваждение! Только что собственными руками спрятал свиток, и вот он снова наверху! Уж не завелись ли в окружной управе злые духи? Если же это не их проделки, значит, в деле Доу Э допущена несправедливость. Попробую еще раз спрятать — что-то будет дальше?

Дух Доу Э вновь убавляет фитиль.

Опять лампа гаснет! Не иначе, злой дух с ней забавляется. Пойду еще раз поправлю фитиль.

Поправляет лампу. Перед ним появляется дух Доу Э. Доу Тянь-чжан выхватывает меч и ударяет по столу.

Ага, я говорил, что здесь водятся духи! Слушай меня, дух! Я правительственный инспектор, прислан сюда самим государем, при мне императорский ярлык. Только попробуй подойти — разрублю пополам вот этим мечом! Чжан Цянь, довольно спать. Подымайся живей, а то как бы эта чертовщина не перепугала меня до смерти.

Дух Доу Э *(поет):*

Посмотрите, как он растерян,
Как мой голос его пугает!
Нет, отец, упоенный славой,
Ты не смеешь меня отвергнуть:
Дочь твоя, Доу Э, пред тобою!

Доу Тянь-чжан. Ты ошибаешься, дух! Ты говоришь, тебя зовут Доу Э, а я — твой отец? Так знай, мою дочь зовут Дуань-юнь, семи лет я отдал ее в семью тетушки Цай. У тебя совсем другое имя, как же ты можешь быть моей дочерью?

Дух Доу Э. Батюшка, в семье Цай мне дали другое имя, стали звать Доу Э.

Доу Тянь-чжан. Так ты и есть моя Дуань-юнь? Но, молю, скажи мне одно: ты ли обвинялась в отравлении свекра?

Дух Доу Э. Да, я.

Доу Тянь-чжан. Тогда молчи, подлая девчонка! Твой отец выплакал по тебе глаза, поседел с горя, а у тебя поднялась рука совершить такое страшное преступление! Заслужена тобой казнь! Я приближен

ко двору, мне дана власть карать преступников, проверять судебные дела, выискивать казнокрадов и взяточников. Как же я буду судить других, если не проявлю строгости к собственной дочери? Вспомни: отдавая тебя в семью Цай, наказывал я тебе блюсти три завета: в родной семье слушаться отца, выйдя замуж — слушаться мужа, овдовев — слушаться сына. И еще наказывал я вести себя, как подобает достойной жене,— ухаживать за свекром и свекровью, почитать супруга, дружить со снохами, жить в мире с соседями. И что же? Ты презрела заветы, ты совершила тягчайший грех! У нас в роду уже много поколений подряд не было ни одного преступника, ни одна вдова не выходила замуж во второй раз! А теперь ты наложила пятно на весь наш древний благородный род, на мое непорочное имя! Расскажи же мне все, как было, по правде, не смей лгать и хитрить! Попробуешь сказать хоть полслова неправды — прикажу заточить тебя в храм бога-хранителя города, будешь до скончания века мучиться в аду, никогда не возродишься в облике человеческом!

Дух Доу Э. Отец, смири свой гнев, утиши грозную ярость! Прислушайся к словам дочери! Три года мне было, когда умерла матушка, семь — когда ты уехал, отдав меня в семью Цай. В семнадцать я вышла замуж, а еще через два года нас постигло несчастье — умер сын тетушки Цай, мой муж, и остались мы две вдовы. А за Южными воротами Шаньяна жил лекарь по фамилии Лу, и он задолжал моей свекрови 20 лянов серебра. Свекровь пошла получать с него долг, а он заманил ее на пустырь и хотел задушить. Мимо проходили Чжан Люй-эр с отцом и спасли ее. Этот Чжан Люй-эр как узнал, что в доме Цай есть еще молодая вдова, так сразу и говорит: «Раз у тебя с невесткой нет мужчин, забирай нас с отцом в свой дом». Тетушка сначала не соглашалась, тогда тот пригрозил: «Не согласишься — задушу». Свекровь испугалась и не смогла отказать им, привела в наш дом, стала кормить-одевать. Младший Чжан много раз приставал ко мне, но получал по рукам. И вот однажды тетушке нездоровилось, и захотелось ей супа из бараньей требухи. Я сварила, хотела было подавать, да тут пришли отец с сыном справиться о здоровье тетушки. Младший попросил супа попробовать и говорит: «Суп хорош, только соли и уксусу маловато». Я, ничего не подозревая, пошла за солью и уксусом, а он потихоньку подсыпал в суп яду. Хотел он отравить тетушку и заставить меня выйти за него замуж, только вышло по-иному. Тетушку вдруг затошнило, не стала она есть супа, отдала старому Чжану. Тот не успел сделать и одного глотка, как изо рта хлынула кровь, и старик умер. Чжан Люй-эр сразу же говорит: «Доу Э, ты отравила моего отца! Как хочешь кончить дело — со скандалом или полюбовно?» Я спрашиваю: «Что значит со скандалом и что — полюбовно?» — «Со скандалом,— говорит,— значит, я подам в суд, и тебя со старухой казнят. А полюбовно — становись моей женой, и дело с концом». Ваша дочь ответила ему так: «Добрый конь не ходит под разными седлами, порядочная женщина не выходит вторично замуж. Умру, но не буду твоей женой! Можешь вести меня в суд!». Привел он меня в суд, стали меня допрашивать да пытать, подвешивали, били, скручивали веревками, а я не сознавалась, хоть убей. Правитель округа видит, что из меня ничего не выжмешь, велел пытать матушку-свекровь. Я испугалась за нее — старая, не выдержит побоев, и приняла вину на себя. Отвели меня на площадь и казнили. Перед смертью я умолила небо совершить три чуда. Если я невинна, просила я, пусть моя кровь не прольется на землю, а вся до капли попадет на белую шелковую ленту, привязанную высоко на древке флага. Пусть в разгар лета выпадет глубокий снег и укроет мой труп. Пусть в Чучжоу три года стоит засуха. Так и случилось — кровь попала на ленту, выпал снег, третий год стоит засуха. И все это ради твоей дочери, отец!

(Декламирует):

Не к властям я пошла —
Обратилась с мольбою к небу.
Боль обиды моей
Разве могут слова передать?
Чтобы старую мать
Уберечь от безжалостных пыток,
Мне сознаться пришлось
В несодеянном мною грехе.
Словно рой лепестков,
Мое тело снежинки прикрыли.
Не на землю — на ленту
Закапала алая кровь.
Цзоу Янь не один
Удостоился чуда такого —
Вот откликнулось небо
На злую обиду мою.

(Поет).

Прочти, отец, бумаги эти,
Могла ль неправду я снести?
Не уступила я насилью —
Но злая казнь меня ждала;
Хранила свято славу предков —
Наградой мне была лишь смерть!

Из мрачных пределов моя душа
Свою принесла печаль.
Отец! Облечен ты властью большой,
Прислал тебя государь,
Прочти ж беспристрастно дело мое,
Воздай лиходеям за зло!
И пусть их режут на сотни кусков —
Нет жалости у меня.

Доу Тянь-чжан *(плача)*. Дочь моя, погибшая невинно! Твой рассказ разрывает мне сердце. Хочу спросить только: это правда, что из-за тебя в Чучжоу три года нет дождей?

Доу Э. Из-за меня, отец.

Доу Тянь-чжан. Значит, так оно и есть! Подожди немного, настанет утро, и я помогу тебе.

(Декламирует):

Седовласый отец твой
Сражен безысходной печалью:
Как ужасно погибнуть
Столь юной, не зная вины!
Но уж близок рассвет —
Возвращайся спокойно обратно;
Наступающий день
Отмщенье тебе принесет.

Дух Доу Э исчезает.

О, уже рассвело! Чжан Цянь, вчера я читал судебные дела, как вдруг появился дух и стал жаловаться на свою обиду. Я несколько раз звал тебя, а ты не откликнулся. Крепко же ты спал!

Чжан Цянь. Ваша милость! Я всю ночь лежал, не смыкая глаз, но не слышал ни жалоб привидения, ни ваших криков.

Доу Тянь-чжан. Не болтай! Пора начинать прием. Объявляй, Чжан Цянь!

Чжан Цянь *(кричит)*. Слушайте все! Господин инспектор начинает прием! *(Докладывает)*. Явился правитель округа! *(Входит с покло-*

ном правитель округа). Явился секретарь управы. *(Кланяясь, входит секретарь).*

Доу Тянь-чжан *(обращаясь к вошедшим).* Почему у вас в Чучжоу третий год нет дождей?

Правитель округа. Знать, такова воля неба — ниспослать бедствие на жителей Чучжоу, но нашей вины в том нет.

Доу Тянь-чжан *(гневно).* Ах, так вы не знаете за собой вины? А вот в уезде Шаньян некую Доу Э обвинили в отравлении свекра. Она перед казнью просила у неба: «Если я погибаю напрасно, пусть у вас в Чучжоу три года не будет дождей, пусть ни травинки не вырастет». Было такое?

Правитель. Этот случай расследовался предыдущим правителем округа, господином Тао, ныне получившим повышение. Документы хранятся в управе.

Доу Тянь-чжан. Такой олух еще получает повышение! Вы сменили его три года назад; приносили ли вы хоть однажды жертву духу оклеветанной женщины?

Правитель. Преступление, совершенное ею, относится к числу десяти тягчайших: молельни в ее честь никто не воздвигал и, естественно, жертв не приносилось.

Доу Тянь-чжан. Некогда при династии Хань жила одна добродетельная вдова; ее свекровь удавилась, а золовка обвинила в убийстве вдову. Правитель Дунхая казнил вдову, и из-за этой несправедливости в округе три года не выпадало дождей. Однажды Юй-гун разбирал судебные дела в Дунхае; вдруг ему почудилось, что казненная женщина плачет перед зданием суда, держа в руках прошение. Юй-гун пересмотрел приговор, самолично принес жертвы на могиле вдовы, и тогда небо послало обильный дождь. Разве не ясно, что засуха у вас в Чучжоу происходит по такой же причине? Чжан Цянь, прикажи слушателям управы отправиться в уезд Шаньян, схватить Чжан Люй-эра, лекаря Лу и старуху Цай и доставить их сюда без малейшего промедления.

Чжан Цянь. Будет исполнено. *(Уходит).*

Входит стражник, ведя за собой Чжан Люй-эра и тетушку Цай, за ними идет Чжан Цянь.

Стражник. По вашему повелению доставлены обвиняемые из уезда Шаньян.

Доу Тянь-чжан. Чжан Люй-эр!

Чжан. Здесь, ваша милость!

Доу Тянь-чжан. Тетушка Цай!

Цай. Здесь, ваша милость!

Доу Тянь-чжан. Почему нет столь важного обвиняемого, как лекарь Лу?

Стражник. Лекарь Лу скрылся три года назад; повсюду уже разослан приказ поймать его и сразу доставить сюда.

Доу Тянь-чжан. Чжан Люй-эр, приходится ли эта старая женщина тебе мачехой?

Чжан. Ясно, приходится, а то стал бы я звать ее матерью!

Доу Тянь-чжан. Из документов не ясно, кто приготовил яд, которым был отравлен твой отец. Можешь ты ответить?

Чжан. Доу Э сама и приготовила.

Доу Тянь-чжан. В таком деле без аптекаря не обойтись. Сомнительно, чтобы молодая женщина могла сама все устроить. Уж не ты ли, Чжан, готовил яд?

Чжан. Да если бы даже и я, стал бы я поить родного отца!

Доу Тянь-чжан. Мое загубленное дитя! Это очень важно выяснить, и никто, кроме тебя, не поможет нам узнать правду; где сейчас твоя оскорбленная душа?

Дух Доу Э *(появляясь)*. Чжан Люй-эр, чей это яд, если не твой?

Чжан *(испуганно)*. Злой дух, злой дух! Растворись, рассыпься, именем Великого старца* заклинаю тебя!

Дух Доу Э. Чжан, ты подсыпал в суп яду, чтобы убить мою свекровь и заставить меня быть твоей женой. Но свекровь есть не захотела и отдала суп твоему отцу, тот и отравился. Попробуй-ка отпереться!

Ответь скорее, негодяй:
Где раздобыл злосчастный яд?
Ведь знают все, ты замышлял
Меня принудить стать женой.
Когда ж отравлен был отец,
Ты обвинить решил меня!

Бьет Чжана, тот старается уклониться.

Чжан. Помоги мне, Великий старец! Ваша милость говорит, что яд делался в аптеке; так вот, ежели разыщут и приведут сюда того аптекаря, что продал яд, пусть мне рубят голову!

Стражник вводит лекаря Лу.

Стражник. Из уезда Шаньян доставлен обвиняемый лекарь Лу!

Чжан Цянь *(громко)*. Подойди сюда.

Доу Тянь-чжан. Рассказывай, как три года назад ты пытался убить тетушку Цай, чтобы не платить ей долга.

Лекарь *(бросается ему в ноги)*. Ваш раб на самом деле не хотел платить долг тетушке Цай; только она не умерла, ее спасли двое прохожих.

Доу Тянь-чжан. А ты знаешь имена тех прохожих?

Лекарь. В лицо я их узнаю, а вот имени не назову — до того ли мне тогда было?

Доу Тянь-чжан. Узнаешь ли тех, что стоят внизу, перед возвышением?

Лекарь *(спускается и всматривается в лица)*. Это тетушка Цай. *(Глядя на Чжана)*. Не иначе, опять всплыло дело об отравлении! *(Вновь поднимается)*. Осмелюсь доложить, это он. Тот самый, что вместе с отцом спас старуху Цай, когда я пытался ее задушить. Через несколько дней он явился в мою аптеку и потребовал яду. Я же человек богобоязненный, соблюдаю посты, и не посмел пойти против совести. Говорю ему: «В моей аптеке есть лишь разрешенные законом лекарства, яд не держу». А он как вытаращил глаза: «Хочешь, отправлю в суд за то, что собирался удушить на пустыре старуху Цай?» Я же всю жизнь ничего так не боялся, как попасть в суд, вот и пришлось дать ему яд. Вижу — физиономия у него злодейская; значит, непременно отравит кого-нибудь, а потом преступление раскроется, и я окажусь замешан. Подался я в Чжочжоу, стал торговать крысиным ядом. Крыс переморил немало, но уж в душегубстве больше, ей-ей, не повинен.

Дух Доу Э *(поет)*:

Ты жадностью своей накликал все несчастья.

* Великий старец (тайшан лаоцзюнь) — божество даосского пантеона.

(Переходит на диалог): А с ядом все выяснилось.

(Вновь поет):

Ты, лекарь — продавец, а покупатель — Чжан.
Хотели запятнать меня клеймом убийцы,
Но правду отыскать сумеет ныне суд.

Доу Тянь-чжан. Подведите ближе старуху Цай. Тетушка, ведь вам на вид уже седьмой десяток, и деньги в доме водятся; как же случилось, что вы вышли вторично за старого Чжана?

Цай. Он с сыном спас меня от смерти, и я взяла их к себе в дом и стала кормить-одевать. Младший Чжан часто уговаривал меня выйти замуж за отца, но я так и не согласилась.

Доу Тянь-чжан. В таком случае твою невестку нельзя считать убийцей свекра.

Дух Доу Э. Я возвела на себя поклеп и созналась в отравлении свекра лишь потому, что судья хотел бить матушку-свекровь, а я боялась, что она, старая, не выдержит пыток. *(Поет):*

Люди скажут, что напрасно
Я давала показанья,
Что моя любовь к свекрови
Стала корнем зол и бед.

Но ответьте: страшной казни
Без проверки беспристрастной
Предавать меня безвинно
Разве вправе был судья?
Три великие желанья
Загадала я пред небом:
Чтобы пала кровь на ленту,
Чтобы снег мой труп засыпал,
Чтоб три года оставался
Целый округ без дождя.

Был ли на свете такой ямынь*,
Где не казнили б невинных?
Слабую женщину загубив,
Ввергли в обитель мрака;
Праведный гнев мой уж третий год
Льется волной широкой.

Доу Тянь-чжан. Дуань-юнь, дочка, твоя обида мне известна, возвращайся спокойно. Я определю наказания этим преступникам и судье, что замучил тебя, а затем закажу молебен, чтобы ты отправилась на небо.

Дух Доу Э *(кланяется и поет):*

Высокой властью облеченный,
Твори и дальше правый суд,
Казни чиновных лихоимцев
И казнокрадов истребляй,
Дели печали с Сыном неба,
От бедствий избавляй народ.

(Говорит): Забыла попросить тебя, отец, еще об одном. Матушка-свекровь уже стара, ухаживать за ней некому; возьми ее в свой дом, ради меня корми ее при жизни и похорони после смерти, я же в загробном мире спокойно сомкну глаза.

Доу Тянь-чжан. Как почтительна ты к старшим, дитя мое!

* Присутствие, суд.

Дух Доу Э *(поет)*:

Тебя, родимый, умоляю —
Побереги мою свекровь!
В таких летах одна на свете,
Кто позаботится о ней?
Еще прошу: возьми бумаги,

(Говорит): и пусть мое имя, отец,

(Вновь поет):

очистится от клеветы.

Доу Тянь-чжан. Подзовите сюда старуху Цай! Тетушка, вы узнаете меня?

Цай: Стара я стала, плохо вижу. Нет, не признаю!

Доу Тянь-чжан. Я Доу Тянь-чжан. Дух же, которого мы только что слышали, — моя дочь Дуань-юнь, несправедливо казненная. Эй вы! Слушайте мой приговор. Чжан Люй-эра, отравившего родного отца и покушавшегося на честь вдовы, подвергнуть мучительной казни: таскать по городу, привязанного к «деревянному ослу»*, а потом разрубить на сто двадцать кусков.

Правителю округа Тао У, ныне повышенному в должности, и секретарю управы за злоупотребление властью дать по сто палок и навсегда закрыть для них доступ к государственной службе. Лекаря Лу за неуплату долга, попытку убийства и незаконную торговлю ядом сослать на вечное поселение в пограничные местности с нездоровым климатом. Тетушка Цай будет жить у меня. Доу Э признать невиновной. *(Декламирует)*:

Пусть не скажут, что я
Ради дочери только старался:
Я болел за народ,
Что три года стонал без дождя.
Так и древле Юй-гун
Смыл бесчестье с вдовы из Дунхая —
И пролился на землю
Дождя благодатный поток.
Разве шлют небеса
Наказания всем без разбора?
Нет, умеют они
Помышленья людские читать.
Вот закончен наш суд.
Видит каждый теперь: не допустит
Государя закон,
Чтоб страдал понапрасну народ.

* Деревянная колода, утыканная гвоздями.

НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

СКАЗКИ НАРОДОВ ЭФИОПИИ

Перевод с амхарского и литературная обработка С. Тютрюмовой и А. Любарской

Что всего тяжелее

Четверо из одной деревни пошли в далекий город на базар.

Накупили что кому надо и отправились в обратный путь.

Трое впереди идут, а четвертый отстал. Самый большой бедняк во всей деревне. И самая тяжелая была у него ноша — на своих плечах нес он каменные жернова для ручной мельницы.

На полдороге повстречался путникам крестьянин из их деревни. Остановились трое — те, что впереди шли,— и спрашивают:

— Скажи, приятель, не случилась ли какая беда в наших домах, пока мы ходили в город?

— У вас-то ничего не случилось,— говорит им земляк,— а вон у того, что жернова тащит, и вправду беда стряслась, мул у него издох.

Тогда один крестьянин сказал:

— Не надо ему сейчас об этом говорить. Ему и без того идти трудно.

— Твоя правда,— сказал другой,— пусть он тогда о беде узнает, когда домой придет.

А третий молчит. Этот третий был ужасный болтун. Что ему ни скажи, он сейчас же все выболтает.

— Смотри,— говорят ему,— если ты проболтаешься, мы тебя не только поколотим, но еще и заставим жернова нести.

— Нет, ничего я не скажу,— отвечает болтун.— Вот увидите, слова не пророню! Рта не открою!

Пока они так стояли и разговаривали, подошел и бедняк со своими жерновами, и зашагали они все вместе дальше.

Болтун идет и мучается. Сил нет — до чего трудно ему молчать.

Шагов сто прошел — и не выдержал, дал волю языку.

Узнал бедняк о своей беде и совсем голову опустил — словно двойная тяжесть легла ему на плечи.

А товарищи его набросились на болтуна.

— Ты что же, забыл про уговор? Ты ведь нам обещал, не помнишь? Да что с тобой разговаривать! Дураку совет давать —

все равно, что решетом воду носить. Такая же польза. Ну, а уж мы свое слово сдержим!

Отколотили они его хорошенько, а потом взвалили ему на плечи жернова и велели нести до самой деревни.

Болтун и спорить не стал. Тащит каменную ношу и усмехается:

— Разве же это тяжесть. Чужую тайну удержать на своем языке куда труднее!

Потому и говорят о болтунах: пустому человеку куда легче жернова таскать, чем данное слово сдержать.

Умный и глупый

Жил один человек, который утверждал, что знает все на свете. А так как он сам всегда это говорил, то за ним и другие стали то же повторять.

И жил другой человек, про которого все говорили, что он самый глупый на свете. А так как об этом говорили другие, то и он сам стал так думать.

Однажды пришел глупый к умному и сказал:

— Брат мой, мне нужен твой совет. Только боюсь, что даже такой многоумный человек, как ты, не сможет мне помочь.

Умный сказал:

— Разве есть что-нибудь, чего я не знаю? Спрашивай! Что у тебя за дело?

Глупый сказал:

— Видишь ли, мне надо перевезти через горный поток козу, капусту и леопарда. А лодка у меня маленькая. Придется три раза туда и назад ездить. Вот я и хочу спросить тебя — ты ведь человек умный, все знаешь — как бы ты поступил на моем месте?

Умный сказал:

— Дело проще простого! Сначала я перевез бы леопарда.

Тогда глупый сказал:

— Но пока ты перевезешь леопарда, коза съест капусту.

— Ах, да,— сказал умный.— В таком случае сначала надо перевезти козу. Потом леопарда. А потом уже капусту.

— Но пока ты будешь ездить за капустой,— сказал глупый,— леопард съест козу.

— Верно, верно. Надо сделать вот как. Слушай и запоминай. Сначала надо перевезти козу, потом капусту... Нет, постой. Козу и капусту нельзя оставлять вместе. Лучше так: сначала капусту, потом... Нет, это тоже не годится. Леопард съест козу. Да ты меня просто запутал! Неужели такое простое дело ты не можешь решить сам?

— Пожалуй, что могу,— сказал глупый.— Тут и вправду особого ума не требуется. Сперва я переправляю на другой берег козу...

— Ну, я же говорил тебе!

— Потом капусту...

— Вот видишь, ты поступаешь так, как я тебе посоветовал!

— Потом...

— Вот, вот — что потом? Я ведь тебе это самое и говорил!

— Потом я вместе с козой вернусь назад, козу оставлю, а леопарда перевезу на другой берег. Он ведь капусту не станет есть.

— Конечно, конечно! Наконец-то ты догадался!

— А потом я снова отправлюсь за козой. Вот и будут у меня целы и коза, и капуста, и леопард.

— Теперь ты видишь, — сказал умный, — что не напрасно приходил ко мне за советом. А ты еще сомневался, смогу ли я помочь тебе!

Глупый сказал:

— Ты и вправду помог мне. И за это тебе великое спасибо. Ты посоветовал мне решить дело самому, и это был действительно наилучший совет.

Умный вороненок

Старая ворона учила своего вороненка:

— Сын мой, бойся человека!

— А какой он — человек?

— У него черная голова, заросшая волосами, и белые зубы. Он очень хитер. Если ты увидишь, что человек нагнулся,— знай, он хочет поднять камень и бросить в тебя. Тогда сразу же — спасайся!

Вороненок сказал:

— Мать, но ведь человек может спрятать камень за пазухой. Кто знает все его хитрости! Спасайся сразу, чуть только ты завидишь человека. Ничего не жди!

— Сын мой,— сказала старая ворона,— я вижу, что могу за тебя не бояться. Летай, где хочешь. Мне больше нечему тебя учить.

Семь львов и один бык

Семь львов и один бык решили дружить. Сначала львы устроили пир и пригласили своего нового друга. Львы приготовили целую гору свежего мяса, ели сами и угощали быка. Бык старался не показывать вида, что угощение ему не по вкусу. И хотя мяса он не ел, но все время благодарил львов за их гостеприимство.

Потом настал черед устраивать пир быку.

Семь львов пришли в назначенный день к нему и увидели огромную копну свежей травы.

Львы были очень удивлены.

— Как? У тебя нет мяса? Уж не думаешь ли ты нас угощать этой травой?

Бык робко сказал:

— По-моему, трава гораздо вкуснее, чем мясо. Я советую вам попробовать.

— Но мы же тебя не заставляли есть мясо,— сказали львы.— Мы не говорили тебе: «ешь!» А ты хочешь заставить нас есть эту траву. Если уж ты решил устраивать пир, так надо было позаботиться об угощении. А какой же это пир — без мяса?

— Но мне даже негде взять его,— попробовал оправдаться бык.

Тогда львы сказали:

— Это неслыханная дерзость — позвать нас в гости и морить голодом. Всякого другого, кто поступил бы так, мы растерзали бы на месте. Но ты наш друг. Поэтому ты заслуживаешь снисхождения, и в знак нашей милости мы съедим только одну твою ногу.

Бык понял, что спорить бесполезно, и, дрожа всем телом, произнес:

— Вы очень добры ко мне.

И вот львы отгрызли у бедного быка заднюю ногу и принялись за еду. А бык, истекая кровью, упал и помер.

Тогда львы решили:

— Раз этот бык все равно помер, мы его теперь всего съедим.

И продолжали свой пир.

В это время мимо проходила лиса.

Ей тоже захотелось полакомиться мясом. Она незаметно подкралась, схватила бычье сердце и спряталась за дерево.

А семь львов съели быка до последней косточки, и, когда их пир был кончен, они с удивлением стали спрашивать друг у друга:

— А где же его сердце? Может быть, у этого быка совсем не было сердца?

Тут вышла из своего убежища лиса и, облизываясь, сказала:

— Вы ошибаетесь, почтенные. Сердце-то у него было, а вот ума — не было. Иначе он не стал бы водиться с вами.

Почему заяц быстро бегает

Голодный заяц сидел в своей норе и горько плакал:

— Бедный я, несчастный! Столько на земле растет деревьев, столько на деревьях разных плодов, а мне ничего не достается. Жди, пока с веток что-либо упадет. Хоть бы что-нибудь и для меня на земле выросло!

И вдруг слышит рядом голос:

— Послушай, заяц, давай договоримся с тобой так: неделю я тебя угощаю, неделю — ты меня.

— А ты кто? — спрашивает заяц.

— Я — земля,— отвечает голос.

— Что же, я согласен,— говорит заяц.— Только ты первая меня угощай.

Семь дней земля кормила зайца сладкими корешками, сочными травами.

А когда прошли семь дней, земля говорит:

— Ну, теперь ты меня корми, чтобы я не отощала.

Заяц думает: «Чем же я эту обжору кормить буду? Надо как-нибудь от нее спрятаться».

Прыгнул раз, другой — и ускакал прочь.

Скакал, скакал и устал. Присел у дерева, чтобы дух перевести, и вдруг слышит голос:

— Что же ты меня ничем не угощаешь, заяц? Брось мне хоть зернышко, чтобы не иссякла моя сила.

Заяц услышал и снова бежать!

В такую чащу забрался, что и следа его не найти.

А земля и тут его разыскала.

— Что же ты, заяц, забыл наш уговор? — спрашивает.— Угости меня чем-нибудь! Дай хоть воды напиться, чтобы не высохла я.

Заяц — снова бежать.

Только в какую сторону ни бросался — везде его земля настигает.

Вот почему заяц и бегает так быстро: от земли хочет убежать. Да ведь от земли не убежишь. Она повсюду.

СКАЗКИ НАРОДА БАУЛЕ

(БЕРЕГ СЛОНОВОЙ КОСТИ)

Перевод Г. Пермякова

Почему у свиньи рыло вытянутое

Пришла раз свинья к слону и спрашивает:

— Скажи, что мне съесть, чтобы стать такой огромной, как ты?

— О, это секрет,— ответил слон добродушно.— Впрочем, ладно. Если хочешь, я достану тебе это волшебное средство.

Он скрылся в чаще и вскоре принес откуда-то листья гбаньиги. Конечно, он не сказал свинье, где нарвал их.

— Каждый день я буду давать тебе немного таких листьев, и в конце концов ты станешь такой же большой, как я сам,— сказал слон.

С тех пор свинья ежедневно приходила к слону, получала у него несколько волшебных листьев и пожирала их. Через некоторое время она и в самом деле начала расти и стала все более походить на слона. Растолстела, рыло у нее вытянулось, появились небольшие клыки, глаза и уши тоже стали напоминать слоновьи.

«Все в порядке! — подумала свинья.— Скоро я сделаюсь такой же, как слон. Но я не буду без толку шататься по свету, как эти дрянные животные. Я всем покажу, что значит быть крупным зверем!» Свинья задрала нос и перестала узнавать своих знакомых.

Однажды под вечер свинья пошла в лес накопать себе на ужин кое-каких кореньев. Вела она себя так, будто и в самом деле уже стала крупным и могучим зверем. Она громко хрюкала, фыркала и чавкала, так что многие в страхе обходили то место, где свинья расположилась.

Как раз в то время мимо проходил слон. Услышав странный шум, он остановился и спросил удивленно:

— Эй, кто там в чаще?

— Тот, кто здесь есть, больше самого слона,— прохрюкала в ответ свинья.

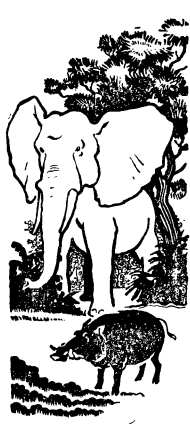
— Ого! — воскликнул слон.— Я сроду не видел животного больше меня. Надо хоть взглянуть на него.

Шагнул через кусты и увидел маленькую уродливую свинью, которая ковырялась в грязи.

— Так, так,— промолвил слон.— Вот ты, оказывается, какая! Я помог тебе подрасти, а ты... Стоило тебе прибавить в весе несколько фунтов, и ты сразу же начала корчить из себя крупного зверя и даже уверяешь, что стала больше меня! За такое свинство я больше не дам тебе волшебных листьев, и ты на всю жизнь останешься такой, как теперь.

Так он и сделал.

Вот почему у свиньи рыло вытянуто, а когда она ест, то топчется на месте, как слон.



Как лягушки познакомились со смертью

В давние времена лягушки не умирали. С годами они становились только старше, но все равно продолжали жить. Поэтому раньше болота прямо-таки кишели лягушками.

А далеко от болот жили большие птицы уонго. Их преследовал охотник и одну за другой перебил почти всех. Наконец остались только три брата уонго. Тогда один из них отправился искать новые земли.

Шел он, шел и добрался до лягушачьего болота.

— Кто ты такой и откуда? — спросили его лягушки.

— Я уонго,— ответил он.— А пришел я из другой страны. Там живет очень злой охотник, и он предал смерти почти всех моих родичей.

— Сразу видно, что вы, уонго, — глупые птицы. Разве можно жить вдали от болота? То ли дело у нас! Здесь нет никаких охотников, и мы не знаем даже, что это за штука такая — смерть. Все наши старички живут вместе с нами.

Уонго подумал: «А ведь и впрямь здесь лучше». Он пошел и привел сюда своих братьев. Уонго поселились на болоте и истребили неисчислимое множество лягушек. Они делают это и поныне.

Так лягушки не только узнали, что такое смерть, но и убедились, что найти ее можно и на болоте.

Как паук расплатился дыркой за свои долги

Однажды паук купил у ящерицы корнеплод ямс, но денег не заплатил. Через несколько дней ящерица сама пришла к нему и потребовала вернуть долг.

— Не могу я сейчас расплатиться с тобой,— захныкал паук,— у меня ни гроша.

Но ящерица знала, с кем имеет дело. И потому она сказала:

— Я не отстану от тебя, пока не получу денег.

— Самое большее, что я могу предложить тебе,— ответил паук,— это мой дом.— И показал на дырку, в которой жил.— Вот все, что у меня есть.

Конечно, ящерица отказалась взять вместо денег паучью дырку. Да и что она стала бы с ней делать?

Тогда паук побежал, разыскал орла, который сидел в своем гнезде, и сказал ему:

— Друг орел! Видишь: возле моей норки сидит ящерица. Возьми ее, пожалуйста, себе.

— Хорошо,— сказал орел,— большое спасибо!

Едва только ящерица увидела, что к ней летит орел, она тут же забралась в дырку. Орел сел рядом и стал ждать. Немного погодя, приполз сюда и паук.

— Ага, кумушка,— сказал он,— так ты все же решила взять себе мой дом? Что же, прекрасно! Вот мы и квиты!

Так паук расплатился за свои долги дыркой.

ИЗ ТИБЕТСКОГО ФОЛЬКЛОРА

Лягушка и океан

Разбушевался однажды океан, и волны забросили в прибрежный колодец морскую черепаху. В колодце сидела лягушка. Увидела она незнакомку, удивилась и спрашивает:

— Ты кто такая и откуда взялась?

— Я черепаха, а пришла я сюда прямо из океана.

— Разве океан может дойти сюда? Неужто он такой большой?

— О, океан очень велик! — ответила черепаха.

— А с треть нашего колодца он будет? — полюбопытствовала лягушка.

— Куда больше!

— Так, может быть, он такой, как две трети этого колодца или даже как весь колодец? — не унималась лягушка.

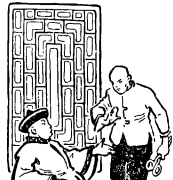
— Океан так велик, что здесь его и сравнить не с чем,— сказала черепаха.

Но лягушка ей не поверила: «Таким большим океан, конечно, быть не может, — подумала она. — Черепаха меня просто обманывает».

ИЗ ВЬЕТНАМСКОГО ФОЛЬКЛОРА

Мудрый портной

В царствование Дис-Лонга жил в столице Аннама портной, славившийся своим мастерством. Кому бы он ни сшил платье, оно сидело, точно влитое. В его покрое нельзя было найти ни малейшего изъяна.



Однажды этого портного позвал к себе важный мандарин и заказал ему новый парадный камзол. Портной принял заказ, но, прежде чем приступить к работе, спросил у мандарина, давно ли тот пребывает в своей должности.

— Какое отношение это может иметь к моему заказу? — удивился мандарин.

— Самое непосредственное,— отвечал портной.— И вот почему: новоиспеченный вельможа всегда много о себе воображает, высоко задирает голову и гордо выпячивает грудь. Поэтому подол его платья спереди следует делать несколько длиннее, чем сзади. Мало-помалу мандарин свыкается со своим высоким положением, меньше пыжится, и ему можно уже шить камзол одинаково длинный со всех сторон. Со временем, однако, сановник устает от дел и склоняется под тяжестью лет. И тогда платье ему надо спереди делать короче, чем сзади. Тот, кто не осведомлен, давно ли мандарин занимает свое место, не сможет правильно скроить ему камзол.

Арабская народная мудрость

Вчера вылупился из яйца, а сегодня стыдится скорлупы.

Собачий лай не досаждает облакам.

Прекрасная шляпа, а что под ней?

Из-за того, что ему захотелось торговать саванами, никто не станет умирать.

Никого нет беднее богача, который думает, что спрятался от бедности.

Потеряв свои деньги, не теряй самого себя.

Относитесь с почтением к детям бедняков — мудрецы вырастают из них.

Если хочешь, чтобы внутри тебя сиял истинный свет, не украшай себя снаружи.

Чернила ученых так же драгоценны, как кровь мучеников.

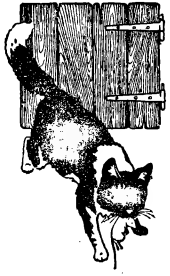
Жизнь тебе дал тот, кто тебя просветил.

И мышь осилит кошку, если вложит в это все свои силы.

Настоящий человек заставит и камень родить хлеб.

Богаче всех тот, кто осмеливается глядеть в лицо будущему.

Пока еще можешь носить сандалии, попирай чертополох и шипы и прокладывай свой путь.



Мир существует для человека, человек живет для мира.

Двум друзьям хватит места и в игольном ушке.

Как ни высоко поднимает голову красота, ноги все равно касаются земли.

Лишний палец портит всю руку.

Чужестранец слеп, даже когда у него есть оба глаза.

Хозяин народа тот, кто ему служит.

Кошке мыши снятся.

Ученый без своих трудов, что туча без дождя.

Спрашивай о моих достоинствах, а не о цвете моей кожи.

Сила народа в справедливости.

КРИТИКА

Б. Гафуров

Навстречу Конференции писателей стран Азии и Африки

Современные прогрессивные литературы Востока — плоть от плоти своих народов — стоят на переднем крае мирового фронта культуры.

Народы Азии и Африки, борющиеся за свое полное освобождение от оков колониализма, последовательно отстаивают передовую культуру, подлинную цивилизацию. В прозвучавших на весь мир решениях Каирской конференции солидарности стран Азии и Африки отмечалось, что «культура является основным принципом в жизни стран, принципом, который пробуждает сознание человека, укрепляет его дух, поднимает его моральный уровень, развивает его мышление и открывает широкие просторы в области материального, интеллектуального и духовного творчества». Участники Каирской конференции провозгласили: «Под культурой мы понимаем ее самое всеобъемлющее определение, которое включает литературу, искусство, науку и другие отрасли знаний, задача которых состоит в том, чтобы поднимать дух человека, развивать его вкус и освобождать его от пороков и несправедливости».

Подлинная культура общечеловечна. Ни одна страна в мире не может монополизировать цивилизацию и объявить свою культуру уникальным образцом, которому все должны подражать. Исходя из этого положения, Каирская конференция подчеркнула необходимость искреннего сотрудничества всех стран во имя широкого распространения, развития и обогащения культуры, чтобы все люди, независимо от их расы, цвета кожи или религии, могли пользоваться ее благами. Деятели культуры стран Востока призваны в теснейшем сотрудничестве с представителями культуры других народов мира создавать художественные и научные ценности, которые должны облегчить и облагородить жизнь всего человеческого общества, а не быть достоянием узкого избранного круга. Всенародность культуры — этот принцип, провозглашенный Лениным и претворенный в жизнь народами Советского Союза, находит глубочайший отклик в среде передовой интеллигенции стран Востока.

Для писателя нет большей награды и чести, чем видеть, что его произведения вышли за пределы ограниченной группы знатоков литературы. Источником новых сил для литератора является широкое народное признание его труда, превращение написанной им книги в достояние миллионов.

Уход от кипучей современности в башню из слоновой кости, стремление отгородиться от злободневных проблем и уйти в мир чистого искусства, забвение интересов своего народа, субъективные переживания и фантастические грезы в наши дни не сулят писателю ничего, кроме одиночества и разочарования.

Писатель-одиночка, отвернувшийся от жизни, вполне заслуживает той гневной презрительной интонации, с которой обращается к подобным литераторам иракский поэт аль-Баяти:

> Я ненавижу этих жрецов,
> что «чистым искусством» грезили.
> В каждой строке они смерть несли
> настоящей поэзии.
> Холодные строки, фальшивый тон —
> рифмованные пустяки...
> Щедрой волною живая жизнь
> орошает мои стихи!

И если сегодня на Востоке в творчестве лучших писателей политика переплетается с литературой, идейность срастается с мастерством, то это, бесспорно, положительный фактор, обеспечивающий литературам Азии и Африки жизнестойкость и активность, энергию и силу, направленные на защиту интересов трудящихся масс.

Созыв Конференции писателей Азии и Африки в Ташкенте — событие исключительного международного значения. В наши дни, когда империализм, предчувствуя свою неизбежную гибель, угрожает народам всего земного шара невиданными страданиями и бедствиями, писатели, во-

площающие совесть, талант и достоинство сотен миллионов людей, населяющих страны Востока, собираются вместе, чтобы выступить в защиту самого дорогого, что есть на земле,— свободы, мира, справедливости, счастливого будущего. Мы полны уверенности, что голоса писателей Востока окажутся сильнее грохота американских и английских танков на дорогах Ливана и Иордании. Гневных слов поэта, звучащих в сердце народа и зовущих к борьбе против колониализма, за мир и за социальную справедливость, империалисты не в силах заглушить елейными речами, хвастливыми угрозами, ревом реактивных бомбардировщиков.

Могучий океан народной борьбы за освобождение от колониализма совмещает в себе разные течения. Это отражается и в литературе Востока, различные представители которой по-разному смотрят на многие общественные, политические, идейно-философские и литературно-художественные проблемы. Но сегодня важно не то, что разъединяет и разобщает литераторов Азии и Африки. На современном этапе как никогда важна идея солидарности и сближения писателей разных стран, развитие сотрудничества и творческого общения между ними, сплочение их на прогрессивной основе борьбы за мир и свободу народов.

Это вовсе не означает, что писатели должны во имя единства отказаться от острой идейной борьбы и перестать отстаивать свои убеждения. Наоборот, именно тесные контакты между деятелями культуры открывают широкое поле для плодотворных дискуссий, для всестороннего обмена различными, пусть даже противоположными мнениями, для выяснения истины, которая, как известно, рождается в спорах.

Писатели разных народов собираются в сердце Азии, в одном из красивейших городов Востока во имя солидарности и единства всего человечества. «Свет идет с Востока,— говорил на Каирской конференции замечательный поэт нового Китая Го Мо-жо.— Наши предки некогда дали великолепные образцы человеческой цивилизации. В недавнюю эпоху истории мы пережили длительную и темную ночь. Мы пережили этот мрачный период, и теперь на Востоке занялась заря».

Встреча писателей Азии и Африки в Ташкенте явится символом дружеского общения различных культурных и идейных сил, которые прочно объединяет горячее стремление видеть солнце, взошедшее над Востоком. Ташкентская конференция продемонстрирует миру готовность писателей Востока отдать все свои творческие силы созданию человеческого общества, в котором не будет порабощения, нищеты и войн.

Пожелаем Конференции писателей стран Азии и Африки плодотворной работы!

В БОРЬБЕ ЗА ПОДЛИННУЮ КУЛЬТУРУ

Сейчас, когда внимание всего человечества приковано к событиям, происходящим на Ближнем и Среднем Востоке, в Алжире и Юго-Восточной Азии, во всех частях громадного афро-азиатского материка, интерес к литературам Востока усиливается в нашей стране с каждым днем.

Современная прогрессивная литература Востока родилась на гребне волны могучего национально-освободительного движения. Главная тема этой литературы — борьба трудящихся против империализма и феодальных пережитков, на которые постоянно опирается империализм в странах Азии и Африки.

Новые литературы Востока еще молоды, так же как молоды государства, в которых они родились. Однако лучшие книги писателей этих стран, зовущие свои народы к строительству новой жизни, уже завоевали признание широкого читателя.

Немногими годами определяется возраст молодых республик Азии и Африки, но тысячелетиями — культурные традиции их народов. Создать новую культуру, опирающуюся на все лучшее и передовое, заключенное в этих традициях, и в то же время отвечающую новаторским требованиям современности,— вот та грандиозная по своим масштабам задача, которая стоит сейчас перед народами Востока.

Ниже мы публикуем четыре небольших обзора, причем два из них— африканский и непальский — посвящены наименее изученным литературам. Не претендуя на исчерпывающую полноту, эти обзоры введут советского читателя в круг основных культурных проблем, которые решаются сейчас в ряде стран Востока, и помогут оценить тот вклад, который вносят народы Азии и Африки в сокровищницу мировой культуры.

Казим ас-Самави

О современной арабской литературе

Прежде чем начать речь о современной арабской литературе, нужно сказать несколько слов о так называемом золотом веке арабской литературы, который последовал непосредственно за периодом расцвета арабской философии (XIV век). В то время Багдад был центром Арабского халифата, простиравшегося от берегов Атлантического океана до Черного моря, от Персидского залива до берегов Индийского океана.

Арабские мыслители оставили большое наследство, которое в течение сотен лет является предметом изучения в крупней-

ших институтах Европы. Имена замечательных философов и писателей — Авиценны, аль-Маари, Ибн Хальдуна, Ибн Рушди и других — стоят в ряду имен самых выдающихся людей мира. Арабы первыми начали составлять энциклопедию. Из энциклопедистов того времени можно указать на Ахмада Бен Абани аль-Андалузи. Составленная им энциклопедия насчитывает сто томов.

Известно, что причиной упадка философской мысли того времени послужили порочная политика правящего класса и разложение политической системы, которые привели к тому, что арабские страны подверглись нашествию татар: в особенности пострадал Багдад, где татарский хан Хулагу самым варварским способом уничтожил памятники древней арабской культуры. В Тигр были брошены десятки тысяч книг, содержавших сокровища мысли, и среди них — множество бесценных рукописей. К счастью, некоторые экземпляры рукописей того периода сохранились в библиотеках Александрии, Берлина, Лондона, Москвы, Ташкента.

Одни бедствия в жизни народа сменялись другими. Арабские страны, истерзанные ордами татар, попали под турецкое иго. В продолжение 400 лет, то есть с первой половины XVI и до начала XIX века арабские мыслители и литераторы подвергались жестоким преследованиям. Их бросали в тюрьмы, казнили, изгоняли из страны. Арабский язык был запрещен. Но все попытки отуречить арабов оказались тщетными. Арабский язык продолжал жить вопреки всем гонениям.

Литература этого периода отражала стремление к свободе и независимости.

Французская буржуазная революция, взятие Бастилии и установление республики знаменовали собой начало новой эры в мировой истории. Поход Наполеона в Египет, прорытие Суэцкого канала для соединения двух материков явились выражением новой политики капиталистических держав, стремившихся к завоеванию рынков для сбыта своих товаров.

Империалистические монополии начали экспансию на Ближнем Востоке. В связи с этим в Сирии, Ливане, Египте, Ираке и других арабских странах вспыхнуло национально-освободительное движение, направленное против вторжения в эти страны армий империалистических государств. Стихийные вспышки народных восстаний не могли противостоять бронированной силе западных армий. Но именно этот период знаменует собой рождение новой революционной литературы.

К середине XIX века в Ливан были завезены первые печатные машины, появилась арабская пресса. С 1892 года начинает издаваться журнал «аль-Хиляль» под редакцией Джорджи Зейдана и с 1886 года — журнал «аль-Муктатаф» под редакцией Якуба Суруфа. Оба эти журнала существуют и поныне. Среди выдающихся писателей и философов этого времени можно назвать: Мухаммада Абдо, Джамаля ад-Дина аль-Афгани, аль-Баруди, аль-Кавакиби в Египте, поэтов ар-Расафи и аз-Захави в Ираке, Халиля Митрана в Сирии. Все они являлись представителями наиболее революционно настроенной части интеллигенции и призывали в своих произведениях к борьбе против иноземного гнета. Творчество этих писателей стало основой современной боевой арабской литературы, выступающей против английского, французского и американского империализма.

Естественно, что свобода мысли и свобода печати оказались под замком, после того как английские войска оккупировали Египет, Судан, Ирак и Палестину, французские войска заняли Сирию, Ливан, Алжир и Марокко, итальянцы захватили Ливию. Но арабская литература не умерла, она продолжала жить и отражать борьбу народов своих стран против империализма. Прозаические и поэтические произведения печатались тогда либо в подпольных типографиях, либо за границей. Эта литература тогда еще не сформировалась окончательно. Классическая по форме и прогрессивная по содержанию, она положила начало современной арабской литературе.

* * *

Современная арабская литература на первом этапе своего развития придерживалась старых классических традиций. Поэзия, имеющая более чем тысячелетнюю историю и пользующаяся большой популярностью в народе, занимает в этой литературе ведущее место. Что касается других форм — драматургии и прозы, — то они делают лишь первые шаги на пути своего развития. Большое значение приобрела публицистика.

С 1946 года борьба арабских народов за национальную независимость входит в новую стадию развития. В Египте выдвигаются такие крупные литераторы, как Таха Хусейн, Тауфик аль-Хаким, Мухаммад Хайкаль и другие. Произведения этих писателей различаются по методу и стилю, но их сближает правдивое изображение эпохи. В Ираке в этот период выдвигаются аз-Захави, ар-Расафи, аль-Джавахири. Творчество этих писателей относится к реалистическому течению в литературе.

Вторая мировая война оставила глубокий след в сознании народов и вызвала новый подъем прогрессивной литературы, выражающей стремление народов к освобождению.

Между 1920 и 1957 годами в литературу пришли новые писатели, представляющие различные литературные жанры: новеллу, поэзию, драматургию, роман. В их произведениях наряду с национально-освободительными идеями затрагиваются и социальные проблемы, вопросы семьи и т. д.

История возникновения арабской новеллы восходит еще к доисламскому периоду. Своеобразными предшественниками но-

веллы можно считать некоторые произведения арабского героического эпоса, как например, историю об Антаре или историю об Абу Зейде аль-Халяли. Затем появился Коран, состоявший в основном из отдельных коротких рассказов. Что касается фольклора, то он известен еще со времен династии Аббасидов, так же как и знаменитые сказки «Тысяча и одна ночь», переведенные на многие языки мира. В мрачный период турецкого господства был создан сборник рассказов Шейха Насифа аль-Язиджи. Время появления современной арабской новеллы совпадает с началом существования арабской печати (1870). Первый рассказ был тогда напечатан в журнале «Аль-Джанна». Придерживаясь исторических фактов, можно утверждать, что арабская новелла начала формироваться еще в начале XIX века и по своим жанровым особенностям мало чем отличалась от западной. Однако около полувека она проходила путь художественного развития, и сейчас многие современные арабские писатели-новеллисты завоевывают мировую известность — таковы Тауфик аль-Хаким, Таха Хусейн, Махмуд Теймур и другие писатели старшего поколения. В последнее время выдвигаются новые имена—это Абд ар-Рахман аш-Шаркави, Абд ар-Рахман аль-Хамиси и Нагиб Махфуз в Египте, Абд аль-Малик Нури и Зу-Нун Айюб в Ираке, Ханна Мина в Сирии и Марун Абуд в Ливане. Различаясь между собой в отношении писательских приемов и стилей, все они реалистически изображают жизнь египетского народа, жизнь рабочих и крестьян, жизнь города и деревни, борьбу трудящихся за хлеб, за воду, за независимость своей родины. Произведения этих писателей являются ценным вкладом в современную арабскую литературу.

Из числа наиболее значительных произведений этих авторов можно назвать книги: «Окровавленные рубашки» и «Мы не умрем» Абд ар-Рахмана аль-Хамиси, рассказывающие о борьбе египетского народа против английских оккупантов; «Земля» Абд ар-Рахмана аш-Шаркави, рисующая борьбу египетских крестьян за землю и за воду; «Синие лампы» Ханна Мина о борьбе сирийского народа против французских империалистов после второй мировой войны; «Земля, рука и вода», повествующая о борьбе иракских крестьян за землю.

Герои этих произведений — сыны и дочери арабского народа. Это — крестьяне, рабочие, студенты, все они живут и борются за свое счастливое будущее. В этих произведениях выражены лучшие надежды простого народа, в них нашли свое отражение и классовые противоречия и вера в счастливое будущее.

В современной арабской поэзии идет острая борьба различных направлений. В этой борьбе побеждает новое направление, стремящееся к освобождению от архаизмов и от употребления старых форм стихосложения, стремящееся к упрощению содержания и выступающее против символизма.

Старая литература, проповедующая «искусство для искусства», умерла, потому что оторвалась от народа, от его интересов, от национально-освободительной борьбы.

Современная прогрессивная арабская литература отображает жизнь народа в ее многообразии, она неразрывно связана с интересами народа, с его надеждами и чаяниями, она освещает ему путь в будущее, где царствуют мир, свобода и счастье.

Нене Кхали

Заметки о литературе Черной Африки

Современный мир (мы имеем в виду в особенности мир Запада) переживает сейчас период исторического перелома. Он ощущает разрыв между своим прошлым и настоящим. Будущее внушает ему страх. Это общественное явление выражает осознание того факта, что определенная эпоха завершилась и рождается новая эра. Таково логическое следствие потрясения социальных основ того мира, в котором литература долгое время оставалась достоянием и орудием господства одного класса, а именно — класса буржуазии.

В связи с этим, говорить о традициях и новаторстве в литературе — значит ставить вопрос о кризисе (или кризисах) некой формы европейской культуры. Проблема возрождения литературы, оживления многообразных течений возникает лишь тогда, когда утрачены или забыты источники, которые литературу вскармливали. В самом деле, трудно предположить, что цветок зачахнет, не распустившись, если соки по-прежнему поднимаются от корней к сердцевине дерева. Но источники и корни любой литературы восходят к культурному наследию, состоящему из фольклора — сказок и устных народных легенд*,

* «Сказки Амаду Кумбы» Бираго Диопа, «Африканские легенды» и «Черная повязка» Бернара Дадье.

изречений и поучений, рожденных жизненным опытом, из множества разнообразных форм национальной культуры, которые накапливались и развивались на протяжении веков.

С этой точки зрения, современное положение негро-африканской литературы выдвигает ряд проблем, всю сложность которых нелегко понять тем, кто не знаком с колониальной действительностью и не знает ее воздействия на культуру. «Цивилизаторская» миссия западных держав в Африке состояла в отрицании и уничтожении туземных культурных сокровищ. Подобного рода действия были направлены к тому, чтобы вызвать у африканцев чувство презрения ко всему неевропейскому, и освящали, таким образом, разрыв африканцев с их собственным культурным наследием. В дело обезличивания цивилизаций народов Черной Африки внесли свой вклад и естественные и гуманитарные науки: Гобино и Леви-Брюль, в числе других антропологов и социологов, своими работами способствовали оправданию дела колонизаторов, представляя его как цивилизаторскую миссию. Раньше не могло и речи идти о том, что музыкальное искусство гриотов Африки вольется в могучую симфонию народов всего мира; еще меньше было надежды, что в хоре поэтов и романистов всего остального человечества прозвучат строфы и сказания африканской литературы. Пластические искусства народов Африки также оставались неизвестными. Нужны были труды Фробениуса*, чтобы цивилизации народов Африки, живущих южнее Сахары, начали прорывать сеть, сплетенную вокруг них заговором молчания. Разумеется, эти попытки вновь открыть негритянские культуры, предпринятые извне первыми африканистами, далеко еще не были окончательным признанием негритянских цивилизаций по двум причинам:

1) Ученые стремились использовать свои открытия в интересах империалистов: примером может служить тот же Фробениус с его расистскими теориями.

2) Ученые были почти полностью лишены возможности проникнуть с достаточной точностью в тайны негритянских цивилизаций, не возбуждая недоверия туземцев. Культурные традиции в Африке были — и остаются до сих пор — связаны с религиозной мыслью, овеянной чарами магии. Это не должно, однако, вводить в заблуждение: африканский континент, долгое время изолированный от остального мира, также вступал в диалог с природой; именно этим объясняется постоянное переплетение в африканском искусстве реального и магического, если понимать это слово, как обозначение того, что ускользает от объективного понимания.

Естественный ход событий побуждал негритянских писателей обращаться к традициям своего народа, и все они — жители Антильских островов или африканского континента,—не согласовывая заранее своих усилий, стали воспевать Африку. Первыми были те, кто пел по самой природе своего таланта,— поэты. На Гаити — Жак Румэн, писатель, чей язык могуч и благороден, на Мартинике — Эме Сезэр, чья речь, по словам Андре Бретона, «прекрасна, как кислород в миг возникновения». Сезэр — автор одного из выдающихся произведений современной поэзии — «Дневника возвращения в родной край», эпопеи, где реалистическое мироощущение слито со сверкающей мощью образов и пылкой эмоциональностью. Не следует забывать Леона Дама и Ги Тирольена — поэтов Гваделупы и Гвианы,— они также были сбор в числе первых. В полном согласии с ними зазвучал голос сенегальца Леопольда Седара Сенгора, такой мягкий по сравнению с мужественным голосом Сезэра. Все эти поэты, как и другие их братья по расе, вдохновляются одними идеями, разрабатывают одни темы — темы возрождения черного мира. Их поэтический язык и стиль характеризуют новую эстетику, которую я охотно назвал бы эстетикой тамтама. Действительно, негро-африканским поэтам свойствен новый поэтический язык, основанный на использовании синкопированных ритмов, резких и неправильных, на употреблении своеобразного юмора. Эти особенности в равной мере характерны как для негро-африканской, так и для негро-американской поэзии. Несмотря на то, что они пользуются различными лингвистическими инструментами, Николас Гильен на Кубе, Лэнгстон Хьюз в Соединенных Штатах, Питер Блекманн на Барбадосе и Эме Сезэр на Мартинике близки по своему поэтическому языку, столь не похожему ни на один другой язык мировой литературы.

Но если негро-африканская поэзия необычайно быстро достигла расцвета, другие литературные жанры почти не развивались, так как для них было необходимо найти новую технику, которая соответствовала бы особенностям духа негритянских народов.

Традиции устной литературы, передававшиеся из поколения в поколение гриотами, позволили очень быстро создать поэтическую эстетику, в то время как развитие драмы и романа было затруднено, поскольку африканские негры не знают ни театральной традиции, ни традиции повествовательной, которая приводит к роману. Следует сказать, что, обращаясь к театру и роману, мы вступаем в совершенно особую область. На африканском континенте нет ничего, что могло бы быть воспринято драматургией или романом в западном понимании этих жанров. Метод изображения «куска жизни», который так важен для театра или романа, неведом черному

* Фробениус (1873—1938) — немецкий этнограф.

миру, где события, вещи и чувства не отделены друг от друга: здесь можно скорее говорить о некоем унанимизме, обращающем сцены повседневной жизни в скетчи, которые можно разыгрывали или записывать. Иногда, разумеется, некоторые формы народного искусства выделяются на этом почти не дифференцированном культурном фоне и приобретают особое значение, специфическое освещение: таковы сцены борьбы у народов суданской зоны (саванна) или празднества там-тамов, организуемые на больших площадях деревень озерных или лесных районов. Комические, мимические сценки, разыгрываемые драмы входят в качестве составных частей в эти спектакли, детально разработанным фоном которых служат пение и танцы. Здесь можно найти материал, поддающийся использованию, если стремиться к созданию оригинального театрального искусства.

Знание этих элементов культуры послужит драгоценной опорой и для романиста, который попытается создать жанр, соответствующий африканской индивидуальности и выражающий ее дух. Тонкая поэзия, которой дышат строки прозы Лей Камары («Черный мальчик», «Взгляд короля»), резкий, но легкий ветер, одухотворяющий перо Фердинанда Ойоно («Жизнь боя», «Старый негр и медаль»), реалистическая сдержанность Усмана Сембена («Черный докер», «О, страна моя!») позволяют предсказать африканскому роману будущее, полное перспектив, в той мере, в какой он попытается освободиться от конформизма французских литературных канонов: картезианский анализ в африканской книге не более чем ненужный сироп, и наши молодые писатели должны будут доказать свою смелость, если они не захотят остаться добровольными канцелярскими крысами во втором эшелоне.

Над судьбами молодой негро-африканской литературы нависает, однако, опасность. Не испытывая недостатка в талантах по части словесности и поисков новых тем, она зато сталкивается с трудностями в установлении связей между своим культурным прошлым и задачами современности. Отмеченный выше разрыв между уровнем национальных африканских культур, с одной стороны, и той цивилизацией, которая навязана нам колонизаторами, слишком очевиден, чтобы не ударить в набат. Эта опасность особенно велика для негро-африканской литературы на французском языке, ибо французская часть Африки еще более, чем соседние территории английских колоний, обескровлена, лишена национальной культуры. Учитывая, что часы колониализма, сметаемого стремлением всех народов к независимости, уже сочтены, крайне необходимо возможно быстрее осуществить собирание всех африканских культурных богатств. Следует настаивать на первоочередной необходимости создания больших обобщающих работ социально-исторического характера, посвященных как далекому, так и близкому прошлому нашего континента. Эме Сезэр в своей страстной «Речи о колониализме», Жак Рабеманандзара, размышляющий на ту же тему, и в особенности Шейх Анта Диоп в своем значительном труде «Негритянские нации и культура» уже приступили к этой исследовательской работе, разумеется не беспристрастно, а с научной обоснованностью, отрицать которую можно лишь с недобросовестных или предвзятых позиций. В материале, как это видно, недостатка нет: нужно переписать заново всю историю Африки, восстановить в правах ее культуру. Задача эта ни с чем не сравнима. Советские ученые-африканисты, группирующиеся вокруг профессоров Потехина и Ольдерогге (первый — этнограф, второй — лингвист), вносят в это дело крупный вклад своими пролагающими путь работами. Африканцы, несомненно, воспользуются ими для строительства своей культуры в новой Африке.

До сих пор предпринимаются попытки обесценить усилия Африки, направленные на восстановление ее цивилизаций. При этом утверждают, что такие усилия — не что иное, как проявление национальной ограниченности, неразумный отказ от западной культуры. Подобный упрек легко может быть обращен к тем, кто его делает: какое, собственно говоря, место отводит западная империалистическая культура и цивилизация вкладу негров в то, что она называет сокровищницей мировой культуры? Разве каждый честный специалист по средневековью не должен подтвердить, что литературное творчество Антара* (домусульманский период) оказало влияние на литературу своего времени? Разве всего лишь мужественным воином был тот, чей стих вместе с шестью другими произведениями составил классическую антологию «Му'аллаки»**?

Поэзия Антара является одним из тех литературных памятников, на которые должны опираться национальные негро-африканские литературы в такой же мере, как Запад возводит свою культуру к «Энеиде» Вергилия или «Одиссее» и «Илиаде» Гомера.

Добиться контакта одних цивилизаций с другими — хорошее дело, но при одном условии: они должны сливаться в горниле мирового гуманизма, сохраняя в полной неприкосновенности свою оригинальность.

Будущее Африки не может не быть прекрасным. Поэтому ее сыновья должны крепко держать в руках свою литературу, свои культурные сокровища. Африка находится на подъеме, и богатства ее культуры должны быть сохранены у самого сердца, нельзя допустить их обесценения.

* Антар Ибн Шадда аль-Абси — великий поэт, живший в VI веке.

** Му'аллаки — буквально: нанизанные. Древнее арабское выражение, в котором стихи сравниваются с жемчужинами, а поэтическое творчество — с нанизыванием жемчуга на нитку.

Проф. Дхусван Сейми

Литература Непала

Название Непал известно многим, но лишь немногие знают, как живет непальский народ. Это произошло потому, что более столетия Непал был изолирован от всего мира. Феодальные правители Рана с помощью британских империалистов отгородили страну от мирового прогресса. Поэтому даже теперь, когда Непал вступил в новую эру, когда он является членом ООН, мир знает о нем очень мало.

Кое-кому Непал известен как родина гурков, сражавшихся в двух мировых войнах на стороне англичан, и более того, даже теперь сражающихся за них в Малайе. Однако такое знакомство, пожалуй, ничуть не лучше полного неведения, так как оно может создать ложное впечатление о народе Непала, вступившем на путь прогресса. Восхождение на Эверест также принесло известность Непалу и непальцам. Но этого еще недостаточно для того, чтобы получить представление о жизни и истории народа. Мы знаем так много о России и русском народе не только потому, что Россия так же велика, как и могущественна, но и потому, что она дала миру Пушкина, Достоевского, Тургенева, Толстого, Чехова, Горького и Маяковского. Одним словом, мы полнее и глубже узнали Россию через русскую литературу.

В Москве и Ленинграде я встретил много людей, интересующихся Непалом и жизнью его народа. В этой статье я попытаюсь коротко изложить историю развития и современное состояние литературы Непала на неварском языке.

В королевстве Непал говорят на многих языках. Наиболее развитым из них считается язык невари. Невари обычно относят к тибето-бирманской группе языков, однако его подлинное происхождение вызывает в настоящее время много споров. Ученые доказывают, что язык невари содержит много ведийских слов. Автор этих строк считает, что невари включает слова обеих языковых групп, так как Непал расположен между двумя великими странами — Китаем и Индией. Лингвисты уделяют языку невари большое внимание. С. Леви (Франция), Х. Иоргенсон (Дания) и профессор Тучи (Италия) посвятили ряд работ его изучению. И теперь много ученых приезжает в Непал с целью изучения неварского языка. В Лондонском и Римском университетах существуют специальные отделения, занимающиеся изучением невари.

Неварская литература — древнейшая литература Непала. Отсутствие достоверных археологических данных не позволяет точно установить дату ее возникновения. Имеются переводы «Тысячи и одной ночи» и некоторых философских произведений, сделанные 600 лет назад. Неварская литература успешно развивалась до 888 года по непальскому летоисчислению (1768 г.), но в 1768 году Непал был завоеван гурками, и это нанесло тяжелый удар неварской литературе.

После нашествия гурков и особенно после прихода к власти феодальных правителей Рана литература пришла в упадок. Это объясняется политическими причинами. Невари принадлежали к наиболее образованной прослойке общества, и правители — династия Рана,— опасаясь, что они со временем захватят власть, беспощадно подавляли все неварское. Писать на языке невари считалось преступлением. Но неварские писатели не бездействовали. Они продолжали писать, и когда в 1939 году в домах писателей начались обыски, много рукописей было сожжено, а ряд писателей подвергся жестокому тюремному заключению. Наиболее выдающийся среди этих писателей — Читтадхар Хридайя. Два года назад он праздновал свое пятидесятилетие, и король Непала пожаловал ему титул кавикешари (царя поэтов). Он ездил в Китай с делегацией деятелей культуры. В настоящее время Читтадхар Хридайя является председателем одного из объединений неварских писателей.

Но именно этот период преследований явился началом нового подъема неварской литературы. Несомненно, и до этого было написано немало книг, но именно тогда в тюрьмах были созданы наиболее значительные произведения, изданные впоследствии. Книги эти писались тайно, на листах «Рамаяны» и «Махабхараты», которые разрешалось читать заключенным.

В это же время сгустились тучи и над неварской религией. Буддистские монахи выступали со страстными проповедями, но так как все они были неварами, их изгнали из Непала. Предводителем буддистских монахов-неваров был Бхикшу Амритананд, блестящий знаток буддистской литературы, в настоящее время глава «Дхармодайя Сабха» — ведущей буддистской организации в Непале. Сейчас он читает курс лекций по неварской литературе и языку в Римском университете.

Изгнанные из Непала монахи поселились в Индии. Тем временем Читтадхар Хридайя был освобожден из тюрьмы и тоже уехал в Индию, где вместе с Амританандом много сделал для развития неварской литературы. Вскоре в Индии начал издаваться ежемесячный литературный журнал «Дхармодайя», было издано много неварских книг.

В 1950 году редактор журнала «Дхармодайя» Прем Камсакар с помощью живущих в Индии неварцев организовал первый в истории Союз неварских писателей «Чоза Паза» («Товарищи продолжают писать»). Автор этих строк в то время учился в Индии и принимал участие в организации Сою-

за. В самом начале своей деятельности Союз стал свидетелем революции*, охватившей всю страну. В предшествующий революции короткий промежуток времени «Чоза Паза» успел издать сборник рассказов, написанных автором этих строк. В революции приняли участие все члены Союза. Неварские писатели возлагали особые надежды на то, что с падением феодального ига падут и цепи, сковывающие неварскую литературу. Но революция осталась незавершенной. Весь Непал был охвачен смятением. Многие писатели оставили свою профессию и, вступив в политические партии, целиком ушли в партийную борьбу. Союз «Чоза Паза» был переведен из Индии в Катманду. В это же время Читтадхар создал еще одну организацию писателей, но поскольку эта организация представляла интересы старых писателей, «Чоза Паза» остался и является до настоящего времени Союзом молодых писателей Непала. Этот Союз много сделал для развития неварского языка и литературы, для подъема культуры непальского народа. Нередко на пути Союза возникали серьезные финансовые затруднения, но молодые писатели ходили из дома в дом, из деревни в деревню, из города в город, собирая средства для издания журнала. Они повсюду встречали теплый прием. Вскоре стал издаваться журнал «Паза», выходящий два раза в месяц. Союз издал также много книг.

Во всех областях литературы появились молодые писатели, охваченные духом нового. Сначала главной темой их творчества был национальный вопрос, потом они обратились к теме борьбы за мир во всем мире. Произведения старых писателей, которые были скорее романтиками, чем реалистами, устарели. Но старшее поколение писателей неприязненно отнеслось к новому движению; занимая ведущее положение в литературе и политике, они превратились в своего рода феодальную верхушку. Это заставило молодых писателей нашего времени изменить свою позицию. Теперь основная их тема — призыв к новой революции.

Молодой критик и поэт Кришна Чандра говорит в одном из своих стихотворений:

Непал изменился, но недостаточно.
Ему нужна еще одна перемена.

Ту же мысль высказывает автор этих строк в своей пьесе «Хьяуннибха» («Красное солнце»). Он говорит о том, что непальскому народу нужна еще одна революция, которая принесет в Непал красное солнце с севера. Эта пьеса дважды ставилась студентами и молодежью Непала.

Здесь уместно будет коротко рассказать о некоторых видных молодых писателях Непала.

Писатель Пермананда в своих произведениях рисует правдивую картину жизни простых и честных людей — бедняков-арендаторов, среди которых он живет. Прогрессивный писатель Кхвабилу придерживается принципа: «Искусство должно быть правдивым, но не обнаженным». Язык его стихов простой, народный; стиль прост, как и язык. В своих стихах Кхвабилу обращается к молодежи с революционными призывами. Тиртхалал Нагхабхани — писатель того же направления, выступает главным образом как новеллист. Известный талантливый поэт и критик, коммунист Кришна Чандра выступает с протестом против феодалов и всех, кто с ними связан. Среди критиков и очеркистов это единственный прогрессивный писатель. Его называют вождем прогрессивного лагеря писателей. Много раз он подвергался тюремному заключению. Буддистский монах Сударсан Срамнер — автор исторических пьес. Прогрессивный писатель Ишварананда считает, что без освобождения женщины невозможно развитие нации. Каждое его произведение пронизано мыслью о необходимости борьбы женщин против феодального строя, при котором с ними обращаются, как с рабынями. Сатья Мохан Джоши и Хемлал Джоши скорее ученые, чем драматурги. Оба далеки от прогрессивных идей. В своих пьесах они постоянно восхваляют неварских королей, что, разумеется, не может быть прогрессивным в наше время. Прем Бахадм, Маник Лал и Ашарам Сакья — политические руководители антикоммунистических групп. Эти писатели не пользуются популярностью, так как они постоянно блокируются с империалистическими силами против коммунизма.

Поэзия представлена именами Пермананда, Кхвабилу, Кришна Чандра.

В области драматургии работают Дхусван Сейми, Сатья Мохан Джоши, Сударсан Срамнер, Хемлал Джоши, Ишварананд Шрештхаджарья. Рассказы пишут по преимуществу Дхусван Сейми, Тиртхалал Нагхабхани. Романы — Дхусван Сейми. Критические статьи и очерки — Прем Бахадм и Камсакар, Кришна Чандра, Маник Лал, Ашарам Сакья. Исторической литературе посвятил себя Читтаранджан Непали. Народные песни — сфера деятельности Сатья Мохан Джоши.

Почти все эти писатели еще только вступили на литературное поприще. Но уже в самом начале своего творческого пути они завоевали популярность, потому что затронули душу народа, сердце страны. Один из них, Кхвабилу, молодой, талантливый поэт, дал даже повод для беспокойства многим видным поэтам. Его стихотворение, в котором говорится о любви крестьянского юноши и дочери арендатора, пользовалось одно время бо́льшей известностью, чем песни из индийских кинофильмов, весьма популярных в Непале. Стихотворение Кхвабилу распевали все, от пятилетних детей до семидесятилетних стариков, его пели повсюду — на свадьбах, в школах, в парках, на улицах.

Автор этих строк является романистом. В романе «Миза», получившем признание и

* Имеется в виду восстание 1950—1951 гг., когда была свергнута власть феодальных правителей Рана.

популярность среди читателей, изображен феодальный Непал; книга призывает к борьбе против старого, косного социального строя.

Читтаранджан пользуется популярностью в образованных кругах. Молодому историку, не имеющему даже ученой степени, поручен ответственный пост руководителя департамента культурных связей с Тибетом, так как его знание истории произвело большое впечатление на правительственных чиновников. Этого вполне достаточно, чтобы понять, какое положение он занимает среди молодых писателей Непала. Читтаранджан придерживается прогрессивных взглядов.

В настоящее время мы, непальцы, переживаем критический период нашей истории. Нам приходится бороться не только с новой феодальной кликой, но и с силами западного империализма, проникающего в страну. Поэтому перед молодежью вообще и перед молодыми писателями в особенности, стоят большие национальные задачи. Но мы уверены, что одержим победу над всеми реакционными элементами. Мы пробудились. Никому не удастся теперь обмануть нас. Залогом тому служит наша борьба за мир во всем мире, за дружбу между народами.

Абульнасим Саадаллах

О национальной культуре Алжира

На каком языке разговаривают в Алжире и на каком языке пишут его писатели? Многие уверены, что алжирцы разговаривают друг с другом на французском языке, что все арабское в Алжире бесследно исчезло, если не считать крови, которая течет в жилах его сынов, или земли, которая соединяет тело Алжира с телом арабской нации.

Настало, наконец, время опровергнуть эти взгляды и посмотреть, как обстоит дело в действительности, опираясь на документальные источники, на самую жизнь.

Прежде всего возникает вопрос, как появилось это заблуждение? Оно вызвано двумя причинами. Первая из них непосредственно связана с политикой империализма. Франция стремилась отделить Алжир от братских арабских стран; французская пропаганда утверждала, что алжирцы — французские мусульмане и что они связаны с Францией в территориальном, языковом и культурном отношениях. Французы заявляли на весь мир, что Франция — мусульманская страна, потому что среди ее подданных есть мусульмане, но ведь они не провозглашали Францию арабской страной на том основании, что среди ее подданных есть арабы, как не признавали и того, что алжирцы — это арабы-мусульмане. В то же время Франция беспощадно боролась со всем арабским, будь то школа, учителя или пресса. Пришло время, когда даже разговаривать на арабском языке стало тяжким преступлением.

Вторая причина заключается в том, что Франция воздвигла непроницаемую стену между алжирцами и остальными арабами. Французский язык стал обязательным в школах, на улице, в официальной и неофициальной переписке, в разговоре с любым французским чиновником.

В результате этой изоляции и давления язык алжирцев не развивался и не совершенствовался, а в разговорный диалект вошло значительное число иностранных выражений. Но несмотря на все это давление извне и изнутри, алжирцы смогли сохранить свой арабский разговорный язык, стоящий в одном ряду с диалектами других арабских стран, например, Сирии, Египта, Ирака.

ЯЗЫК

Следует далее отметить, что алжирский диалект арабского языка имеет местные особенности. Есть области, где диалект по своей чистоте приближается к литературному арабскому языку. Это наблюдается на юге и в некоторых районах департаментов Константины и Орана. Но имеются также области, где арабский язык смешан с французским или берберским, например, в городе Алжире и в Большой Кабилии. Другими словами, смешение арабского языка с французским больше всего там, где есть французские поселенцы, то есть в прибрежной полосе и на плодородных равнинах. Зато для арабского языка остается много свободного места в пустыне, деревнях и маленьких уединенных городках.

ПИСЬМЕННОСТЬ

Читатель вправе задать вопрос: «Допустим, все, что вы сказали, — правда, но где же алжирская литература на арабском языке?» Выше я хотел доказать не столько наличие литературы на классическом языке, сколько существование арабского разговорного языка в Алжире. Вместе с тем, я еще раз хочу повторить ту истину, что письменный арабский язык сталкивается с еще

бо́льшими трудностями, чем разговорный диалект. Франция боролась с арабским образованием и арабской культурой различными путями, колонизаторы пытались обречь разговорный язык на медленное умирание, после того как сфера его деятельности будет сужена и он будет заполнен галлицизмами.

Ограничимся здесь этим кратким упоминанием и вернемся к нашей теме, перейдя к вопросу о печати, пропаганде и литераторах различных направлений.

ПРЕССА НА АРАБСКОМ ЯЗЫКЕ

Если мы оставим в стороне разговорный язык и обратимся к письменному, то наше внимание привлекут два обстоятельства.

Первое — такое развитие арабской прессы в Алжире, какого до последнего времени не знали некоторые другие арабские страны. Этот факт побудил в 1936 году автора обзора прессы арабских стран, напечатанного в египетском журнале «Куллю щей», сказать следующее: «Может быть, единственная страна, в которой печать начала немного оживляться и занимать подобающее ей место,— это Алжир, где теперь выходит несколько газет, издатели и редакторы которых пытаются соперничать с газетами других арабских стран». Пресса на арабском языке в Алжире имеет очень давнюю историю. Если не считать нескольких газет, которые стали выходить в Египте после экспедиции Бонапарта, периодическая печать Алжира может считаться первой в арабских странах. Известно, что французы в 1847 году стали выпускать в Алжире газету на арабском языке «аль-Мубашшир» («Вестник»). После этого пресса, в особенности национальная, получила значительное распространение, отличаясь в то же время высоким уровнем и разнообразием. Больше всего для укрепления арабской прессы сделала «Ассоциация улемов»*.

Несмотря на разнообразие арабской прессы, язык, на котором она выходила, оставался строго литературным. На разговорном языке можно было прочесть только народные песни, печатавшиеся время от времени на ее страницах.

Существование в стране арабской прессы дает возможность алжирцам публиковать свои произведения: стихотворения, рассказы или статьи. Пресса откликается на потребности народа на всех этапах его политической, социальной и культурной борьбы. Именно с газет начали свою деятельность такие крупнейшие алжирские писатели, поэты и реформаторы, как Бен Бадис, аль-Брахими, аль-Мадани, аль-Ид, Хуху, Сахнун и многие другие из тех, кто гордо нес арабское слово не только вопреки империалистической политике, но и вопреки всему тому, что олицетворяет колониализм,— его языку, его фальшивой культуре и гнилым нравам.

* Мусульманские ученые и богословы.

ПОЭЗИЯ И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРОЗА

Второе, что привлекает внимание в алжирской литературе,— это обилие поэтических произведений на арабском языке и немногочисленность их на французском. Иначе обстоит дело с художественной прозой. В то время, как на арабском языке здесь есть только скромные опыты Хуху, аш-Шафии и Зхура, художественная проза на французском языке благодаря Мухаммеду Дибу, Маммери, Ферауну и Хубейлису достигла высокого уровня. В мою задачу не входит сравнение уровня поэзии и художественной прозы. Мне только хочется объяснить, почему проза на французском языке стоит на более высоком уровне, чем проза на арабском языке.

Прежде всего заметим, что жанр рассказа в алжирской литературе, даже на французском языке, еще очень молод, ибо он родился только в годы, последовавшие за второй мировой войной. Возраст же арабской поэзии нельзя ограничить определенным временем. Это различие показывает, что вопрос здесь не в языке, как средстве выражения. Сущность этого явления кроется в социальных и политических условиях страны.

Литератор, который готовит сборник стихов или пишет книгу на арабском языке, оказывается в положении самоубийцы, банкрота или преступника, так как он обычно не находит издателя, если же находит издателя, то не найдет читателей, а если находит и издателя и читателей, то уж во всяком случае не найдет закона, который защитил бы его права.

Что касается литератора, пишущего по-французски, то он, если ему негде развернуться в Алжире, находит поле деятельности в Париже.

Есть еще и другая причина, побуждающая алжирских писателей-прозаиков обращаться к французскому языку. Мы имеем в виду языковые средства для выражения современных понятий, которыми не столь уж богат арабский литературный язык, как бы он ни приближался к народной речи, и возможности, которыми располагает в настоящее время французская литература, особенно в области новеллы. Прибавим к этому, что новелла в развивающейся арабской литературе, в общем, еще нетвердо стоит на ногах.

Что касается других жанров алжирской литературы на французском языке, таких, как статья или очерк, то нельзя сказать, что их у нас не существует, — мы находим их в творчестве таких крупных писателей, как Малик Бен Бунни, аль-Хаффаф, ас-Сахили. Бен Шанаб и другие. Но если мы положим произведения всех их на одну чашу весов, а на другую сочинения аль-Брахими, Бен Бадиса, аль-Мадани, Бен Омара, аль-Мили. Хуху и других, пишущих по-арабски, то перевесят последние. Мне хочется отметить, что я говорю не о художест-

венном уровне этих произведений и их ценности. Я говорю лишь о самих явлениях и их количестве, что подтверждает незыблемость арабского языка в письменной и устной речи, несмотря на все попытки империалистов и ложные убеждения, которые существуют на этот счет.

„АССОЦИАЦИЯ УЛЕМОВ"

Когда мы говорим об арабской культуре в Алжире, немедленно возникает вопрос, кто был пионером этой национальной культуры, какие этапы она прошла до того, как сформировалась, как она смогла сохранить алжирский характер, помешав его растворению в импортированной французской культуре. Всякий, кто хоть немного знаком с историей современного Алжира, знает, что первая заслуга в распространении арабского самосознания, или в культурном сопротивлении колонизаторам, принадлежит «Ассоциации улемов».

Эта организация начала свою деятельность в двадцатых годах нашего столетия под руководством Имама Абд аль-Хамида Бен Бадиса. Благодаря активности этой организации, непрерывно нараставшей вплоть до нынешней алжирской революции, в стране возникли десятки арабских школ, появились сотни учителей, культурных и религиозных наставников. Была открыта первая арабская средняя школа, где преподавание велось на арабском языке, появились арабские газеты, из которых я назову «Аш-Шихаб», «Аль-Мунтакид», «Аль-Ислах», «Аль-Басаир», «Аш-Шаалю». Заслуга в сохранении местного арабского диалекта принадлежит так называемым «завиям» или «куттабам»*, которые были распространены во всех деревнях и городах. В них разучивают Коран, поэзию и грамматику примерно так, как это было раньше в египетской деревне. В этих школах, хотя и старых по методам преподавания, алжирцы знакомятся с основами арабской культуры. Потом они поступают в учебные заведения Туниса, Марокко или Египта. Вместе с «Ассоциацией улемов» в создании арабских школ принимают участие и некоторые политические партии.

НАРОДНОЕ ИСКУССТВО

В Алжире широко распространены также различные виды арабского народного искусства. Народные искусства сохраняют там свой самобытный мавританский, арабско-андалузский характер*, это проявляется в одежде, музыкальных инструментах, песнях, танцах, народной поэзии, в орнаменте и вышивке, в современном художественном творчестве: в живописи, музыке и пении. Все это определяет художественную специфику арабского Алжира и свидетельствует о том, что разнообразные виды искусства развиваются в Алжире на подлинно арабской основе и ничто французское не нарушает их исконно арабского духа!

Поистине, чудо заключается не в том, что Алжир восстал три с половиной года назад или принес миллион жертв во имя свободы и наносит каждый день поражения силам Атлантического блока. Подлинное чудо в том, что Алжир смог сохранить свой арабский национальный характер, несмотря на зверский террор колонизаторов, несмотря на явные и замаскированные попытки империализма уничтожить его!

* Завия (в Алжире) и куттаб (в Египте) — начальная школа, находящаяся обычно при мечети.

* Имеются в виду традиции арабской культуры, истоки которой относятся к эпохе завоевания арабами Испании (аль-Андалус по-арабски Испания).

В. Ивашева

Крах колониализма и английская литература

Наиболее характерное явление в послевоенном развитии Великобритании — быстрый, прогрессирующий распад ее колониальной империи.

По мере углубления кризиса британского колониализма, английские империалисты, осознавая невозможность продолжать старую политику откровенной эксплуатации зависимых народов, выискивают все новые формы колониального господства, дабы отсрочить свое окончательное поражение в борьбе с мощными национально-освободительными движениями. За последние годы правящие круги Великобритании все чаще вынуждены проявлять «чувство реальности»: они начинают лицемерно рассуждать о необходимости укрепления британского «содружества», о предоставлении странам «содружества» самоуправления и «независимости»... «когда они для этого созреют», и даже выступают поборниками национализма, который при этом неизменно противопоставляют коммунизму.

Как показали война в Египте и события в Ливане и Иордании, британские империалисты не останавливаются перед актами прямой агрессии; они пытаются внести рознь во взаимоотношения ряда стран, с тем чтобы потом сводить счеты с каждой из них в одиночку. Но ни политика насилия, ни политика оттяжек, ни политика оказания так называемой экономической «помощи» не обманывают больше борющиеся народы колоний и полуколоний, о чем свидетельствует конференция солидарности народов Азии и Африки, проходившая в конце 1957 года в Каире, и весь последующий ход событий.

Умение проявлять максимальную гибкость в борьбе за интересы капитализма английская буржуазия обнаруживала неоднократно на протяжении как XX, так и XIX столетий. Но как бы она ни маневрировала, процесс загнивания английского колониализма остановить невозможно.

После второй мировой войны, в результате образования широкой социалистической системы, народы стран, которые ранее были колониальными владениями Британской империи, все отчетливее сознают, что такое колониализм и как он тормозит экономическое, социальное и культурное развитие. На лицемерные заявления буржуазных колонизаторов, обещающих народам зависимых стран освобождение в будущем, когда они «созреют» для этого, народы ответили лозунгом, получившим в настоящее время огромную популярность, — «независимость при жизни нашего поколения».

В книге, посвященной кризису Британской империи, Р. Палм Датт указывает на характерную черту современной тактики империалистов: «Чем больше углубляется кризис материальной базы западноевропейских империалистических стран, тем более «духовным» становится язык, которым пользуются для характеристики этой базы»*. Теряя ключевые позиции в экономике зависимых прежде стран, британские колонизаторы все охотнее говорят о необходимости защиты «западной цивилизации», о спасении «западных духовных ценностей», «христианского наследия» и т. п. Но с каждым годом становится все очевиднее, что теория «священной миссии» белого человека (киплинговское «бремя белого»), несущего западную цивилизацию «цветным» народам, не что иное, как смехотворный миф. Углубляющийся колониальный кризис свидетельствует о пропагандистском характере этого мифа. Теории цивилизаторской миссии британского империализма, «христианских духовных ценностей» и тому подобного вздора, пишет Палм Датт, «являются на деле лишь респектабельными псевдонимами, вымышленными для западного капитализма и империализма».

Для последнего пятилетия характерны заметные сдвиги в отношении простых людей Британии к колониализму и народам зависимых стран. Воспитанный в убеждении, что эксплуатация цветных народов в отдаленных странах Британской империи явле-

* Р. Палм Датт. Кризис Британии и Британской империи. М., Издательство иностранной литературы, 1954, стр. 148.

ние не только само собой разумеющееся, но и непосредственно связанное с его собственным благополучием, рядовой англичанин в настоящее время теряет уверенность в том, что подобный порядок действительно «завещан самим богом». Как показывают многие события последнего пятилетия, английский народ требует коренного пересмотра отношений с колониями и народами стран «британского содружества наций».

Кризис империи, крах колониальной системы Великобритании находят широкое отражение в публицистике и в литературе. Тревога, неуверенность в завтрашнем дне колониализма, в возможности сохранения старых порядков, завещанных Чемберленом и Сесилем Родсом, восчетых Киплингом и поэтами джингоизма вроде Уильяма Хенли, звучат и в выступлениях людей, далеких от желания пересмотреть колониальные порядки. Даже империалистически настроенные журналисты вынуждены признать угрозу, нависшую над британским колониализмом. Тревога и неуверенность в будущем проникают даже на страницы официального органа империалистов «Интернэшнл аффэрс» — журнала Королевского института международных отношений.

Мотив невозможности сохранения старых порядков в колониях и старых форм колониализма звучит все громче в английской художественной литературе. За последние пять-десять лет английские писатели различных убеждений и направлений все чаще обращаются к теме колониализма: все чаще жизнь колониальных и зависимых стран служит для них не только «фоном», на котором развивается тот или другой сюжет, та или другая интрига.

Острый интерес к теме колониализма (причем, интерес писателей, ранее сравнительно далеких в своем творчестве от общественной проблематики, как, например, Грэхем Грин), наличие критической интонации в книгах о жизни колоний, написанных авторами различных творческих почерков и политических убеждений, — факт, заслуживающий пристального изучения. Антиколониалистский роман — в одних случаях обличительный, остро критический, в других случаях хотя и написанный с сожалением об уходящих порядках, но тем не менее констатирующий их крушение, — должен рассматриваться как знамение времени в литературе современной Британии.

За последние годы появилось немало выдающихся произведений английской прозы, смело говорящих правду о политике Великобритании в колониальной Африке и в странах Ближнего и Среднего Востока.

Многие из авторов таких произведений родились и выросли в этих странах, хотя считают себя англичанами. Они сами были свидетелями того, о чем пишут. Такова Филис Альтман, автор романа «Закон стервятников» (1954), повествующего о судьбе даровитого негритянского юноши, доведенного до безумия и гибели расовой дискриминацией. Таковы родившийся в Натале и выросший в Южной Африке Джек Коуп, автор романа «Прекрасный дом» (1955), раскрывающего историю колонизации Южной Африки; Надина Гордимер, уроженка Южно-Африканского Союза, автор ряда новелл, показывающих взаимоотношения «белых» и «цветных» («Мягкий голос змия», «Шесть футов земли», 1956); А. Пейтон, имя которого стало широко известно во многих странах мира еще в 1949 году, когда появился его впоследствии переведенный на многие языки роман о трагической судьбе негритянской семьи «Плачь, любимая страна». В 50-е годы вышли романы «Испытание любви» М. Эдельмана (1951), «Танец на солнце» Дэна Джекобсона (1956), «Луна как игрушка» Дж. Уайльза (1955), романы Джона Хирна «Голоса под окном» (1955), «Чужой у ворот» (1956), «Аспекты любви» (1957). Все эти писатели с большей или меньшей остротой ставят проблему расовой дискриминации и объективно показывают невозможность дальнейшего существования прежней системы колониального угнетения. Появившиеся за последние годы книги С. Сельвон «Остров — целый мир» (1955), Дж. Лэмминга «За оградой моей кожи» и «Эмигранты» (1955), наконец, Г. Блума «Эпизод» (1956), «Восстание в Трансваале» (1958) и многие другие произведения писателей стран Южной и Западной Африки еще глубже ставят ту же проблему колониализма.

Среди писателей, родившихся в Африке и пишущих на английском языке, немало таких, которым пришлось испытать всю жестокость расовой дискриминации на собственном опыте. Таковы прозаики и поэты негры: широко известный у нас автор замечательного романа «Тропою грома» Питер Абрахамс, не так давно опубликовавший новый роман «Венок Удомо» (1956)*, Мфалеле и многие другие.

Но обличителями британского колониализма выступают теперь уже не только уроженцы зависимых стран. Голос возмущения и протеста против колониализма все чаще поднимают английские писатели, родившиеся и воспитанные в метрополии, не бывшие постоянными свидетелями и сами не подвергавшиеся расовой дискриминации.

Произведения этих писателей разнообразны не только по творческой манере, сюжетам, трактовке образов, композиции, но и по идейным замыслам.

Появление романов, в ряде случаев созданных английскими писателями, отнюдь не стоящими в передовых рядах прогрессивной общественности и, тем не менее, объективно рисующими кризис британского империализма, распад его колониального могущества и рост национально-освободительной борьбы в зависимых странах, — значительная победа реализма и вместе с тем свидетельство успехов антиколониалистского движения.

Давно пользуется заслуженным внима-

* См. статью в журнале «Иностранная литература». № 6, 1957 г.

шием советского читателя творчество Джеймса Олдриджа — одного из даровитейших английских писателей нашего времени*. Большинство произведений Олдриджа, вышедших за последние годы, посвящено обличению британского колониализма и изображению растущего сопротивления народов.

Автор «Дела чести» и «Дипломата», «Героев пустынных горизонтов» и повести «Не хочу, чтобы он умирал» обладает широким общественным и политическим горизонтом, и это позволяет ему видеть ту перспективу, которая пока еще закрыта для многих даровитых английских художников, как бы искренни ни были их поиски правды. В романах, написанных за последнее десятилетие — начиная от «Дипломата» (1949) и кончая книгой «Не хочу, чтобы он умирал» (1957), — Олдридж совершенно сознательно и продуманно бросает вызов британскому империализму как системе.

Олдридж пристально следит за ходом освободительной борьбы в зависимых странах, ему не всегда ясны пути, по которым пойдет эта борьба в тот или другой момент, в той или другой обстановке, и потому его герои всегда изображены искателями, но он никогда не сомневается в необходимости и победоносных перспективах борьбы народов против империалистического гнета и рабства.

В лице Джеймса Олдриджа британский империализм имеет давнишнего и убежденного противника.

Борьбе с колониализмом посвящено большинство книг Дорис Лессинг — писательницы, которая, несмотря на свои идеологические колебания, все же стоит в рядах прогрессивных литераторов современной Англии.

Проблема колониализма стала одной из центральных в творчестве Лессинг с первых дней ее литературной деятельности — роман «Трава поет» (1950), сборник новелл «Страна старого вождя» (1951). Писательница изображает фермерские усадьбы в Южной Родезии, где она сама провела половину жизни, она обличает колонизаторов и всей логикой повествования убеждает в лживости легенды о превосходстве западной цивилизации и отсталости цветных народов. Правда, Лессинг, в отличие от Олдриджа, не изображает борьбу, на которую уже поднимаются народы Африки, но образы «белых» и «черных», противопоставленные ею в рассказах сборника «Страна старого вождя», в небольших повестях «Муравейник»**, «Голод» из сборника «Пять» (1953), красноречиво свидетельствуют об утрате человечности белыми, претендующими на принадлежность к расе избранных, и о высоком гуманизме, уме, способности к созидательной деятельности представителей тех народов, которые объявляются колонизаторами «неполноценными» и «отсталыми».

Последовательных и убежденных противников британского колониализма среди английских писателей становится с каждым годом все больше.

С острым сатирическим разоблачением лицемерной политики британских империалистов на Среднем Востоке выступил Десмонд Стюарт — одаренный английский писатель, до самого последнего времени живший в Ливане и превосходно знакомый с культурой арабов. Все книги Д. Стюарта посвящены изображению жизни Арабского Востока. Первая его книга вышла в 1953 году («Леопард в траве»). В текущем, 1958 году вышла его последняя книга «Молодой Египет», заслуживающая внимания прогрессивного читателя. В ближайшее время должен появиться еще один роман Стюарта об Ираке.

В романе, носящем ироническое название «Неподходящий англичанин» (1955), убедительный показ настоящего смысла внешней политики Великобритании (в данном случае, ее политики на Среднем Востоке) органически сливается с проникновением в существо борьбы арабов за освобождение от сковывающей их «опеки» империалистов. Действие романа развертывается в тот период, когда судьба арабских стран перестает решаться в Лондоне. Правдиво изображая английскую дипломатию в период кризиса британского колониализма, Стюарт вместе с тем прослеживает процесс пробуждения сознания рядового англичанина, начинающего не только понимать, но и осуждать политику своего правительства.

Страна, в которой развертываются события романа, названа вымышленным именем Мидия. Такой страны нет на карте, однако то, что происходит в романе, могло бы происходить в 1955 году в любой из стран Среднего Востока и одинаково типично для многих южноарабских стран, которые включались британскими империалистами в сферу действия Багдадского пакта.

Герой романа — молодой англичанин Джейсон. В начале повествования он еще не имеет определенных политических убеждений и даже не интересуется политикой. Мягкий юмор и лиризм пронизывают те страницы романа, где показаны первые дни пребывания молодого англичанина в Мидии. С тем же мягким юмором нарисованы портреты друга Джейсона — Гассана — простого араба, его родичей и знакомцев. Но юмор сменяется язвительной сатирой, местами даже сатирическим гротеском, как только автор переходит к изображению английских колонизаторов и их подлой дипломатической игры. Время действия романа — тот момент в истории английской внешней политики на Среднем Востоке, когда Англия, рассматривая зону от Нила до Каспийского моря как «жизненно важное стратегическое пространство» и перенося центр тяжести своей реорганизованной системы имперских военных баз на Средний Восток, вынужде-

* О творчестве Дж. Олдриджа см. статьи в журнале «Иностранная литература» № 1, 1955 г., № 12, 1957 г.

** См. «Иностранную литературу» № 6, 1955 г.

на тем не менее считаться с неоспоримым фактом наличия единого национального движения арабского народа.

Хотя героем романа является Джейсон, внимание читателя вскоре захватывает написанный в острой сатирической манере образ Флоддена. Флодден — посол Великобритании в Мидии — тот же Эссекс Олдридж, лишенный, однако, предрассудков аристократической «чести», которые заставляют дипломата старой школы делать грязную политику в белых перчатках. Дипломат нового поколения более беззастенчив и циничен, чем его предшественники. Образ Флоддена написан Стюартом мастерски и в каждой главе пополняется новыми типическими чертами. Во время войны Флодден восхищался Гитлером, жалея лишь о том, что тот «на противоположной стороне».

Флодден прекрасно понимает смысл и характер той имперской политики, которую он осуществляет на службе Форин офис. Наедине с женой, в кругу близких он не считает нужным скрывать значение своей деятельности. «Мировую политику не строят, как лигу христианской молодежи,— цинично заявляет Флодден. — Вы полагаете, мы покорили Индию честностью и добротой? Египет мы держали в повиновении отнюдь не на основе принципов нагорной проповеди». По словам Флоддена, его предки, строя империю, «выкраивали свое могущество из кожи живых людей, оказывавших сопротивление».

Хотя в основе его политики жестокость и несправедливость, Флодден понимает, что отстоять «британский интерес» в иовой исторической обстановке можно только при условии применения новых методов — лживой «помощи» «могущественного друга».

Страницы, рисующие «друга арабов» Флоддена в узком кругу единомышленников, где он издевается над бедуинами, которых перед этим искусно дурачил, один из лучших обличительных страниц политически острого и яркого сатирического романа Стюарта. «Равноправие рас — чепуха, — говорит на посольском приеме заравшийся промышленник Кейдж, выбалтывая то, что думают все британские дипломаты, что думает Флодден. — Есть активные и пассивные, сильные и слабые нации, все остальное пустая фикция, которую не к чему поддерживать». Горькие слова простого араба Гассана, сказанные Джейсону, углубляют обличение: «Разве ты не знаешь, что нашей страной правите вы, англичане? Разве в Англии это не знают?»

Подводя итог, Десмонд Стюарт лишний раз подчеркивает смысл нарисованных им сатирических образов, ставя почти рядом два противоположных высказывания Флоддена — одно в гротескной сцене его бреда под влиянием наркотиков, другое в официальной обстановке.

«Наша политика — divide et impera. Расколи их и бей их, и пусть варится котелок! Оружие, предоставленное Мидии по военному «договору» с англичанами, — негодное барахло, которое можно лишь бросить на слом или использовать в детской игре в солдатики!» Так говорит правду в кабинете врача одурманенный Флодден...

«Политика правительства ее величества построена на том принципе, что благополучие Мидии и объединенного королевства не противоречат друг другу, а дополняют друг друга». Так говорит пришедший в себя Флодден на официальной встрече англичан и арабов...

Стюарт не ограничивается обличением британской дипломатии и нравов английских империалистов в недавно еще зависимых от Британии арабских странах. Подобно Олдриджу, он пытается проникнуть в сущность национальной жизни народа изображаемой им страны (или группы стран). Он показывает арабов не только живущими мыслью об освобождении от иностранного владычества и вмешательства, но и твердо знающими, чего они хотят.

«Я готов пойти на смерть, борясь за независимость моего народа», — говорит патрон Джейсона журналист Дари — активный деятель национально-освободительной борьбы.

Портрет Дари нарисован Стюартом с большой теплотой, отражающей глубокую симпатию автора к свободолюбивому арабскому народу. Стюарт при этом верно подмечает, что всякое проявление свободной мысли, не соответствующей политике национального и колониального угнетения, всякое действие демократии против фашистских методов империалистического господства колонизаторы немедленно выдают за происки коммунистов. Говоря о Файзале, человеке очень далеком от коммунизма, казненном англичанами после мятежа, полнятого националистами в 1941 году, Гассан метко замечает: «Если бы он был жив теперь, его назвали бы коммунистом».

Деятели национально-освободительного движения изображены Стюартом как преданные делу народа борцы против британского империализма, причем всеми своими выступлениями и действиями они опровергают миф о превосходстве британской культуры и западной цивилизации.

В конце романа автор рисует Джейсона не только прозревшим в отношении политики своих соотечественников, но и глубоко сочувствующим тем арабам, которых английские колонизаторы стремятся представить грязным и бесчестным народом, не способным к созидательному труду и творческой деятельности.

«Вы построили тюрьму и зовете ее цивилизацией», — эти слова жены Флоддена англичанки Сильвии — основная мысль книги, которую хочет донести до широкого английского читателя Десмонд Стюарт.

На ином тематическом материале, но с неменьшей убедительностью выступил против британского колонианизма два года назад Бэзил Дэвидсон, опубликовав волнующий роман о колониальной Африке «Речные пороги» (1956). Известный журналист,

автор ряда публицистических очерков и книг, привлекших внимание английской печати («Заря в Китае» (1953), «Пробуждение Африки» (1955), «Туркестан живет» (1957), активный участник борьбы за мир, Б. Дэвидсон сравнительно недавно обратился к художественному творчеству. «Речные пороги» — его второй роман.

Дэвидсон правдиво рисует мрачные будни колониальной Африки. Образы книги показывают, что пробудившаяся национально-освободительная борьба не может быть потушена никакими репрессиями, никакими формами расового террора.

Хотя политические взгляды Дэвидсона далеко не устойчивы, как показали его выступления в дни контрреволюционного мятежа в Венгрии, однако автор «Пробуждения Африки» остался непоколебимым в своем отношении к колониализму, раз и навсегда осудив имперскую политику Великобритании. Отличный знаток Африки, даровитый публицист и незаурядный писатель, Дэвидсон с большой силой художественной правды показал условия жизни черных рабов и систему господства представителей западной («высшей») цивилизации на одном из участков владычества Великобритании (Дельмина — географический псевдоним района Танганьики). Автор раскрывает экономическую подкладку этого владычества: жизнь черных рабов, говорится в книге, значительно дешевле того красного дерева, которое они добывают для колонизаторов в густых лесах Дельмины.

Политическая острота книги — в изображении представителя британской администрации капитана Стентона, переходящего, в силу сложившихся обстоятельств на сторону «туземцев» в их борьбе за освобождение.

Герой Дэвидсона капитан Стентон — не юнец, каким является Джейсон в книге Стюарта «Неподходящий англичанин». Это человек, превосходно знающий Африку и живущий в ней не первый год. Всю жизнь Стентон верно служил «британскому интересу». Его восстание против «своих», вначале носящее лишь характер выступления против циничной жестокости обнаглевших колонизаторов, вдохновляемых крепостником Ковальским, влечет за собой не только крушение привычного для старого англичанина уклада его жизни, но и остракизм, а затем и прямое преследование со стороны бывших друзей-соотечественников. Пылающий дом и усадьба Стентона, подожженные руками местных куклускланов цев,— символ горящего прошлого Стентона, с которым капитан, поселившийся на британской службе, прощается не легко, но стойко и без колебаний.

Подчеркивая контраст между прекрасной тропической природой Дельмины и безобразными делами озверевших расистов, Дэвидсон с большим драматизмом рисует трагедию Стентона и ряда людей, судьбы которых связаны с ним. Конфликт, намеченный в романе, достигает наивысшего напряжения, когда растущее движение народного сопротивления, возглавляемое демократическим вождем Сабули, захватывает Стентона. Финал книги, хотя и содержит указания на ход дальнейших событий, отнюдь не звучит пессимистично. Можно согласиться с Клэр Юле, писавшей об этом романе в «Уорлд ньюз» (4 февраля 1956 г.): «Развязка такова, что поражение воспринимается в ней как победа. Она укрепляет в убеждении, что, как бы ни была мучительна борьба Африки за свое освобождение, конец этой борьбы может быть только один».

Неудивительно, что роман Дэвидсона вызвал злые нападки сторонников империалистической политики. В литературном приложении к «Таймс» было заявление, что эта книга не что иное, как «пропаганда, маскирующаяся под роман характеров» (17 февраля 1956 г.). Другие органы буржуазной печати пытались так или иначе преуменьшить художественную ценность книги. Однако значение ее как симптоматического явления в литературе 50-х годов вынужден был признать даже такой далеко не прогрессивный журнал, как «Букс энд букмен». «Эта книга, — пишет рецензент, — имеет огромное значение... она поднимает роль пропагандистского романа наших дней».

К произведениям английских авторов, решительно протестующим против колониализма, должен быть причислен и роман Г. Грина «Тихий американец» (1955)*, хотя острие обличения направлено в нем не против британского, а против американского империализма. Свое отношение к колониальному угнетению народов Г. Грин выразил еще задолго до появления «Тихого американца» в романе «Сущность вопроса» (1945), по своему замыслу не относящемся к произведениям антиколониалистского жанра. Как бы ни был сложен путь творческого развития Грина (о чем, между прочим, свидетельствует его последняя пьеса «The Potting Shed»), как бы ни были разительны противоречия в сознании этого выдающегося художника современной Англии — позиция его в вопросе о колониализме ясно определилась.

Таковы наиболее яркие и показательные из тех произведений английской прозы последнего десятилетия, в которых громко звучит голос протеста передовых художников. К этой же группе следует отнести и роман Дж. Тэбори «Караван проходит» (1951) и недавно появившуюся книгу Дейва Уоллиса «Трамвайная остановка около Нила» (1958) — книги, получившие положительную оценку в коммунистической прессе Великобритании.

О крахе британского колониализма говорят — и подчас не менее красноречиво — и другие произведения, написанные за последние годы английскими прозаиками, по своим убеждениям и общей ориентации едва ли заслуживающими быть причисленными к

* См. «Иностранную литературу», №№ 6, 7 за 1956 г.

активным антиимпериалистам. В той или другой форме, подчас даже с горечью о безвозвратно уходящих в прошлое порядках, неоспоримую истину краха империи вынуждены констатировать даже многие буржуазные писатели современной Великобритании.

В числе произведений такого рода нельзя не упомянуть книгу известного английского писателя старшего поколения Ричарда Олдингтона «Лоуренс Аравийский»*, вышедшую в Англии три года назад. Рисуя портрет известного авантюриста и деятеля английской разведки («друга арабов») полковника Лоуренса, Олдингтон с убедительностью и документальной достоверностью показал те силы, которые стояли за Лоуренсом. Книга эта, не на шутку встревожившая правящие круги Великобритании, — мощное обличение политики английского империализма на Среднем Востоке, хотя она и не была задумана автором в таком плане.

Ярким и в высшей степени типичным образцом произведений, объективно представляющих собой обличение британского колониализма, является роман Джеральда Хенли «Пьющие мрак» (G. Hanley «Drinkers of Darkness» 1955). Резко очерчен в этой гнетущей, но безусловно талантливой книге мотив финала, уныло звучит похоронный колокол по той системе колониального господства белых, которую даже автор вынужден признать негодной, пришедшей в упадок. Книга «Пьющие мрак» рассказывает о настроениях (больше, чем о повседневной жизни) маленькой группы англичан, затерявшихся в одном из районов Западной Африки. Сюжет книги несложен: действие развертывается на протяжении нескольких дней — накануне и после 25 декабря — традиционного в Великобритании рождественского праздника. Вдалеке от родины, в условиях тропической жары англичане хотят отметить праздник, который ничего не означает и ни с чем не связан для местного населения. Они хотят создать себе иллюзию близости к родным пенатам. Но время проходит в пустых спорах, и праздник не удается по разным причинам, главная из которых — забастовка черных батраков, воспринятая англичанами-колонизаторами как зловещий для них раскат грома незаметно надвинувшейся грозы. В мелочной суете вокруг организации рождественского праздника горсточка англичан (семь мужчин и три женщины) не замечает начала «беспорядков» — забастовки черных батраков, выражающей протест местного населения против произвола белых. В полной растерянности встают англичане-плантаторы перед вопросом, на который бессильны ответить: «А что же делать?»

В книге Хенли много такого, что характерно для десятков романов, выходящих за последние годы в Англии и Америке. Образцом для них послужили произведения Хемингуэя тридцатых годов. В романе «Пьющие мрак» много копания в разорванном и смятенном подсознании действующих лиц; большинство персонажей — неудачники, ищущие счастья в колониях или скрывающиеся в них от придирчивых законов метрополии. Это люди, не видящие смысла и цели жизни. Охваченные тоской, они размышляют о своей обреченности, о близком конце, который хотели бы так или иначе отсрочить. Отчаяние, внутренняя опустошенность звучат в каждой строчке диалогов, в каждой реплике действующих лиц, чувствуются во всем их поведении.

Но роман Хенли отличается от обычных образцов англо-американской прозы в манере Хемингуэя тем, что смятению героев здесь дается общественно-историческое осмысление. Судьбы и настроения небольшой группы англичан, затерявшихся и как бы забытых в тропической Африке, неразрывно связаны с судьбами самого колониализма. Обреченность всех действующих лиц романа воспринимается читателем как обреченность принципов колониализма, носителями которых они с большей или меньшей долей сознательности выступают. Все персонажи романа находятся во власти темных сил своих инстинктов (что и определяет название произведения). До поры до времени они убеждают себя в том, что в Африке ничто не меняется, но в то же время в глубине сознания прячут тревогу, ощущая, что порядок, установленный в колонии, непрочен, что существующие отношения между кучкой плантаторов и массами черных рабов в любую минуту могут быть нарушены, и произойдет нечто непоправимое. Цепляясь за традиции, они, сами того не замечая, испытывают влияние меняющейся Африки и, наконец, встают перед необходимостью подумать о переоценке своих взглядов, о неизбежности близящихся перемен.

Действие романа отнесено к 1930 году, что позволяет автору отобразить освободительное движение в колониях еще в его ранней стадии. Вместе с тем книга воспринимается как произведение, дышащее современностью.

Каковы бы ни были убеждения Хенли (в книге есть высказывания, свидетельствующие о глубине предрассудков, живущих в сознании автора, и нет основания говорить о прогрессивности его мировоззрения в целом), роман убедительно показывает, что английскому колониализму приходит конец. Забастовка негров рисуется автором как полустихийный протест, но читатель ощущает силы, зреющие в массах угнетенного негритянского населения, протест которого перерастет в будущем в целенаправленную борьбу, а финал этой борьбы очевиден даже и для самого Хенли. Более того — возникновение народного протеста воспринимается как неизбежное следствие поведения плантаторов в Мамбанго, поведение же их — как следствие определенной системы социально-экономических отношений.

Не случайно и то, что хотя в центре романа — плантаторы-англичане, но объектив-

* См. «Иностранную литературу» № 1, 1957 г.

но наиболее симпатичны в книге образы негров. Представление англичан о бездушии и жестокости черных рабов иронически трактуется одним из носителей британского порядка Чессингом, как лишенное здравого смысла.

Общественный смысл книги Хенли раскрывается особенно полно в последней главе, где описывается, как приезжий полицейский следователь — слепой и непреклонный исполнитель имперской законности — пытается расследовать причины событий в Мамбанго. Прозревший плантатор-англичанин Темлин испытывает желание сказать блюстителю порядка, что все очень просто, что давно пора платить неграм по нормальному тарифу, давно пора кормить их, как кормят белых тружеников, что следует воспринимать их как взрослых людей, а не как неразумных младенцев... «Но было поздно,— замечает автор.— Корни проросли и уже дали побеги. Теперь необходимо было считаться с выросшим растением».

И когда один из плантаторов начинает размышлять о природе негра, о том, возможно ли относиться к нему, как к безгласному рабочему скоту, он выражает мысли, так или иначе тревожащие всех колонизаторов. «Тихая заводь,— замечает Хенли,— начинала приходить в движение, и этим движением управляла неизвестная сила. Что-то было безвозвратно и навсегда утрачено».

Одним из особенно важных признаний автора романа «Пьющие мрак» является то, что ответ на вопрос, который безуспешно ищут рядовые англичане-колонизаторы и который еще туманен для многих представителей черной армии эксплуатируемых, нашел негр Поул, которого «подозревают в связях с коммунистами»,— наиболее передовой человек среди населения Мамбанго. Каково отношение автора к Поулу, не ясно. Высказывания Хенли на этот счет двусмысленны и противоречивы. Африка становится для него миром, где начинает распоряжаться солдат, «которого призвали на защиту крепости, готовой сдаться, крепости, на которую напали, когда часовой уснул». «Как знать, как знать...» — размышляет вслух Темлин. «Он чувствовал горечь, чувствовал себя обманутым, чувствовал, что сам был во всем виноват. И теперь ему надо было менять угол зрения, для того чтобы правильно видеть тот мир, который только что открылся его взору. Тот мир, в котором жил Поул».

Темлин уже «не доверяет Африке», Африке, в которой «черные стали теперь казаться черней, а белые люди — белей». И он «не мог понять, что изменилось... Во всяком случае, пока что еще не мог». «Не доверяет» Африке и сам Хенли, показавший невозможность прежних полутонов и недоговоренности, показавший, как черная Африка Поула встает, чтобы сбросить с себя паразитов.

О крахе британского колониализма говорят наряду с книгой Хенли и другие произведения, написанные за последние годы английскими прозаиками, которые, так же как и Хенли, по своим убеждениям и общей ориентации не могут быть отнесены к числу активных антиимпериалистов. Среди этих произведений достоин особого внимания роман Джона Уилли «Бунт», вышедший в 1954 году.

Автор во многом автобиографического романа «Доброе семя» (1953), изображающего жизнь заключенных в японском лагере для военнопленных во время второй мировой войны, Уилли написал свой следующий большой роман «Бунт» об Африке, пожив и поработав там в качестве британского представителя Красного Креста в послевоенное время.

Об Уилли нельзя говорить ни как о писателе с прогрессивным мировоззрением, ни как о человеке, сочувствующем борющимся народам колоний. Но он, как и Хенли, логикой вызванных им к жизни образов показал неизбежность крушения британской политики расизма и колониального угнетения, несостоятельность мифа о превосходстве белого человека и белой цивилизации.

За три года до объявления независимости Ганы (бывшей еще в то время колонией Великобритании, известной под названием Золотого Берега) Уилли с большой убедительностью и художественной силой показал назревание конфликта, который впоследствии закончился изгнанием британских колонизаторов.

«В основе того, что показывает автор в этом романе,— нехотя и сквозь зубы признается «Нью-Йорк геральд трибюн бук ревью» (30 июня 1957 г.),— лежит глубокое убеждение в том, что цветные повсюду выступили в крестовый поход против белых и что нет ничего, что могли бы предпринять даже самые благонамеренные белые, чтобы его остановить... Черные ощущают, что белые начали терять веру в свою звезду хозяев земли, и намерены захватить свободу раньше, чем будут готовы ее использовать».

Это вынужденное признание буржуазного критика, сопровождаемое стереотипным замечанием о «незрелости» и «отсталости» борющихся народов, говорит о многом. Оно продиктовано как всем содержанием романа «Бунт», так и словами самого автора в начале его рассказа о мятеже, вспыхнувшем в Порт Кристиане: «Неимущие» (the havenots в терминологии Уилли) были готовы бросить вызов «имущим» (the haves),— пишет Уилли.— Растущие цены, непомерные претензии богачей, возросшая грамотность угнетенных, начавших читать газеты, наконец, подъем освободительного движения цветных против господства белых во всем мире — все это дало почву для возникновения мятежа»... «Белым давно следовало осознать», что «цвет-

ные народы поднялись против них в крестовый поход».

Уилли описывает происшествия всего трех дней, но эти три дня насыщены событиями, позволяющими сделать далеко идущие выводы. В романе нет героя, потому что цель автора, сохраняя объективистскую позу, показать столкновения сил и различных людей, принимающих участие в конфликте. В романе множество действующих лиц, портреты которых набросаны скупо, но чрезвычайно выразительно. Все персонажи, дополняя один другого, помогают составить представление о конфликте борющихся сил, причем каждый введен в роман для раскрытия основной темы — темы мятежа, стихийно вспыхнувшего протеста. В быстро сменяющих друг друга кадрах, позволяющих сблизить роман с киносценарием, в калейдоскопе сопоставляемых и противопоставляемых характеров перед читателем проходят те три дня, на протяжении которых черное население Порт Кристиана объявляет бойкот белым, начинает демонстрацию протеста против роста цен, а затем поднимает стихийно возникший мятеж, который подавляют вызванные из метрополии войсковые части.

Уилли превосходно передает напряженную атмосферу, в которой необычайно быстро развиваются драматические события. Он непрерывно, но отнюдь не навязчиво комментирует происходящее, подводя своего читателя к заключительным выводам, которые обусловлены всем ходом событий, поведением и высказываниями различных действующих лиц.

Весь стиль книги, художественный метод, присущий автору, столь же противоречивы, сколь противоречиво сознание писателя. В романе есть грубо натуралистические сцены (например, картина разнузданной оргии на улицах города во время мятежа), явно тенденциозные портреты (например, портрет «коммуниста» Циммермана). В нем есть суждения в духе дешевых заметок в реакционной прессе, есть и экзотика, чаще всего встречающаяся в колониальных романах, но есть в нем и нечто другое — главное, что решает судьбу книги, делает ее помимо намерений автора таким произведением, которое помогает расшатывать гнилое здание британского колониализма. Это главное — в изображении хранителей британского господства в Порт Кристиане: в изображении уродливых проявлений расизма и белого шовинизма; в показе американского миссионера, осознавшего роль доллара в уловлении человеческих душ и просвещении негров «светом евангельским»; в характеристике служащих колониального управления, из которых одни (Уилсон) готовы слепо служить империи, а другие начинают испытывать глухое отвращение к той роли, которую они выполняют по долгу службы.

Несмотря на натурализм многих сцен, несмотря даже на кажущуюся тенденциозность их подбора, роман оставляет впечатление грозного предупреждения, признания неизбежного конца того режима, который порождает мятежи. Разгул насилия и грабежей воспринимается как стихийная вспышка народного гнева, еще не направленного в должное русло, но уже мощного и закономерного.

Уилли выступает от имени своих персонажей то стоиком, покорным перед «фатальной» неизбежностью, то аналитиком, трезво раскрывающим смысл «судьбы». Носителем стоической покорности перед неизбежным выступает полицейский инспектор Ренкин, случайный выстрел которого в толпу демонстрантов служит невольным сигналом к вспыхнувшему мятежу. За несколько часов до смерти от случайной пули, во время подавления беспорядков, Ренкин размышляет: «Еще один день... Эти дни проходят один за другим, не связанные с жизнью кого-либо из людей, не связанные ни с кем... Что значит наша жизнь? И какая, в сущности, разница, как ею распорядиться?»

Другой персонаж, выражающий мысли автора,— миссионер Дортвейлер. Рассуждая о том, как воздвигалась колониальная империя, он вынужден признать, что строители ее не надевали белых перчаток. «У британцев короткая память»,— размышляет Дортвейлер. «Блага», принесенные «черным» колонизаторами, весьма относительны... и возможности убивать, «которыми располагали носители «высшей цивилизации», были поистине неограниченными».

И наконец, выводы, к которым приходит Уилли, выражает художник Бенсон. Сидя в самолете, вылетающем из Порт Кристиана и берущем курс на Англию, Бенсон думает о дальнейшей судьбе покидаемой им страны. «Что бы ни предпринимали белые,— размышляет Бенсон,— черные люди Африки все равно раньше или позже сами выкуют свою судьбу. Белых ведь меньше — 5 миллионов на весь негритянский мир, а негров свыше ста миллионов».

Когда глаза художника Бенсона останавливаются на Уилсоне — одном из служащих колониального управления, покидающем вместе с ним Африку, он задумывается о судьбе этого человека, неразрывно связанной с судьбой колониальной империи, которой тот служит. Маленький винтик в машине ее управления, Уилсон, как и подобные ему, еще некоторое время вынужден будет цепляться за эту страну (Африку), управлять которой он и подобные ему помогают своему правительству, думает Бенсон. «Но в конечном итоге он потерпит поражение и вынужден будет уйти с поля боя или приспособиться к новым порядкам, которые придут на смену старым...»

Так книга Уилли «Бунт», написанная человеком, стоящим далеко от деятелей прогрессивного фронта Великобритании, становится обвинительным приговором британскому колониализму и пророчеством его неминуемого крушения.

Отмечая обращение ряда английских авторов к колониальной тематике и осуждение ими практики британского колониализма как типичное явление последних лет, следует отметить и некоторые романы менее яркие в художественном отношении, чем рассмотренные нами. К подобным произведениям может быть отнесен написанный еще в 1951 году роман лейбориста М. Эдельмана «Испытание любви», критически изображающий колониальные порядки в Северной Африке. К ним же относится первый роман Дэвида Ануина «Жена губернатора», которым писатель дебютировал в 1955 году. В этом романе Ануин рисует правдивую картину жизни негритянского населения экваториальной Африки, разнузданного расизма белых колонизаторов и произвола английских властей протектората. В трактовке многих вопросов, поднятых в книге, ощущается недостаточная глубина, однако, как бы там ни было, роман свидетельствует против колониализма и колонизаторов.

К романам объективно антиколониалистским может быть в общем отнесена появившаяся несколько лет назад книга Эльсбет Хаксли «Предмет любви» (1954). Хотя известный английский передовой писатель Монтегю Слейтер назвал роман Э. Хаксли «пропагандой, за которую могут быть благодарны полиция и колонизаторы Кении»*, тот же Слейтер правильно подметил противоречивость впечатления читателя от этого романа. В то время как белые плантаторы, изображенные в романе, похваляются унаследованной от предков тысячелетней культурой и цивилизацией, поступки их говорят об отсутствии у них даже каких-либо признаков культуры. По заявлению Э. Хаксли, негры — представители отсталого народа, но, рисуя их, Хаксли изображает людей, обладающих живым воображением и народным юмором, значительно более человечных, чем их белые господа. Прав Слейтер, когда он замечает: «Роман — рискованный вид творчества. Каким-то непонятным образом правда всегда выскакивает наружу!»

* * *

Говоря о появлении в Англии все большего числа произведений, фиксирующих распад и неминуемое крушение британской империи, нельзя закрывать глаза на наличие в современной английской литературе и противоположной тенденции. Здесь, как и на всех участках литературной жизни капиталистических стран, идет и не может не идти напряженная борьба.

Среди произведений современной английской прозы нередко еще встречаются романы, которые по своему содержанию и трактовке изображенных фактов не могут быть названы иначе, как колониалистскими, хотя традиция Киплинга в новой обстановке не только отмирает, но современными создателями пробританского колониального романа модернизируется. Об этом красноречиво говорят как образцы колониального романа, созданного за последнее время, так и высказывания некоторых идеологов британского империализма нашего времени. Откровенный колониализм и расизм, неприкрытая пропаганда колониалистской экспансии, воспевание «мощи белого человека» и его «священной миссии» невозможны в дни, когда трещит по швам британская колониальная империя и даже самое название ее стыдливо сменяется новым названием Британского содружества народов. Недаром английский офицер в отставке Джон Мастерс, верный, хотя и значительно менее талантливый продолжатель дела Киплинга в английской литературе 40—50-х годов, писатель, стоящий на страже «британского интереса» в литературе, объявляет Киплинга «ослом, помешанным на цвете кожи», «не умеющим щадить чувства людей, любящих Индию»*.

Современные колониалистские романы значительно более прикрыты в своей тенденции, более разнообразны и вместе с тем осторожны в средствах пропаганды колониализма, чем романы того же направления на заре XX века.

Типичен в этом отношении пробританский колониальный роман Алика Во «Остров на солнце». На его обложке — обязательная для коммерческой рекламы любовная пара, застывшая в объятии. Чрезвычайно крикливые и яркие цвета обложки должны привлекать взоры читателя, а тропический пейзаж Британской Вест-Индии придает внешности книги «местный колорит». В романе Во есть все необходимое для современного «бестселлера»: причудливое переплетение остро драматических эпизодов, соединение сенсационного детектива и откровенной эротики, психоанализ и занимательная интрига. Но роман этот не совсем обычный «бестселлер». В умелых руках Алика Во напряженная фабула служит тем проводником, по которому в сознание читателя вливается отрава, насыщенная скрытым расизмом, ненавистью к освободительной борьбе угнетенных народов.

Любовно выписаны образы англичан — плантаторов и представителей административной службы на острове, носящем вымышленное название Сант Марта. Автор рисует их культурными, гуманными и прекраснодушными людьми; наиболее привлекательный из них, губернатор острова лорд Темпльтон, представлен как человек широких взглядов, «отец острова», стоящий выше расовых предрассудков.

Старательно выписывая тенденциозные в своей приукрашенности образы белых, Алик Во не жалеет аляповатых красок лубка, переходя к изображению «туземцев» — тупых и неопрятных, — поднятых

* «Daily Worker», 14 октября 1954 г.

* Цитируется по статье Комптона Маккензи в журнале «Spectator», 10 февраля 1956 г., стр. 89.

на бунт тщеславным и нечестным черным вождем Боско. Лубочными приемами малюют Во грязный шарж и на вождя национально-освободительного движения. Столь же тенденциозно изображены восставшие негры, убивающие белого плантатора в силу нелепой провокации, грубого шантажа...

Таков один образец современного романа, тенденциозность которого тщательно прячется под крикливой вывеской «модного» боевика. «Полустанок Бховани» Джона Мастерса (1954) — другой образец, тенденциозность которого не менее очевидна, хотя представлена в ином варианте.

В романе Джона Мастерса — еще одном «бестселлере сезона» — события развертываются в Индии накануне объявления независимости. Правдиво рисуются бытовые детали, пейзаж, тщательно очерчены различные характеры и судьбы индийцев, впитавших британскую культуру и вкусивших привилегии людей, находящихся на службе у колонизаторов... Тенденция спрятана дальше. Она выступает в изображении смутьянов, нарушающих спокойствие, которые для большего коммерческого и политического успеха книги именуются коммунистами! Как и в романе Алика Во, грубый шарж здесь умело переплетен с правдоподобными деталями, тенденциозное служение «британскому интересу» маскируется в этой антикоммунистической фальшивке под более либеральное, чем у Киплинга, изображение жизни и нравов индийцев.

«Нельзя рисовать индийских коммунистов террористами и претендовать при этом на правдоподобие,— пишет английский критик-коммунист, рецензируя роман в «Дейли уоркер». — Но мещанство предпочитает читать о злодеяниях лубочных коммунистов, а не о том, что соответствует исторической правде. И мещанство оплачивает того, кто пляшет под его дудку».

Лишь условно, казалось бы, могут быть названы колониалистскими романы известного английского писателя послевоенного поколения Ф. Ньюби «Пикник в Саккаре» (1955) или «Революция и розы» (1957). Пронизывающая их тенденция умело спрятана при помощи различных приемов, а не лежит на поверхности. Именно такими — отнюдь не откровенными, как во времена Киплинга,— являются колониалистские романы наших дней, и в этом также симптом кризиса, симптом упадка былой мощи империи.

Действие одного из романов Ньюби (1955) развертывается на фоне жизни и борьбы египетского народа в период владычества короля Фарука (то есть до 1952 года, когда он был низложен); действие другого романа (1957) — на фоне событий, непосредственно предшествующих его низложению (то есть в июле 1952 года). Хотя внимание автора будто бы сконцентрировано на личных судьбах героев — представителей английской интеллигенции, однако подтекст этих романов не оставляет сомнения в том, какова их политическая тенденция. Ироническая манера скептика, характерная для творческого почерка Ньюби, комедийные ситуации, которыми насыщены его книги, маскируют их политическое звучание. Ньюби выдает свои романы о Египте (кстати говоря, написанные один накануне суэцкого инцидента, другой — непосредственно после него) за фарс, не претендующий на решение политических вопросов, и писателю вторит английская критика, восхищаясь «неотразимым комизмом» его произведений.

Однако если смешны многие приключения молодого ассистента каирского университета Перри («Пикник в Саккаре») или похождения Тима Блейнли и английской журналистки, египетского лабазника и английского посла (в «Революции и розах»), то отнюдь не смешна та трактовка национально-освободительного движения и его участников, которая дается автором как бы «мимоходом», переплетаясь с перипетиями претендующего на оригинальность сюжета. Автор настойчиво убеждает читателя, что английский империализм — вымысел и его вовсе не существует. Англичане Ньюби — милые и культурные люди, обиженные «туземцами», которые по непонятным причинам и без особых, с точки зрения Ньюби, оснований стремятся выпроводить их вон из Египта. Такова интонация неоколониалистского романа, выдаваемого автором за фарс, ничего общего не имеющий с политикой... На каждом шагу этот фарс оборачивается политическим пасквилем. Шутка обнаруживает оскал зубов верного колониализму хранителя интересов империи.

«Революция и розы» — новый «фарс» Ньюби на том же «египетском» материале. Английская критика отмечала бо́льшее добродушие книги по сравнению с романом «Пикник в Саккаре». Не потому ли, что книга написана после новой победы египетского народа, новой победы сил, борющихся против колониализма?

Почва ускользает из-под ног колонизаторов. Защитникам его в английской литературе становится все труднее лгать и изворачиваться. И их становится все меньше и меньше.

С каждым годом все громче звучит в английской литературе протест против колониализма, все больше появляется произведений, свидетельствующих о крахе британской колониальной системы, все большее число писателей объективно переходит на сторону убежденных противников колониализма.

ПУБЛИЦИСТИКА

ГЛАЗАМИ ДРУЗЕЙ

Энцо Рава
(ИТАЛИЯ)

ЭРА КОЛОНИАЛЬНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ

В этой книге очень часто будет встречаться слово «Франция». Но слово «Франция» мы будем употреблять в самом приближенном, источном его смысле: мы будем говорить о меньшинстве французского народа — кучке крупных колонистов, помещиков, гангстеров, генералов и финансовых воротил, установившей колониальное господство в Северной Африке и заставившей народ приносить жертвы и ходить в трауре ради обеспечения этого господства, не принесшего ему ничего, кроме несчастий... Французский народ с тех пор, как генералы его наглой буржуазии 130 лет назад начали алжирскую авантюру, рассматривает всякую несправедливость, совершенную против народов Северной Африки, как несправедливость по отношению к нему самому, всякий их шаг по пути к свободе — как свой успех и, наоборот, всякий свой успех — как вклад в дело освобождения порабощенных народов. Обличение колониализма и борьба против него — сначала со стороны светлых умов своего времени, а потом организаций и широкого общественного мнения всей страны — сопровождали всю колониальную историю Франции.

На страницах этой истории текут реки крови. Но массовые убийства — это лишь наиболее явная форма порабощения; другой, не менее жестокой его формой являются попытки лишить народы колоний не только независимости или пищи, но и их национальных особенностей, попытки заставить алжирцев считать себя французскими гражданами третьего сорта, позабыть о собственной цивилизации, религии и языке, убедить их, что только в «составе» чуждого им государства или с его «помощью» они смогут подняться от «варварства» к «культуре». Когда не помогает пропаганда, проповедники «высшей цивилизации» и осуществляющие ее чиновники предоставляют действовать генералам... Когда не помогает оружие, поработители прибегают к усыпляющим бдительность уступкам и обещаниям, которые нарушают, как только почувствуют себя достаточно сильными, чтобы нанести открытый удар...

На чем бы оно ни держалось — на штыках или на обмане,— «присутствие» колонизаторов всегда пытаются оправдать, придать ему законный характер, называют его «цивилизаторской миссией», а тех, кто отказывается подчиниться иностранному господству, обвиняют в том, что они отказываются от цивилизации. Размах и сила, которые приобрело ныне освободительное движение в странах, входящих в дряхлые империи Англии и Франции, заставляют теперь англичан и французов, американцев и португальцев, голландцев, бельгийцев, испанцев отрицать даже сам факт существования колониализма; они окрестили его новыми названиями вроде «помощи», «совместного управления», «взаимозависимости», «братского союза»...

Прежде, когда Октябрьская революция еще не открыла эру колониальных революций, колонизаторам не было никакой необходимости маскироваться под «Армию спасения» и они могли открыто высказывать то, что является истиной еще и сегодня: «Колонизация,— говорил один из ее паладинов Альбер Сарро,— не акт цивилизации, не стремление к ней. Это акт силы, силы, преследующей свои выгоды...»

Во французской колонизации Северной Африки первостепенную роль играли генералы. «Мы все сожгли и разрушили. Сколько убитых женщин и детей!.. Вот это война! Да здравствует слава!» — писал Сент-Арно. «Чтобы прогнать черные мысли, которые иногда меня осаждают, я велю отрезать головы — не головки артишоков, а именно человеческие головы»,— писал Ламорисьер. Бывший тогда еще в чине полковника Люсьен де Монтаньяк писал своему другу из района операций около

Фрагменты из произведений, посвященных странам Азии и Африки, печатаются с сокращениями.

Филиппвиля: «Вот, дорогой мой, как надо воевать с арабами: убивать всех мужчин старше 15 лет, хватать всех женщин и детей, грузить их на суда и отправлять на Маркизские или какие-нибудь другие острова. Короче говоря, уничтожать их всех, чтобы не путались под ногами, как собаки».

«Здесь необходимо,— разъяснял генерал Бюжо,— такое нашествие, как нашествие готов». И его люди травили дымом в пещерах целые племена, жгли деревни, уничтожали стада, вырубали деревья, продавали в рабство женщин, коллекционировали отрезанные у пленников уши. «Нашествие готов» осуществлялось десятилетие за десятилетием, вплоть до наших дней. В 1945 году генерал Дюваль созвал в Алжире свой штаб, посмотрел на часы и сказал: «Сейчас 12.25. К 12.25 завтрашнего дня уничтожьте всех мужчин-туземцев старше 15 лет, которых найдете». Гарбэ в 1954 году приказал сравнять с землей целые деревни «после того, как из них уйдут женщины и дети». Корреспондент газеты «Монд» рассказывал: «Я был очевидцем операции по захвату деревни в пяти километрах от Филиппвиля. Человек пятьдесят — женщины, старики, дети — были убиты за то, что мужчины бежали минувшей ночью. Никогда в жизни я не видел более трагического зрелища, чем то, которое открылось передо мною после ухода французских «коммандос». Долго бродил я среди выбеленных домиков, встречаемый жалобным воем привязанных собак — единственных живых существ, уцелевших после бойни».

Но генералы играют в истории колониальных захватов не только роль организаторов массовых убийств. Они составляют настоящую «партию», всегда яростно требовавшую, чтобы были предприняты новые, продолжены и расширены старые колониальные захваты. Эта политическая деятельность военной верхушки имела решающее значение с самого начала колонизации и отвечала также личным интересам военных: Африка представляла собой широкое поле деятельности, для того чтобы добиться успеха, чинов, орденов, военной добычи, славы. Когда не велось никакой военной кампании, которую можно было бы использовать в собственных выгодах, ее срочно выдумывали, начиная военные действия под любым предлогом.

Если официальная слава в деле выполнения «цивилизаторской миссии» Франции в Северной Африке принадлежит генералам, то «заслуги» колонистов в этой области нуждаются в самом подробном освещении. Колонисты — это французы, живущие и работающие (или заставляющие на себя работать) в Северной Африке. Они составляют внутри французской нации клан со своими вполне определенными экономическими, политическими и моральными особенностями. О психологии крупных колонистов во Франции уже существует целая литература, и притом интересная. «У этих французов,— писала газета «Монд»,— немало общего с рабовладельцами Соединенных Штатов: смелость, динамизм, узкий кругозор, искреннее убеждение в том, что они родились господами, тогда как другие родились, чтобы быть слугами... лицемерная распущенность нравов, полная свобода для белого мужчины совращать туземных женщин и считать преступлением для туземца поднять глаза на белую...» В другой статье эта же газета приводила высказывания колонистов, весьма красноречиво характеризующие их отношение к местному населению: «сначала я стреляю, а уже потом смотрю, был этот туземец хороший или плохой...» «Это война. Вопрос заключается в том, кто сильнее». Католический журнал «Эспри» рассказывал, как в мае 1954 года мэр Константины определил политику, которую следовало бы проводить по отношению к алжирцам: «Мосье, Варфоломеевская ночь — вот что здесь необходимо». Алжирские колонисты неизменно с удовольствием вспоминают о резне в Гельме и Сетифе в 1945 году: «С тех пор в течение девяти лет мусульмане вели себя хорошо...»

У колонистов очень часто возникали споры с Парижем — всякий раз, когда им казалось, что правительство, озабоченное более широкими политическими проблемами, приносит в жертву их непосредственные интересы. Более того: нередко колонисты открыто выражали свое стремление откололься от «трусливой» Франции и превратиться, например, в пятидесятую звездочку на флаге Соединенных Штатов — это объясняется тем, что они всегда были сильно подвержены американскому влиянию: ведь в Соединенных Штатах сумели радикальным образом разрешить колониальную проблему — уничтожить индейцев...

Проникновение американцев, начавшееся раньше всего в Марокко, еще в годы второй мировой войны, усилилось с проведением «плана Маршалла» и достигло столь значительных размеров, что им потребовались политические «гарантии» — правительство в Вашингтоне стремилось уничтожить французский контроль над Северной Африкой, чтобы заменить его своим собственным, и пыталось, разумеется, завоевать симпатии освободительного движения, выступая во имя общих антифранцузских интересов. Такова цена «антиколониализма» Соединенных Штатов. «Будь то в Гватемале или во Вьетнаме, они не стремились завоевать стратегические или торговые позиции,— писала газета «Комба»,— американцы, как известно, сразу выступают как самые фанатичные защитники самоопределения народов».

Разумеется, Соединенные Штаты никогда не заходят в своем «антиколониализме» слишком далеко, чтобы это не могло угрожать колониальной системе; они «поддержали» определенные течения освободительного движения в определенных рамках, в ущерб интересам Франции и к собственной

выгоде. Некоторые группы в североафриканском националистическом движении оказывались в ряде случаев восприимчивыми к этому американскому влиянию, и именно через них американцы вели свою подпольную, но для всех очевидную борьбу против Франции. Но всякий раз, видя, что освободительное движение принимает широкий размах и становится опасным, всякий раз, видя, что в опасности их союз с Францией, они спешили подтвердить «атлантическую солидарность».

Главным американским оружием по-прежнему остается экономическое проникновение. Капиталовложения Соединенных Штатов в Северной Африке увеличились больше чем в три раза по сравнению с довоенным периодом, особенно в горнодобывающей и нефтяной промышленности. С другой стороны, и французское контрнаступление постепенно становилось все более решительным. Очень часто политические события являлись лишь отражением этой упорной борьбы — примером может служить хотя бы низложение Бен Юссефа в Марокко, которое было следствием французской (и английской) победы над американцами в вопросе о концессиях на эксплуатацию природных богатств.

...Что касается советского «вмешательства», то оно носит совсем особый характер. Советские представители в ООН всегда выступали в поддержку национальных требований народов Магриба в соответствии с политикой советского правительства, стоящего за полную независимость всех стран. Но русские никогда не вмешивались во внутренние дела этих стран и никто никогда не мог говорить о поставках повстанцам оружия советского производства, как говорили о поставках английского, американского или испанского оружия.

С другой стороны, наиболее сильно было именно советское влияние. Уже сорок лет назад Октябрьская революция, разбив цепи национального и колониального гнета в шестой части мира, показала порабощенным народам путь к освобождению. Дальнейший распад империалистической системы, последовавший за победой Советского Союза и союзных государств во второй мировой войне и за освобождением Китая, непрерывное усиление социалистического лагеря — все это явилось неоценимой помощью для порабощенных стран, облегчило их борьбу.

Сам факт существования Советского Союза и социалистического лагеря, их растущая мощь, их бдительность и неустанная деятельность, направленная против возможных — больших или малых — попыток реванша со стороны империалистического лагеря, их симпатии к арабскому миру, деловая и бескорыстная экономическая поддержка — все это оказало решающее влияние на развитие освободительного движения в Северной Африке. Необычайно сильный толчок этой борьбе дали также принципы, провозглашенные на Бандунгской конференции. Все это помогает народам Северной Африки парализовать попытки колониалистских держав начать контрнаступление; при новом соотношении сил, сложившемся в мире, колониалистские державы остаются в меньшинстве.

Режи Бержерон

(ФРАНЦИЯ)

В ТУНИСЕ

«Я не претендую на то, что знаю народы, в чьих странах побывал лишь мимоходом»,— говорит Шатобриан в своем «Путешествии из Парижа в Иерусалим».

Такая сдержанность — свидетельство элементарнейшей честности. Однако сколько еще путешественников полагает, что можно вполне обойтись и без нее! За несколько дней они, мол, все увидели, все охватили и считают себя вправе судить обо всем. Мне кажется, что скромность никогда не мешает, а с выводами, конечно, нельзя спешить. Совершая в прошлом году поездку по Тунису, я не раз вспоминал слова Шатобриана.

Находясь в плену экзотических представлений, запечатлевшихся в памяти под влиянием учебников и художественной литературы, человек, впервые ступающий на землю Северной Африки, прежде всего ищет здесь следы экзотики. Прильнув к окну идущего на посадку самолета, он жадно стремится охватить своим взором весь пейзаж. Море и небо кажутся ему такими же синими, какими он видел их когда-то во сне; большие желтые пятна — это пески, а город вдалеке — конечно, Тунис, хотя город этот почему-то не такой белый, каким он себе представлял его...

Широко раскрыв глаза, приезжий спускается на землю. Тотчас же становится ясно, что пальто здесь совсем излишне: жара невообразимая. Ясно и то, что жара и засуха — родные сестры, и то, что хилые, покрытые пылью деревья составляют единственную растительность не только близ аэродрома аль-Ауина. Как все здесь серо, несмотря на яркое солнце и прозрачную голубизну

неба! Несколько чахлых пальм окаймляют дорогу, ведущую от аэродрома... Возможно, приезжему и не удалось заметить экзотику, которую он так ожидал увидеть, но это его не огорчает...

В самом деле, город любой страны редко похож на тот, каким мы его представляли. А вот, скажем, тунисская деревня Сиди Бу Саид — типичная арабская деревушка, вся белая и точь-в-точь такая, какими арабские деревушки изображены в учебниках географии.

Сиди Бу Саид... Немало французских художников приезжало сюда со своими мольбертами. Любуясь морем с веранды Дар-Заррука, один француз, проведший в Тунисе уже около десятка лет, сказал мне: «Эта страна была бы раем, если бы в ней не было арабов...»

Если бы не было арабов... Но ведь здесь арабы у себя дома! И как беден этот их родной дом! Ступив на тунисскую землю, вы сразу же сталкиваетесь с нищетой. Нищета повсюду — в городах и деревнях, в долинах и на горах, на улицах и на дорогах,— везде, куда бы вы ни взглянули!

На главной улице города Туниса мальчишки, которым следовало бы учиться, все еще продают прохожим сигареты; через каждые две минуты к вам протягивается рука нищего; маленькая девочка с глазами, изъеденными трахомой, ходит от столика к столику в ресторанах под открытым небом квартала Гулетта и выпрашивает милостыню.

Нищета... Олицетворением ее является ребенок с худыми ножками, едва прикрытыми грязными лохмотьями, который жадно вцепился зубами в кусок арбуза. Арбуз, царское блюдо бедняков юга, имеет то преимущество — как шутят южане Франции,— что позволяет наесться, напиться и умыться. Но ребенок с арбузом не вызывает улыбки...

В Тунисе насчитывается 3 миллиона 800 тысяч жителей. Согласно статистическим данным, 3 миллиона 100 тысяч относятся к неимущим классам, из которых 2 миллиона 700 тысяч живут в крайней нищете, зарабатывая в год столько, сколько самый неудачливый француз зарабатывает за две недели.

Тунис — страна, где голод был всегда хроническим, где от безработицы страдало почти все население, где колониальный режим способствовал росту армии разорившихся феллахов, лишенных земли. Это страна почти сплошной неграмотности; страна, которую колонизаторы стремились всеми силами обезличить. Теперь Тунис меняет свой облик.

События следовали одно за другим: 3 июня 1955 года — признание «внутренней автономии» Туниса; 20 марта 1956 года — провозглашение его независимости; 12 апреля 1956 года — учреждение первого Совета министров во главе с Х. Бургибой; 25 июля 1957 года — провозглашение Туниса республикой.

Перед тунисским народом впервые открылись светлые перспективы. Сейчас новый Тунис начинает строить свою новую жизнь.

Возможно, что невнимательный глаз и не заметит каких-либо изменений. Но разве не говорит о многом хотя бы тот факт, что в небольшом городке Пон дю Фахс, у южных ворот, над входом в таверну еще вчера висела вывеска «Свидание землевладельцев», а сегодня вы читаете: «Свидание земледельцев»? Жизнь тунисцев потекла по новому руслу.

Конечно, перед городским безработным или бедным пастухом с гор еще не завтра откроется путь в роскошные отели, расположенные близ живописных пляжей. Программа строительства, какого бы размаха она ни была и какими бы темпами она ни осуществлялась, еще не скоро разрешит острую проблему жилищного кризиса. Еще немало лет потребуется для того, чтобы навсегда исчезли эти жалкие, тесно прижавшиеся друг к другу лачуги, сооруженные из глины, соломы или кизяка, лишенные воздуха и света и с такими низкими потолками, что невольно спрашиваешь себя: как же может поместиться тут взрослый человек?

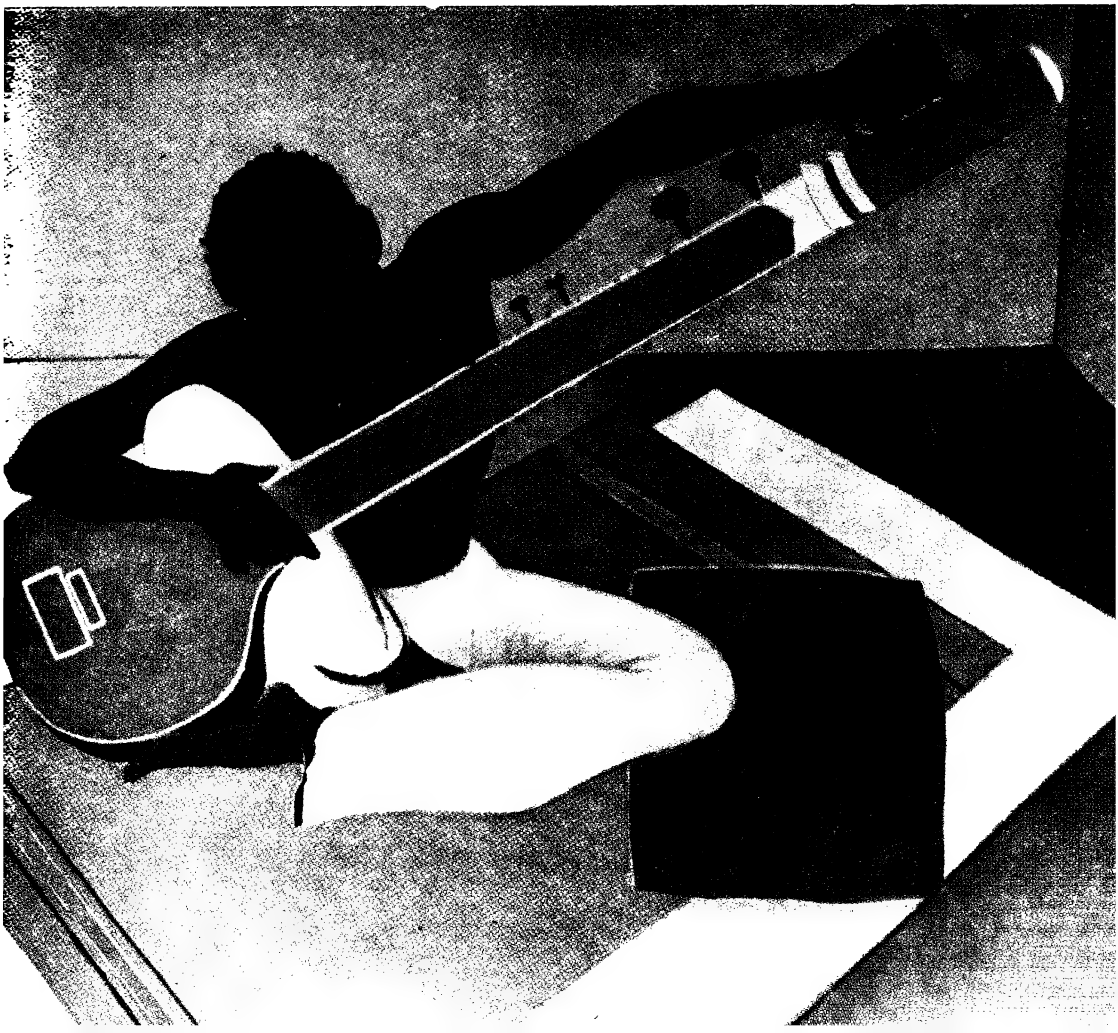
Молодежь — а это половина населения страны,— гордо распевающая теперь национальный гимн, все те, кому я смотрел прямо в лицо, чей голос я слышал, за кем наблюдал во время моей слишком короткой поездки по Тунису,— все они полны мечтой о завтрашнем дне нового Туниса и поэтому горячо приветствуют преобразования, уже происходящие в стране.

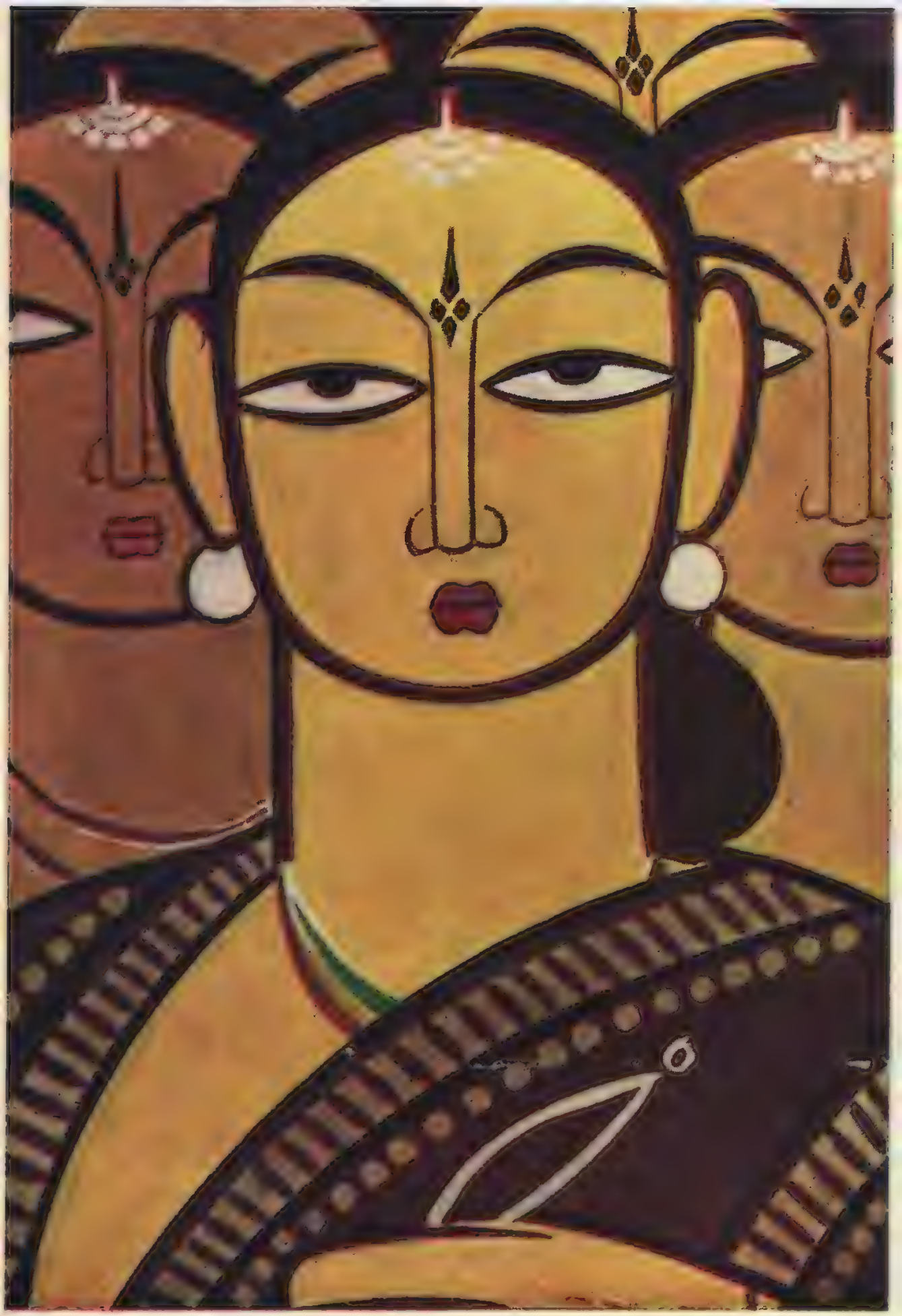
Возрождение тунисской культуры также стоит на повестке дня. Во время моего пребывания в Тунисе там как раз открылся семинар по вопросам североафриканской культуры, организованный по инициативе Всеобщего союза студентов Туниса. На семинаре были заслушаны и обсуждены доклады об арабской классической и современной литературе, о праве, о музыке и живописи Северной Африки; проводились экскурсии, демонстрировались фильмы. Особенно интересным это мероприятие было еще и потому, что в нем принимали участие делегаты из Алжира, где сейчас идет война. Поскольку я заговорил об Алжире, мне хочется сказать несколько слов о его культуре и в особенности о его литературе, самой оригинальной и значительной в Северной Африке.

В настоящее время можно назвать свыше двадцати алжирских писателей, главным образом молодых, имена которых известны каждому, кто внимательно следит за литературой. Некоторые из них приобрели заслуженную известность среди французских читателей. Например, писатель Мухаммед Диб, опубликовавший недавно последний том своей большой трилогии об Алжире, героем которой является молодой алжирец; Катеб Ясин, писатель страстный и сильный; Мулуд Ферауи; Мулуд Маммери, который был вынужден покинуть

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО ЗА РУБЕЖОМ

Б. САНЬЯЛ (Индия). **Музыкант.**





ДЖАМИНИ РОЙ (Индия). **Сестры.**

СУШИЛ САРКАР (Индия).
Красные цветы.

ВАНАЛИЛА ШАХ. (Индия). **Надежда.**

Н. БХАТТАЧАРИЯ (Индия).
Храм в Кедарнатхе.

С. СУДЖОЖОНО (Индонезия). **Головной дозор партизанского отряда.**

ДУЛЛА (Индонезия). **Балийский крестьянин.**

БАСУКИ АБДУЛЛА (Индонезия). **Аравийская девушка.**

ВИМАЛСАРИ ДЕНИ (Цейлон). **Семья.**

МЕНДИС (Цейлон). **Посадка риса.**

свою объятую огнем и залитую кровью родную землю, чтобы поселиться в Марокко, и целый ряд других, менее известных имен — Ролан Дюкхан, Нуредлин Тидаф, Мустафа Лашераф, Мухаммед Аун, Малек Хаддад, Анри Креа, Жан-Пьер Миллекам...

«Наши писатели и художники отдают все творческие силы на службу своим угнетенным братьям,— писал восемь лет назад Мухаммед Диб.— Их произведения — боевое оружие, которое поможет завоевать свободу».

Рождение и развитие литературы, подлинно национальной по форме, в стране, еще находящейся под гнетом колониализма,— явление, в эпоху Бандунга, симптоматичное.

Но вернемся к Тунису. Правительство молодой республики уделяет много внимания кинематографии, и хотя пока что в стране нет и ста кинотеатров, зато есть кинопередвижки, обеспечивающие показ фильмов в сельских районах.

В настоящее время здесь имеются две фирмы по производству фильмов; одна из них была создана ровно через месяц после провозглашения независимости. Учрежден фонд помощи кинематографической промышленности, который складывается из специальных отчислений от налогов. Первый документальный фильм «Свободный Тунис» создан режиссером и оператором Абд ас-Саис Бен Хасином; этот фильм был показан на Международном кинофестивале в Венеции в 1957 году. Закончено производство первого полнометражного цветного художественного фильма, созданного в двух вариантах — на арабском и французском языках; его режиссерами являются уроженец Туниса Мустафа Ферси и француз Жак Баратье. Если принять во внимание, что правительство предполагает создать свою студию, лабораторию по обработке пленки, а также училище по подготовке операторов, не говоря уже о том, что оно постоянно увеличивает число стипендий лицам, обучающимся за границей на режиссерском и других специальных факультетах, то совершенно очевидно, что кинематография этой страны в очень скором времени начнет развиваться быстрыми темпами.

* * *

Сегодня красные знамена с полумесяцем и пятиконечной звездой развеваются под сильными порывами жгучего сирокко над тунисскими городами и селами. Тунис стал независимой республикой, и каждый тунисский гражданин осознает это. Естественно, стране остается еще освободиться от других цепей, например от устаревших обычаев, которые только тормозят ее развитие. Уже осуществлены реформы в области семьи и брака—запрещено многоженство, запрещено покупать девушку в жены,— женщины получили право голоса, отменены некоторые привилегии мужчин. Осуществляются преобразования в области юриспруденции...

Конечно, было бы ошибочно утверждать, что за несколько месяцев Тунис разрешит все проблемы. Но уже нетрудно увидеть перспективы, открывающиеся перед тунисским народом, перед его культурой и литературой. И мы полны оптимизма, когда говорим о предстоящем развитии культуры Туниса и всей североафриканской культуры вообще.

Можно сказать, что Гийом Аполлинер обладал удивительно смелым и редким даром предвидения, когда в 1903 году приветствовал «здоровую, сильную литературу, настоящую литературу мирового значения», которая, по его словам, «должна родиться в Северной Африке на удивление предстоящим столетиям».

Адольф Гофмейстер

(ЧЕХОСЛОВАКИЯ)

В СТРАНЕ ПИРАМИД

...Неизвестно, останется ли Сахара навеки пустыней. Планы ее превращения в море не новы. О них упоминает еще Жюль Верн в одном из своих романов.

Революционное правительство Египта, для которого залогом будущего является строительство Асуанской плотины, отчасти осуществило уже превращение пустыни, правда, не в море, а в плодородную землю. По инициативе президента Гамаль Абдель Насера, немного в стороне от шоссе, пересекающего пустыню, возникла провинция ат-Тахрир.

Почвоведы, агрономы и геологи установили, что почва в этой части пустыни не засолонена и, следовательно, ее можно сделать пригодной для обработки. И вот армия рабочих принялась изменять ее. Делалось это постепенно — по 30 федданов* в день. Сеть каналов и пятнадцать пробуренных на большую глубину колодцев превратили этот мертвый прах в плодородную почву.

В провинции ат-Тахрир мы видели членов бригад, одетых в форму, которые обязались

* Один феддан равен 0,42 га.

выполнить план и бороться с песком за урожай. Все они рослые, молодые, ходят в черно-белых клетчатых рубашках и жокейских кепи с большим козырьком и напоминают пионеров Дальнего Запада. Государство поддерживает поселенцев, которые могут купить землю, и продает им участки по 300 египетских фунтов за феддан с рассрочкой на двадцать-тридцать лет.

Вдоль канала выросли полосы тамарисковых рощ, сады манго, поля, которые, подобно молодым матерям, гордятся своими детьми: дынями, тыквами, арбузами, баклажанами, горохом, бобами, сладким картофелем, ягодами. Вокруг пасек раскинулись цветущие луга, а подле деревень — огороды. Везде коллективные стада коров и овец, куры и кролики. В деревнях имеются школы, больницы, мечети.

Египтяне и иностранцы часто посещают эти деревни. В 1956 году здесь побывало 170 000 египтян и 10 000 иностранцев. Молодой энтузиаст Сулейман Абд ар-Рахман Сулейман, служащий отдела пропаганды, водил нас от одного чуда к другому.

Самое интересное здесь — это люди, которые меняют природу. Им большей частью по 20—30 лет. Все они уже отслужили в армии.

В жизни этих пионеров много пасмурных дней, много темных пятен и тяжелых ударов. Они порой неотесанны и необразованны, но у них сильная воля и крепкие мускулы. Возможно, что через несколько лет пустыня превратится в роскошный искусственный оазис, подобный Файюму — краю садов, роз и вина. Говорят, что там было раньше не пригодное для обработки болото.

Фараоны двадцатой династии отвели нильскую воду, прорыв канал Бахр Юсуф длиной в триста километров, и создали нынешний Биркет Карун — гигантский водоем, охрану которого доверили богу Собеку. У этого бога, царившего в храме, была голова крокодила, покрытая черным париком и большой короной, украшенной изображением змей и солнца. Его наместников крокодилов, досыта кормили жертвами приносимыми в храме. На деньги верующих кровожадные крокодилы украшались золотыми ожерельями, браслетами и перстнями. Воображаю, что это было за зрелище, когда этакое толстокожее чудовище, увешанное измазанными в иле драгоценностями, всплывало со дна озера на поверхность воды, грелось на ступенях храма, а затем, лениво разинув зубастую пасть, одним махом поглощало целого поросенка. В то время со дна озера подымались две огромные пирамиды, которые Геродот видел еще во всей их красе и славе. По сей день показывают туристам груды камня — все, что осталось от этих пирамид.

Когда пресыщенный раскопками иностранец усаживается под благоуханной сенью эвкалиптовой аллеи или же в редкой тени тамарисков, он невольно начинает размышлять о судьбах былого величия. Песок, приносимый из смертоносной пустыни на западном берегу Нила, в течение столетий постепенно засыпал памятники тщеславных фараонов. А где-нибудь у Кампече или Чинканаба на Юкатане хищные джунгли шаг за шагом поглощают другие развалины. И здесь, в Файюме, гигантский натюрморт из дынь, маслин, гранатов, апельсинов, лимонов, миндаля, винограда, фиников и кокосов поглотил каменные стены, колонны и надгробные плиты. Кажется, что волны хлопка, пшеницы, риса, сахарного тростника и кукурузы хотят прикрыть наготу мрамора. Да, отдыхающий путник, пресыщенный раскопками, с удовлетворением чувствует, что обильный урожай затмил нищенскую славу королей...

Но почва Египта не везде так плодородна, и, чтобы собрать по три урожая в год, крестьянин должен работать буквально не покладая рук. Работать деревянной сохой, примитивной киркой, руками, ногами. Все эти поденщики, надрывающиеся на земле и в воде и называемые феллахами, составляют большинство населения Египта. Из 23 миллионов жителей 16—18 миллионов — феллахи. Их средний доход — 6 египетских фунтов в месяц. Это мало. Очень мало. И на эти деньги живет большая семья. Остальные 5—7 миллионов египтян получают 39 фунтов в месяц. Положение рабочего лучше, чем крестьянина,— он может заработать 35, 50, даже 70 пиастров в день. А в фунте 100 пиастров. Министр получает 250 египетских фунтов в месяц. Крупные чиновники — 35, 50, до 75 фунтов. А доход богачей, которых там немного, достигает огромной суммы. Когда слышишь об этих цифрах и думаешь о трех урожаях, снимаемых в год в файюмском оазисе, о дельте и разливах Нила, то подсчитываешь, что жизнь должна быть здесь настолько дешевой, что, затрачивая сумму, равную стоимости двух поездок трамваем в Праге, крестьянская семья здесь не умирает с голоду. Она живет на грани нищеты, веря в судьбу и в Насера. Народ верит ему. Ему верят феллахи. Верит рабочие. Верит армия.

Конституция была одобрена огромным большинством, и 99 процентов избирателей отдали свои голоса за первого президента египетской республики Гамаль Абдель Насера. Искренность избирателей не вызывает никаких сомнений.

Египетские выборы летом 1956 года с полной очевидностью доказали, что весь египетский народ ожидает от избранного им и столь популярного президента чудес.

А чудеса нужны, так как экономическое положение Египта далеко не блестяще. Народное хозяйство не может удовлетворить потребности пробужденной к жизни страны. Плодороднейшая в мире почва не может еще насытить 23 миллиона человек, даже при том условии, что продукты сельского хозяйства очень дешевы. Ведь труд еще дешевле, и миллионы феллахов не зарабатывают столько, сколько нужно для удовлетворения минимальнейших потребностей. Народный доход необходимо увели-

чить или иначе распределять. Но это не так просто, говорили мы себе, прохаживаясь по улицам, где импортная роскошь перемежается с местной нищетой. Хорошо нам рассуждать, когда у нас дома на целый ряд лет все запланировано и нам не приходится иметь дело с не поддающейся никаким расчетам предприимчивостью национальной буржуазии и тем более с точно рассчитанным вмешательством международных капиталистов...

Мы посетили в Египте ряд промышленных предприятий. Новое управление превращает эти государственные и полугосударственные предприятия в образцовые современные высокомеханизированные заводы. Машины там большей частью новейших систем — швейцарские, шведские, американские и чехословацкие. Жилища рабочих сверкают чистотой. На спортивных площадках проходят обучение отряды самообороны. Подле станков, жужжащих в цехах со скрытым источником света и искусственно регулируемой температурой, почти не видно женщин. Здесь постепенно создается рабочий класс.

Я хорошо помню один вечер. Мы дошли до каирской площади, на которой растут пальмы, похожие на канделябры, а американские восьмицилиндровые автомобили тихо скользят в озаренной огнями «тьме египетской» у неписаной границы между космополитическим городом и национальными районами. Там раскинулись ярмарочные балаганы комедиантов, вращаются колеса счастья, взлетают качели, сидят волшебники и рассказчики. Все кругом были веселы. Резвились дети, матери гордо кормили грудных младенцев, а слепцы-прорицатели предсказывали всем лучшее будущее. И это будущее приходило в страну на наших глазах.

Национально-освободительное движение в Египте и его борьба против империализма — явление прогрессивное. Его цель — освобождение родины, семьи, языка, народа, культуры, и потому мы благожелательно относимся к их борьбе. Мы искренние друзья тех, кто борется с незваными гостями.

Разлагающиеся колониальные империи борются за власть в стране, которую они привыкли эксплуатировать чуть ли не с XVI века. На карту поставлены рынки, источники сырья, дешевая рабочая сила, порты на далеких путях сообщения и сохранение жизненного уровня в метрополиях.

Но никакая агрессия или запугивание не остановят разложения колониальных держав, его ускоряет всякое национально-освободительное движение, ослабляющее или распыляющее силы колониальных империй.

Вероника Порумбаку

(РУМЫНИЯ)

ЗАМЕТКИ О КОРЕЕ

Жутние загадки

У корейцев, как и у всякого иного народа, есть свои загадки. Но не об аллегорическом описании долговечности бамбука хочу я говорить, а о другом роде загадок, печальных загадок, появившихся за последние годы в детском фольклоре.

По воскресеньям корейские дети собираются в поле или на школьном участке, чтобы играть, развлекаться или заниматься спортом... Проезжая провинцию Анжу, я остановилась посмотреть на эти игры. Дети прыгали и танцевали, соревновались в беге, задавали друг другу загадки. Недалеко от цоколы колыхалось море золотого риса. Здесь же неподалеку было множество озер, в которых блестело солнце и отражались желтые стебельки риса и зеленые косы плакучей ивы.

Как чарует этот пейзаж, столь характерный для Кореи! Как не помечтать, глядя на это кружево маленьких озер... Но очарование мигом рассеивается, когда проникаешь в смысл детских загадок. Десяти-двенадцатилетние школьники вместе со своими младшими братьями изучают глянцевую поверхность этих небесных зеркал не для праздного развлечения, а чтобы найти ответ на загадку: «Озеро имеет в диаметре столько-то метров. Кто его сделал?» — «Бомба в 500 килограммов весом». «А озеро диаметром в столько-то метров?» И опять следует ответ: «Бомба весом в 1000 килограммов» Одним словом, за этими озерами закреплены не старинные, навеянные легендами корейские названия, как, например, «Озеро девятого дракона» или «Озеро трех девушек с алмазной горы», а холодные, напоминающие о войне определения: «Озеро бомбы весом в 500, в 1000 килограммов»... И таких озер не два и не десять. Сотни тысяч этих мрачных кругов виднеются на золотых нивах Кореи. И не пять или десять детей задают эти загадки. Миллионы малышей знают о происхождении этих озер, рожденных в годы истребительной войны. И загадок подобного рода немало. Дети вынесли их из собственного безрадостного детства: «Какие бомбы бросают

самолеты такой-то и такой марки, летающие со скоростью..?», «Сколько времени потребуется, чтобы взорвалась бомба, брошенная с пикирующего бомбардировщика?» и т. д.

Нет, это не воинственная игра, не сравнивайте ее с игрой в солдатики. Это ужасные следы войны в детской памяти. И теперь есть еще малыши, которые начинают плакать, как только раздается гул самолета...

Сколько мирных лет, сколько тысяч спокойных, тихих ночей пройдет, пока в душе детей погаснет это жестокое беспокойство!

Пьеса, написанная левой рукой

Нет, автор не родился левшой. Наоборот, его правая рука привычным жестом когда-то подписывала автографы, ибо он был прославленным актером. Правой рукой он держал винтовку, ибо он был и воином. Война отняла у него правую руку, которой он жестикулировал на сцене, подписывал автографы, держал винтовку. Теперь он пишет левой рукой. Пишет правдивые пьесы и рассказы, потому что он стал писателем. Я присутствовала на премьере его пьесы в театре, какого мне не доводилось еще видеть. Вначале скажу о входе в театр — его можно принять за отверстие шахтного ствола. Проходишь сотню ступенек и попадаешь в бетонированные катакомбы, бывшие когда-то укрытием, залом заседаний Центрального Комитета, Генерального Штаба, театром во время войны. Тревоги наверху перестали объявлять, так как пришлось бы не прекращать их совсем. Там, наверху, строения превращались в камни, а камни — в порошок. В подземелье люди слушали рассказ о чистой любви Чун Хян. Наверху разламывались, горели сосны. А здесь, на сцене, Син Чен жертвовала собою ради родного отца, бросалась в волны, чтобы выплыть уже в облике прекрасного цветка кувшинки. Наверху, на месте разрушенного города, рыли землянки, а внизу Цой Сын Хи и ее дочь, моя давнишняя подруга Ан Сон Хи, рассказывали своими плавными движениями о крепости Са До Сен, защищенной силой любви от японского нашествия.

Незаметно зажглись огни и громом разразились аплодисменты под сводами подземелья. И вдруг, оторвавшись от сказочного мира, я представила себе годы войны, когда жизнь Кореи ушла под землю. Именно под землей «вставали» заводы. И теперь в Хи Чен работает огромная подземная фабрика, и теперь каждая гора испещрена тысячами тоннелей, служивших в тяжелую годину убежищами. Четыре года дети не видели солнца, четыре года матери сохраняли их жизнь в этих каменных склепах. В течение четырех лет вся экономическая и культурная жизнь протекала в недрах земли. Вот лишь один пример: в Ха Муне, крупном промышленном центре, насколько можно судить теперь, было уничтожено 90 процентов всех строений. И чтобы придать ему довоенный вид, потребуется десять лет титанической работы. Будучи в этом городе, я как-то поднялась с поэтом Пак Кин на гору около старой крепости. Там, где морской бриз встречается с горными ветрами, передо мной предстала вся картина этого города, возникшего в XII веке, подвергшегося разрушению японцами двумя столетиями позже, затем восстановленного, чтобы опять стать жертвой войны. Трубы, стены, оконные проемы, а между ними трава, щебень, мусор... Увиденное в течение трех четвертей часа, за время, необходимое для переезда с аэродрома до центра города, было поистине потрясающим. Но город строится! Вот целый район домов, воздвигнутых немецкими специалистами, вот завод с двумя восстановленными домнами, фабрика удобрений, построенная при активной помощи Советского Союза. А руины вокруг вопиют о недавней войне! Так, в районе особняков остались лишь бесконечные фундаменты бывших домов. Здесь не сохранилось ни стен, ни труб. И чуть пониже, около бывшего дома американского пастора, в котором происходит большая часть действия романа Хан Сер Я «Волк», петляет тропинка. «Спустимся, — предложил мой спутник, — посмотрим, где находился филиал Союза корейских писателей во время войны». Спустились по тропе. Трава, только трава... Да еще что-то вроде норы. Я смотрела с недоверием то на спутника, то на эту нору. «Да, — ответил он просто на мой немой вопрос. — Здесь находился вход»... Рядом вижу могилу бывшего председателя Союза писателей. Предполагаемая могила, так как ни тела писателя, ни его вещей, ни самого дома не нашли, после того как в здание попала бомба...

Корейцев даже в самые трудные минуты войны не покидала надежда. И это является характерной чертой корейского народа. Вера, гордость, скромность — вот лучшие черты национального характера людей из «Страны утренней свежести». Я могла бы привести сто примеров этой скромности. Вот только один из них. Я посетила крупнейшую в Азии фабрику удобрений, почти полностью восстановленную Через ее ворота выходят горы бесценного белого золота — удобрений, год от года обогащающих поля, на которых выращивается высокосортный рис. Директор фабрики — высокий кореец по имени Чанг Куанг Йе, что значит «Блестящие крылья». Он рассказывает мне о цехах своей фабрики, о темпе восстановления, о героях труда, об общежитиях, так необходимых в этом разрушенном городе, и о многом другом, лишь о себе не упомянул ни слова. «Что рассказывать о себе,— смеется он.— Таких людей, как я, у нас сколько угодно, а вот такой фабрики не сыщешь во всей Азии». К этому могу добавить маленькую подробность, которую узнала от сопровождавшей меня писательницы: Чанг Куанг Йе во время войны был генералом.

Чего я не видела в Корее

Прежде всего, я не видела Южную Корею. И не по моей вине, и не по нерасторопности корейских друзей. Причина кроется в 38 параллели, или, вернее, в американских часовых, защищающих «независимость» Кореи.

Мне не пришлось посетить и бывшую столицу Сеул, увидеть древние памятники юга — северяне избегали бомбардировать мирные здания и произведения искусства. Зато я беседовала с двумя лисынмановцами, или, вернее, бывшими лисынмановцами: младшим лейтенантом Ким Понг Ха, бывшим студентом юридического факультета, и младшим сержантом Хонг Чен Чул, водителем машины, у которого был южный выговор — мягкий, мало понятный даже моему переводчику.

Вот что они мне рассказали.

Есть в Южной Корее люди, которые живут хорошо, но их число постоянно уменьшается, а большинство пребывает в полной нищете. Почему же в нищете, если страна буквально наводнена заокеанскими товарами? Ответ прост: во избежание конкуренции американцы закрыли большинство фабрик Южной Кореи. Бывшие рабочие вынуждены трудиться в порту на разгрузке американских товаров, рабочие руки в избытке, а поэтому плата за труд непрерывно падает. В Сеуле процветает «нейлоновая цивилизация», безнаказанно бесчинствуют оккупанты, которым предлагаются в изобилии самые низменные развлечения. Так, были собраны в одном заведении все гейши столицы, и оккупантам предоставили право широкого выбора из числа прислужниц продажной любви...

В беседе с водителем я узнала некоторые подробности о «прелестях» крестьянской жизни на юге страны: весною, когда кончаются запасы риса и корнеплодов, крестьяне продают землевладельцам свои рабочие руки на будущий год для того, чтобы сегодня спастись от голодной смерти, а в будущей весной оказаться в подобном же положении. Знакомая нам картина! Так было раньше и у нас в Румынии...

Нашему водителю, призванному в армию Ли Сын Мана, было обещано большое жалованье, лишь бы он согласился идти на передовую линию.

А как разорительны для солдат офицерские свадьбы! Солдат не может отказаться от этой чести, но место за праздничным столом стоит ему столько, что из жалованья ничего не остается.

Однажды наш теперешний водитель бросил свою машину, обвязался лентой, в которой было 250 патронов, и, преодолев немалые опасности, перебрался к своим северным братьям. На Юге у него осталась единственная сестра. Я спросила, пишет ли он ей. «Нет,— ответил кореец,— почтовая связь с южанами нарушена. Письма доходят легче в Бухарест или Париж, чем в Сеул». Даже если бы удача и сопутствовала Хонг Чен Чулу, он все равно не смог бы написать сестре. Этот крестьянин, одетый в военную форму, служил несколько лет в лисынмановской армии, но так и не научился писать. Там ему твердили, что Север все еще лежит в руинах. За последние месяцы он много ездит, бывает на заводах, в коллективных хозяйствах, где быстрым темпом идут восстановительные работы. Он видит все это собственными глазами и убедился, что верно решил свою судьбу.

Сигне Хэйер

(ШВЕЦИЯ)

БОМБЫ ПРОДОЛЖАЮТ УБИВАТЬ

Нагасаки необычайно красивый город — недаром его называют японским Неаполем. Вверх по зеленеющим склонам карабкаются маленькие домики, берег изрезан голубыми заливчиками... Не знаю, бывал ли Пуччини когда-либо в Нагасаки, но на пригорке у моря вам покажут «дом Баттерфляй», и окна его обращены к заливу, в точности как в опере, когда из этих окон выглядывает очаровательная японочка.

Должно быть, трудно было летчику заставить себя сбросить бомбу в то солнечное августовское утро, в час, когда веселые дети играли на школьных дворах, а молодежь направлялась на работу. Из отчета летчика видно, что ему и в самом деле пришлось нелегко. С тех пор он посвятил себя спасению человеческих жизней.

Здесь, в Нагасаки, и открылась конференция против атомной и водородной бомбы, которой предшествовали подготовительные заседания и собрания в Токио. Нетрудно было убедиться, что борьба против атомного оружия стала делом жизни всего народа. Это я хорошо почувствовала, разъезжая по стране и выступая на множестве собраний, иногда по три-пять раз в день, причем залы всегда были заполнены до отказа. Международный стадион в Токио и трибуны водного стадиона в Осаке были набиты битком, на них собиралось до двадцати-тридцати тысяч человек.

Устроители нашей конференции опирались на поддержку всех политических и большинства общественных организаций. Как раз перед этим обе палаты японского

парламента единогласно приняли резолюцию, в которой содержался призыв к правительствам ряда стран содействовать запрещению атомного оружия.

«Запретить атомное оружие!» — взывали со всех сторон яркие плакаты. Движение против атомной бомбы охватило всю страну; особенно деятельно выступал восьмимиллионный союз домохозяек. Координирующим центром служил Всеяпонский совет по запрещению атомного и водородного оружия, генеральным секретарем которого избрали профессора Каору Ясуи, специалиста по международному праву.

Чтобы по-настоящему понять это народное движение, захватившее все сердца и приведшее к тому, что первым действием Японии по вступлении в ООН было предложение запретить испытание атомных бомб вообще и испытания английских бомб на островах Рождества в частности, нужно знать следующее.

Сразу после первого страшного шока в августе 1945 года, когда атомные бомбы взорвались над Хиросимой и Нагасаки, в Японии не было особых разговоров о случившемся. Другие страны—участницы войны понесли гораздо бо́льшие потери, чем Япония, и люди успокоились на том, что всё уже в прошлом. К тому же оккупационные власти контролировали все сообщения о последствиях бомбардировки, фотоснимки конфисковались. О судьбе пострадавших было известно очень мало: вся информация по этому вопросу концентрировалась в руках американцев, учредивших специальный институт в Хиросиме. После прекращения оккупации японцы сами всерьез принялись за изучение всех этих проблем; врачи и профессора университета в Нагасаки тоже приступили к самостоятельным исследованиям.

Но вот пришел 1954 год, Бикини. Люди были потрясены. Испытания атомных бомб посреди океана несли с собой смертельную опасность для рыбаков, причем радиоактивность поражала не только людей, она отравляла рыбу, продукты, даже питьевую воду.

Одновременно у многих из тех, кто в свое время оказался в зоне радиоактивного излучения, появились симптомы лучевой болезни, именуемой также раком крови,— следствие облучения десятилетней давности. Паника охватила двести девятнадцать тысяч человек, которые оправились от ран либо вообще не болели, но находились от взрыва на таком расстоянии, что могли подвергнуться воздействию лучей. Они-то думали, что все в порядке, и вдруг, столько лет спустя, появляется страшная неизлечимая болезнь!

Видные деятели Японии заявили: «Мы, единственная нация в мире, испытавшая на себе действие этих бомб, должны рассказать всем о его последствиях, предупредить тех, кто готовит испытания бомб и атомную войну, и добиваться запрета атомного оружия».

Первая конференция состоялась в Хиросиме в 1955 году; в ней участвовали гости из многих стран Конференция в Нагасаки была второй.

Со всей Японии сюда собрались три тысячи делегатов, представляющих всевозможные союзы и объединения. Женщины составляли меньшинство, около двадцати процентов, однако эта цифра не отражала подлинного размаха их участия во всенародном движении.

Наиболее сильное впечатление производило то, как близко принимали к сердцу все происходящее японские делегаты. Ведь среди них было много таких, чьи родственники погибли или пострадали от бомб. Когда на трибуну выходили женщины, на себе испытавшие действие атомной бомбы, весь зал приходил в волнение. В дни конференции я не видела ничего похожего на холодную бесстрастность, которая будто бы отличает японцев.

Первая же встреча с жертвами атомной бомбы потрясла меня. Как раз перед конференцией «жертвы», как их называют, объединились в организацию, цель которой, в частности,— добиваться большей помощи со стороны государства. До сих пор они не получали материальной компенсации за инвалидность. Небольшое пособие, выплачиваемое нетрудоспособным, слишком мало, да и остальным очень трудно найти работу — и без того в стране велика безработица.

Новая организация пригласила иностранных делегатов конференции (в общей сложности около пятидесяти человек) на собрание, с тем чтобы рассказать о своих страданиях и призвать нас не жалеть сил в борьбе за запрещение атомной бомбы.

Всего собралось пятьсот жертв атомной бомбы, причем это были наименее пострадавшие, которые еще в состоянии вообще прийти на собрание. Это было нечто кошмарное. Я увидела нас самих, какими мы будем, если переживем взрыв атомной бомбы.

Искаженные муть, ненормально окрашенная и изрытая шрамами кожа, хриплые от газов голоса, вялые, потухшие взоры... Мне приходилось бывать в лепрозориях, встречаться с жертвами тропических болезней, но никогда я не видела ничего подобного. Перед этим, намеренно вызванным, ужасающим заболеванием крови медицина бессильно разводит руками.

Мне пришлось в больницах Нагасаки наблюдать самые тяжелые случаи. Многие пациенты, пораженные лучевой болезнью, утратили уже всякий интерес к жизни, другие еще радовались, когда кто-то подсаживался к их кровати...

Кикуко Эгути, очаровательная воспитательница детского сада... Ей было четырнадцать лет, когда взорвалась бомба. В последующие годы она работала, работала с увлечением и чувствовала себя вполне здоровой. Внезапно ее поразила болезнь. И теперь она лежала со льдом на лбу из-за постоянной головной боли, с раздувшимся животом. Взор Кикуко сразу просветлел,

когда я заговорила о детских садах Швеции и Индии. Но как утешить молодую женщину, знающую, что конец близок? Она сама произнесла нужные слова:

— Я уверена, вы сможете убедить людей, что нельзя поступать так друг с другом.

Ее родители, братья и сестры погибли. Она осталась в страшном одиночестве. Вот еще чем должна заниматься новая организация: навещать больных, облегчать их страдания, ободрять их.

Пациенты с ожогами держатся бодрее. В больнице я увидела одного из ведущих деятелей организации, пожилого человека, перенесшего шестнадцать операций. В промежутках между операциями он выступает глашатаем интересов своего союза. Его кровать усеяна бумагами; лежа в палате на десять коек, он диктует письма двум более молодым членам организации. Я услышала от него те же самые слова, что и от большинства других участников движения:

— Мы не ради себя говорим о своих страданиях, а чтобы спасти от подобной судьбы других людей, чтобы все народы поняли, что означает война с применением атомных и водородных бомб. В этом наша задача. Наши жизни должны иметь хоть какой-то смысл...

Однажды, когда я бродила одна по Нагасаки, ко мне подошел журналист и спросил, не соглашусь ли я посетить молодую женщину, пострадавшую от бомбы; она живет неподалеку и очень хочет переговорить со мной. И вот я в доме Кикуэ Ватанабэ, сижу на подушке возле постели на полу. Бледная, хрупкая женщина с одухотворенным лицом и живыми глазами, у которой хватает сил только на то, чтобы сесть, рассказывает, что провела в постели одиннадцать лет. Маленькой девочкой она пережила взрыв атомной бомбы. В панике бежала домой из школы. У нее был поражен позвоночник — и нижняя часть тела оказалась парализованной.

Мать с большой нежностью ухаживает за больной дочерью. Кругом лежат вещицы — подарки от гостей. Отодвинув бумажное окошко, можно увидеть служащий продолжением комнаты садик, в котором висит клетка с канарейкой. Но Ватанабэ не мирится с положением больной. Она участвует в работе своего союза, пишет письма, шьет, чтобы добыть денег для помощи другим больным.

Однако больше всего ей хочется внести свой вклад в великое общее дело. Ватанабэ — хороший оратор. Брат на себе принес ее на конференцию. Ее слабый, но уверенный голос потряс аудиторию. Она призывала не ослаблять усилий в борьбе против атомного оружия.

— Мы все должны проникнуться этой мыслью, думать не только о собственных страданиях, а считать своим высшим долгом спасение других от той же судьбы,— заключила слабая, парализованная женщина.

Благодаря горам, холмам и заливам Нагасаки и после восстановления остается красивым городом. Хиросима же — ад кромешный. Город расположился на плоском берегу возле одноименного залива, в илистой дельте. Древний, в прошлом прекрасный город с четырехсоттысячным населением совершенно уничтожен взрывом. Особенно пострадали центральные улицы. Вид того, что здесь произошло, потрясает до глубины души. После кремации человека остается хотя бы пепел — здесь же в отдельных случаях оставалось лишь темное пятно на гранитной лестнице...

Десятки тысяч человек погибли и получили ранения. Центр города так и остался атомной пустыней, над которой лишь кое-где поднимаются бетонные скелеты. Посреди этой пустыни высится сооружение, в котором погребены останки погибших и выставлены фотографии, показывающие вид города сразу после взрыва. Сегодня развалины постепенно зарастают зеленью: силы природы неисчерпаемы.

Почти столь же угнетающее впечатление производит новый город, вырастающий вокруг атомной пустыни, город лачуг и бараков...

На пресс-конференции, организованной крупнейшей японской газетой, иностранных делегатов попросили внести свои предложения по вопросу о запрещении атомного оружия.

— Пригласите сюда государственных деятелей и членов парламентов, и пусть они своими глазами увидят, какую войну готовят,— ответила я, не задумываясь.

...Во время моего путешествия по Японии я тщетно старалась услышать, чтобы кто-нибудь пел старый императорский гимн. Вместо этого повсюду пели — с жаром, с волнением, часто со слезами на глазах — новую песню, которую все, и дети и взрослые, знают наизусть:

Наших городов нет больше. Там, где мы
схоронили
Прах наших близких, теперь растет
буйная трава.
Но, братья и сестры, будем начеку,
не допустим,
Чтобы была сброшена третья атомная
бомба!
Все, что было создано руками и разумом
человека
На радость людям, все было уничтожено
в один миг
Двумя атомными бомбами Но, люди мира,
не допустим,
Чтобы была сброшена третья атомная
бомба!

Поль Хогарт

ЛЮДИ, ТАКИЕ КАК МЫ

(По Южной Африке и Родезии. Зарисовки и отрывки из дневника)

Предисловие Т. Хадльстоуна.

С благодарностью посвящаю книгу всем моим друзьям — черным, белым и цветным, которые помогли мне создать эти рисунки.

Помню, много лет назад я где-то прочитал, что «Южная Африка ждет своего Диккенса». В лице таких писателей, как Алан Пэтон, Дорис Лессинг, Гарри Блум, Питер Абрахамс, не говоря о многих других, Южная Африка нашла среди своих сынов и дочерей тех, кто с полной силой выразил в литературе всю сущность противоречий и конфликтов африканской действительности. Однако до сих пор Южная Африка еще не родила художника, который сумел бы сделать то же самое в изобразительном искусстве. И конечно не случайно, что первым художником, который попытался сделать это, оказался Поль Хогарт. Пожалуй, было необходимо, чтобы этот художник явился извне. Ибо его рисунки несут на себе печать абсолютной свежести — в них есть то неожиданное удивление увиденным, которое и придает достоверность произведению

Текст и рисунки даются по книге "People like us", London: Dennis Dobson, 1958, присланной автором в редакцию нашего журнала.

Печатается с небольшими сокращениями.

искусства. Если задача художника действительно заключается в том, чтобы открыть человеку глаза, показать правду и красоту мира, на который он так долго смотрел, как слепой, то безусловно Поль Хогарт — первоклассный художник.

Сцены и люди, нарисованные им, не просто знакомы мне — я знаю их досконально. Глядя, например, на Орландо Шелтерс, я могу почувствовать зловоние открытых канализационных канав, я слышу вой электрического поезда, проносящегося к Иоганнесбургу, я могу, если пожелаю, погладить африканского ребенка по милой головке. Но все это — только неожиданное и острое воздействие рисунков Поля Хогарта, где изображены эти несчастные отверженные, возвративших мне то первое представление о голоде и глубокой нищете, которое было у меня когда-то. Или, например, пивной бар. Сотни раз я проходил мимо него и видел эти же толпы, и стоящих в стороне полицейских, и изломанные линии города на заднем плане. Но описать словами... Как это трудно! Почти невозможно передать свое ощущение тому, кто не видел всего этого сам. Однако рисунок Хогарта совершенно точно передал это ощущение, и к нему ничего нельзя добавить, ибо вы почти физически слышите гомон и шум толпы. Вы хотите узнать подлинную Африку? Посмотрите на транскейского пастуха в одеяле цвета охры — и вы прочтете тайну в его глазах.

Я счастлив, что мне выпала честь писать краткое предисловие к этому сборнику чудесных и вдохновенных рисунков. Ибо здесь талант художника воссоздал подлинную атмосферу Южной Африки и ее народа — белых и черных, индийцев и цветных, жителей деревни и города. Более того, тот, кто умеет видеть, найдет здесь не только трагический конфликт, который переживает Южная Африка в настоящее время, но и поистине многообещающее будущее — будущее, которое африканцы, без сомнения, решат сами. И только те европейцы, которые любят Африку, найдут свое постоянное место в этом будущем, только те, кто действительно захочет найти его.

Я уверен, что эта книга поможет многим впервые понять Африку так, как Поль Хогарт помог мне вновь увидеть ее.

Южная Африка стала теперь хорошо известна благодаря все возрастающему количеству книг, в которых авторы выражают свое безусловное возмущение существующим здесь современным рабовладельческим обществом. И вряд ли можно сказать что-либо новое по этому вопросу. Однако художнику, пожалуй, можно простить, что он сопровождает свои рисунки разрозненными отрывками из дневника.

Моя поездка в Южно-Африканский Союз и Родезию была вызвана чисто личными мотивами. Дело в том, что я люблю рисовать людей всюду, а Африка заинтересовала меня так же, как Китай в 1954 году. Меня вдохновляла формула Стивена Крейна — «Пока-

Пивной бар в Иоганнесбурге,

Белый Иоганнесбург.

Сменный мастер на золотом прииске.

зать людей другим людям так, как я сам их увидел». Однако узнать африканцев без посредничества белых не так просто. В Южной Родезии, например, белый чиновник ни за что не хотел поверить, что я действительно хочу рисовать африканских женщин в одежде. «Знаю я вас, художников!» — восклицал он, размахивая у меня перед носом изрядно зачитанной популярной биографией Гогена. Никакие мои объяснения не помогли, и весь этот день, пока я работал, позади меня стоял огромный африканский полицейский.

В Родезии вы можете беспрепятственно бывать в поселках, деревнях и даже с умеренным жаром обсуждать «местные проблемы». Однако в Южно-Африканском Союзе каждое обращение за разрешением посетить резервации означает, что вы попадете под надзор полиции. А попробуйте только обсуждать права африканцев — хорошо еще, если разъяренный хозяин ограничится лишь тем, что выставит вас за дверь (если, конечно, он не принадлежит к смелым людям, которые придерживаются другой, кроме общепринятой здесь, точки зрения). Упорное нежелание признавать африканцев людьми, которым также присущи сложные человеческие переживания, отнюдь не облегчает задачу художника, задавшегося целью воспроизвести их жизнь. Зачастую мне приходилось работать в атмосфере молчаливой и глубокой ненависти со стороны всех белых и только изредка удавалось пробиться через эту стену...

В Южно-Африканский Союз я попал через Солсбери. Я прибыл в аэропорт Яна Смэтса одним самолетом с писательницей

Дорис Лессинг, которой тут же объявили, что она является «нежелательным иммигрантом», и отказали в разрешении на въезд. Вслед за этим подозрение пало и на меня; мой багаж и все принадлежности для рисования подверглись обыску и были тщательно перерыты.

— Значит, вы художник,— пролаял чиновник.— А еще кто?

— Только художник,— ответил я, чувствуя, что мне все же следовало отпустить бороду...

Воздушное такси поднялось в воздух, и мы понеслись к Иоганнесбургу. Мы летели над плоской зеленеющей равниной, которую разнообразили только силосные башни и стада крупного рогатого скота. На фоне экзотически прекрасного африканского заката лежали пригороды с роскошными садами, затем мы пролетели над деловой частью города, где открытые кинотеатры, кегельбаны, кафе с музыкой, огромные универсальные магазины и уютные рестораны на открытом воздухе напоминали калифорнийскую атмосферу буйно процветающего города. За городом высились небоскребами желтые горы отработанной шахтной породы. Ярко-синее небо было усеяно мириадами звезд. Меня встретили друзья, и таинственная неизвестность несколько смягчилась.

За эти несколько дней произошло много событий. Начать с того, что однажды утром я прошел через ворота золотых рудников Ранда и поздоровался с надсмотрщиком, африкандером шестифутового роста, напоминавшим гитлеровского штурмовика. Вскоре после этого я, в гарантирующем безопасность сопровождении бывшего ланкаширского шахтера, с безумной скоростью спускался по почти вертикальному шахтному стволу. За три минуты мы пролетели полторы мили, оставив позади квадратик дневного света размером с почтовую марку. Затем мы выбрались на двадцатом с чем-то горизонте, чтобы проползти по бесконечным закоулкам и канавам, по которым струилась грязная вода.

Над нашими головами нависали поблескивающие пласты кварца — целые скалы, в которых скрывалось золото. А дальше, при свете наших карбидных ламп, открылись чудовищные картины человеческого труда. Сотни шахтеров-африканцев вгрызались в скалу. По мере того, как мы продвигались вперед, воздух становился все горячее. В конце извилистого прохода мы остановились, чтобы посмотреть с головокружительной высоты, как рослый свази бурил скалу. Я зарисовал его, примостившись над большой лужей, при слабом, едва освещавшем блокнот свете лампы, прикрепленной на моей каске.

Остаток этого и следующий день я бродил среди камнедробильных мельниц и по «компаундам» *. На расположенной поблизости обогатительной фабрике камни и кварц, поднимаемые из-под земли, промывались, дробились и на вагонетках отправлялись дальше для перемалывания, промывания и превращения в золотые слитки. Я повсюду наталкивался на африканцев, боязливых или, наоборот, величественных; одни из них суетились, другие неподвижно стояли у огромных сложных машин, третьи отсортировывали ненужные куски камня с медленно движущихся конвейеров.

Здесь, на рудниках, в огромных масштабах происходила отчетливая пролетаризация выходцев из племен с родовым строем. Поблизости, в большом поселке, напоминавшем мрачный военный лагерь, жили три тысячи африканцев со всех концов Южно-Африканского Союза и Восточной Африки. Здесь были зулусы, готтентоты, свази, шаганы — невероятная смесь типов и лиц, отличающихся друг от друга так же, как многонациональное население Европы. Там были крестьяне из краалей, одетые в традиционные разукрашенные одеяла, некоторые были частично в европейской одежде, кое-кто — в бумазейных рубашках, с касками на голове. Было воскресенье — день отды-

* Лагери, обнесенные колючей проволокой.

Рудокопы.

ха, и шахтеры танцевали под транслировавшуюся джазовую музыку. В группе африканцев раздавалась непривычно резкая музыка. В одном углу под такую же музыку человек двадцать исполняли какую-то пляску, высмеивающую белых хозяев. Их вожак — с лицом и торсом, раскрашенными мелом, расхаживал посредине и издавал по временам свист, повинуясь которому танцоры двигались вперед.

В один из дней я рисовал набитый до отказа людьми «пивной бар». Палило солнце, в воздухе стоял гул возбужденных голосов, дети гонялись друг за другом, шныряли под ногами теснившихся взрослых, ожидавших пива или очереди подстричься у бесчисленных уличных парикмахеров. Недостатка в комментариях по поводу моего рисунка не было:

— Его парикмахер, видно, плохо наелся, прежде чем взялся за такого роскошного осла!

Кругом раздавалась характерная для иоганнесбургской улицы смесь языков, в которой слышались наречия зулусов, сото; английский, африкандерский и американский жаргоны свободно врывались в речь. Разговор перешел с вопроса об уме белого художника на смысл всей сцены, реплики становились все определеннее и злее:

— Только черных овец стригут на улице!

— Волосы черных топчут в пыли, а в парикмахерских для белых их собирают, чтобы набивать ими подушки.

Когда я уже стал собирать свои принадлежности и хотел уходить, ко мне обернулся юноша и закричал:

— Зачем ты приехал сюда из своей Европы? Чтобы сделать рисунки, которые ты увезешь в Англию! А мой народ останется здесь! И живет вот так!

Он в ярости показал на грязную изможденную старуху, продававшую в канаве жареный маис, на длинную очередь покачивающихся пьяниц, на ксози, соблазнявшего простоватых шахтеров сыграть с ним, чтобы выиграть их нищенскую заработную плату. Обличительную речь юноши прервал чей-то неожиданный крик:

— Полиция!

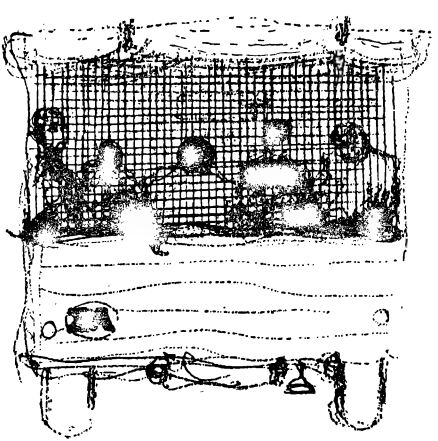
Зловеще проскрипела тормозами полицейская машина, из нее выскочили вооруженные белые полицейские и стали требовать у притихших людей пропуска. Когда они арестовали всех, у кого не было пропусков, и затолкали их в крытый грузовик, чей-то сочный бас выкрикнул:

— Забирай их, баас, сре-

РАСОВАЯ ДИСКРИМИНАЦИЯ В ДЕЙСТВИИ:

«Твой пропуск!..»

Африканцев, не имеющих пропусков, отвозят в тюрьму...



Суд...

ди них есть б-а-альшой негодяй.

Вспыхнувший было смех тут же оборвался, когда один из полицейских погрозил толпе.

Посетил я и первый из лачужных городков — Орландо Шелтерс, возникший «в знак протеста» против бесконечных задержек с жилищным строительством. Здесь, в Орландо, на опаленном солнцем склоне холма, в хижинах, сколоченных из жести, обломков ящиков, консервных банок, живет тридцать тысяч африканцев. На фоне этого пейзажа, напоминающего изрезанную поверхность луны или искромсанные снарядами поля мировой войны 1914—1918 годов, группами бродят ксози, похожие в своих клетчатых рубашках на старинных пиратов. Один из них согласился позировать мне, если я куплю у него авторучку «Паркер-51»:

— Всего десять шиллингов, баас.

Покачиваясь, бродят старики с бессмысленным, остановившимся взором — это курильщики наркотика — дагги... Один из них остановился передо мной, качаясь, словно тростник на сильном ветру. Поддерживаемый, как в балете, издевающимся ксози, который, видимо, решил, что я делаю зарисовки из жизни поселка для газеты «Драм», человек этот представлял собой чудовищное пугало. Преследуемый детьми, он, шатаясь, побрел прочь. Заорало радио, громыхающие звуки джаза наполнили вечерний воздух. Я обернулся — мрачный склон холма начал оживать, в сгущающихся сумерках зажглись миллионы огней — люди, болтая и смеясь, ужинали.

Осужденные работают на изолированных фермах.

Мне довелось посмотреть многие лачужные городки вокруг Иоганнесбурга, но худшим из всего, что я увидел, был Софиатаун, где первым мне на глаза попался толстый

Орландо Шелтерс.

пьяный африканец, в грязной одежде своего племени, тщетно пытавшийся исполнить военный танец у входа в подпольный кабак. Здесь не было даже тени надежды. В центре поселка стояла покинутая школа отца Хадльстоуна, с разбитыми окнами. Можно было подумать, что здесь прошел страшный бой. Дома и хижины разрушены — это были следы насильственного выселения, которое произошло несколько лет назад.

На одной из стен виднелась надпись: «Полицейские налеты — полицейское государство».

Посетив эти поселки, я почувствовал, что мне необходимо переменить обстановку. Я отправился на городскую художественную выставку, чтобы окунуться в успокаивающую атмосферу искусства. Однако вместо того, чтобы смотреть на полотна, я вспоминал ужасные картины этой невероятной недели. Стоя среди гравюр современных шведских художников и картин француз-

Жители Орландо Шелтерс.

Ксози.

Курильщик дагги.

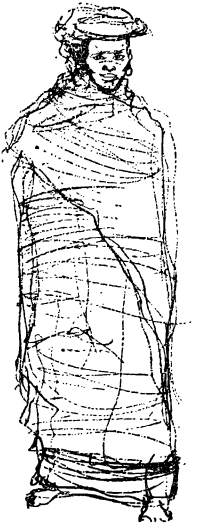
ских импрессионистов (которые ни один африканец не имеет права посмотреть), я почувствовал, что все увиденное мною за последнее время — страшный кошмар, какой-то болезненный сон, что-то вроде балета Курта Джооса, где одна половина танцоров в черных масках, а другая — в белых, и они стараются зубами сорвать их друг с друга. Я решил покинуть Иоганнесбург — не могло же такое быть *всюду*.

ПРЕТОРИЯ БЕЗ ПРИКРАС

Поездка в Преторию, действительно, произвела на меня относительно успокаивающее впечатление. Над привычным фасадом правительственных зданий, построенных в викторианском стиле, возвышается памятник Крюгеру. Суровое кальвинистское лицо святого Павла смотрит с высоты на сотни африканцев, собравшихся на широкой каменной лестнице Дома юстиции в ожидании открытия Верховного суда. По соседству, в садике, где я пристроился порисовать, бюргеры в стетсоновских шляпах внимательно изучали газету «Трансвалер». Бородатые патриархи смотрели на

Соборная площадь и памятник Крюгеру.

Фермер африкандер.



Транскейская женщина.

Бездомная женщина (Порт-Элизабет).

меня с недоверием, понимая, что я пришелец из страны белых. Инвалиды-африканцы деловито хромали вокруг, смахивая пыль с бронзовых статуй знаменитых старожилов. В старом доме Крюгера я долго стоял над запыленными документами президента, над медалями, наусниками, над тщательно выгравированным оружием. Надписи на траурных лентах от либералов разных стран и масонских обществ напоминают об уважении, которое вызывала повсюду упорная борьба президента Крюгера за независимость Бурской республики. И действительно, осматривая Преторию, глядя на этих старых фермеров, вспоминая их трудную историю, испытываешь уважение. Они были просто фермеры, не радикалы. Это даже как-то трудно понять.

ОТ КЕЙПТАУНА ДО ПОРТ-ЭЛИЗАБЕТ

Транскейский пастух.

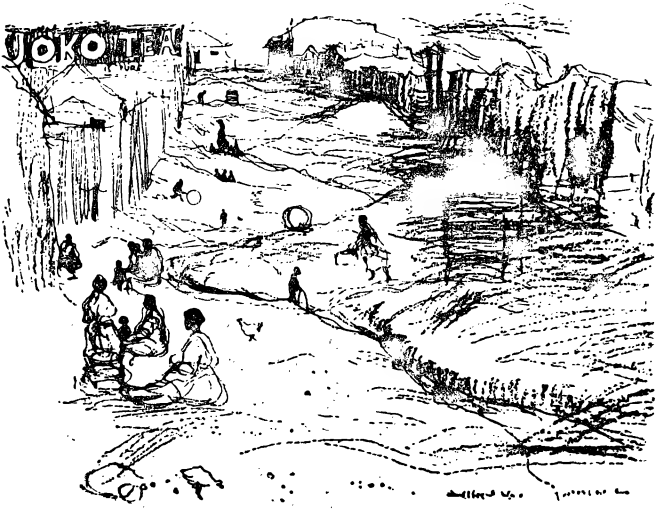
Заводской рабочий (Порт-Элизабет).

Когда я выезжал в Кейптаун, горизонт был окрашен багровым цветом зари. Солнце быстро взошло, наша машина мчалась по широкой, прямой автостраде, пересекающей серовато-коричневую, поросшую мелким кустарником пустыню Карру. Мы проезжали через места, которые запомнились с детства по книге Хаммертона «Южно-африканская война в иллюстрациях». Ныне спокойные серые полутона сельских местечек Кругерсдорпа и Рандфонтейна с их воловьими упряжками и салунами сменились разрастающимися и процветающими промышленными городами, с машинами «шевроле» и ресторанами с кондиционированным воздухом.

В Блумфонтейне — юридической столице — мы остановились позавтракать в ресторане, носящем историческое название «Коммандо». Мы рассматривали живо написанные цветные литографии, на которых были отражены все главные поражения англичан в бурской войне — битва при Спайон Коп, при Коленсо и Элензгаате. Когда официантка в третий раз забыла принести наши бифштексы, мы со всей очевидностью поняли, что война фактически отнюдь не кончилась.

Мы продолжали наш путь через транскейскую резервацию по направлению к Ист-Лондону и Порт-Элизабет. Глядя на земли резерваций, нетрудно понять, почему африканцы уходят отсюда в города искать работу. Изможденные мальчишки-пастухи пасут изнуренных овец, орды голодающих детей выпрашивают милостыню.

Порт-Элизабет, третий по величине город Южно-Африканского Союза, своей суетой и темпом жизни во многом напоминает Йоганнесбург. Это главный промышленный центр Южно-Африканского Союза, который был бы еще больше, ес-



Поселок Нью-Брайтон.

ли бы премьер-министр Стрейдом не лимитировал так жестоко привлечение квалифицированных негритянских рабочих на заводы и фабрики и обучение их. Многие предприятия были основаны в этом районе иностранным капиталом в расчете на то, что можно будет на месте создать кадры квалифицированных рабочих. Я обнаружил, что африканцы чувствуют себя тут гораздо свободнее. По-видимому, среди здешних африканцев — самый высокий процент промышленных рабочих по сравнению со всем остальным Южно-Африканским Союзом, но обращаются с ними все равно как с враждебными племенами. Мы приехали в Порт-Элизабет вскоре после бунта и демонстраций в поселках Корстен и Нью-Брайтон. Причиной волнений было убийство африканского рабочего, которого арестовали по ложному обвинению в краже банки красок. Он пытался бежать и был за-

Пляж только для европейцев.

Деревенский почтальон с женой.

стрелен полицией. Несколько сот африканцев, оказавшиеся на железнодорожной станции, были свидетелями убийства. Они пришли в ярость, поймали одного из полицейских и растерзали его, а после этого сожгли кинотеатр и несколько магазинов. В ответ на это полицейские устроили ночной налет на Нью-Брайтон и обстреляли из автоматов битком набитые дома, убив и ранив несколько африканцев. Накануне похорон жертв этого расстрела в городе царила напряженная атмосфера. Похоронная процессия состояла из нескольких тысяч человек. На этот раз полиция не вмешалась.

Здесь, в Порт-Элизабет, я увидел одну из подпольных школ, организованных запрещенным ныне Африканским национальным конгрессом. Всякие школы, помимо правительственных, теперь в Южно-Африканском Союзе запрещены, в правительственных же школах упор делается на преподавание детям тех предметов, которые нужны для обслуживающего персонала, а английскому и африканским языкам обучают только в пределах, необходимых домашней прислуге. Африканский национальный конгресс по всей стране энергично борется против этого закона, не только бойкотируя новые правительственные школы, но и организуя свою независимую систему обучения, по которой преподают учителя-добровольцы.

Эта подпольная система образования создается главным образом при посредстве культурных клубов. В официально разрешенных центрах дети занимаются музыкой, а потом уходят на окраину или на заброшенные пустыри и там занимаются уже настоящими уроками. Сторожевые — обычно это неутомимые африканские матери — дежурят на подступах. Система несложных сигналов позволяет учителю и детям скрыться прежде, чем нагрянет полиция.

Бывший вождь Альберт Лутули.

ОСТАНОВКА В НАТАЛЕ

Выехав из Порт-Элизабет, мы направились на север, по прекрасной и дикой стране. Шоссе с двухсторонним движением по-

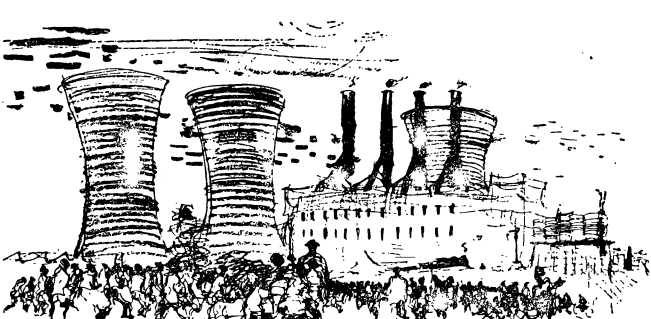
Бездомные рабочие в Натале.

зволяло нам развить большую скорость, и через короткое время мы очутились среди буйного субтропического пейзажа Наталя. Теперь по обеим сторонам дороги мелькали зулусские деревни, а на исходе довольно прохладной ночи мы прибыли в Дурбан.

Дурбан похож на такие курорты, как Брайтон или Атлантик-сити. Вдоль белых песчаных пляжей расположены высокие современные дома. Разница в том, что на пляжах повсюду надписи: «Только для европейцев». На пляжи Дурбана не может попасть ни один неевропеец, а здесь, помимо африканцев, имеется большая индийская колония. Картины, которые приходится наблюдать в Дурбане, производят довольно тягостное впечатление. Белые предаются безделью, а вокруг них крутится целая армия африканских или индийских дворецких, слуг, нянек, поваров, горничных и садовников, которые выполняют свои обязанности с похвальной быстротой и легкостью. Ярко одетые зулусы-рикши развозят бездельничающих пассажиров взад и вперед, после чего они еще обязаны позировать перед фотоаппаратами развлекающихся белых. Подобно народам, покоренным Римской империей, с зулусами, в прошлом воинственными людьми, удалось сделать все что угодно, но они, однако, на колени не встали.

Индийская семья (Дурбан).

Кое-какие традиции, старые зулусские традиции живут до сих пор. Однажды мы съездили к бывшему вождю Лутули, который владеет маленькой лавчонкой в заброшенной деревушке, милях в пятидесяти к западу от Дурбана. Лутули, суровое и аристократическое лицо которого в то же время свидетельствует о мягком и обаятельном характере, был смещен с поста вождя за то, что отказался подать в отставку как председатель Африканского национального конгресса. Живет он очень скромно вместе с застенчивой, старающейся держаться в тени женой, которая приготовила нам обед. Обедали мы в большой комнате, служившей одновременно и кабинетом Лутули: на стенах висели обложки африканских журналов, вроде «Эбони», и



В Булавайо после окончания рабочего дня.

Маника-роуд (Солсбери).

карта Южно-Африканского Союза...

Лутули говорил с нами об африканской действительности и особенно подробно об «институте вождей», как он его называл. Наталь является центром этой системы. В Капской провинции «институт вождей» не был прочен, потому что в первые годы колонизации и буры и англичане старались уничтожить власти племен. К этому времени пример Наталя показал, что гораздо проще руководить африканцами, используя влияние их вождей. Более того, традиция безоговорочного подчинения авторитету вождя давала возможность слабым и продажным предводителям племен занимать важнейшие посты, и эти люди были бы первыми из тех, кто побежал бы сообщать властям о малейшей попытке Конгресса изменить существующее положение.

Лутули повел меня через поля в лагерь кочующих рабочих, живущих на том поле, которое они обрабатывают. Из дымных лачуг, покрытых старыми мешками и отходами сахарного тростника, выглядывали озлобленные лица. Женщины прижимали к себе детей, от

Жена шахтера.

которых осталась кожа да кости, а мужчины с ненавистью смотрели на меня. Лутули стал им что-то говорить, но слова его не произвели никакого впечатления. На их лицах не было выражения притворного смирения — для них я был белым человеком, принадлежащим к совершенно иному миру, и что бы Лутули или я ни говорили им, это не могло перекинуть мост через разделявшую нас пропасть. Добродушное отношение африканцев, живущих в городе, было похоже на то, как повсюду за границей встречают путешествующего художника, но здесь на меня смотрело грубое и ожесточенное лицо страшной, доведенной до последней степени нищеты. Я сделал набросок одной пары. Они стояли передо мной, как живой символ африканцев, доведенных до предела отчаяния.

Многое из увиденного мною в Южно-Африканском Союзе я забыл или забуду. Но никогда в жизни из моей памяти не изгладится лицо этого человека, когда он в течение нескольких минут смотрел на законченный рисунок, и злоба, написанная на его лице, мало-помалу растворялась в слабой и неуверенной улыбке. Лутули перевел мне фразу, состоявшую из быстрых гортанных звуков: «Он бы хотел только, чтобы все люди были друзьями».

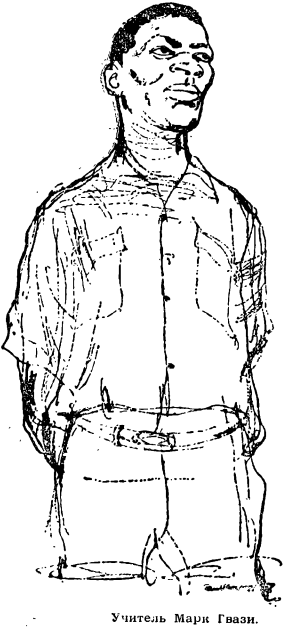
В РОДЕЗИИ

Перед тем как вернуться в Иоганнесбург, я более двух недель провел в Южной Родезии, где начал делать зарисовки.

Булавайо, куда я прибыл на самолете, является промышленным центром Федерации. По вечерам здесь, на фоне башен

На табачной ферме.

Шахтер.



Учитель Марк Гвази.

Школа на табачной ферме.

электростанций и современных заводских зданий, можно видеть оживленные толпы рабочих африканцев, спешащих домой. Повсюду можно встретить рабочих в клетчатых рубашках, играющих на гитаре и окруженных приятелями. Хриплыми голосами они распевали что-то среднее между современными джазовыми и племенными песнями.

Посмотрев на Карибу — гидроэлектростанцию на Замбези,— я поехал в Северную Родезию, в Ндолу и Коппербелт...

Птичий рынок.

Здесь нет современных зданий, резко выделяющихся на фоне ярко-синего неба, как в Солсбери и Булавайо. Это пограничный район рудников, живущий напряженной жизнью.

Я остановился у доброжелательных и щедрых людей, у которых дом полон африканской прислуги, выполняющей все приказы с четкостью солдат на параде. Хозяйка дома — царственно красивая женщина, отец которой нажил состояние на золотых приисках и потерял его. Она с великим апломбом приказывала всем вокруг, хотя, когда обстоятельства требовали, ее гораздо более сдержанный англичанин муж оказывался отнюдь не робким.

Так, находясь между двух миров, я делал вылазки и в тот и в другой. Сегодня я посетил медеплавильный завод в Луаншья, где рисовал людей с выражением агрессивной уверенности на лице, которого мне до тех пор не приходилось видеть у африканцев. Следующий день я проводил в барах или ресторанах с кондиционированным воздухом, слушая разговоры белых, обеспокоенных ценами на медь или возрастающими претензиями африканцев.

В Родезии — Северной и Южной — расовый вопрос стоит значительно менее остро, чем в Южно-Африканском Союзе. Но условия, в которых живут там цветные, почти ничем не отличаются от условий в Южно-Африканском Союзе, а расовая сегрегация столь же всеобъемлюща. Поскольку белое меньшинство здесь еще незначительнее, чем в Южной Африке, то на простых людей, иммигрировавших сюда из перенаселенных городов Западной и Южной Европы, очень легко оказывает разлагающее воздействие

Рабочий медеплавильного завода в Луаншья.

тот факт, что они живут во много раз лучше, чем африканцы, при этом они забывают или игнорируют то, что все это происходит главным образом за счет африканцев. Эти иммигранты, полагая, что благодаря цвету кожи они имеют преимущество, стараются увековечить свое превосходство путем распространения бредовой идеи «превосходства белой расы».

Вероятно, потому, что мне очень не нравится эта сторона жизни Южной Африки, я старался подчеркнуть врожденное чувство собственного достоинства и благородство африканцев. Мужчины и женщины, еще вчера жившие в примитивном обществе, а сегодня перенесенные в устрашающее индустриальное общество, имеют свои недостатки, так же как и достоинства. Но какими бы они ни были, они не дикари, и не «проклятые богом», как хотят убедить нас южноафриканские политики. Они люди, такие как мы.

СРЕДИ КНИГ И ЖУРНАЛОВ

„ИЗБРАННОЕ" САДЕКА ХЕДАЯТА

□

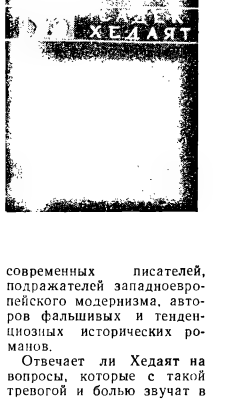
Садек Хедаят. Избранное. Москва, Гослитиздат, 1957.

□

Советские читатели не впервые встречаются с героями Садека Хедаята, популярного персидского прозаика. Два года тому назад Издательство иностранной литературы выпустило сборник рассказов персидских писателей, в котором значительное место заняли произведения Хедаята — повесть «Хаджи-ага», рассказы «Патриот» и «Бродячий пес». Но только теперь, с выходом в свет «Избранного», многогранный творческий облик Садека Хедаята открывается читателю по-настоящему полно и всесторонне.

Садек Хедаят (1903—1951) — талантливый рассказчик, публицист и драматург. Он неутомимый пропагандист иранского фольклора, тонкий знаток и интерпретатор классической поэзии, первый переводчик на персидский язык Чехова и автор проникновенной статьи о музыке Чайковского. Человеком чистого сердца, тревожных исканий и трагической судьбы предстает Хедаят в воспоминаниях своих друзей и собратьев по перу. Страстным обличителем самых темных, уродливых сторон современной буржуазной действительности видим мы его на страницах созданных им художественных произведений.

Кто же они, герои произведений Хедаята, чем они живут, какой новый мир чувств и стремлений открывает писатель? Семидесятилетний Хаджи-ага из одноименной повести, в образе которого писатель разоблачает продажность, ханжество и разврат, царящие в политических и деловых кругах иранской буржуазии; Альвийе-ханум — колоритнейшая фигура старухи сводницы, в рассказе о которой автор зло осуждает бродяжничество и сутяжничество — все то, что помогает сомнительным делягам наживаться на невежестве и несчастьях простых людей; целая галерея простых иранских женщин, судьба которых особенно ужасна и безысходна. И, наконец, представители иранской интеллигенции, которые нашли отражение в рассказе «Патриот» в образе Сеида Насролла и в гротескно-сатирической «Достопочтенной книге господина Ваг-Вага», построенной в форме стилизованных под старинные притчи бесед мифологических персонажей. Судьбы иранской интеллигенции волновали Хедаята на протяжении всего его жизненного пути. В двух последних произведениях с беспощадным сарказмом развенчивается официальная наука с ее косностью, подобострастием и лжепатриотизмом, высмеиваются нравы бесталанных ученых-стяжателей, современных писателей, подражателей западноевропейского модернизма, авторов фальшивых и тенденциозных исторических романов.



Отвечает ли Хедаят на вопросы, которые с такой тревогой и болью звучат в каждом его рассказе, памфлете, повести? Кто виноват в том, что Азиз-ага («Исповедь») стала преступницей? Кто виноват в том, что богобоязненная Абджи-ханум из одноименного рассказа кончает жизнь самоубийством, будучи не в силах без злобной зависти смотреть на счастье своей младшей сестры и не найдя утешения в строгом соблюдении религиозных обрядов? Кто же виноват в том, что перед кроткой Зарринколах, которую с ребенком на руках безжалост-

но бросил муж на произвол судьбы, нет иного пути, кроме нищенства или проституции? Почему Даш Аколь — этот бродяга и скандалист, но человек, наделенный благородным сердцем и исполненный чувством долга перед своими ближними, умирает от смертельной ножевой раны, полученной в уличной драке?

Да, Хедаят отвечает на эти вопросы.

Даш Аколь стал бродягой потому, что в нем жил стихийный порыв к свободе от лживых семейных пут и от лицемерных религиозных обрядов. Женщин делают несчастными, толкают на преступления, ожесточают условия их жалкого существования в семье родителей и особенно в семье мужа, которому бог «даровал» право иметь столько жен, сколько он сможет прокормить, столько наложниц, сколько он сможет содержать.

Своей суровой и мастерской критикой общественных отношений, сложившихся на его родине, Хедаят развивает славную традицию демократической персидской литературы XIX и XX веков, представленную творчеством Каем Макама Фарахани, Зейн-оль-Абедин Мерагеи, Али Акбара Деххода, Джемаль-задэ и многих других. Он отказывается от беспристрастной описательности и слащавой сентиментальности в изображении страданий людей, от безобидного вышучивания недостатков. Его талант, вооруженный великолепным знанием истории и культуры страны, рождает произведения гневные, бичующие, страстные в своем отрицании и обличении социального зла. Но, вскрывая язвы общественных отношений, клейма ханжество, Хедаят не открывает для своих героев реальных путей для избавления от постигающих их несчастий. Он еще не видит достойного применения энергии и силы воли таких людей, как Даш Аколь. Не видит для женщин выхода из тягостной, отравленной ложью атмосферы дома в иную жизнь, заполненную общественными интересами и самостоятельным трудом. Положительные герои, созданные писателем, зачастую страдают внутренней пассивностью, инертностью, болезненной склонностью к самоанализу. Даже яркий образ поэта Монади-оль-Хакка из повести «Хаджи-ага» обладает гораздо меньшей по сравнению с отрицательными персонажами силой эстетического воздействия. Этот пламенный и честный человек на страницах повести остается всего лишь резонером.

Многие иранские и советские исследователи говорят о благотворном влиянии на творчество Хедаята русской классической литературы. Так, один из друзей писателя, Хасан Каимиян, высказал мысль о несомненной близости художественного метода Чехова творческим устремлениям Хедаята, подчеркнув при этом, что Хедаят обратился к Чехову в то время, когда в Иране его еще совсем не знали. (Это было в 1932 году, когда в журнале «Афсане» появился переведенный Хедаятом рассказ Чехова «Крыжовник»). И действительно, многое в творчестве Хедаята роднит его с Чеховым. и обращение писателя к будничной, внешне ничем не примечательной жизни простых людей, и его обличение пошлости, и самый стиль его коротких новелл. Но если вдуматься в самые, казалось бы, «чеховские» рассказы Хедаята, то мы увидим и то, что отделяет его от Чехова. Так, очень лирический рассказ «Бездомный пес» пронизывает мысль об иллюзорности стремлений к счастью, в нем звучат мотивы отчаяния и неверия в человека. Психологический конфликт рассказа «Лале» составляет борьба грубых подсознательных инстинктов с разумом, темных вожделений с отцовскими чувствами и т. д. Герои этих, как и некоторых других произведений Хедаята лишены той нравственной чистоты и благородства, которые отличают положительных героев Чехова.

Преимущественное внимание писателя к мрачным сторонам действительности, пессимистическое ее восприятие объясняется как разноречивыми общественными веяниями, той сложной политической борьбой, свидетелем и участником которой был Хедаят, так и тем, что писатель жил в стране, где даже крупица его представлений о прекрасном не претворена в жизнь. На последнее обстоятельство указывал, в частности, видный иранский прогрессивный деятель Эксан Табари. И все же Хедаят выполнил свой патриотический долг перед родной литературой — с большим мастерством, с глубокой проницательностью и подчас с жестокой беспощадностью он разоблачил и осудил болезненные явления в жизни своей страны и народа.

Хедаят обрел многих последователей и учеников, которым предстоит пойти дальше своего учителя, предстоит показать своих героев в борьбе за прекрасные идеалы, создать образы, проникнутые твердой верой в жизнь и торжество гуманизма.

Переводить Хедаята на иностранные языки довольно трудно, тем более что нашими переводчиками-прозаиками в сороковые-пятидесятые годы была как-то утеряна традиция перевода персидской прозы, в отличие от советских поэтов, создавших целую школу высокохудожественных переводов восточной поэзии. И тем не менее, столь сложную работу Д. Комиссаров, А. Розенфельд и А. Самедов выполнили успешно. Особенно удались, на наш взгляд, переводы рассказов «Альвийе-ханум», «Женщина, потерявшая мужа», повести «Хаджи-ага» и уже упомянутой «Достопочтенной книги господина Ваг-Вага». Авторов других переводов можно упрекнуть

в том, что, стремясь к большей точности, они пренебрегали порою требованиями художественности. Книге предпослано содержательное предисловие Д. Комиссарова и А. Розенфельд, которые сумели коротко и живо рассказать читателям биографию писателя и убедительно раскрыть большое значение его творчества в современной литературе Ирана.

Издание на русском языке «Избранного» Садека Хедаята является значительным событием в истории русско-иранских литературных связей последнего времени, оно с большим интересом и удовлетворением было встречено иранской общественностью.

З. Османова

О ПРИМЕТАХ ВРЕМЕНИ И О МНОГОМ ДРУГОМ

□

Иржи Марек. Страна под экватором. Москва, издательство «Молодая гвардия», 1958.

□

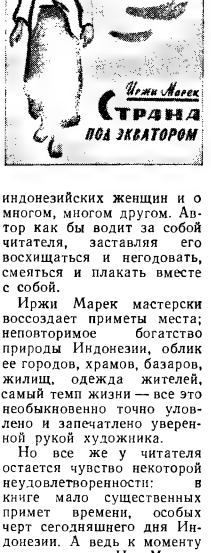
Ваш друг отправился в путешествие в далекую чудесную страну и, зная, что вам тоже очень хотелось бы поехать с ним или, во всяком случае, поскорее узнать, что он там увидел, пишет вам подробные письма, простые и непринужденные, не связывая себя строгой композицией, последовательностью изложения и пр. Кроме того, ваш друг чувствует, что вы немного завидуете ему, и поэтому стремится развлечь вас: с юмором сообщает о некоторых неприятностях в пути, иногда изображает себя в комических ситуациях или вдруг вплетает в серьезные описания храмов и гробниц старинные легенды в иронически-пикантном изложении. Именно такое впечатление производит на читателя книга Иржи Марека «Страна под экватором» о путешествии в Индонезию.

Но Иржи Марек не только ваш веселый и заботливый друг, он и писатель-коммунист, человек большого сердца и острого ума. Читая о путевых приключениях и красотах земли, увиденных с птичьего полета, вы вдруг остановитесь перед гневными, саркастическими строками, рассказывающими об эскадрилье американских военных бомбардировщиков, которые «защищают свои рубежи»... на Аравийском полуострове. Назидательно для тех, кто не хочет прислушаться к пульсу времени, прозвучит рассказанная автором в конце третьей главы притча о прожорливых хищных рыбах — морских чертях, которые даже перед смертью, попав вместе с сельдью в сети, находясь при последнем издыхании, все еще продолжают яростно заглатывать добычу.

Страстные публицистические ноты звучат в книге Марека, когда он пишет о голландском завоевании Индонезии, «страны райских островов», или показывает страшные результаты трехсотлетнего кровавого господства колонизаторов: экономическую отсталость страны, голод и нищету народа.

Писатель, правда, немного говорит об освободительной борьбе индонезийского народа, закончившейся созданием независимой республики. Но один из эпизодов этой борьбы, который автор приводит в своей книге, стоит, может быть, многих страниц пространного изложения. Это — трагическая история гибели молодого партизана бедняка Салима Багуса и его жены красавицы Мины, отдавших жизнь за национальную независимость.

С искренней увлеченностью и подлинным поэтическим мастерством рассказывает Марек о шумном многокрасочном базаре в Джакарте, о празднике сожжения мертвых на острове Бали, об изумительных танцах, которые ему довелось там увидеть, о величественном древнем храме Боробудур, о комфортабельных виллах иностранцев в Джакарте и тростниковых хижинах бедняков на окраинах города, о тяжелом труде крестьянина, о красоте



индонезийских женщин и о многом, многом другом. Автор как бы водит за собой читателя, заставляя его восхищаться и негодовать, смеяться и плакать вместе с собой.

Иржи Марек мастерски воссоздает приметы места; неповторимое богатство природы Индонезии, облик ее городов, храмов, базаров, жилищ, одежда жителей, самый темп жизни — все это необыкновенно точно уловлено и запечатлено уверенной рукой художника.

Но все же у читателя остается чувство некоторой неудовлетворенности: в книге мало существенных примет времени, особых черт сегодняшнего дня Индонезии. А ведь к моменту путешествия И. Марека (1955) Индонезия уже пять лет существовала как независимая республика, сбросившая многовековой гнет колонизаторов.

Конечно, нельзя требовать от автора, чтобы он в небольшой книге путевых

очерков дал всеохватывающую картину жизни новой Индонезии. Автор, вероятно, и не ставил перед собой такую задачу, да это и неосуществимо. Но не показать, хотя бы в отдельных картинах и эпизодах (а Марек блестяще умеет делать это), те сдвиги, которые произошли в стране после Августовской революции,— для вдумчивого писателя большое упущение. Это тем более досадно, что живая, увлекательная и остроумная книжка Марека успела уже завоевать признание многих читателей.

Было бы наивно предлагать какие-то единые рецепты создания книг путевых очерков — одного из наиболее гибких жанров. Еще в XVIII веке Стерн, устанавливая в «Сентиментальном путешествии» различные типы путешественников, намечал тем самым и бесконечное многообразие вариантов этого жанра. Мы вспомнили о Стерне неслучайно: автор сам наталкивает на это сравнение, стилизуя свои очерки под романы путешествий XVIII века. Стоит сравнить хотя бы полное название его книги («Страна под экватором, или полное подробное описание путешествия на Яву и Бали, предпринятое в 1955 году от Рождества Христова, одновременно с изображением приключений, равно как и с описанием жизни, обычаев, одежды и нравов жителей тех земель, их веры, поверий, танцев, музыки, театра, живописи, а также пищи, растительности, животного мира и погоды наряду с разнообразными наблюдениями с моря, суши и воздуха») с полным заглавием «Робинзона Крузо» Д. Дефо или обратить внимание на заголовки глав, так напоминающие заголовки в романах Филдинга или Смоллета, чтобы убедиться в этом.

Но как бы ни были различны описания путешествий, если автор хочет волновать сердца, он обязательно должен запечатлевать важнейшие приметы времени, особенно когда речь идет о стране, совершающей такой гигантский скачок из прошлого в будущее, как это произошло с Индонезией.

С. Востокова

СКАЗКИ И ЛЕГЕНДЫ ОСТРОВА ЦЕЛЕБЕС

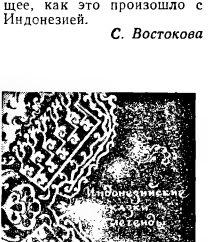
□

М. Р. Дайо. Индонезийские сказки и легенды. Москва, Издательство иностранной литературы, 1958.

□

«Индонезийские сказки и легенды» — таково название этой небольшой книги, принадлежащей перу индонезийского писателя М. Р. Дайо. Сборник, выпущенный Издательством иностранной литературы, представляет большой интерес для советского читателя, ибо является одним из немногих изданных у нас произведений индонезийской литературы, которая получила, наконец, возможность свободно развиваться. Ныне книгоиздательства страны выпускают множество интересных романов, пьес, сборников стихов, сказок и легенд. Издаются и переиздаются лучшие образцы классического наследия. Тщательно собираются и записываются сказки различных народностей.

Индонезия — страна древней культуры. Во многих районах еще и сейчас можно услышать легенды и сказания, сохранившиеся с незапамятных времен. Самобытные элементы богатого индонезийского фольклора зачастую переплетаются с мотивами и сюжетами, занесенными пришельцами из других стран. В 1000 году на древний яванский язык был переведен индийский эпос «Махабхарата», по мотивам которого были созданы эпические произведения индонезийского фольклора — «Санг Бома» и «Пандава Лима». Другой индийский эпос, «Рамаяна», нашел свое отображение в индонезийском варианте, известном под названием «Сери Рама». На легенды и сказания многих островов страны наложили свой отпечаток арабские и китайские сказки, с давних времен хорошо известные индонезийцам.



Настоящий сборник знакомит читателя с образцами фольклора одного из островов Индонезии — Целебеса. Книге предпослано интересное предисловие, в котором на фоне исторического развития Индонезии дается разбор сказок и легенд, вошедших в сборник. Однако автора предисловия можно упрекнуть в том, что он, проводя параллель между индонезийскими сказками и сказками других народов, в частности европейских, недостаточно раскрывает национальную самобытность индонезийского фольклора. Это относится главным образом к характеристике первого раздела сборника. А между тем, индонезийские сказки в большинстве своем обладают неповторимым своеобразием и по своему содержанию во многом отличаются от сказок других народов. Они своеобразны по сюжетам, характеристикам персонажей и приемам композиции. В самом деле, возь-

мем, например, не вошедшие в сборник, но хорошо известные индонезийские легенды о сотворении мира и происхождении человека, или сказки о неудачнике Лебай Маланге, или, наконец, занимающие особое место в индонезийском фольклоре сказки о животных, героем которых на Яве является канчиль — карликовая лань, на Бали — черная наседка, а в южной части Целебеса — длиннохвостая обезьянка. Легко заметить, что трактовка образов, деталей быта и поведения персонажей носят яркий национальный характер. Кроме того, в предисловии встречаются досадные фактические ошибки, касающиеся названия сказок и имен героев.

Сборник открывается сказкой-легендой «Остров Корабль», повествующей о том, как разбогатевший сын не признал своей бедной матери, за что и понес заслуженное наказание. Возмездие ждет всякого, кто изменит своей Родине, своему народу — такова заключенная в ней идея. О мальчиках, получивших за свой добрый поступок кольцо, которое простые вещи превращает в золотые, говорится в сказке «Кольцо». В сказках «Орел и Воробей» и «Кот и Обезьянки» в лаконичной форме воплощена многовековая мудрость народа. Так, в первой из них Воробей проучил зазнавшегося владыку пернатых, а во второй Кот, озорник и хитрец, дурачит двух не в меру любопытных и своенравных Обезьянок. О наказании зла и жадности и о торжестве правды говорится в последней сказке этого раздела («Сказка о Перепелочке и двух мальчиках»).

Содержание второго раздела составляют две легенды, в которых нашло свое художественное отображение героическое прошлое индонезийского народа. В них воплощены образы героев — борцов за справедливость, сильных сознанием своей правоты, прекрасных в своих стремлениях.

Как известно, в истории Индонезии первостепенное значение имеют отношения, существовавшие между соседними странами и между отдельными частями страны, которая на протяжении многих веков и поколений оставалась раздробленной на мелкие княжества. Теме воссоединения частей страны в единое государство посвящена легенда «Сказание о мудром юноше, или принцчародей», проникнутая стремлением к миру и доброму соседству народов Индонезии.

Много хорошего и доброго мечтал сделать юноша. Но главное—он хотел, «чтобы повсюду наступил мир», потому что «мир несет с собой дружбу и спокойствие». «Сказание о мудром юноше» — это одновременно и повесть о любви, в которой чувства двух героев, принца Герадуса и принцессы Вангунати, явились основой установления дружественных отношений между двумя чародеями.

Сказание по своим художественным достоинствам представляет собой высокий образец народного творчества. оно исполнено тончайшего лиризма, несмотря на некоторую выспренность слога, присущего большинству сказаний Востока. Здесь и фантастические образы, и необычайные события, и характерное для индонезийского фольклора звукоподражание: мы как бы слышим шум ветра и раскаты грома, удары гонга и крик совы.

Уступает по выразительности сказание «Герой Минахасы», но содержание его созвучно «Сказанию о мудром юноше». Его герой, Ленгконг-Вуайя, долгие годы посвятил «одной цели — объединить земли страны и добиться мира и дружбы между всеми населяющими ее мелкими племенами». Все сказание проникнуто глубоким уважением и любовью к человеку, ибо любовь человека к человеку — «это обильный и прозрачный родник, воды которого, подобно тому как жир съедает ржавчину с меча, очищают все, к чему они прикасаются». Жаль, что, говоря о втором разделе сборника, автор предисловия не подчеркнул особо идею объединения индонезийского государства, заложенную в этих легендах.

Издание в СССР нового произведения индонезийской литературы свидетельствует об укреплении культурных связей между советским народом и народом Индонезии.

Г. Кириллов

НАРОДНЫЙ ПОЭТ ЯПОНИИ

□

Исикава Такубоку. Стихи. Москва, Гослитиздат, 1957.

□

Имя Исикава Такубоку, демократического поэта, классика японской поэзии — одно из популярнейших в Японии. По всей стране распространены кружки, названные именем поэта; его стихи, ставшие песнями, распевает народ; каждый год 13 апреля отмечается годовщина его смерти. В современной Японии имя Такубоку стало символом борьбы за мир и прогресс. Передовые поэты Японии развивают демократические традиции поэзии Такубоку.

В Советском Союзе Исикава Такубоку получил широкую известность после выхода в свет сборника его стихов в переводе В. Марковой. Приятно отметить, что полная неисчерпаемых красот японская поэзия в лице одного из самых ярких ее представителей стала теперь доступной советскому читателю.

Исикава Такубоку родился в 1886 году в семье бедного деревенского священника. Жизнь его протекала в сложный период японской истории — в период двух войн, милитаризма и реакции. Умер Такубоку от туберкулеза совсем молодым — двадцати шести лет.

Такубоку был активным участником демократического антивоенного движения «хэймин ундо», развернувшегося накануне русско-японской войны 1905 года. Поэт-гражданин, неутомимый борец за демократическое переустройство общества, он сознательно пришел к социализму. «Это логический вывод, к которому привел меня весь жизненный опыт»,— писал поэт.

— Как мне бездействие
противно
Застывшего в своих
порядках мира! —
Так я сказал,
И с этих пор
Живет в душе мятежная
тоска.

Несмотря на тяжелую болезнь, Такубоку не терял веры в жизнь, не переставал верить в революцию:

Наверное, товарищам и
жене
Грустно бывает слушать,
Как я без устали,
Такой больной,
О революции говорю!

В разгар русско-японской войны Такубоку написал замечательное стихотворение «Памяти адмирала Макарова», в котором от всего сердца приветствовал революцию в России:

Кто посмеет меня
упрекнуть,
Если я поеду в Россию,
Чтоб вместе
с восставшими биться
И умереть,
Сражаясь?

Таков гражданский облик замечательного поэта Японии — Исикава Такубоку.

Поэзия Такубоку составляет национальную гордость японского народа. Стихи его первого сборника «Стремления» (1905) написаны в жанре синтайси («новые стихи»). Этот жанр, возникший в Японии в 80-е годы XIX века, представляет собой свободную поэзию, не регламентированную ни строгими правилами, ни рифмой, ни количеством строк, ни чередованием слогов. В дальнейшем Такубоку не ограничился жанром синтайси и обратился также к классической национальной форме японской поэзии — танка. Танка («короткая песня») состоит из пяти чередующихся пятисложных и семисложных строк, что создает ритм. Рифмы в танка нет.

Истоки поэтической формы танка лежат в народном творчестве. В VII—VIII вв. танка начинает культивироваться при дворе, настолько войдя в быт аристократов, что изъясняться на поэтическом языке танка стало свидетельством образованности и хорошего тона. Постепенно выработались каноны, правила стихосложения и тематика, которых строго придерживались поэты многих поколений. В танка воспевались любовь, разлука, природа, часто в них звучали буддистские мотивы бренности всего земного, мимолетности человеческой жизни.

Такубоку взял эту излюбленную национальную поэтическую форму и внес в нее новое содержание. Он заставил аристократическую танка заговорить простым языком о тяжелой жизни, о горестях и печалях людей. Он смело ввел в танка тему труда, нищеты, крестьянской нужды, революции.

И именно танка принесли поэту любовь народа. Говорит ли поэт о труде:

Работай,
Работай! Что из того?
Жизнь не становится
легче...—

о тяжелой ли жизни крестьян:

Поля продают
Одно за другим
И пьют вино беспробудно...
Так многие гибнут
в деревне моей,
Что ж сердце к ним
потянулось? —

или когда он просто говорит о родной природе:

Я гляжу
На родные горы мои
И не в силах слова
сказать.
Так прекрасны
Родные горы мои!

— это доходит до самого сердца читателя.

Нетрудно представить, какую сложную и благородную работу проделал переводчик стихов Исикава Такубоку В. Маркова, сумев донести до советского читателя силу и тонкость образов, созданных великим поэтом Японии, сохранив национальный колорит и свежесть оригинала. Следует отметить также послесловие и примечания В. Марковой, из которых читатель узнает о жизни и творчестве Такубоку, о путях развития и особенностях японской поэзии.

Японская критика тепло встретила книгу переводов Исикава Такубоку и высоко оценила поэтическое дарование В. Марковой. «Книга переводов Исикава Такубоку углубила взаимопонимание между странами. Мы как бы обменялись теплым рукопожатием»,— писал в одной из статей Иосида Коё, известный знаток творчества поэта.

Т. Григорьева

„ГОРОД ЧЕРНОЙ МАСТИ"

□

Colin MacInnes. City of Spades. London, MacGibbon & Kee. 1957.

□

На коричневом фоне суперобложки — прямоугольное лицо мужчины, заштрихованное лиловато-черными полосами. По замыслу художника, это африканец, человек «черной масти», а его экзотические приключения составляют будто бы содержание «плутовского романа из жизни цветных людей», как сообщается в издательской аннотации.

Однако, ознакомившись с интересным романом английского писателя Колина Макиннеса «Город черной масти», читатель убеждается в том, что ни абстракционистские устремления художника, ни явное желание издательства подчеркнуть авантюрную линию сюжета не могут затушевать социально-политического смысла этой книги.

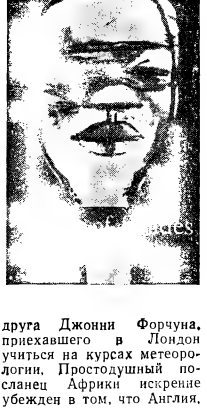
Колин Макиннес не новичок в английской литературе. Он давно занимается журналистской и литературно-критической деятельностью. Он написал несколько романов и является автором несметного числа литературных композиций для радио и телевидения. Во время второй мировой войны Макиннес служил в английской контрразведке. Опыт военных лет, личное знакомство с теми представителями английской военщины, которые позорили свою армию жульническими махинациями и аморальными поступками, нашли реалистическое отражение в автобиографической книге Макиннеса «Победителям — добыча».

«Город черной масти» — роман без героя. Эта особенность объясняется его композицией: повествование ведется от первого лица, причем рассказчиком попеременно выступают то Джонни Форчун, молодой африканец из Лагоса, то англичанин Монтгомери Пью, занимающий скромную должность клерка в отделе оказания помощи цветным иммигрантам при Колониальном департаменте.

Несмотря на то, что Джонни и Монтгомери — люди разных рас, возрастов и культуры, они становятся друзьями. В отличие от своего предшественника, Монтгомери хочет узнать побольше о жизни темнокожих иммигрантов, своих подопечных, и не ограничивается заглядыванием в папки с бумагами, отражающими лицемерную сущность британского гостеприимства: адреса общежитий для неевропейцев, список «надежных» квартировладельцев, рекомендательный перечень развлечений для «цветных» и т. д. Вопреки уверениям своего предшественника, будто бы африканец всегда останется дикарем, даже если на нем габардиновый костюм, а в кармане диплом об окончании миссионерской школы. Монтгомери обнаруживает у своих африканских друзей высокие душевные качества.

Знакомство с различными социальными группами из колониальных стран открывает перед молодым лондонцем новый мир, попутно лишив его изрядной доли уважения к демократическим устоям Британского содружества наций. Но дружба с «цветными» иммигрантами не проходит для Монтгомери безнаказанно: он попадает в списки неблагонадежных и лишается работы. Правда, ему предлагают стать тайным агентом полиции (по словам инспектора Скотланд-Ярда Пьюрити, за чернокожими надо смотреть в оба: того и гляди станут киприотами), но Монтгомери Пью неспособен на подлость. Он предпочитает оставаться безработным, перебиваясь жалкими крохами случайных журналистских заработков.

Гораздо трагичней складывается судьба его юного



друга Джонни Форчуна, приехавшего в Лондон учиться на курсах метеорологии. Простодушный посланец Африки искренне убежден в том, что Англия, которую он до сих пор знал лишь по кинохроникам, это центр европейской цивилизации, очаг мировой культуры. Суровая действительность быстро разрушает его иллюзии. Жалкие общежития для «цветной молодежи», оскорбительный надзор полиции, наледы сыщиков на клубы для негров, изнурительный труд на строительстве и на железной дороге с оплатой шесть фунтов минус налоги и социальное страхование — таковы «идиллические» условия существования для «людей черной масти», как с грустной иронией называют себя жители Африки и Вест-Индии. Ни один уважающий себя домовладелец не сдаст комнату жителю Нигерии или Кении, владельцы ресторанов и баров строго соблюдают процентную норму в обслуживании цветного населения. Юношу охватывает ощущение духовного одиночества. Свои университеты Джонни Форчун проходит в мрачных трущобах Ист-энда, в ночных кабачках, служащих прибежищем для торговцев опиумом и уличных женщин. Только здесь, на дне огромного капиталистического го-

рода, цвет кожи не играет никакой роли.

Смелые высказывания Джонни по адресу английской буржуазной демократии, его независимое поведение насторожили полицию. Против молодого африканца стряпается грязное дело по обвинению в «безнравственности». В то время как над головой ни в чем не повинного юноши занесен меч «правосудия», в самом центре Лондона под отеческим присмотром полиции процветает игорный дом Обо Кинга, гангстеры и сутенеры Билли Уисперс и Джонни Каннибал отделываются лишь месячным заключением, а в элегантном особняке известного лондонского адвоката м-ра Вайала под видом «вооду» (ритуальные таинства африканских племен) устраиваются разнузданные оргии.

С нескрываемой иронией рисует писатель «нелицеприятный» суд над Джонни. Подсудимому и его друзьям уже после первого допроса становится очевидно, что ни помпезный судья в парике и мантии, ни присяжные не склонны разбираться по существу в степени его виновности. Неслучайно опытный судейский крючок Зус-Амор цинично разъясняет Монтгомери: «Все, что говорится на суде, имеет лишь самое минимальное отношение к сути дела».

Обличительная направленность романа не уменьшается оттого, что в конце концов Джонни Форчуна оправдывают. Его спасает сенсационное признание англичанки Теодоры Пайс, пожертвовавшей ради любимого человека своей честью и общественным положением. Для англичанки, осмелившейся публично признаться в любовной связи с негром, наглухо закрываются двери всех «солидных» учреждений.

Роман не свободен от недостатков. Автора можно упрекнуть в пристрастии к натуралистическим излишествам, в чрезмерном любовании «экзотикой» преступного мира Лондона, в том, что среди персонажей романа нет, по существу, ни одного представителя рабочего класса. Именно эти недостатки справедливо подчеркнуты рецензентом «Дейли уоркер». И все же, несмотря на эти недочеты, книга Макиннеса, написанная в живой, увлекательной, иронической манере, говорит об уважении писателя к естественным правам человека «цветной» расы, об его остро критическом отношении к лицемерной морали современной английской буржуазии.

И. Волевич

НОВЫЙ КИТАЙ В ДАТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

С давних времен в Дании серьезно интересовались Китаем. Прежде всего, конечно, этот интерес был вызван теми своеобразными экзотическими моментами, которые характеризовали утонченную культуру древнего Китая. Кроме того, немаловажную роль играли экономические связи, хотя прежде они носили обычный характер иностранной эксплуатации полуколониальной страны. Тем не менее, Дания оказалась в числе первых западноевропейских стран, признавших Китайскую Народную Республику.

В последующие годы экономические отношения никогда не нарушались, несмотря даже на пресловутое эмбарго. Выставка товаров китайского экспорта, визит артистов китайского цирка и особенно гастроли Пекинской оперы стимулировали большой интерес к китайской культуре.

Датчане, побывавшие в Китае после его освобождения в 1949 году, высказывают единодушное восхищение удивительными социальными преобразованиями в стране, хотя и являются в большей части политическими противниками социализма. Многие из них пишут о Китае статьи, читают лекции в разных организациях и высших учебных заведениях. Датское радио нередко устраивает передачи, освещающие жизнь сегодняшнего Китая.

В 1957 году в Дании вышли две книги о путешествии в Китай — Элиаса Бредсдорфа и К. Эскелунда. Книги эти несравнимы по качеству, и можно лишь сожалеть о том, что именно поверхностная и антисоциалистическая книга Эскелунда не только была выпущена в свет отдельным изданием, но и печаталась в чрезвычайно популярном еженедельнике «Хьеммет».

Эскелунд — профессиональный автор путевых впечатлений; в молодости он провел несколько лет в Китае, его жена — китаянка, происходящая из аристократического рода. И хотя все это позволяет ему сравнивать прошлое и настоящее Китая, у него нет искреннего желания понять развитие страны. Шанхай кажется ему мертвым, потому что на набережной вокруг бывших европейских предприятий уже не кипит работа. Он не хочет подумать о том, что эта «кипящая работа» отражала не что иное, как империалистический грабеж, и являлась одной из причин бедствий китайского народа.

Книга Эскелунда облечена в «журналистскую» форму и скроена «по народному вкусу», как его понимает автор: здесь и немало грубых замечаний, и плохо скрытое сомнение в том, насколько искренен народ в выражении гражданских чувств, и обыгрывание на каждом шагу весьма не нового буржуазного представления о том, что в стране социализма люди не осмеливаются «свободно» высказываться. Он выражает сочувствие тем, кто смог противостоять «пропаганде» властей, и с насмешкой говорит о бывшем фабриканте, кото-

рый рассказывал о том, как он понял, что эксплуатировать других — недостойно.

«Путь Китая» Бредсдорфа — книга иная. Автор ее, преподаватель датского языка в Кембриджском университете, во время двух своих поездок в Китай поставил себе целью понять условия жизни страны. Быть может, наибольшая заслуга Элиаса Бредсдорфа состоит в том, что главное место в книге занимают изложения его бесед с китайцами разных профессий и из разных слоев общества, а собственные его комментарии отступают на задний план. Таким образом автору удается воссоздать в книге картину разложения старого общества и отразить успехи, достигнутые после 1949 года. Оценивая теперешнее положение Китая, он старается исходить из исторических условий страны.

Рассказывая о раскрепощении женщин, о земельной реформе, о взаимоотношениях национальных меньшинств, об индустриализации, развитии образования, Э. Бредсдорф все время заставляет читателя убеждаться в необходимости этих преобразований. Вместе с тем, он никогда не забывает подчеркнуть, что жизненный уровень народа неизменно повышается.

Слабость книги — в недостаточном понимании автором социализма, что особенно чувствуется, когда он пишет об интеллигентах, пространно рассуждая о «духовной свободе», и анализирует отношение Китая к венгерским событиям в октябре—ноябре 1956 года. Он рассматривает культурную жизнь с буржуазно-идеалистической точки зрения, не принимая во внимание классовую борьбу. В выдвижении лозунга «пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ» Бредсдорф усматривает отклонение от диктатуры пролетариата, начавшуюся позже борьбу против правых считает «возвратом к старым методам управления».

Примерно такое же непонимание проблем социализма и особенно социалистической культурной политики мы находим в книге известного драматурга Кьелда Абеля, который всегда был близок прогрессивным силам в Дании. К. Абель дважды был в Китае, в 1953 и 1956 годах. Свои мысли и впечатления он отразил в романе «Трое с Миникои» («De tre fra Minikoi»). «Трое»—это призраки умерших англичан, которые присоединяются к Абелю на борту судна, когда оно проходит мимо Миникои, острова для прокаженных в Индийском океане, и которые, словно тени прошлого — буржуазного и империалистического мира, — сопровождают автора в его путешествии в Китай. С присущим ему блеском Абель описывает природу Китая, гул городов, аромат улиц, чистую зелень лугов и лесов, горы, покрытые голубоватой дымкой. Он дает захватывающие картины трудящегося Китая, рисует рабочих в гавани, дружный труд десяти тысяч строителей плотины на реке Хуайхэ. Удивительная история невидимых и неслышимых для остальных попутчиков «троих с Миникои» с их ограниченностью и предрассудками служит как бы контрастом для живого и многостороннего изображения трудолюбия, внутренней чистоты и равенства людей в новом Китае.

Китай восхищает Абеля, но в то же время он боится. Он боится поддаться этим чарам, боится своего собственного восторга. Совсем как Бредсдорф, он в глубине души сомневается в возможности «счастливого конца», будь то в Китае или в каком-либо другом месте на земле. Но в то же время он достаточно честен, чтобы сомневаться в обоснованности своих собственных сомнений, и он ни разу не становится в дешевую позу презрительного всеведения.

Буржуазно - интеллигентский индивидуализм Абеля особенно сказался в его взглядах на культурную жизнь. Ему кажется, что новое социалистическое искусство и литература содержат в себе опасность для древней культуры Китая, которая всегда оказывала влияние на Запад. В нескольких главах в своей обычной замаскированной и стилистически неоднозначной манере он резко нападает на социалистический реализм и культурную политику в Китае и в Советском Союзе.

Два романа, опубликованных другим крупным датским писателем Хильмаром Вульфом после путешествия в Китай,— произведения совершенно иного характера. В «Голубой форели счастья» («I lykkens blå forel») и «Часах Гуаньинь» («Kuan Yins klokke») Хильмар Вульф отображает борьбу китайцев за освобождение и начавшееся строительство социализма в стране. Наряду с глубокими знаниями Хильмар Вульф обладает классовым чутьем. Его свободная писательская манера подчинена идейным целям. Благодаря этому писателю удалось дать картину полнейшего раскрепощения человека, показать читателю, что лежит в основе революции и социалистических преобразований в Китае.

Книги Вульфа написаны в форме воспоминаний, от первого лица, причем рассказчик — женщина, председатель небольшого сельского кооператива в Китае, носящая аллегорическое имя Лилле Глэде — «Радость».

Просто, без громких слов Лилле Глэде повествует о своей жизни и своем пути. Она выросла в бедной рыбацкой хижине, у своего дяди, героями ее детских грез были добрые и злые духи, во власти которых и улов рыбы и судьбы людей. Потом дядя был убит японскими захватчиками, а ее продали наложницей богачу, жена которого не могла родить ему сыновей. Хотя мыслей о бунте у Лилле не было, она сохранила чувство собственного достоинства, и сына, которого родила, считала только своим.

Стечение обстоятельств приводит Лилле Глэде в освободительную армию Китая. И тут у нее на мно-

гое раскрываются глаза; она понимает, как ее унижали, и сознает свою силу, непобедимую силу народа.

Могущество народа является ведущей темой романов Хильмара Вульфа о Китае, как и других его произведений. В личные воспоминания Лилле Глэде вплетены рассказы о революции и гражданской войне, о героизме и самопожертвовании, о победах и поражениях, причем народ всегда является главным действующим лицом. Книги Хильмара Вульфа — единая повесть о том, как Коммунистическая партия вела рабочий народ Китая в его борьбе за освобождение и за строительство нового общества. Художник умеет вживаться в изображаемые картины, он как бы предоставляет самому китайскому народу рассказать о суровом, но героическом пути к радости и свету, к горной вершине, где часы милосердной богини Гуаньинь отбивают новое время.

Готфред Аппель
Копенгаген

О ЧЕМ ПЕЛА ИВОЛГА...

□

Jack Cope. The Golden Oriole. London, Heinemann, 1958.

□

Молодой зулусский поэт Гленвилл Пик с замиранием сердца поднимается по широкой лестнице, ведущей в богатый особняк миссис Седдон, которая собрала у себя гостей прослушать первую поэму начинающего автора. В саду друг Гленвилла, негр Сили, служащий садовником у хозяйки дома, насвистывает песенку иволги:

Ты что, всерьез собрался
Наведаться в чужое стадо?
Но где же твои дротики
и копья?
Ведь парни побьют тебя
по голове,
И она будет звучать — нте,
нте, нте...

Гленвилл сердится и, помахав свернутой в трубочку поэмой, гордо отвечает: «Вот мое оружие!» Сили с сомнением качает головой.

Слушают Гленвилла только из уважения к хозяйке дома. А когда он собирается уйти, появляется хозяин дома Томми Седдон и жестоко избивает поэта: тот посмел попрощаться с его женой за руку...

Так начинается история одаренного зулусского юноши Гленвилла Пика в романе южноафриканского писателя Джека Коупа «Иволга», изданном недавно в Лондоне. Песенка иволги, которая в зулусском фольклоре истолковывается, как предупреждение незадачливому воину, собирающемуся идти безоружным в стан врага, служит лейтмотивом всего романа. И действительно, читатель скоро убеждается, что талант и образованность Гленвилла — оружие, не достаточное для победы в борьбе за утверждение своего человеческого достоинства и гражданских прав.

Вся история короткой жизни Гленвилла — сплошная цепь унижений и оскорблений вплоть до его трагической гибели от руки разнузданного расиста во время дикого негритянского погрома, разразившегося в Дурбане.

Джек Коуп всегда очень тепло и с большим уважением писал о коренных жителях Южно-Африканского Союза — зулусах, кафрах и других негритянских народностях. Жизнь народов Южной Африки, взаимоотношения различных населяющих ее национальностей, обличение расовой дискриминации — основные темы творчества писателя. Однако героями его прежних произведений выступали по преимуществу «хорошие» белые (таков, например, порывающий со средой «цивилизованных» колонизаторов Том Эркин из романа «Прекрасный дом»*). Теперь же в своем новом романе автор центральной фигурой избрал представителя угнетенной части туземного населения страны. Реалистическое изображение трагической судьбы героя, потрясающие картины нищеты и бесправия негров, описания произвола властей и разжигания ими расовой ненависти — все это делает роман заслуживающим самого доброго внимания. Ссылки издателей книги и английских критиков на то, что действие романа происходит в тридцатых годах, вряд ли могут кого-нибудь убедить. Общеизвестно, что телерешнее положение негритянского народа в Южно-Африканском Союзе очень мало отличается от того, что описано в романе Дж. Коупа.

Было бы несправедливо пройти мимо недостатков романа. Один из них — нечеткость социальных характеристик персонажей, отвлеченное деление их на «хороших» и «плохих».

Гленвилл сталкивается с большим количеством образованных, культурных белых, но все они не идут дальше личной дружбы с ним, зулусом, дальше простого меценатства и благотворительности. С другой стороны, мы видим в романе вереницу персонажей негритянского происхождения, которые или предают свой народ, как профсоюзный деятель Сауль Дума (он же — полицейский провокатор), или одурманивают его, как преподобный Бимби, или обворовывают, как купец Чипи.

Мы не найдем в романе образов негров — сознательных борцов против колониализма. Исключение составляет, правда, старый портовый рабочий, профсоюзный вожак Шико, с явной симпатией обрисованный автором. Но Шико, как и Гленвилл, гибнет — его настигает пуля полицейского. Слишком беспросветен такой финал романа, слишком

* См. рецензию на роман в «Иностранной литературе» № 3, 1956.

мало оставляет он надежд на будущее

Писатель не делает в книге каких-либо определенных выводов. Перед смертью Гленвилл узнает, что его поэму издают в Лондоне, он одерживает таким образом «моральную победу». Однако нам кажется, что цена этого достижения слишком высока. И как бы в противовес авторскому решению, мы, как и умирающий Гленвилл, слышим в конце романа песню иволги: «Но где же твои дротики и копья?..»

Н. Шебеко

РОМАН ОБ ИНДИЙСКОЙ ДЕРЕВНЕ

□

परती : परिकथा
राजकमल प्रकाशन
अक्तूबर १९५७
फणीश्वरनाथ "रेणु"

□

В конце прошлого года вышел из печати новый роман молодого индийского писателя Пханишварнатха Рену «Пустошь».

Биография Рену — это биография человека, активно участвовавшего в освободительной борьбе индийского народа за свою национальную независимость. Рену родился в 1921 году в одной из деревень округа Пурния штата Бихар, образование получил в Бенаресском университете. В 1942 году юноша был брошен в тюрьму за политическую деятельность. После освобождения из тюрьмы Пханишварнатх становится одним из руководителей крестьянского движения в Бихаре и участвует в вооруженной борьбе непальского народа против деспотического режима.

В 1953 году, перенеся тяжелую болезнь, Рену отходит от политической деятельности и целиком посвящает себя писательскому труду. В следующем году выходит его первый роман «Грязное покрывало» о судьбах индийской деревни. Роман принес писателю широкую известность и поставил его в один ряд с крупнейшими мастерами слова литературы хинди.

Действие романа «Пустошь» происходит в деревне Параннпур округа Пурния в 1955 году. Писатель рисует современную деревню, разделенную кастовыми и религиозными перегородками, деревню, в которой еще живы остатки сословной розни. Здесь третий год работает комиссия по проведению земельной реформы, жители охвачены волнением. Для подтверждения своего права на землю нужно выставить четырех свидетелей — по одному на каждую сторону поля. Желание получить землю поднимает сына на отца, делает братьев врагами, заставляет лжесвидетельствовать и убивать. Даже дети научились, не моргнув глазом, давать любые показания!

В центре романа стоит образ землевладельца Джитендранатха Мишры (или Джиттана-бабу), который после долгого отсутствия вернулся в родные места. Джиттана-бабу за его странные вкусы и суждения в деревне считают сумасшедшим. Начав запахивать пустошь, он восстанавливает против себя всю деревню. Другой главный персонаж романа — Лутто, ловкий интриган и карьерист, сжигаемый честолюбием, — стремится во что бы то ни стало выдвинуться и отомстить Джиттану за своего отца, убитого отцом Джитендранатха.

Наконец, комиссия по проведению земельной реформы, закончив работу, покидает Параннпур, и вихрь, который бушевал в деревне, затихает. Получили землю все, кто смог доказать свое право на нее. Но поскольку акров досталось вдовам с малыми детьми, сотни акров получили деревенские богатеи, приумножил свои владения деревенский ростовщик Рошан Бисван...

Жизнь в Параннпуре входит в обычную колею. Только изредка ее размеренный ход нарушается каким-нибудь мелким событием, вызывающим широкие толки. В деревню приходит группа сборщиков земельных пожертвований для бедняков — «бхудан». Лутто, видя, что его старания получить участок для себя остаются тщетными, распускает слух, что землю будут отбирать силой. Крестьяне до полусмерти избивают посланцев Виноба Бхаве, инициатора движения «бхудан».

Автор рисует не только настоящее Параннпура, но и его прошлое, выбрав для этой цели такую форму повествования, как дневник, который якобы вела некая англичанка.

Картины прошлого, возникающие на страницах этого дневника, резко контрастируют с теперешними бурными событиями, помогая понять и оценить те изменения, которые произошли в индийской деревне на протяжении жизни одного поколения.

Следя за развитием событий в романе, читатель видит, как рушится старый уклад жизни. Земельная реформа способствует установлению новых отношений между людьми. В деревне работают уже представители всех основных политических партий Индии. Трудно еще простому крестьянину разобраться во всем происходящем, но сама жизнь втягивает его в водоворот общественных событий. В деревне растут новые люди, утверждаются новые взгляды. Характерен в этой связи эпизод, когда крестьяне, прослышав о намечаемой постройке плотины на реке Коши, негодующей толпой направляются в округ, чтобы протестовать против затопления. Лишь потом они осознают, что плотина даст воду «партии», полупустынной равнине, пустоши.

Трудно, в муках зарождаются и новые семейные отношения. Юноша Сувандилал полюбил Малари, девушку из касты неприкасаемых, но между ними стоит кастовая перегородка. Чтобы соединить свои жизни, молодые люди бегут в город. Вся молодежь деревни на их стороне.

Автор умеет лепить полнокровный запоминающийся образ. Манера Рену весьма самобытна. Широкими мазками наметив общие контуры ситуации, художник с каждой новой страницей прибавляет к картине новые штрихи. Характерной чертой стиля Рену является почти полное отсутствие портрета. Но каждый из персонажей воспринимается почти зримо. Это достигается тем, что Рену подчеркивает какую-то одну особенность в облике или характере действующего лица: ростовщик Рошан Бисван постоянно облизывается, как кот в предвкушении поживы; «политика» Гарурдхуджа выделяет его высокий рост и привычка постоянно жевать бетель и так далее. Особенно удались автору женские образы.

Удачны в романе комические сцены. Живым юмором отличается сцена молебствия по случаю «явления» одному из крестьян бога пустоши (кстати, «явление» бога подстроено тем же прохвостом Лутто). Невозможно без улыбки читать эпизод, в котором Джиттан запахивает выгон, а брахман, собрав почтенных отцов семейств, заставляет их мычать по-коровьи, взывая к богам, чтобы они обрушили кары небесные на нечестивца, якобы отнимающего корм у матушки-коровы.

Для Рену характерна короткая отточенная фраза, предельно насыщенная содержанием. Он умеет передать тончайшие оттенки значения слова. Книга изобилует яркими сравнениями; народные обороты, весьма часто встречающиеся на страницах романа, всегда неожиданны и остроумны. Автор вплетает в ткань повествования народные легенды.

К недостаткам романа следует отнести встречающиеся изредка длинноты и не совсем удачный выбор героя: представитель класса землевладельцев Джитендранатх изображен как основной двигатель прогресса в деревне. Однако главная ценность книги не в образах таких, по сути дела, далеких от народа людей, как Джитендранатх, а в изображении индийской деревни со всей ее сложной и многотрудной жизнью.

Роман «Пустошь» представляет собой заметное произведение современной литературы хинди, произведение, написанное самобытным и многообещающим писателем.

В. Чернышев

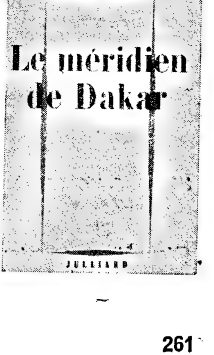
„ВЕЛИКОЕ НЕТЕРПЕНИЕ" АФРИКАНЦЕВ

□

Michel Boutron. Le méridien de Dakar. Paris, Julliard, 1957.

□

Французский романист Мишель Бутрон, вылетев зимой 1956 года во Французскую Западную Африку для чтения лекций, посетил Камерун, Дагомею, Сенегал, Берег Слоновой Кости, Судан и английскую колонию Гамбию. М. Бутрон пробыл в Черной Африке недолго; он знакомился с ее жизнью главным образом путем бесед с французскими колонистами, чиновниками и шоферами-неграми. В книге «Меридиан Дакара» писатель осторожно, нередко иносказательно, в форме намеков рассказал о своих мимолетных впечатлениях об Африке. В этой книге немалое место занимают размышления автора о настоящем и будущем африканских колоний Франции.



Неудивительно, что в то время, когда ведется жестокая колониальная война против свободолюбивого алжирского народа, писатель, посетивший французские колонии в Африке, неизбежно вновь и вновь возвращается к «проклятому» вопросу: удастся ли

Франции сохранить власть над своими африканскими владениями?

Мишель Бутрон настойчиво демонстрирует свою враждебность к расизму и явно гордится таким проявлением свободомыслия и либерализма. Но утрата Францией африканских владений, предоставление независимости негритянским народностям — перспектива, которая кажется писателю весьма непривлекательной. Поэтому, критически относясь к высокомерным колонизаторам, презирающим «диких» негров, Бутрон пропагандирует этакий «либеральный» колониализм. «Да, — говорит автор книги,— негров теперь называют не «черными», а «африканцами»; к ним обращаются на «вы», а не на «ты». Однако для того, чтобы добиться настоящего равенства, недостаточно именовать негров африканцами»,— поучает наш автор. По его мнению, цивилизаторская миссия Франции должна заключаться еще и в том, чтобы «помочь» пятидесяти народностям Западной Африки объединиться на основе единого языка (разумеется, французского!) и стать культурным народом. Такова расплывчатая программа «либерального» колониализма, который не перестает, тем не менее, быть колониализмом.

Осуществлению этой программы мешает стремление африканцев к самостоятельности, к независимости, и это не нравится Бутрону. Негры, по мнению многих колонистов и самого автора, будто бы подобны увлекающимся, нетерпеливым пятнадцатилетним подросткам. Научившись водить автомобиль, негр уже воображает, что он ни в чем не уступает белым и может обойтись без них. Но вот нужно сменить камеру или исправить мотор — и негры лишь бестолково суетятся. Да, к счастью, они еще нуждаются в помощи «белого чародея», с удовлетворением заключает автор.

Но, видимо, нелегко убедить в этом «детей» — африканцев. Они хотят избавиться от «опекунов». И Бутрон великодушно обещает: «Мы готовы удалиться и даже оставить вам в приданое все, что мы вам принесли (автор, разумеется, имеет в виду дороги, порты и т. п., сооруженные руками негров и необходимые для эксплуатации колоний.— *Н. М.*), но надо, чтобы вы научились... хорошо управляться со всем этим и хорошо управлять самими собой». Бутрон не сомневается, что если предоставить африканским народностям независимость, то они передерутся. Как мало отличается эта аргументация от традиционной пропаганды колонизаторов!

Писатель раздражен: негры, как он полагает, слишком высокого мнения о себе, им кажется, что они могут быстро превратиться из «отсталой» расы в современную. Недовольный «самоуверенностью» негров, Мишель Бутрон обрадовался, встретив одного негра, «способного к смирению»: «Я восхищаюсь человеком, который познал свои возможности».

Оказавшись в Камеруне, Мишель Бутрон записал в путевом дневнике: «Здесь совсем не улыбаются. Где улыбка Африки?» Ее видишь лишь тогда, сетует он, когда шофер-негр помогает своему товарищу (читатель чувствует, что эти негры-рабочие произносят слово «товарищ» как самое значительное в их языке).

Негры редко улыбаются, но они много думают о своей жизни, о своем будущем. Они не дети, они выросли!

Вот автомобиль писателя останавливает на дороге негр, бывший таможенный служащий, — достаточно скромный, не импульсивный, как подросток, а спокойно и убедительно рассуждающий. Он хочет, чтобы Бутрон сообщил во Франции, что крестьяне Камеруна не в состоянии поднять свое земледелие, располагая примитивным инвентарем. Надо механизировать земледелие. Писатель удивлен, даже растерян: «А если я скажу тебе, что многие крестьяне Франции и Европы пользуются серпами и косами, поверишь ты мне? В наших странах еще много работают вручную... Машины стоят дорого». «Это не довод,— отвечает негр.— Мы не можем копировать старые страны». Пропагандист «либерального» колониализма не решается пообещать Камеруну такую, настоящую помощь Франции.

Произнося красивые фразы о «едином пути человека» — черного и белого,— он тревожно размышляет: как бы ослабить «великое нетерпение» колониальных народов. Ведь это «нетерпение» порождает освободительное движение, вначале стихийное, затем организованное, которое рано или поздно приводит к победе.

Н. Миловидова

ЖУРНАЛ, КОТОРЫЙ НЕСЕТ ПРАВДУ

□

Chinese Literature. Foreign Languages Press. Peking. China.

□

Бывший издатель выходившего в Шанхае на протяжении многих лет ежемесячника «Чайна мансли ревью» Поуэлл по возвращении в США подвергся судебному преследованию. Объективная позиция этого журнала резко разошлась с политикой, проводимой правящими кругами США по отношению к Китайской Народной Республике.

Но правда о народном Китае проходит через любые кордоны. Большой популярностью пользуются на Западе книги А. Уиннинг-

тона (Англия), И. Эпштейна (США), М. Маньяна (Франция), очерки К. Малапарте (Италия) о поездках в Китайскую Народную Республику. Гастроли Пекинской оперы вызвали бурные рукоплескания парижан, хотя Франция до сих пор не имеет с КНР дипломатических отношений.

Убедительным свидетельством социалистических преобразований в Китае является современная китайская художественная литература. Лучшие образцы этой литературы широко переводятся в странах народной демократии и СССР. Отдавая должное западным китаеведам и переводчикам (приведем в качестве примера перевод на французский язык трагедии Гуань Хань-цина «Обида Доу Э», выполненный М. Базином еще сто лет назад, или прекрасный перевод американской писательницей Перл Бак китайского классического романа «Речные заводи»), следует отметить, что о китайской литературе сегодняшнего дня на Западе знают очень мало. Какое представление о ней может сложиться у человека, прочитавшего, например, китайский раздел обширного обзора мировой литературы в приложении к лондонской газете «Таймс» («The Times Literary Supplement», August 16, 1957)? Авторы обзора уныло сокрушаются по поводу того, что китайская литература служит народу, строящему новое общество. Подобная задача писателя слишком проста, заявили они, и, схематично пересказав несколько сюжетов, не удосужились назвать даже имена тех или иных китайских писателей. Какое представление получит западный читатель о социалистической культурной политике в Китае, если прочитает далекую от истины характеристику деятельности реакционера Ху Фына в упомянутом выше обзоре или статью из январского номера английского журнала «Энкаунтер» за 1958 год, автор которой затратил немало труда на собирание разного рода «ядовитых трав» — высказываний правых элементов о культурной и политической жизни Китая?

В этой обстановке бойкота и клеветы исключительное значение приобретает деятельность журнала «Чайниз литерачер» («Китайская литература»), который с 1951 года издается в Пекине на английском языке и распространяется более чем в тридцати странах. Журнал печатает на своих страницах лучшие образцы современной и классической литературы Китая, обзоры, воспоминания, критические статьи, заметки о культурной жизни. Богатое содержание, прекрасное оформление и высокое качество переводов (несомненная заслуга редактора журнала Мао Дуня, переводчиков Сидней Шапиро, Гледис Янг, Ян Сянь-и и многих других) делают это издание весьма популярным.

Основным критерием отбора художественных произведений для публикации служит их популярность у китайского читателя. В текущем году в журнале напечатаны восемнадцать стихотворений Мао Цзэ-дуна, полных высоких революционных идей и отличающихся совершенством и изяществом формы. Из прозы особо отметим роман талантливого писателя Чжао Шу-ли «В деревне Саньливань», рассказывающий о социалистическом преобразовании китайской деревни. Кстати заметим, что первыми переводами и стихов Мао Цзэ-дуна и романа Чжао Шу-ли были переводы на русский язык. Именно в этих произведениях наиболее ярко проявились характерные черты современной литературы Китая, выросшей из лучших классических традиций и обогащенной новым, социалистическим содержанием. Стихи Мао Цзэ-дуна, написанные в классическом стиле, глубоко волнуют современного читателя; популярность романа Чжао Шу-ли в значительной степени объясняется также и тем, что писатель использовал в нем богатейшие традиции старинных китайских романов, которые широко известны в стране в переложении устных народных рассказчиков.

Из помещенной в журнале прозы назовем еще повесть молодого писателя Ли Чжуня «Когда тает снег» и роман недавно умершего Гао Юнь-ланя «Летопись маленького городка» — о тяжелых годах гоминдановского господства и мужественной борьбе китайских патриотов.

Широко представлены на страницах журнала образцы национальной классики Китая. Такие произведения обычно сопровождаются обстоятельными статьями, которые вводят зарубежного читателя в круг проблем классической литературы, раскрывают место того или иного произведения в истории литературы страны. За последние годы журнал напечатал отрывки из «Исторических записок» Сыма Цяня, пьесы Гуань Ханьцина, стихи Тао Юань-мина и другие.

Критика представлена в журнале серьезными боевыми материалами. Статья Чжоу Яна «Большой спор на фронте литературы и искусства», его беседа с корреспондентом газеты «Вэньхуэйбао», статьи Мао Дуня, Яо Вэнь-юаня раскрывают перед читателем Запада основной смысл политики Коммунистической партии Китая в области культуры. В этих статьях объясняется сущность курса «пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ», который правые элементы использовали для неприкрытого наступления на социализм. Сплоченность китайских писателей, их решимость создавать произведения о народе и для народа находят свое полное отражение во всех материалах журнала.

Писатели Цао Мин и Кан Чжо опубликовали в журнале интересные воспоминания о выступлениях товарища Мао Цзэ-дуна в Яньани

в 1942 году, когда был взят курс на служение литературы широким народным массам. Писатели рассказывают о том, что эти выступления имели решающее значение для их творчества. Цао Мин и Кан Чжо не считают свою задачу «простой», они видят возможность создания полноценных художественных произведений лишь в тесном единении писателя со своим народом, что и вызывает наибольшее раздражение у авторов упоминавшегося нами обзора в приложении к «Таймс».

Пожелаем журналу дальнейших успехов в его благородной работе, раскрывающей человеку Запада большую правду о Китае, о древней и вечно юной культуре его народа.

А. Хамадан

КНИГА О ТЕАТРЕ АФРИКАНСКИХ НЕГРОВ

□

Bakary Traoré. Le Théatre Négro-Africain et ses fonctions sociales. Paris, Présence Africaine, 1958.

□

Традиционный театр Черной Африки мало соответствует нашему представлению о театре. У него нет определенного помещения, актеры не получают платы, зрители не покупают билетов, а «репертуар» передается из уст в уста от одного поколения к другому, так как многие африканские племена не имеют письменности. Это дает повод многим европейцам ставить под сомнение право традиционного африканского театра называться театром. Однако Бакари Траоре в своей книге «Театр африканских негров и его социальные функции» убедительно доказывает неосновательность таких сомнений.

Африканец по происхождению, в прошлом актер и руководитель одного из театральных коллективов, Бакари Траоре в общем правильно освещает историю развития негритянского театра.

После второй мировой войны в Европе возникли многочисленные негритянские труппы. Некоторые из них были созданы в коммерческих целях и спекулировали на вкусах публики к экзотическим зрелищам, другие, подлинно артистические, как, например, труппа Фодеба Кеиты, следовали народным традициям.

Однако, прежде чем выйти на европейские подмостки, негритянский театр пережил период расцвета в доколониальную эпоху, а впоследствии — периоды упадка и вторичного рождения в измененной форме под эгидой колониальных властей.

Обряды африканских племен, включавшие музыку и танцы, дали начало негритянскому театру. В процессе эволюции драматическое представление, сопровождавшее религиозный обряд, превратилось в необходимую составную часть традиционного народного праздника. И сегодня в разных частях Африки можно увидеть танцы, которые некогда были священными, но потеряли былое значение и напоминают балет. Этот балет состоит из нескольких сцен. «В некоторых сценах между танцами вклиниваются очень любопытные диалоги».

Не отрицая развлекательной функции театра, Траоре является противником формулы «искусство для искусства». Считая всякий театр явлением социальным, Траоре показывает, что традиционный негритянский театр имел свои общественные функции. Они состояли в том, чтобы внушать каждому члену племени общепринятые нормы поведения, чувства и верования. Театр стоял на страже интересов общины, порицая людские пороки, которые могут нанести ей ущерб: обман, воровство, ревность и т. п. Театральные представления являлись неотъемлемой частью жизни каждой семьи, необходимым сопровождением сельскохозяйственных работ и охоты, призыва в армию, жертвоприношений, похорон и свадеб. Представления устраивают обычно ночью, чаще всего на деревенской площади при лунном свете или в отблесках костра в окружении экзотической природы. В них принимают участие не только «солисты», но и публика, выполняющая роль хора. Представление близко и понятно каждому, так как сюжеты взяты из самой жизни; в них воспроизводятся трудовые процессы или житейские ситуации, рассказывается содержание мифов, легенд, сказок.

Основным назначением традиционного негритянского театра Траоре считает служение интересам народа. Однако он отмечает, что в эпоху колониализма негритянский театр отошел от этого принципа. Подвергнувшись воздействию представителей буржуазной культуры, отрицавших «варварскую» африканскую культуру, негритянский театр заглох, и его деятельность несколько оживилась только в 30-е годы XX века с организацией театра при школе В. Понти в Сенегале и других самодеятельных трупп. Но театр Понти уже не был театром народа и для народа. Его представления предназначались лишь для узкого избранного круга людей, которые не только не всегда принимали театральные традиции своих предков, но порой и высмеивали их.

Театр Понти отказался от ряда тем традиционного театра, а многие сюжеты изменил с таким расчетом, чтобы они соответствовали «европейским вкусам». Как образно замечает Бакари Траоре, «в негритянские легенды, населенные сказочными животными, вошел брызжущий искрами локомотив».

Из всей суммы проблем, возникших в отношениях между колонизаторами и коренным населением, театр отразил лишь ту, которая интересовала привилегированную негритянскую верхушку. Воспитанная в сознании несоизмеримости европейской и африканской культур, разочарованная нищетой и отсталостью своей родины и принимающая как выход из положения подражание европейцам, эта верхушка не хочет, однако, отказаться от привычного уклада жизни африканской деревни, от традиций предков.

Этой теме посвящены пьесы «Наша суть» и «Сержант». Обе рассказывают о неудачных попытках негров, приобщившихся к европейской цивилизации, навязать своим соплеменникам образ жизни европейцев и, таким образом, изменить традициям предков. Один из персонажей пьесы «Наша суть» говорит: «У нашего народа есть своя собственная суть. Ее надо беречь, потому что без нее народ мертв, каким бы сильным он ни был».

Бакари Траоре склонен видеть в этих пьесах протест против европейской культуры и надеется, что он перерастет в политический протест против колониализма.

Траоре считает, что негритянский театр должен вновь обратиться к жизни народа и включиться в борьбу за освобождение Черной Африки. Человек и его борьба за лучшее будущее должны стать основной темой современного негро-африканского театра. Большие надежды автор возлагает на открывшийся недавно в Дакаре постоянный негритянский театр.

Однако, определяя пути создания такого театра, Бакари Траоре нередко становится на идеалистическую точку зрения. Так, он считает, что для этого достаточно наладить начальное образование, ввести в школах обучение на местных языках, поднять общий культурный уровень народа. Но несомненно, что подлинный расцвет национального театра возможен лишь с крушением колониального режима.

Л. Шевелева

НАШИ ИНТЕРВЬЮ

Советские читатели проявляют горячий интерес к литературам народов Востока. Издательства нашей страны, стремясь как можно лучше и полнее удовлетворить эти запросы, из года в год расширяют выпуск художественных произведений писателей стран Азии и Африки. Только за последние полтора года в СССР издано 256 книг писателей Востока общим тиражом 16 281 000 экземпляров.

Редакция журнала «Иностранная литература» обратилась к двум крупнейшим в Советском Союзе издательствам с вопросом: «Какие произведения писателей стран Азии и Африки изданы вами за последнее время и каковы ваши планы издания литературы народов Востока на ближайшее будущее?»

* * *

— Мы выпускаем главным образом классическую зарубежную литературу, — ответили нам в Государственном издательстве художественной литературы. — Несколько лет назад у нас была создана редакция восточной зарубежной литературы. В ее первый план входило всего 7 названий при тираже в 370 тысяч экземпляров. Однако уже в 1958 году мы получили возможность дать советскому читателю свыше 40 произведений писателей Азии и Африки при тираже более 3 миллионов экземпляров, а в 1959 году дадим около 50 книг тиражом немногим менее 5 миллионов экземпляров.

За время своего существования редакция восточной литературы издала свыше 150 книг общим тиражом 20 185 000 экземпляров в переводах с 25 восточных языков.

За четыре года тиражом около 5 миллионов экземпляров выпущено свыше 80 названий китайской художественной литературы, среди которых следует упомянуть такие издания, как четырехтомная «Антология китайской поэзии», в создании которой наряду с советскими китаеведами принимал участие и крупнейший современный китайский поэт и писатель, президент Академии наук КНР Го Мо-жо; четырехтомник избранных произведений основоположника новой китайской литературы Лу Синя. трехтомник Мао Дуня, двухтомник Лао Шэ, произведения Ба Цзиня; выпущен ряд произведений классической китайской прозы: романы «Троецарствие» Ло Гуань-чжуна. «Речные заводи» Ши Най-аня, «Сон в красном тереме» Цао Сюэциня, избранные произведения Пу Сун-лина. 26 прозаических и стихотворных произведений китайских авторов тиражом около 1,5 миллиона экземпляров будет издано в 1959 году к десятилетию Китайской Народной Республики. Сюда войдут «Путешествие на Запад» — роман в четырех томах писателя XVI века У Чэн-эня, сатирический роман писателя XVIII века У Цзин-цзы «Неофициальная история чиновничества»; выйдут также сборники стихов крупнейших поэтов древности. Кроме того, советский читатель получит трехтомник избранных произведений Ба Цзиня, сборники избранных произведений Е Шэн-тао, Вэнь И-до и др. И наконец, к юбилею КНР Издательство выпустит первый том нового, пятитомного собрания сочинений Лу Синя.

За период с 1954 по 1958 год выпущено свыше 30 названий индийской литературы тиражом около 4 миллионов экземпляров. Редакции удалось осуществить восьмитомное издание собрания сочинений Рабиндраната Тагора в переводе с бенгали, в подготовке которого вместе с советскими индологами приняла участие бенгальская поэтесса и писательница, ученица Тагора — Майтрея Деви, оказавшая большую помощь в отборе и переводе стихов Тагора. Редакция начала подготовку к изданию собрания сочинений одного из крупнейших индийских писателей начала XX века — Прем Чанда. Были изданы произведения классиков индийской литера-

туры — поэта и драматурга V века Калидасы, драматурга III века Шудрака. Советский читатель получил прекрасную книгу «Сад и весна», принадлежащую перу одного из создателей художественной прозы на языке урду, писателя конца XVIII — начала XIX века Мир Аммана Делийского. Изданы также произведения современных писателей Индии — Мулк Радж Ананда и Кришана Чандара. Среди книг, выпускаемых к Конференции писателей стран Азии и Африки, назовем «Двадцать пять рассказов Веталы» — один из немногочисленных дошедших до нас древнеиндийских сказочных сборников, богато иллюстрированное издание «Наль и Дамаянти» (фрагмент древнейшего индийского эпоса «Махабхарата»); появятся на полках книжных магазинов романы бенгальских писателей конца XIX — начала XX века Тарокнатха Гонгопадхайя и Шороточондро Чоттопадхайя, новый сборник рассказов и роман «Поле битвы» Прем Чанда и другие книги. Перспективный план редакции предусматривает издание произведений писателя урду конца XIX века Мирзы Русвы, старейшего современного писателя хинди Сударшана, замечательного индийского поэта второй половины XV — начала XVI века Кабира, поэта урду второй половины XIX — начала XX века Хусейна Хали. Со многими индийскими писателями познакомит советского читателя двухтомник «Рассказы индийских писателей» в переводах с хинди, урду, бенгали, пенджаби, тамили, малаялам и других языков многонациональной Индии.

Читатель тепло встретил книги «Японская поэзия», сборник избранных стихов японского поэта Исикава Такубоку.

В этом году мы издадим сборник избранных рассказов одного из крупнейших японских писателей-реалистов конца XIX—начала XX века Куникида Доппо и повести современной японской писательницы Юрико Миямото.

Издательство выпустило сборники «Корейские классические повести» и «Корейская классическая поэзия», «Арабская проза», сборник рассказов крупнейших арабских писателей XX века.

В этом году будут изданы: сборник «Современная арабская поэзия», в который войдут стихи поэтов почти всех арабских стран, и ряд других произведений классической арабской литературы, а также книга «Фараон Хуфу и чародеи» — сборник легенд, стихов и повестей Древнего Египта.

Всего к Конференции писателей стран Азии и Африки советский читатель получит около 40 книг писателей Востока с маркой Гослитиздата.

Ценным начинанием явилось издание «Восточного альманаха». С этого года «Восточный альманах» становится периодическим ежегодником, в нем будут публиковаться новые переводы произведений писателей зарубежного Востока. Очередной, второй выпуск «Восточного альманаха» выходит к Конференции писателей стран Азии и Африки, третий — к 10-летию КНР.

Во втором выпуске «Восточного альманаха» читатель познакомится с произведениями литератур почти двадцати стран Азии и Африки и среди них с произведениями монгольской, испальской, пакистанской, цейлонской, эфиопской и других литератур.

Существенное значение в нашей работе имеют контакты с зарубежными писателями и издательствами. Мы получили много ценных советов от представителей литературной общественности некоторых стран Востока, посетивших Гослитиздат во время их пребывания в Советском Союзе. Много полезного дала упомянутая нами совместная работа с Го Мо-жо и Майтреей Деви. В издании корейской литературы большую помощь оказывает нам председатель Союза писателей Кореи Се Ман Ир. Совсем недавно Издательство приняло любезное предложение Союза писателей Вьетнама о совместной работе над сборниками современной вьетнамской прозы и поэзии. Некоторые издательства Китая и Кореи присылают нам для ознакомления свои планы издания русской литературы, а мы, в свою очередь, консультируемся с китайскими и корейскими друзьями при составлении своих планов. Существующие контакты следует развивать и укреплять.

* * *

— Сферой нашей деятельности,— сообщили нам в Издательстве иностранной литературы,— является выпуск произведений современной зарубежной литературы. За последние годы мы значительно увеличили издание литератур народов Востока. В 1958 году выйдет в свет около 25 книг писателей Востока объемом примерно в 150 печатных листов, а в 1959 году — свыше 30 книг объемом более 250 печатных листов.

Ведущее место в планах Издательства занимает литература великого китайского народа. В этом году читатель получит большой сборник современных китайских новелл. Уже появилась на полках книжных магазинов пьеса известного китайского драматурга Цао Юя — «Ясное небо».

В будущем году, отмечая десятую годовщину КНР, Издательство выпустит романы: Чжоу Эр-фу «Утро Шанхая», Ли Лю-жу «Перемены за 60 лет», Лэй Цзя «В передовой шеренге» и другие.

Литература Республики Индии будет представлена в этом году романом Кришана Чандара «Поражение», сборником стихотворений Валлатхола, рассказами Гонгопадхайя. В 1959 году увидят свет романы: Анна Бхау Сатхе «Читра», Яшпала «Дивья», сборник рассказов Тарашанкара Бандопадхайя, стихотворения Сумитранандана Панта и другие произведения.

Нет сомнения, что советский читатель, который пристально следит за развитием событий на Ближнем и Среднем Востоке, с интересом ознакомится с такими изданиями, как сборники «Рассказы писателей Ливана», «Рассказы сирийских писателей». В будущем году будут изданы сборник стихотворений поэтов Иордании, рассказы Нуайме (Ливан) и другие произведения.

По-прежнему большое место в планах Издательства отведено произведениям японской литературы. Читатели получат вторую часть романа Сунао Токунага «Тихие горы», сборник японских народных пословиц и поговорок и другие книги.

Издательство выпустит много произведений, которые уничтожат целый ряд так называемых белых пятен на карте художественного перевода. Хотелось бы отметить, что в 1958 и 1959 гг. мы впервые издаем литературу Бирмы, Цейлона, Таиланда, Индонезии, Ливана, Сирийского района ОАР, Ирака, Камбоджи.

Усилия редакции будут также направлены к расширению выпуска художественных произведений турецких, иракских и японских писателей. В настоящее время для перевода отбираются книги писателей Афганистана, Эфиопии, Иордании, Саудовской Аравии и других стран Востока.

Учитывая большой интерес советских читателей к народному творчеству зарубежных стран, мы, начиная с этого года, будем выпускать серию «Народные поговорки и пословицы». Из этой серии находятся в производстве китайский, корейский, японский, вьетнамский, камбоджийский сборники.

Издательство поддерживает тесные связи с зарубежными писателями. За последние годы у нас побывали индийские писатели Саджад Захир, Ходжа Ахмад Аббас, Бхабани Бхаттачария, Мулк Радж Ананд и другие. Регулярную переписку ведет Издательство с Вишну Прабхакаром, Амрит Раем, Анна Бхау Сатхе. Эти контакты мы намереваемся всемерно расширять, что, несомненно, принесет большую пользу делу пропаганды восточной литературы в нашей стране.

В заключение нашей беседы хотелось бы с удовлетворением отметить, что многочисленные письма читателей о наших изданиях, поступающие в Издательство, свидетельствуют об огромном интересе советских людей к произведениям писателей стран Азии и Африки.

ИЗ МЕСЯЦА В МЕСЯЦ

АЛБАНИЯ

ПОЭМА СИРИЙЦА ОБ АЛБАНИИ

Сирийский профессор Азеддин Аттар, летом прошлого года побывавший в Народной Республике Албании в составе делегации сирийских педагогов, по возвращении на родину написал поэму, посвященную Албании. Эту поэму в переводе албанского поэта Энвера Фицо опубликовал журнал «Нендори», издающийся в Тиране.

Азеддин Аттар выражает свое восхищение Албанией и ее народом, идущим в авангарде смелых людей, людей — героев, вставших на путь строительства новой жизни.

Приветствуя рассвет, озаривший народную Албанию, Азеддин Аттар пишет: «История объединяет поля наших битв».

Поэма сирийского профессора об Албании проникнута чувством искренней симпатии и дружбы к албанскому народу и его родине — стране горных орлов.

ДРУЖБА С АРАБСКИМ НАРОДОМ

На собрании представителей албанской общественности в Тиране, как сообщает газета «Башкими», было ссздано Общество дружбы «Албания — страны Арабского Востока».

Выступая на собрании, албанский профессор, доктор Александр Джувани отметил традиционную связь между египетским народом и народом Албании. Еще в конце XVIII века, сказал Джувани, многие албанцы принимали участие в борьбе египетского народа за свободу и независимость. Профессор Джувани упомянул о роли, которую играл в истории Египта его правитель Мухаммед Али, албанец по происхождению.

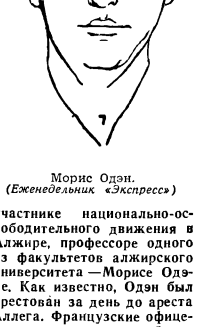
«С основанием Общества дружбы «Албания — страны Арабского Востока» мы вступили в еще более тесную связь с великим арабским народом»,— так закончил свое выступление профессор Джувани.

Газета «Башкими» опубликовала обзор писем, полученных тиранским радио из стран Арабского Востока. «Я не знаю авторов этих писем,—указывает обозреватель,— а они не знают меня, но для сердец нет расстояния. Слова нашей дружбы мы посылаем арабам, мы слышим, как бьется пульс их жизни, чувствуем их усилия в борьбе за укрепление своей национальной независимости,— и это радует нас».

АЛЖИР

«ДЕЛО ОДЭНА»

Так называется небольшая книга Пьера Видаля-Наке, опубликованная в серии «Документы» французским издательством «Минюи». Прежние издания этой серии были выпущены в защиту алжирских патриотов Джамилы Бухиред и Анри Аллега, а новая книга рассказывает о другом



Морис Одэн.
(*Еженедельник «Экспресс»*)

участнике национально-освободительного движения в Алжире, профессоре одного из факультетов алжирского университета —Морисе Одэне. Как известно, Одэн был арестован за день до ареста Аллега. Французские офицеры, присвоившие себе в Алжире права следственных органов, подвергли Одэна издевательствам и пыткам.

Предисловие к книге Пьера Видаля-Наке написал

профессор парижского университета Лоран Шварц. В предисловии указывается, что эта небольшая книга открывает перспективу выбора, который должны сделать французы и от которого зависит судьба Франции.

Еженедельник «Леттр франсез» отмечает, что сообщение о выходе книги «Дело Одэна» совпадает с годовщиной расстрела в 1942 году нацистскими оккупантами основателя этого еженедельника Жака Декура, а также физика Жака Соломона и философа Жоржа Полицера. «Леттр франсез» заявляет: «Мы знаем, что всегда, когда культуре страны угрожают револьвером, то опасность нависает не только над интеллигенцией, работниками просвещения, над традициями и свободами, но и над самим существованием этой страны».

РАССКАЗЫ МУХАММЕДА ДИБА НА АРАБСКОМ ЯЗЫКЕ

Условия колониального Алжира не позволяли известному алжирскому писателю Мухамеду Дибу (его роман «Большой дом» опубликован в «Иностранной литературе» №№ 5—6 за 1955 г., статья «Книга, о которой я мечтаю» — в № 11, 1957 г.) издавать свои книги на родном арабском языке, о чем он давно мечтал. Ему приходилось писать на французском языке, а его произведения издавались в Париже.

Каирский журнал «Ар-Рисаля аль-Джадида» сообщает, что в ближайшее время на освобожденной алжирскими патриотами территории выйдет сборник рассказов Мухаммеда Диба на арабском языке.

БЕРЕГ СЛОНОВОЙ КОСТИ

ИСКУССТВО СЕНУФО

Своеобразное искусство народов Берега Слоновой Кости — французской колонии в Западной Африке — давно занимает ученых и искусствоведов, археологов и художников.

Известный знаток афронегритянского искусства профессор Б. Оля, руководитель этнолого-социологического отделения в Абиджане Французского института по проблемам Черной Африки, рассказывает на страницах еженедельника «Леттр франсез» об искусстве племени сенуфо.

Искусству сенуфо главным образом принадлежат предметы, употреблявшиеся в быту и в различных ритуальных церемониях. Их основное предназначение — защитить от «дурного глаза», от злых сил.

Касаясь теории некоторых африкановедов о «ренессансе» афро-негритянского искусства, профессор Оля высказал корреспонденту «Леттр франсез» свое мнение о будущем искусства африканских негров: следует говорить не о «ренессансе» того искусства, которое порождалось определенными и ныне уже исчезающими верованиями, церемониями и мировоззрением, а о том, что в новых условиях художественная одаренность народа сумеет облечь традиционные формы в нечто новое, независимое от устарелых религиозных канонов.

Образцы искусства сенуфо: скульптурный портрет супружеской четы (внизу); ритуальный барабан (справа). *(Еженедельник «Леттр франсез»)*

ГАНА

«МИР ДРУГОГО НАРОДА»

Английская писательница Наоми Митчисон опубликовала книгу «Мир другого народа», в которой делится своими впечатлениями о поездке в государство Гана.

В рецензии на эту книгу газета «Дейли уоркер» пишет: «Наоми Митчисон с обычной для нее теплотой и искренностью рассказывает читателю о многих проблемах, возникающих перед государством Гана. Книга написана на основании личных наблюдений Наоми Митчисон. Писательница рассматривает вопрос о влиянии друг на друга различных, находящихся на разных ступенях развития цивилизаций. Она касается тех или иных представлений о морали, возможности внедрения импортированных форм демократии, конфликта между учением миссионеров и обычаями племен.

У Наоми Митчисон подход к освещаемым ею вопросам не политический, однако она обладает тем глубоким человеческим пониманием, которое в большой мере способствует политическому осознанию и суждению».

Журнал «Спектейтор» отмечает, что книга Наоми Митчисон проникнута симпатией к народам Ганы и является вдумчивым репортажем о новом африканском государстве.

«ТОРЖЕСТВО ГАНЫ»

Английский журнал «Нью стейтсмен» отмечает, что английские авторы обычно писали свои книги об Африке, не учитывая условий исторического пути развития африканских стран. Это затрудняло понимание развития стран Африки, в частности, Ганы.

Поэтому, по мнению журнала, интересным событием является появление антологии Фриды Вольфсон «Торжество Ганы», составленной из высказываний африканских и европейских деятелей за последние четыреста пятьдесят лет — с 1500 года и по настоящее время. Автор антологии заканчивает свою книгу выдержками из выступлений премьер-министра Ганы Кваме Нкрумы.

Книга дает представление о различных сторонах жизни и развития Ганы.

ГЕРМАНСКАЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА

НОВАЯ КНИГА ОБ АФРИКЕ

«Издательство наций» выпустило новую книгу Ганса Шомбурка «Палатки в Африке», рассказывающую о последней поездке автора в Африку в 1956—1957 годах.

Автору книги Гансу Шомбурку 77 лет. Он неутомимый исследователь Африки; впервые на ее землю он вступил в 1898 году и затем бывал там много раз, изучая местную фауну и собирая экспонаты вымирающих животных.

По словам газеты «Нейес Дейчланд», Ганс Шомбурк в своей книге уделяет много внимания описанию современных условий жизни коренного населения Африки.

Коренное население африканских стран, по свидетельству автора, постоянно уменьшается. Исчезают многие народные обычаи и праздники. Все это — следствие политики колонизаторов.

Говоря о разбойничьей политике колониальных держав, Шомбурк высказывает сожаление, но и только. В связи с этим газета отмечает, что читатель был бы более признателен автору, если бы тот описывал Африку не с каких-то нейтральных позиций, а показал бы процесс ее политического развития, осветил бы основные проблемы, волнующие африканцев, в том числе вопросы расовой дискриминации в Южной Африке, борьбу отдельных племен за свою независимость.

Рисунок немецкой художницы Леа Грундиг «Портрет йеменской танцовщицы». *(Газета «Берлинер цейтунг»)*

ИНДИЯ

ОБЗОР СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

На множестве языков, которые, подобно дальним родственникам, едва знакомы между собой, создается литературное творчество Индии. Здесь нет какой-нибудь одной литературы. Здесь несколько литератур, и каждая выросла на своей особой почве, в своей особой атмосфере. Но опытный глаз, несомненно, обнаружит единство, красной нитью проходящее через весь этот пестрый разноязыкий литературный ковер...

Сборник «Современная индийская литература», опубликованный Литературной академией Индии в Дели, пронизан именно этой мыслью, высказанной на страницах журнала «Иллюстрейтид уикли оф Индиа». В книгу вошли краткие обзоры литератур, созданных на всех основных четырнадцати языках страны, а также раздел по индийской литературе на английском языке.

В этих обзорах Литературная академия поставила своей задачей отразить состояние современной индийской литературы. Автор рецензии в журнале «Иллюстрейтид уикли оф Индиа» пишет, что двадцатый век стал свидетелем расцвета своеобразного творчества индийских литераторов.

Выход сборника в свет был широко отмечен в печати. Книга «Современная индийская литература» далека от совершенства, не все разделы написаны на должном уровне, достаточно полно. Но при всех недочетах

В этом году исполняется сто лет с того дня, когда индийские зрители впервые познакомились с пьесой известного бенгальского писателя и крупного общественного деятеля XIX века Динабандху Митры — «Зеркало индиго».

Пьеса повествует о крестьянском восстании на плантациях индиго, принадлежавших англичанам. Главный герой пьесы — индийский крестьянин, выступивший против английского господства и произвола. Появление первой патриотической пьесы, выразившей протест индийского народа против колонизаторов, вызвало недовольство английских властей. Они по-своему «оценили» значение этого выдающегося произведения: переводчик пьесы на английский язык был посажен в тюрьму, а тираж пьесы конфискован.

До сих пор эта пьеса пользуется огромной популярностью в Индии. Индийский фотограф Вирендра Кумар снял сцену из «Зеркала индиго» в постановке Народного театра Восточной Бенгалии.

это первая в таком плане попытка дать общую картину состояния литератур Индии — первый шаг, которым Литературная академия начала критическое освоение литературы на национальных языках страны.

В составлении сборника приняли участие виднейшие индийские литературные деятели. Предисловие написано С. Радхакришнаном.

НА ЯЗЫКЕ СИНДХИ

Синдхи — один из многочисленных индийских национальных языков. Более миллиона человек в Индии и около четырех с половиной миллионов жителей Пакистана говорят на синдхи. Литература синдхи еще совсем молодая: она насчитывает всего около четырех столетий, преобладающий ее жанр — поэзия.

Обстоятельный обзор современной литературы на синдхи опубликовал журнал индийского ПЕН-клуба — «Индиэн ПЕН». Перелом в истории этой литературы, пишет автор обзора К. Хемраджани, произошел после провозглашения в Индии Республики. За последнее десятилетие на этом языке было написано и издано больше романов, чем за первые сорок семь лет нынешнего века. К тому же значительная часть произведений на синдхи, созданных в годы колониализма, уводила читателя далеко от реальной жизни.

После того как Индия достигла в 1947 году независимости, литература на синдхи расцвела, обогатилась новыми формами. Теперь нередко можно встретить на этом языке крупные романы, пьесы, рассказы. Созданы даже оперы. Большим успехом пользуются произведения писателя Моти Шарма, две книги писательницы Сундри Уттамчандани — «Рушатся стены» и «Любовь старая, а пути новые», романы Говинда Малхи, хотя, как отмечает Хемраджани, не все его произведения равноценны.

Недавно в Бомбее вышел сборник произведений на синдхи писателя Г. Л. Дудани. В этот сборник вошли поэмы, либретто опер и короткие рассказы.

Г. Л. Дудани любезно прислал свою книгу в дар советским писателям. В письме Г. Л. Дудани отмечает, что, несмотря на гонения, которым подвергался индийский народ, его национальные языки, его культура,— язык синдхи «не только выстоял и сохранил своеобразие, присущее как его различным формам, так и его основной структуре, но и наряду с этим он обогатился за счет языка колонизаторов». Далее писатель выражает надежду, что язык и литература синдхи привлекут внимание советских литераторов и индологов.

ТВОРЧЕСТВО НАРАЙАНА

«Нет сомнения в том, что Нарайан является одним из лучших романистов Индии, а возможно, и одним из наиболее интересных и выдающихся современных писателей вообще»,— такими словами начинает статью о творчестве Разипурама Кришнасвами Нарайана и о его последнем романе «Гид» американский литературный журнал «Сэтердей ревью».

«Среди современных романистов не много найдется равных Нарайану»,— заяв-

Р. К. Нарайан.
(Журнал «Сэтердей ревью»)

ляет лондонский журнал «Таймс литерари сапплмент» по поводу выхода этого же нового романа писателя.

Небезынтересно, что ряд видных английских писателей, в том числе Грэхем Грин, Элизабет Боуэн и Е. Форстер, высоко оценивают творчество Нарайана. На страницах «Таймс литерари сапплмент» Грэхем Грин особо отмечает жизненность и правдивость образов индийского писателя: «Когда вы закрываете книгу, ее персонажи исчезают со страниц, чтобы стать частью окружающей вас жизни».

Нарайан родом из Мадраса, живет постоянно в Майсуре, а пишет свои произведения на английском языке. Местом действия всех его романов является маленький провинциальный городок в Южной Индии — Мальгуди, едва ли нанесенный на карту...

«Гид» — десятая книга Нарайана. Первый его роман «Свами и его друзья» был опубликован в 1935 году. Затем появились «Бакалавр искусств» (продолжение истории жизни Свами) и «Английский учитель». Эти три книги являются трилогией.

В интервью для «Нью-Йорк таймс бук ревью» Нарайан высказал некоторые свои соображения о судьбе индийских писателей, пишущих на английском языке. «Романы на английском языке отнюдь не процветают в Индии»,— сказал Нарайан. Английский язык был ввезен в страну колонизаторами, и, по свидетельству Нарайана, народы Индии, получив независимость, стремятся, естественно, возродить литературу на своих национальных языках: хинди, бенгали, тамильском, маратхи и других.

Вот в литературе на этих языках, сказал Нарайан, действительно наблюдается творческий рост и расцвет.

Нарайан заявил, что в дальнейшем литература в Индии должна развиваться на национальных языках страны.

ЮНЫЙ ТАЛАНТ

У Ранджана Сена пока еще короткая биография. Он родился в 1941 году в семье художника. Начал рисовать, подражая отцу, когда ему едва минуло два года. Отец, заботливо руководя занятиями сына, всячески поощрял его увлечение.

В 1948 году талант ребенка уже не вызывал сомнения, и его впервые пригласили принять участие в Международной выставке детского рисунка, организованной индийским журналом «Шанкарс уикли». Работы Ранджана сразу же привлекли внимание жюри и были отмечены первой премией по группе семилетних художников. В следующем году Ранджан снова выступает со своими произведениями и завоевывает медаль президента и первую премию премьер-министра.

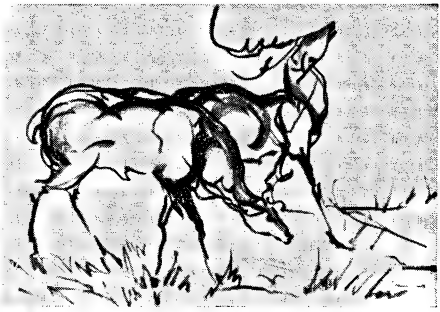
В 1952 году Ранджан участвует во Всеиндийской выставке детского рисунка в г. Патна. Здесь, как и прежде, его удостаивают премиями и объявляют лучшим юным художником Индии.

Мы публикуем последние произведения юного художника, присланные им для журнала «Иностранная литература».

В мечтах.

Мисс Пратибха.

Антилопы.



ИНДОНЕЗИЯ

ДЕЯТЕЛИ КУЛЬТУРЫ НА ПЕРЕДОВОЙ

Политическая обстановка в Индонезии характеризуется борьбой против клики мятежников, пытавшихся организовать с помощью колонизаторов путч в стране, против вмешательства американского империализма и стран—участниц СЕАТО во внутренние дела Индонезии.

Перед лицом новых испытаний, выпавших на долю индонезийского народа, отстаивающего свободу и независимость своей родины, заметно изменилась позиция и тех деятелей культуры Индонезии, которые до сих пор пытались отгораживаться от действительности, замыкаться в своем мирке.

Специальный корреспондент китайской газеты «Гуанминжибао» сообщает из Джакарты, что теперь и эти работники культуры занимают свое место в политической борьбе. Деятели литературы и искусства открыто заявили о своей поддержке политики президента Сукарно.

Демократическая печать превратилась в необычайно важное орудие борьбы. Писатели и журналисты, художники-карикатуристы активно включились в работу.

С прошлого года карикатура стала занимать видное место в газетах Индонезии. Многие газеты систематически публикуют карикатуры, своим острием направленные против иностранных колонизаторов. Надо отметить, что индонезийская карикатура имеет свои традиции. Еще в период борьбы за национальную независимость нынешний президент Сукарно сам создал немало карикатур политического характера. Карикатурист Сыбалани посвятил несколько своих работ разоблачению подрывной деятельности американского посла в Индонезии Алисона. Карикатуры художника настолько остры, что послу США пришлось пригласить Сыбалани к себе на обед и попытаться с ним поговорить... Как отмечает корреспондент газеты «Гуанминжибао», «этот факт говорит о том, насколько велика сила карикатур боевого характера на страницах индонезийской прессы».

«ТУРАНГ»

Слово «туранг» на языке народа каро (Восточная Суматра) имеет двойной смысл. Оно означает «сестра» и «возлюбленная». Но в индонезийском фильме «Туранг», вышедшем недавно на экраны, это слово приобрело новый смысловой оттенок: «любимая родина».

Фильм посвящен борьбе индонезийского народа за свое освобождение. Действие происходит в 1945 году, в небольшой суматранской деревушке — в районе, оккупированном голландцами. Деревушка наполовину опустела — вся молодежь ушла в партизанские отряды. Но крестьяне непрерывно поддерживают тесную связь с партизанами, скрывающимися в джунглях.

Во время одного из столкновений голландские солдаты тяжело ранят молодого бойца Русли. Уйдя от своих преследователей, он окольными путями добирается до деревни. Типи, дочь деревенского старосты, заботливо ухаживает за ним...

Фильм кончается трагически: из-за доноса предателя Типи и Русли погибают. Но заключительные кадры фильма преисполнены оптимизма и веры в будущее. Партизаны берут высоту, и на фоне ясного неба гордо реет красно-белый флаг Республики Индонезии.

Индонезийский журнал «Заман бару», поместивший большую рецензию на фильм «Туранг», отмечает высокое мастерство сценариста и постановщика Бахтиара Сиагиана.

ПЬЕСА О БОРЬБЕ НАРОДНОЙ

На сцене джакартского театра была поставлена пьеса «Ата», посвященная борьбе народов Молуккских островов против голландских колонизаторов.

Автором пьесы, сюжет которой основан на исторических фактах, является крупный деятель индонезийской кинематографии Усмар Исмаил.

Как отмечает журнал «Ревью оф Индонезиа», пьеса была поставлена для сбора средств в фонд борьбы за Западный Ириан.

ИРАК

НА КНИЖНОМ БАЗАРЕ В БАГДАДЕ

Ливанский журнал «Аль-Адиб» опубликовал статью иракского литературоведа Абд аль-Хамида Хамуди о народной литературе Ирака. Хамуди рассказывает, что на багдадском книжном базаре Сук ас-Сарай часто можно встретить бедуина или феллаха в национальном костюме, который спрашивает в книжных лавках «Повесть об Антаре» или «Тысячу и одну ночь», «Повесть о Камар аз-Замане» или «Носильщика и семь дочерей», а также другие произведения арабского фольклора. Его лицо светится радостью, как только он найдет старый пожелтевший экземпляр «Тысячи и одной ночи», но если его спросят, умеет ли он читать и писать, то феллах отвечает: «Кяля» («Нет»). Оказывается, по вечерам, когда семья собирается у очага, книгу читает сынишка-школьник, и все, затаив дыхание, слушают чудесные истории.

Арабы очень любят свои старинные легенды и сказки, в которых прославляется героизм, любовь к родине или чистая возвышенная любовь к женщине (как в «Повести о Лейли и Меджнуне»).

В Ираке пользуется популярностью не только древняя литература, но и современное народное творчество: песни и касыды, создаваемые народными певцами и поэтами на иракском диалекте.

В этих незатейливых песнях и касыдах поется о любви, о дружбе; некоторые из них представляют собой социальную и политическую сатиру. Самым прославленным народным поэтом Ирака был недавно умерший Аббуд аль-Кярхи, сборник стихов которого вышел несколько месяцев тому назад.

Большой интерес представляют легенды и траурные песни, приуроченные ко дню гибели Хусейна (Хусейн — святой мученик у мусульман-шиитов, и день его гибели отмечается в Ираке и Иране народными траурными шествиями). Некоторые из этих легенд и песен стоят на очень высоком художественном уровне. Хамуди высказывает мысль, что в этих траурных песнях и плачах выражается не столько скорбь верующих об убитом Хусейне, сколько жалобы на прежнюю тяжелую жизнь самого народа Ирака. Несомненно, что иракский народ, ныне освободившись от империалистического ига и гнета монархии, создаст новые, радостные песни. И зазвучат они над свободной Иракской Республикой.

ПОЭЗИЯ XIX ВЕКА

В багдадском издательстве «Аз-Захра» вышла книга доктора Юсуфа Изз ад-Дина «Иракская поэзия XIX века, ее цели и особенности».

По мнению журнала «Аль-Адиб», эта работа представляет собой большую ценность ввиду малочисленности материалов по иракской литературе того периода.

В первой главе автор книги обстоятельно рассказывает о жизни в Ираке в XIX веке, когда эта страна входила в состав Османской империи. В последующих главах автор анализирует творчество иракских поэтов, выделяя свободолюбивые мотивы в их произведениях, протест против турецкого гнета.

ИТАЛИЯ

ДОКЛАД ИНДИЙСКОГО ПИСАТЕЛЯ

Прибывший в Италию индийский писатель Калелкар Кахасахиб — депутат парламента и вице-президент Индийского совета культурных связей с заграницей — выступил в Риме с докладом о проблеме разоружения и международного сотрудничества.

Во встречах с индийским борцом за мир, как сообщает газета «Унита», участвовали видные деятели итальянского движения сторонников мира, известные ученые и писатели, в том числе Карло Леви, Альберто Моравиа, Эльза Моранте.

Писатель Калелкар Кахасахиб, член парламента Индии и вице-президент Индийского совета культурных связей с заграницей, выступает в Риме.
(Газета «Унита»)

КОНГРЕСС НЕГРИТЯНСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ КУЛЬТУРЫ

Как сообщает римская печать, в Риме скоро состоится второй всемирный конгресс негритянских деятелей культуры, созываемый Ассоциацией «Презанс африкэн» при участии Итальянского института по изучению Африки. В конгрессе будут участвовать 300 делегатов — писателей и работников искусств, которые приедут из Африки и из различных стран Европы, где они проживают. Одновременно будет проведен ряд культурных и художественных мероприятий: выставки негритянской живописи и скульптуры, а также негритянской книги, доклады о негритянском театре, балете и кино. Такого рода мероприятия проводятся впервые не только в Италии, но и во всем мире.

Первый конгресс негритянских деятелей культуры состоялся в 1956 году в Париже и явился знаменательным событием в культурной жизни народов Африки.

Сообщая о предстоящем втором конгрессе, газета «Унита» пишет: «Римский конгресс приобретает совершенно особое и в высшей степени важное значение прежде всего в связи с тем развитием, которым характеризовалось в эти последние годы культурное движение в Африке».

Созыв второго всемирного конгресса негритянских деятелей культуры вызвал отклики во многих странах.

Бразильский двухнедельник «Пара тодос» отмечает, что на первом конгрессе обсуждались проблемы кризиса негритянской культуры, а на предстоящем втором конгрессе будут приняты решения конструктивного характера. В опубликованных документах второго конгресса говорится: «В 1956 году мы установили диагноз зла. В 1958 году мы предлагаем решение: солидарность наших народов».

Повесткой дня предстоящего конгресса предусматривается обсуждение основ и возможностей для достижения единства негритянской культуры или «куль-

турной солидарности», а также установление задач по каждой из областей искусства и по каждому жанру литературы.

ИТАЛЬЯНСКИЙ ФИЛЬМ О НОВОМ КИТАЕ

На международном кинофестивале в Брюсселе, как сообщает газета «Унита», был впервые показан полнометражный цветной документальный фильм «Китайская стена», заснятый в Китайской Народной Республике группой прогрессивных итальянских кинематографистов, возглавляемой талантливым режиссером Карло Лидзани.

Жюри брюссельского кинофестиваля удостоило фильм премией «Золотая оливковая ветвь».

КАМЕРУН

ПРЕМИЯ ПИСАТЕЛЮ МОНГО БЕТИ

Еженедельник «Ар» сообщает, что литературная премия Сент-Бёв присуждена двадцатипятилетнему камерунскому писателю Монго Бети за роман «Законченная миссия» (см. «Иностранную литературу» № 5, 1958 г.).

Премия Сент-Бёв ее учредителями предназначена для «привлечения внимания читателей к интересным произведениям, авторы которых недостаточно известны».

Факт премирования Монго Бети сам по себе знаменателен, поскольку в его романе французская буржуазная печать с раздражением усмотрела призыв к борьбе за национальную независимость родины молодого африканского писателя — Камеруна, находящегося под «опекой» Франции.

КЕНИЯ

ВОПРЕКИ МРАКУ В СТРАНЕ СОЛНЦА

Лондонская газета «Дейли уоркер» сообщает о выходе интересной книги о жизни в Кении, написанной африканским писателем Муга Джикеру из племени кикуйю. Книгу свою он назвал «В стране солнца», но показанные в ней картины жизни отнюдь не солнечны и не радостны. Это — правдивая, реалистическая, неприкрашенная повесть о детстве и отрочестве молодого африканца в Кении, о его мытарствах и горестях, трудностях и бедствиях.

«Хотя,— отмечает газета,— автор рассказывает свою историю с достоинством, умением и юмором, типичным для его народа, все-таки многое из того, что он раскрывает, производит страшное впечатление».

Страшны те преследования, которым подвергаются коренные жители Кении, те ограничения в области образования, те рогатки, что им ставят на каждом шагу, тот низкий жизненный уровень, на котором их насильственно держат колонизаторы.

В книге показано стремление народа Кении к образованию и культуре. По народной инициативе было начато движение за создание независимых школ «для ведения войны с необразованностью». Такие школы подвергались гонениям со стороны колонизаторов, их насильственно закрывали, но само движение подавить было нельзя, оно расширялось, в его ряды становилось все больше новых сторонников.

Небезынтересно заметить, пишет газета, что сам автор книги стал образованным человеком, а затем и писателем именно благодаря этому могучему народному движению, стремлению к культуре. Подростком он пас коз, а по вечерам при свете свечи учил азбуку — таковы были первые шаги Муга Джикеру.

Книга о мраке в стране ослепительного солнца проникнута могучим призывом к борьбе против колониализма и поэтому, подчеркивает «Дейли уоркер», «не должна пройти незамеченной».

«Дети Алжира» — гравюра на дереве Янь Кэ-фэна.
(Газета «Жэньминьжибао»)

КИТАЙ

ЗА РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА

Газета «Жэньминьжибао» опубликовала передовую статью «Быстрее и лучше развивать социалистическую культуру и искусство».

Газета подчеркивает, что наряду с успехами в области промышленности и сельского хозяйства начинается подъем в области культуры и искусства. Многие работники культуры и искусства направились на заводы, в деревни, живут и трудятся вместе с рабочими и крестьянами. Театральные коллективы стали давать больше представлений для рабочих и крестьян, чаще появляются произведения, отражающие современную жизнь и борьбу.

Социалистическая культура и искусство, отмечает далее газета, являются неотъемлемой составной частью строительства социализма. Основная задача работников социалистической культуры и искусства состоит в том, чтобы воспитывать массы в духе социалистической идеологии, повышать сознание рабочего класса.

Социалистическая культура и искусство должны

Известная китайская киноактриса Ван Тан-фын завоевала популярность в ГДР, где был показан с ее участием фильм «В доме мандарина» (на фото слева — она в одном из кадров фильма). Как и многие работники искусств, киноактриса откликнулась на призыв Коммунистической партии Китая и направилась в деревню. Работая в сельскохозяйственном кооперативе (фото справа), Ван Тан-фын ближе знакомится с жизнью крестьян, с их мыслями и чувствами, что много даст актрисе для будущих выступлений в кино.
(Журнал «Нейе берлинер иллюстрирте»)

стоять на передовой линии борьбы нового со старым, оперативно отражать развитие современной политики и экономики, помогать добиваться победы пролетарской идеологии над буржуазной. «Наша практика в области развития культуры и искусства,— пишет газета,— показывает, что если, мобилизуя массы и опираясь на них, мы будем решительно претворять в жизнь марксистский курс развития культуры и искусства, если культура и искусство будут служить рабочим, крестьянам и солдатам, если мы будем тесно увязывать культуру и искусство с политикой, продолжать развивать национальные традиции культуры и искусства, претворять в жизнь курс «пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ» и курс «в старом найдем новое»,— то социалистическая культура и искусство будут развиваться быстро и на здоровой основе».

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ЛИ ДА-ЧЖАО

В этом году, в связи с исполняющимся 70-летием со дня рождения Ли Да-чжао, издательство «Жэньминь чубаньшэ» выпустит его сочинения в трех томах.

Ли Да-чжао — один из основателей Коммунистической партии Китая и активный пропагандист марксизма—с 1912 года и вплоть до своей гибели в 1927 году от руки гоминдановцев опубликовал много статей в журналах и газетах. В сочинения войдет свыше 300 его работ, в том числе статьи по вопросам философии, юриспруденции, политэкономии, а также публицистические статьи, научные работы, памфлеты, фельетоны и стихотворения.

НОВЫЕ РОМАНЫ ЧЖОУ ЛИ-БО И ЧЖОУ ЭР-ФУ

По сообщению «Синьшу цзяньбао» (приложение к журналу «Вэньибао»), новый роман писателя Чжоу Ли-бо «Великие перемены в горной деревне» можно считать продолжением романа «Ураган» этого же автора. В романе «Ураган» описывается проведение земельной реформы в китайской деревне; новый роман писателя поднимает вопросы движения за кооперирование сельского хозяйства. Оба романа передают стремительные и грандиозные изменения в жизни китайской деревни.

«Синьшу цзяньбао» отмечает, что «в романе Чжоу Ли-бо обрисована жизнь за-

«На уроке»—работа народных мастеров (вырезка из бумаги).
(Газета «Жэньминьжибао»)

холустной горной деревни, в которой движение за кооперирование сельского хозяйства вызвало коренные изменения: экономические устои системы частной собственности, имеющей тысячелетние традиции, древние общественные обычаи, образ жизни семьи, характер взаимоотношений между людьми — все это в течение короткого промежутка времени было перевернуто».

Роман писателя Чжоу Эрфу «Утро Шанхая» отражает период восстановления народной экономики Китая. В нем показаны различные стороны жизни, а также политической и экономической деятельности капиталистов на частных предприятиях. Действие первой части романа происходит в Шанхае.

В романе вскрыты незаконные действия тайной организации капиталистов на частной прядильной фабрике. По словам «Синьшу цзяньбао», «роман воспевает трудовой энтузиазм шанхайских рабочих на первых этапах после освобождения и все величие борьбы членов Коммунистической партии».

НАРОДНЫЕ ПЕСНИ ГОРОДА МАЧЭН

Издательство народной литературы провинции Хубэй выпустило в свет «Сборник народных песен города Мачэн».

Как сообщает газета «Гуанминжибао», в сборник вошло более шестидесяти стихов и песен, созданных в народе.

КОРЕЙСКАЯ НАРОДНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА

ТВОРЧЕСКИЕ ПЛАНЫ ПИСАТЕЛЕЙ

Писатели КНДР отображают в своих книгах жизнь трудящихся, вставших на путь строительства социализма.

Поэт Пак Сек Дзен продолжает работать над сборником стихов и, чтобы завершить его, собирается выехать в провинцию. Одновременно он пишет либретто оперы «Река Рактонган».

Окончив повесть «Вольмидо», писатель Чен Чен Сон в течение этого года намеревается написать «Путевые заметки» о поездке в Советский Союз.

Поэт Ким Саи О по завершении работы над сборниками стихов «Кясен» и «Родина» предполагает собирать материалы для нового сборника.

Писатель Лю Ен Гок начал писать лирическую поэму для детей «Полет голубя на 10 тысяч ли». Корейский голубь—герой этой поэмы—расскажет детям обо всем происходящем на земле, о том, что поделывают дети в миролюбивых странах, как борются народы против американских империалистов, замышляющих новую войну.

Юн Си Чер продолжает работу над романом «Родина». Писательница Ли Ден Сук подготовляет материалы для повести о молодых рабочих, которые в труде на ходят счастье.

ЛИВАН

СОЛИДАРНОСТЬ С АЛЖИРСКИМ НАРОДОМ

Ливанская печать широко отметила День солидарности с борющимся Алжиром. Бейрутский журнал «Аль-Адаб» посвятил Алжиру один из своих номеров, который открывается стихотворением видного ливанского поэта Наззара Каббани «Джамила Бухиред».

Алжиру целиком посвящен второй номер журнала «Ас-Сакафа аль-Арабия», издаваемого «Арабским культурным клубом» в Бейруте.

ЛИВИЯ

ПЕРВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЛИВИЙСКОЙ ПОЭЗИИ

Как сообщает журнал «Аль-Адиб», в Каире вышла книга «Поэзия и поэты Ливии». Это, по словам журна-

На снимке, заимствованном из еженедельника «Леттр франсез», представлена сцена из спектакля «Мнимый больной» в постановке марокканской труппы Народного театра и Театра рабочей молодежи. Спектакль этот создан по одноименной известной пьесе Мольера, но сохраняет только название и общую коллизию первоисточника. Действие пьесы перенесено в Марокко наших дней. Персонажи наделены типичными для марокканцев чертами, и потому не похожи на мольеровских.

Как подчеркивает «Леттр франсез», этот спектакль, став произведением марокканского национального искусства, проникнут мольеровским духом и юмором.

ла, первое исследование ливийской поэзии.

Автор книги, Мухаммед ас-Садык Муса Афифи, рассматривает творчество поэтов и роль поэзии в борьбе с итальянским империализмом.

ЛИВИЙСКИЕ НОВЕЛЛЫ

В последнее время в Ливии стал развиваться новый в ее литературе жанр — новелла. Писатели-новеллисты публикуют свои произведения в местных газетах и журналах, а также издают их отдельными сборниками.

Ливийский писатель Мифтах Сейид аш-Шариф, побывавший на III конференции арабских писателей в Каире, рассказал в интервью для журнала «Ар-Рисаля аль-Джадида», что литераторы Ливии учатся мастерству у египетских писателей, в частности у Таха Хусейна.

Самым крупным писателем-новеллистом в Ливии аш-Шариф считает Талиба ар-Равии.

НИГЕРИЯ

ТРАГЕДИЯ ПЛЕМЕНИ ИБО

Журнал «Нью стейтсмен энд нейшн» опубликовал рецензию на роман нигерийского писателя Чинуа Ачебе — «Жизнь распадается».

Роман Ачебе посвящен жизни и быту племени ибо (это племя расселено в западных провинциях Нигерии).

Рассказывая о жизни племени в конце прошлого века, автор отмечает, что люди были свободными, внутри племени царило уважение друг к другу, никто не забывал о достоинстве и чести. Позднее в эту часть Африки проникли миссионеры, за которыми вторглись колонизаторы с огнестрельным оружием и своим «правосудием», — и все было нарушено.

Автор показывает конфликт между коренным населением и белыми, вскрывая его причины. От руки колонизаторов трагически погибает главный герой романа Оконкво.

«Дары природы» — с картины египетского художника Абд ас-Саляма аш-Шарифа.

Ачебе теперь работает над второй частью романа, повествующей о жизни потомков Оконкво в настоящее время.

ОБЪЕДИНЕННАЯ АРАБСКАЯ РЕСПУБЛИКА

«НОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ В НАШЕЙ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ»

Так называется книга видного египетского литературного критика доктора Мухаммеда Мандура. Как указывает журнал «Аль-Адиб» в рецензии на эту книгу, д-р Мандур сочетает глубокое знание древней и новой арабской литературы с широкой образованностью и тонким художественным вкусом. По словам рецензента, Мандур написал уже немало критических работ по арабской литературе, его имя пользуется заслуженным авторитетом.

Книга «Новые проблемы в нашей современной литературе» состоит из четырех глав: «Критика», «Художественная проза», «Поэзия» и «Театр». В каждой из этих глав автор анализирует состояние данных жанров литературы в арабских странах, борьбу различных мнений и течений. Д-р Мандур выступает в поддержку современной реалистической

литературы, однако он критикует описательность и многословие, которым страдают молодые арабские новеллисты.

В главе «Театр» д-р Мандур высказывается за то, что пьесы надо писать для «человека с улицы», но на литературном языке.

Автор положительно отзывается о пьесе Тауфика аль-Хакима «Сделка», как об удачном опыте разрешения проблемы театрального диалога, сложной в арабских странах. Как известно, арабский разговорный язык довольно сильно отходит от арабского литературного, и разговорные диалекты очень отличаются друг от друга даже в одной стране.

РОМАН О ЕГИПЕТСКОЙ ДЕРЕВНЕ

Журнал «Ар-Рисаля аль-Джадида» сообщает о выходе в свет первой части романа молодого египетского писателя ас-Саида Мусы «Большая жатва». Автор рассказывает о жизни современной египетской деревни с ее заботами, горем и радостями. Как отмечается в рецензии, писателю удалось передать своеобразную атмосферу сельской жизни, нарисовать запоминающиеся образы феллахов.

ПЕВЕЦ АРАБСКОГО НАРОДА

Имя Абд аль-Ваххаба аль-Байяти, иракского поэта-патриота, широко известно в арабских странах. Свободолюбивые стихи аль-Байяти печатают и в Каире, и в Дамаске, и в Бейруте, как в газетах и журналах, так и отдельными сборниками. Некоторые из его стихов переведены на русский язык и опубликованы в сборнике «Новая арабская поэзия».

Как сообщает журнал «Аль-Адиб», в Каире издается книга «Абд аль-Ваххаб аль-Байяти — пионер современной поэзии». В этом труде исследуется творчество замечательного поэта. Книга представляет собой коллективный труд, в котором приняли участие четырнадцать арабских литераторов из Объединенной Арабской Республики, Ирака, Ливана и Судана.

УСПЕХ РАССКАЗОВ ТАХА ХУСЕЙНА

Недавно в Каире вышло сразу два новых издания книги «Мученики земли» Таха Хусейна (в серии «Серебряная книга», издаваемой «Клубом новеллы» в Каире, и в серии «Прочти»).

«Мученики земли» — это сборник рассказов маститого египетского писателя, в которых он показывает тяжелую беспросветную жизнь народа Египта в период монархии. Первое издание этой книги вышло в Бейруте, так как правительство тогдашнего египетского короля Фарука запретило печатать ее в Египте. После революции 1952 года книга неоднократно переиздавалась уже на родине автора.

НОВЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

Как сообщает «Ар-Рисаля аль-Джадида», в Объединенной Арабской Республике стал выходить новый ежемесячный литературный журнал «Аш-Шахр» («Месяц»). В первом номере журнала помещен ряд статей по коренным проблемам современной арабской литературы.

«ДЖАМИЛА»

Так называется поэтический сборник, выпущенный каирским издательством «Дар аль-Фикр». В нем помещены стихи десяти арабских поэтов, посвященные героине алжирского народа Джамиле Бухиред.

СОМАЛИ

«МУДРОСТЬ СОМАЛИЙЦЕВ»

Сомалийский полуостров, который, словно гигантский рог, далеко выдается в Индийский океан, населяют многочисленные племена сомали — народа семито-хамитского происхождения.

В своих поэмах и песнях, передаваемых устно из поколения в поколение, сомалийцы прославляют свободу, подвиги героев, честность и ум. Авторы некоторых из этих произведений известны, но многие песни и стихи созданы народом.

Выдающимся сомалийским поэтом был Салан Арарабей, умерший в преклонном возрасте вскоре после второй мировой войны. Его поэмы знают наизусть многие его соотечественники. Большой популярностью пользуются также стихи Мохаммеда Абдилле Хасана — видного политического деятеля, боровшегося за свободу Сомали.

Представители молодой сомалийской интеллигенции любовно собирают художественное наследие своих предшественников. Недавно вышла книга «Мудрость сомалийцев», написанная поэтом М. Х. И. Галалом, где собраны образцы сомалийского фольклора. Они дают представление об этом мужественном народе, живущем среди знойной африканской пустыни.

СУДАН

РАССКАЗЫ МОЛОДЫХ

Вышел сборник рассказов молодых суданских писателей Абу-Бекра Халида и ат-Тайиба Заррука. Как сообщает журнал «Ар-Рисаля аль-Джадида», в этом сборнике напечатаны двадцать два рассказа, «рисующие разнообразные стороны суданской жизни с традициями, легендами, проблемами и переживаниями сынов Судана». Сюжеты некоторых рассказов сборника почерпнуты также из жизни Египетского района ОАР, где сейчас живут и учатся оба автора.

По словам журнала, сборник подтверждает, что в современной суданской литературе реалистическое направление набирает силы.

США

«САЙОНАРА»

Что означает слово «сайонара»? По-японски это — «прощайте». Именно это слово японский народ мечтает сказать американской военщине, заполонившей его страну. Поэтому так и назван американский фильм, поставленный Джошуа Логаном, нашедшим мужество сделать картину, направленную одновременно и против оккупационных нравов американских военных в чужих странах и против столь прочно укоренившихся в США расовых предрассудков и расовой дискриминации.

Французская газета «Юманите» рассказывает содержание картины. Американский майор, летчик Ллойд Грювер получает назначение в Японию на американскую авиабазу. Дочь генерала, командующего базой,— невеста майора. На эту базу Ллойда сопровождает его друг, офицер Келли, намеревающийся жениться на Катцуми, японской девушке, в которую он влюблен. Решение о женитьбе он принял, несмотря на существующий в американской армии неофициальный приказ, запрещающий американским офицерам жениться на японках.

Ллойд не одобряет намерения Келли, но все же соглашается быть у него свидетелем при совершении брачной церемонии. Познакомившись с Катцуми, Ллойд часто бывает в доме у своего друга. Он убеждается в том, что брак между людьми различных рас может быть очень счастливым. Вскоре Ллойд влюбляется в японскую танцовщицу Хана-Оги, которая вначале не желает обращать внимания на майора, помня о том, что ее брат и отец погибли в Хиросиме. Все же они знакомятся, и постепенно их дружба перерастает в сильное чувство. Перед Ллойдом выбор: жениться на своей невесте-американке или на Хана-Оги.

Между тем, командующий базой отдает приказ об отозвании в США офицеров, женатых на японках. Их жены не могут следовать за ними, так как их не впустят в США. Келли должен расстаться с Катцуми, ожидающей ребенка, и, не найдя выхода, они оба кончают самоубийством.

Ллойд решает вопреки всем предрассудкам жениться на Хана-Оги, предпочитая пожертвовать своей карьерой, но не уступить расистам. Когда представители военных властей начинают ему угрожать, он говорит им по-японски: «Сайонара!» — «Прощайте!»

Режиссер решается на весьма смелый шаг, показывая кадры идущих по улицам города японских демонстрантов, выкрикивающих «США, убирайтесь домой!»

ТУНИС

ДИВАН ОМАРА АС-САИДИ

Изданный в Тунисе диван (сборник стихов) молодого поэта Омара ас-Саиди «Оковы» привлек внимание двух ливанских журналов «Аль-Адиб» и «Ас-Сакафа аль-Ватания», опубликовавших о нем рецензии.

Тема стихов ас-Саиди — жизнь простого народа Туниса, страдающего под гнетом империализма и местных феодалов. Как отмечает критика, стихи проникнуты горячей любовью к бедным и обездоленным людям, вдохновляют их на борьбу с угнетателями. «Разорвите оковы и выходите на дорогу!» — призывает поэт.

С тех пор, как умер знаменитый тунисский поэт-романтик аш-Шабби (1909—1934), подчеркивается в печати, в Тунисе еще не звучали с такой силой призывы к свободе. В творчестве ас-Саиди отражена идея, высказанная аш-Шабби в его стихотворении «Воля жизни»:

«Если народ пожелает жизни,
То, без сомненья, судьба отзовется,
И неизбежно рассеется тьма,
И непременно оковы порвутся».

ТУРЦИЯ

ЧЕЛОВЕК — ПРЕЖДЕ ВСЕГО

В газете «Терджюман» публикуются фельетоны под общим названием «Письма к страусу» (обращение к страусу — литературный прием фельетониста). Мы воспроизводим здесь помещенный в этой газете фельетон Хальдуна Танера.

«Что важнее—требования политики или голос совести?

Нет, страус, это не тема студенческих дискуссий, о которых часто пишут в газетах, это дилемма, поставленная перед всем французским общественным мнением судебным процессом в Безансоне.

На скамье подсудимых два человека: двадцатилетняя французская девушка и священник с суровым взглядом.

Их вина заключается в том, что в течение трех дней они прятали одного из руководителей Национально-освободительного фронта Алжира Сеида Али, а затем помогли ему бежать на автомобиле в Швейцарию.

Ясно, что священник Матье совершил этот поступок, исходя более из чувства человеколюбия, нежели из политических убеждений. «Я ненавижу насилие, террор, пытки,— говорит он.— Я спрятал молодого алжирца и помог ему бежать, чтобы он не попал в руки французской полиции».

По рассказам свидетелей, священник прятал у себя многих евреев в годы оккупации Франции и сам был одним из руководителей отряда Сопротивления.

Что касается девушки, то она, как и многие французские студенты, не скрывает своего презрения к правительству, запятнавшему себя кровью грязной войны, и к действиям французских солдат, убивающих по приказу этого правительства ни в чем не повинных людей. В течение года она жила в Северной Африке, ближе познакомилась с алжирским народом, полюбила его и еще больше убедилась в справедливости борьбы за

освобождение. Ее совесть не могла примириться с убийствами в Алжире, и она без колебаний встала в ряды сторонников алжирского народа. По возвращении в Безансон она добровольно стала помогать Сеиду Али в его работе.

С одной стороны — прокурор, с другой — обвиняемые. Две совершенно различные идеологии.

Для обвиняемых правда — это народ, а правое дело — это дело, направленное на служение интересам народа.

Для другой же стороны пробным камнем в действиях являются требования политики, интересы существующего правительства, но никак не голос совести, который они подавляют ради выгод политических группировок.

Безансонский суд вынес решение: «Приговорить Франсуазу Рапэн к двум годам, а священника Матье к семи месяцам тюремного заключения по обвинению в измене родине, выразившейся в содействии побегу злейшего врага Франции Сеида Али». Другого решения напрасно было бы ждать от безансонского суда.

Мы не настолько наивны, чтобы искать в суде, защищающем империалистическую идеологию, беспристрастный разбор дела и, со своей стороны, издалека мы приветствуем французскую девушку и мужественного французского священника.

Человеческое общество будет тем быстрее двигаться вперед, чем больше будут шириться и крепнуть ряды таких людей, как священник Матье и студентка Рапэн, смело бросающих вызов этой идеологии.

Ты тоже придерживаешься этого мнения, не правда ли, страус?»

ФИЛИППИНЫ

НА СЦЕНЕ ТЕАТРОВ

Выходящий в Маниле журнал «Санди таймс мэгезин» опубликовал статью Д. Эдадеса о творчестве современных филиппинских драматургов и о лучших театральных новинках. Большинство драматургических произведений, идущих на сценах филиппинских театров, рассказывает Эдадес, представляют собой развлекательные одноактные пьесы, авторы которых умело разрабатывают сюжетную линию и держат внимание публики в напряжении. Однако очень немногие из этих пьес удерживаются в памяти зрителей.

В числе выдающихся драматургов Эдадес называет Видаля Тана, написавшего множество одноактных пьес и пользующуюся успехом трехактную комедию «Суруг г-жи Крус».

Завоевала популярность у публики трехактная пьеса Хосе Эрнандеса «Пандэн Пор», написанная на патриотическую национальную тему: действие ее происходит четыреста лет назад — в эпоху завоевания Филиппин испанцами.

Во многих пьесах отражены особенности филиппинского быта и семейного уклада. Подобная тематика, разработанная с вдумчивым психологическим подходом к отдельным семейным коллизиям, занимает Вильфредо Герреро. Большой известностью пользуется его пьеса «Так вспыхивает ненависть», поднимающая извечную проблему «отцов и детей» в специфических филиппинских условиях. Герой пьесы — юноша, втайне мечтающий стать писателем; его отцу случайно попадаются на глаза рукописи сына, и он их уничтожает, считая, что сын выбрал «не мужское занятие». Впечатлительный юноша, преследуемый отцом, доведен до самоубийства.

Пьеса того же автора «Покинутый дом» также посвящена проблеме взаимоотношений родителей и детей.

Лучшей пьесой Северин Монтано, указывает журнал, является «Сабина»,— в ней рассказана обычная на Филиппинах человеческая трагедия. Это история местной девушки, которую обольстил, обманул и бросил богатый американец.

По словам автора статьи, весьма интересно творчество Альберто Флорентино. Его пьесы «Мир — это яблоко» и «Труп» получили первую премию и почетную грамоту в 1954 году. В 1957 году Флорентино получил вторую премию за пьесу «Танцоры». «Все три его произведения, — пишет Эдадес, — это реалистические пьесы, отражающие бедственное положение неимущих классов в условиях современной филиппинской действительности».

Любопытна пьеса Вирхилии Морено «Соломенны

Сцена из одноактной современной пьесы из жизни крестьян, поставленной одним из филиппинских театров на открытом воздухе.
(Журнал «Санди таймс мэгезин»)

патриот», в которой автор показывает, как пишет журнал, «ужасающую картину алчности», выводит образы крупного помещика и богатого торговца рисом, эксплуатирующих голодных крестьян.

Еще один аспект филиппинской действительности изображен в пьесе Оливера Флореса «Трубные звуки». В этой пьесе беспринципный и циничный политический босс пытается запугать и подчинить себе редактора газеты, оказавшегося бесстрашным и неподкупным.

Судя по фактам, приведенным в статье «Санди таймс мэгезин», филиппинские драматурги начинают смело затрагивать злободневные темы, стремятся отражать жизнь, черпать сюжеты из жизни.

Автор статьи в заключение пишет: «Разбор лучших пьес наших драматургов дает основание для оптимизма. Пожелаем же им и на будущее смелости и вдохновения».

ФРАНЦИЯ

АЛЖИР НА ЭКРАНЕ И В ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

На экранах Франции демонстрируется «документальный» фильм под красноречивым названием «Десять миллионов французов» (имеется в виду 10 миллионов жителей Алжира).

Тема этого фильма не нова, пишет французский еженедельник «Авангард», уже давно французская официальная пропаганда выдвигала подобный лозунг. Теперь этот лозунг подновили, наскоро сделали кинофильм и выпустили его в пропагандистских целях.

Название фильма, а также хвалебные отзывы армейской кинослужбы, подчеркивает газета, ясно говорят, о чем идет речь. Брошюры на эту же тему раздают солдатам, впервые приезжающим в Алжир. Однако, по словам газеты, письма французских солдат из Алжира и другие сведения, полученные из заслуживающих доверия источников, опровергают «официальные данные», приведенные в фильме.

Так, в фильме утверждается: «Алжир был бедной страной. Когда там в 1830 году высадились наши первые солдаты, они не нашли ни государства, ни правительства, ни народа...»

«Авангард» цитирует свидетеля того времени Розе, члена Общества по изучению истории Франции, прикомандированного к штабу французской армии. В книге «Путешествие по Алжиру», рассказав о своих впечатлениях о развитии здесь сельского хозяйства, он писал: «Алжирцами выполнены огромные строительные работы из камня. Особенно удивительным я нахожу количество водопроводных сооружений, подающих воду в города. Наши войска разрушили значительную часть этих сооружений, что нанесло большой ущерб колонии».

Фильм затем декларирует: «...После завоевания Алжира там наблюдается постепенный подъем жизненного уровня. Эксплуатация слабых сильными исчезла».

А в действительности уже в 1868 году, то есть тридцать восемь лет спустя после оккупации Алжира, как говорит «Авангард», там начался ужасный голод; французские колонизаторы захватили в свои руки огромные богатства.

«Трущобы были заменены современными городами»,— утверждает фильм. Однако, пишет газета, солдаты, вернувшиеся из Алжира, могут подтвердить, что повсюду на окраинах можно видеть жалкие лачуги.

В фильме говорится: «Франция принесла гигиену и чистоту. Борьба с антисанитарными условиями позволила ликвидировать эпидемии и детские болезни».

Однако, уточняет газета, подобными мероприятиями охвачены лишь европейцы. Алжирское же население, среди которого свирепствует туберкулез, не получает нужной медицинской помощи.

«Мы принесли культуру, образование. Мы построили школы»,— хвастливо уверяют авторы фильма.

Но, заявляет газета, весь мир знает, что богатейшая арабская культура существовала задолго до зарождения европейской. И именно французские завоеватели постарались прежде всего уничтожить эту культуру. Богатейшая библиотека Абд-Эль-Кадира была разграблена. По данным алжирской статистики за 1954 год, почти из двух миллионов мусульманских детей школьного возраста могло посещать школу только 293 тысячи (15 процентов).

Таким образом, стремление авторов фильма доказать, что алжирцы, дескать, примирились с колониальным статусом и приветствуют зависимость Алжира от Франции, оказывается надуманным.

Алжирский народ продолжает борьбу за свою независимость и свободу.

«ПУТЕШЕСТВИЕ К ЖИВЫМ»

По поручению Международной организации здравоохранения при ООН французский писатель Пьер Гаскар ознакомился с работой этой организации в разных странах Азии.

Результатом поездки явилась недавно опубликованная его книга «Путешествие к живым», в которой автор рисует невыносимые условия жизни населения слаборазвитых стран. «Прежде чем лечить этих людей, надо оздоровить условия их жизни»,— пишет автор. По его наблюдениям, в Таиланде наименее обеспеченные люди, изнемогающие под бременем нужды, особенно подвержены заболеванию проказой и с трудом поддаются излечению.

Хотя автор стоит на идеалистических позициях, отмечает «Либерасьон», и не всегда понимает истинные причины тяжелого положения населения слаборазвитых стран, его книга все же представляет значительный

Сцена из японского балета в постановке театра «Кабуки». *(Еженедельник «Леттр франсез»)*

интерес, так как содержит много фактического материала, позволяющего прийти к более глубоким выводам, чем это делает Гаскар.

ЯПОНСКИЙ БАЛЕТ В ПАРИЖЕ

Недавно, как сообщает еженедельник «Леттр франсез», в парижском Театре наций выступила японская балетная труппа «Кабуки ханаяги», сохранившая традиционные формы танцев своего народа.

Мимика — основной элемент японского традиционного танца, что характерно и для народных танцев других стран Дальнего Востока. При исполнении танцев в белых и черных одеждах либо в кимоно ослепительных цветов — будь то «картины дождя», «танец под вишнями» или другие — артисты почти не перемещаются по сцене, их лица порой остаются совершенно бесстрастными. Виртуозность исполнителей просто поразительна. Танцы исполняются на фоне декораций, мотивы которых заимствованы из японских гравюр.

Еженедельник отмечает, что спектакль «Кабуки ханаяги» как бы воскрешает страницы истории Японии.

ЧЕХОСЛОВАКИЯ

ПРЕВРАЩЕНИЯ МИСТЕРА КОКСА В АРАБСКОЙ СТРАНЕ

Пражский театр Чехословацкой армии поставил комедию Петера Карваша «Дипломаты». Это острая сатира, разоблачающая противоречие между официально провозглашаемой английской дипломатией «традиционной англо-арабской дружбой» и империалистической практикой Великобритании, ее борьбой за источники сырья, рынки сбыта, дешевую рабочую силу.

Действие пьесы происходит в некоем арабском государстве, куда приезжает «наивный» английский посол мистер Кокс, принявший всерьез английские демагогические декларации и воображающий, что он сможет там мирно заниматься своим любимым делом — нумизматикой.

Благие намерения мистера Кокса разбиваются при столкновении с действительностью. Проходят всего сутки после его приезда, и он понимает свою ошибку. Дело в том, что юный араб Шамардал, окончивший университет в Оксфорде и проникшийся там идеями «Великой хартии вольности», в которые так верит мистер Кокс, выступает перед своими соотечественниками — рабочими английских нефтяных промыслов и цитрусовых плантаций — с речами об англо-арабской «дружбе» и «сотрудничестве». И в результате его выступлений всякий раз вспыхивают антианглийские демонстрации. Проанглийское местное правительство арестовывает Шамардала. Мистер Кокс, который видит в Шамардале единомышленника, добивается его освобождения. Это приводит к целому ряду неожиданных для Кокса осложнений. Стихийно возникают новые демонстрации, направленные уже против посла Кокса и английского посольства. Угрожают вмешаться конкуренты-американцы. В результате, Кокс отправляет Шамардала в тюрьму, а сам вытаскивает из чемодана полковничий мундир, заслуженный им в свое время в Бенгалии, чтобы, подобно всем своим предшественникам, вступить в борьбу с американскими соперниками, с одной стороны, и местным населением — с другой.

Актуальность темы, ряд гротескных ситуаций, остроумный диалог, ироническая характеристика всех действующих лиц — членов семьи Кокса и работников посольства, отмечает еженедельник «Литерарни новины», делают комедию П. Карваша благодарным материалом для режиссера и актеров.

В ИНОСТРАННОМ ЛЕГИОНЕ

Чехословацкая печать сообщает о выходе на экран нового фильма «Черное зна-

мя», поставленного чешским режиссером В. Чехом с участием чехословацких, немецких, польских, французских и вьетнамских актеров.

Фильм рисует судьбу чешского юноши Вацлава Малого, который, эмигрировав из Чехословакии, был завербован в иностранный легион и попал с ним во Вьетнам. И до отъезда во Вьетнам жизнь в легионе не была для юноши легкой, но в далекой стране она стала для него адом. Жестокость и грубость собравшихся в легионе отбросов со всего мира, джунгли, в которых ежеминутно из-за каждого дерева грозит пуля неуловимых партизан, фашистская расправа легионеров с мирным населением страны потрясают юношу. Чтобы облегчить свою участь, Вацлав становится денщиком поручика Вольфа, которому спасает жизнь во время боя. Однако вскоре он узнает в нем того самого эсэсовца, который, будучи в Чехословакии, убил его отца и сестру. Юноша отказывается бежать с друзьями из легиона, пока не отомстит Вольфу, но гибнет при попытке расправиться с этим квалифицированным убийцей.

Фильм встретил высокую оценку чехословацкой печати.

ЭФИОПИЯ

ВЫСТАВКИ НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА

Эфиопский народ широко отметил день освобождения Эфиопии от ига фашистской Италии, подводя итоги семнадцати лет независимого развития.

Газета «Ятьопья дымц» сообщает об устроенных в связи с этим знаменательным днем выставках, знакомящих посетителей с многовековой древней культурой этой страны и ее настоящим.

В Аддис-Абебе открылась выставка эфиопской литературы, организованная министерством печати и информации. На выставке были представлены как древние книги, написанные от руки на бараньей коже, так и современная печатная продукция Эфиопии.

Большой интерес вызвала также выставка художественного творчества учащихся Эфиопии, на которой были представлены экспонаты из различных провинций этой многонациональной страны. Среди них были картины и скульптуры, изделия из рога, кости и серебра, художественная вышивка, резьба по дереву и много других интересных вещей, столь же разнообразных, сколь многообразна культура народов, населяющих Эфиопию.

ЯПОНИЯ

ОБЩЕСТВО ПО ИЗУЧЕНИЮ ПРОБЛЕМ РЕАЛИЗМА

На страницах журнала «Син Нихон бунгаку» («Новая японская литература») видные японские писатели и критики, как Нисино Синкити, Ким Даль Су, Сёдзи Симода и другие, выступили с предложением создать общество по изучению проблем реализма.

В предложении говорится, что изучение метода реализма несомненно будет содействовать росту творческой деятельности писателей.

Цель общества — изучение особенностей развития реализма в японской литературе, а также традиций японской пролетарской литературы. Общество должно рассматривать проблемы социалистического реализма в конкретной связи с японской действительностью и творчеством писателей.

Журнал сообщает, что уже многие писатели и критики разного направления откликнулись на это предложение.

ЗА УПРОЩЕНИЕ ЯПОНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

По инициативе ученых и общественных деятелей в Японии создано общество «Поговорим о политике в области языка».

Проект реформы китайской письменности нашел отклик среди японской общественности. Как сообщает газета «Иомиури», общество «Поговорим о политике в области языка» также выдвигает программу упрощения японской письменности — устранения иероглифов из печати.

Как известно, в IV—V веках японцы восприняли из Китая иероглифы, на основе которых несколько позднее они создали собственный алфавит, так называемый «кана». Однако в японской печати знаки «кана» смешались с иероглифами и очень затрудняют чтение. Поэтому устранение иероглифов находит горячую поддержку общественности.

Филолог профессор Кураиси Такэ Сиро на страницах «Иомиури» высказывается за смелое введение реформы японской письменности, предлагая не только устранить иероглифы из употребления, но и принять горизонтальное написание по образцу европейского. Иероглифы должны быть исключены из программы начальной и средней школы и оставлены лишь в программе высшей школы, как оставлен латинский язык в программах европейских высших учебных заведений.

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

Валлатхол, Нарайян Менон (1879—1958) — один из крупнейших индийских поэтов, классик литературы малайялам. Первое большое произведение поэта «Ритхувиласам» было написано в строгом соответствии с санскритскими канонами. Валлатхол перевел «Рамаяну» на язык малайялам. Самое значительное его произведение — эпическая поэма «Легкие ноги родины». Валлатхол — автор серии стихов о Ганди (наиболее известное из них — «Мой господин»).

Мухаммад Икбал (1873—1938) — виднейший индийский поэт и мыслитель, писал на языке урду. Его перу принадлежат сборник стихов «Колокольчик каравана», большая философская поэма «Секреты моего Я», сборник стихов «Дар Хиджаза». Стихотворение Икбала «Наша Индия» стало народной песней.

Назрул Ислам (род. в 1899 г.) — бенгальский поэт, литературной деятельностью занимался с 1919 года. Автор известной поэмы «Повстанец», а также революционных стихов и классических газелей.

Мохаммед Шахрияр (род. в 1906 г.) — иранский поэт, автор лирических и лирико-философских стихотворений. В 50-х годах в Иране вышло трехтомное издание его стихов.

С. Сетьярини — индонезийский поэт. Публикуемое стихотворение взято из газеты «Хариан ракьят» (орган компартии).

Ашмор Пирис (род. в 1903 г.) — цейлонский поэт. Печатаемые стихи взяты из присланного автором сборника стихов «Фантазии», вышедшего на английском языке в Кэнди (Цейлон).

Лилиньо Микайя (род. в 1930 г.) — мозамбикский поэт, автор поэмы «Шангана» (см. «Иностранную литературу», № 5 1958 г.). Публикуемое стихотворение прислано в рукописи.

Хэ Гу-янь — китайский писатель, автор романа «Песнь победы на 38-й параллели» (1956), посвященного борьбе против американской агрессии в Корее.

Печатаемый рассказ взят из сборника избранных рассказов писателей Китая за 1953—1955 годы.

Ма Фын (род. в 1921 г.) — китайский писатель, автор многих рассказов, переведенных на русский язык. В 1951 г. в СССР был издан роман «В горах Люйляна», написанный Ма Фыном в соавторстве с писателем Си Жуном.

Публикуемый рассказ взят из апрельского номера журнала «Жэньминь вэньсюэ» («Народная литература») за 1958 год.

Сюй Хуай-чжун (род. в 1929 г.) — китайский писатель, известный советскому читателю по роману «Мы сеем любовь» (см «Иностранную литературу», №№ 9—11, 1957 г.).

Печатаемый рассказ взят из апрельского номера журнала «Жэньминь вэньсюэ» за 1958 г.

Кришан Чандар (род. в 1912 г.) — индийский писатель (пишет на языке урду). Перу Кришана Чандара принадлежит более тридцати книг — романов, повестей, рассказов, драм и критических статей. Наиболее известен как мастер короткого рассказа.

Печатаемый рассказ взят из сборника «Ветка эвкалипта».

Яшпал (род. в 1903 г.) — индийский писатель, пишет на языке хинди. Первый сборник рассказов вышел в 1931 году. Яшпал является автором четырнадцати сборников рассказов, шести романов, пьес, многочисленных очерков и статей. Произведения его выдержали в Индии несколько изданий, многие переведены на другие индийские и некоторые европейские языки. Рассказ «Одна сигарета» опубликован в сборнике «Название картины» (1951).

Нарайян Гонгопадхайя (род. в 1918 г.) — бенгальский писатель. Известен как автор антиколониальной трилогии «Поселение», романа «Пришествие» (1954) и др.

Гурвел Сингх — пенджабский писатель. Первый сборник рассказов Г. Сингха «Прерванный сон» (1955) доставил ему широкую известность в Пенджабе. Выступает главным образом как сатирик. Рассказ «Зинат» взят из журнала «Притлари».

Тю Сон Вон (род. в 1909 г.) — корейский поэт и переводчик.

Выпустил книги стихов «Моя лютня» (1946), «Слово корейца» (1952), «Голос корейца» (1957). Переводчик на корейский язык стихов Пушкина и Лермонтова, а также произведений Маяковского, Макаренко, Фурманова и др.

Ким Сун Сек (род. в 1922 г.) — корейский поэт. Начал печататься в 1945 г. Автор сборников стихов «Героическая песня», «Лампочка Тбилиси», «Золотая земля».

Публикуемые стихи получены редакцией в рукописи.

Юсеф ас-Сибаи — египетский писатель, автор романов «Картина соответствовала оригиналу» (1951), «Земля лицемерия» (1956), «Водонос умер» (1956), пьесы «Общество — смертельный враг супружества» (1958), романов «Дорога возвращения» (1957), «Нация» (1958) и др.

Юсеф ас-Сибаи — генеральный секретарь Высшего Совета по делам литературы и искусства Объединенной Арабской Республики, генеральный секретарь Совета солидарности народов Азии и Африки.

Публикуемый рассказ взят из сборника «Избранные рассказы египетских писателей».

Таха Хусейн (род. в 1889 г.) — египетский писатель и крупный ученый-литературовед, председатель Общества литераторов. Автор художественных произведений: «Литератор», «Мученики земли», «С Абу-ль-Аля в его темнице», «Древо злосчастья», «Ключ куропатки», «Вести с родины». Автобиографическая повесть «Дни» была переведена на русский язык. Таха Хусейн — автор многочисленных статей и исследований по современной и классической литературе.

Публикуемый рассказ взят из сборника «Мученики земли» (1952).

Абд ар-Рахман аль-Хамиси (род. в 1920 г.) — египетский писатель, поэт и общественный деятель. Вышло в свет около десяти сборников его новелл, наиболее известны среди них: «Кровавая рубашка», «Мы не умрем», «Эта кровь не высохнет», «Огненные ветры».

Рассказы аль-Хамиси переводились на русский язык.

Хасиб аль-Каяли (род. в 1921 г.) — сирийский писатель и переводчик, автор сборников рассказов «С людьми», «Рассказы о городе» (1955), романа «Письма любви» (1956) и др.

Мухаммед Ибрагим Дакруб (род. в 1929 г.) — ливанский писатель. Автор сборника рассказов «Длинная улица» (1954).

Рассказы Дакруба переводились на русский язык.

Зу-ан-Нун Айюб—иракский писатель и переводчик. Его перу принадлежат повести «Доктор Ибрахим», «Трудящиеся», «Земля, рука и вода», а также очерки из жизни крестьян. Он перевел на арабский язык повесть М. Горького «Мать».

Нгуен Нгок (род. в 1932 г.) — вьетнамский писатель. Автор романа «Страна поднялась» (1955), а также рассказов и очерков.

Публикуемый рассказ взят из сборника «Весна белых цветов».

Дожоо Дорж (род. в 1930 г.) — монгольский поэт. В настоящее время является студентом сценарного факультета Государственного института кинематографии в Москве.

Орхан Ханчерлиоглу (род. в 1916 г.) — турецкий прозаик, член правления Союза писателей Турции. Автор романов «Мир тьмы» (1951), «Большие рыбы» (1952), «Игла», «Али» (1955), «Седьмой день» (1957).

Рассказ «Город без людей» взят из одноименного сборника (1953).

Амарасингам, Сарватханам Понниах (род. в 1915 г.) — цейлонский литератор и журналист, автор многих рассказов и одного романа.

Публикуемый рассказ прислан автором в рукописи.

Сёдзи Симода (род. в 1913 г.) — японский писатель. Литературной деятельностью занимается с 1948 г. Роман «Остров Окинава» — первое крупное произведение писателя.

Казим ас-Самави — иракский писатель, известен как автор произведений на антиколониальные темы. Неполный перевод его поэмы «Война и мир» опубликован у нас в сборнике «Поэты Азии» (1957).

Публикуемая статья получена редакцией в рукописи.

Нене Кхали (род. в 1930 г.) — африканский писатель, поэт, журналист. Занимается проблемами африканской культуры. Постоянный сотрудник и автор журнала «Презанс африкэн», выходящего в Париже.

Публикуемая статья получена редакцией в рукописи.

Дхусван Сейми (род. в 1930 г.) — непальский писатель. Впервые выступил с рассказами в 1949 г. За время творческой деятельности опубликовал романы, сборники рассказов, пьесы. В 1957 г. вышел в свет его роман «Привязанность». Дхусван Сейми был участником VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве.

Абулькасим Саадаллах — алжирский поэт, автор сборника стихов на арабском языке «Победа Алжиру», выступает со статьями и стихотворениями в арабской прессе. Публикуемая статья взята из журнала «Ар-Рисаля аль-Джадида» (№ 49, апрель 1958 г.).

Энцо Рава — итальянский журналист. Систематически сотрудничает в прогрессивной печати Италии.

Режи Бержерон (род. в 1923 г.) — французский писатель и журналист.

Адольф Гофмейстер (род. в 1902 г.) — чешский художник и литератор.

Рисунки Адольфа Гофмейстера неоднократно публиковались в «Иностранной литературе».

Вероника Порумбаку — молодая румынская поэтесса. Автор сборника «Мои друзья», «Мое поколение», поэмы «Дева вод».

Лауреат Государственной премии Румынской Народной Республики.

Сигне Хэйер (род. в 1896 г.) — шведская писательница и общественная деятельница. Первая книга Сигне Хэйер «Траванкор — благословенная земля» (1955) была посвящена Южной Индии. «На циновке в Японии» — вторая книга писательницы.

Главный редактор **А. Б. Чаковский.**

Редакционная коллегия:

И. И. Анисимов, М. Я. Аплетин, М. О. Ауэзов, Б. Г. Гафуров, С.А. Герасимов, С.А. Дангулов (зам. главного редактора), **Т. Л. Мотылева, Л. В. Никулин, Н. И. Родионов** (зам. главного редактора), **В. П. Терешкин, М. А. Шолохов, С. П. Щипачев.**

Адрес редакции: Москва, Пятницкая ул., д. 41.
Телефоны: В 3-51-47; В 1-15-08.

Художеств. редактор *М. М. Милославский.* Технический редактор *В. Л. Шачнев.*

А 07720 Сдано в производство 15/VII 1958 г. Подписано к печати 4/IX 1958 г.
Бумага 70×108 1/16=9,0 бум. л.+2 вкл. П. л. 24,66+2 вкл. Зак. 1326

Типография «Известий Советов депутатов трудящихся СССР» имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская пл., 5.